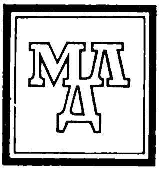
МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ДИАЛЕКТИКА КАК НАУЧНАЯ СИСТЕМА



МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКАЯ ДИАЛЕКТИКА

МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКАЯ ДИАЛЕКТИКА

В ВОСЬМИ КНИГАХ

Главный редактор серии академик
М. Б. Митин

Редакционная коллегия серии:
докт. филос. наук, проф.
М. Н. Алексеев,
докт. филос. наук, проф.
А. И. Арнольдов,
докт. филос. наук, проф.
В. В. Богатов,
докт. филос. наук, проф.
А. С. Богомолов,
канд. филос. наук
А. П. Кабаченко,
докт. филос. наук, проф.
А. М. Коршунов,
докт. филос. наук, проф.
А. Д. Косичев,
докт. филос. наук
А. С. Махов,
чл.-корр. АН СССР
С. Т. Мелюхин,
докт. филос. наук, проф.
В. С. Молодцов,
докт. филос. наук, проф.
З. М. Оруджев,
докт. филос. наук, проф.
Г. В. Платонов,
канд. филос. наук, доц.
В. М. Федоров,
докт. филос. наук, проф.
А. П. Шептулин,
докт. филос. наук
Р. Г. Яновский

КНИГА
1

МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ДИАЛЕКТИКА КАК НАУЧНАЯ СИСТЕМА

Под редакцией
проф. А. П. Шептулина

Издательство
Московского университета
1983

Материалистическая диалектика как научная система / Под ред. проф. А. П. Шептулина. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. — 296 с.

В книге материалистическая диалектика представлена в виде целостной системы законов и категорий. Рассматривая категории в качестве узловых пунктов развития общественного сознания, авторы раскрывают действительную взаимосвязь между ними.

Ценным и новым в данной книге является включение в систему и определение места в ней таких понятий, как «элемент» и «структура», «структура» и «функция», «система» и «элемент», «основа» и «обоснованное», «гармония». Авторы высказывают ряд новых положений применительно к категориям «вещь», «свойство», «отношение», «единичное» и «общее», «причина» и «следствие» и др. По-новому в работе дается классификация типов возможности.

Книга предназначена для научных работников, аспирантов, слушателей методологических семинаров, всех интересующихся актуальными проблемами диалектики.

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

Рецензенты:

докт. филос. наук, проф. *И. Д. Андреев,*
докт. филос. наук, проф. *А. М. Коршунов,*
докт. филос. наук, проф. *З. М. Оруджев.*

Редакционная коллегия тома:

докт. филос. наук, проф. *А. П. Шептулин* (отв. редактор),
докт. филос. наук, чл.-кор. АН БССР *Д. И. Широканов,*
докт. филос. наук, проф. *Й. Элез,*
канд. филос. наук *Г. Д. Левин.*

М $\frac{0302020100-169}{077(02)-83}$ по подписке

© Издательство Московского университета, 1983 г.

ВВЕДЕНИЕ

Теория материалистической диалектики и принципы ее разработки

Революционное обновление мира в современную эпоху, переход к принципиально новым материальным и духовным структурам происходят в острой борьбе сил нового с силами старого. Уже сама эта непрекращающаяся борьба противоположных сил свидетельствует о важности материалистической диалектики — научной теории развития и метода познания природы, общества и мышления.

Все в объективном мире подвержено изменению, находится в постоянном движении, развитии, подчиняется законам диалектики. Объективная диалектика находит свое адекватное выражение в диалектике субъективной, в частности в диалектическом мышлении, в самой науке диалектике.

Диалектика как наука, которая, по меткому определению В. И. Ленина, составляет душу марксизма, представляет собой стройную систему экономических, социально-политических и философских взглядов и является выдающимся завоеванием человечества, бесценным творением человеческого разума. Созданная К. Марксом и Ф. Энгельсом и развитая В. И. Лениным, она выступает незаменимым орудием познания и преобразования мира. Диалектический материализм, писал В. И. Ленин, «дал человечеству великие орудия познания, а рабочему классу — в особенности» [3, 23, 44] [1]. Это подтверждается всем ходом общественного и научно-технического прогресса, всемирно-историческими победами, одержанными Коммунистической партией Советского Союза, другими марксистско-ленинскими партиями, руководствующимися в своей деятельности теорией диалектики.

Высоко оценивая диалектические завоевания гегелевской философии, А. И. Герцен в свое время назвал диалектику «алгеброй революции». В еще большей степени «алгеброй революции» выступает материалистическая, марксистско-ленинская диалектика. В марксизме диалектику нельзя отделить от политики точно так же, как политику невозможно отделить от диалектики. Политика возглавляющих коммунистическое движение партий по своей внутренней сущности является диалектической, учитывающей быструю смену событий, расстановку сил в классовой борьбе. Опираясь на теорию диалектики и творчески ее разрабатывая, марксистско-ленинские партии определяют стратегию и тактику своей деятельности, намечают пути движения к коммунизму, успешно анализируют современные социальные процессы, предвидят ближайшее будущее, прогнозируют отдаленную перспективу. Диалектика — не только эффективный инструмент диагностики современной общественной жизни, она важнейшее средство прогностики, предсказания будущего.

---

[1] Здесь и далее первая цифра в скобках обозначает порядковый номер цитируемого произведения в списке литературы, вторая — страницу. В многотомных изданиях вторая цифра — номер тома, третья — страница.

КПСС уделяет большое внимание разработке и применению материалистической диалектики во всех сферах теоретической и практической деятельности. Усложняется, развивается вся общественная жизнь, вместе с ней должна развиваться диалектика как наука, теоретически разрабатывать которую призваны философы. В Отчетном докладе ЦК на XXVI съезде КПСС говорилось: «Если будет мир, творческая энергия народов, опираясь на достижения науки и техники, наверняка решит те проблемы, которые сейчас волнуют людей. Конечно, тогда перед нашими потомками возникнут новые, еще более высокие задачи. Что ж, такова диалектика прогресса, диалектика жизни» [5, 31].

В настоящем общем Введении мы сформулируем исходные положения нашего многотомного труда, посвященного теории материалистической диалектики, рассмотрим ее составные части, структуру, а также принципы и методы ее дальнейшей разработки. Необходимость в таком введении ко всему изданию вызвана не только сложностью и многоплановостью данного издания, но и не совсем однозначной трактовкой понятия теории материалистической диалектики и принципов ее разработки и дальнейшего творческого развития в советской философской литературе.

1. *Исходные понятия.* Общеизвестно, что термин «диалектика», взятый в единственно правильном для марксистской философии значении — как отражение всеобщих законов движения и развития объективной действительности (а не как диалог, к которому ошибочно сводят диалектику некоторые буржуазные авторы), употребляется в нашей литературе в трех основных смыслах. Часто под диалектикой имеется в виду совокупность объективных диалектических закономерностей, процессов, действующих в мире независимо от сознания человека. Это диалектика природы; диалектика общества и диалектика мышления, взятая как объективная сторона мыслительного процесса. Мы не оговорились, сказав «объективная диалектика мышления», поскольку таковая в мышлении действительно существует наряду с субъективной диалектикой. Например, тот факт, что мышление закономерно развивается через внутренние противоречия, характеризует объективную сторону диалектики мышления, не зависящую от воли и сознания людей. В данном случае термин «диалектика» употребляется в смысле «объективная диалектика».

Второй смысл, который связывается с термином «диалектика», — это субъективная диалектика, диалектическое мышление.

Субъективная диалектика представляет собой отражение объективной диалектики в сознании и потому относится к сфере субъективности. Следовательно, она субъективна лишь по своей форме, по способу существования, но объективна по источнику, по происхождению.

Наконец, термин «диалектика» употребляют в значении философского учения о диалектике, теории диалектики. Последняя также представляет собой субъективную диалектику, только уже второго уровня: является отражением отражения.

Три отмеченных значения термина «диалектика» необходимо четко различать, поскольку их смешение ведет к путанице. В названии нашего труда термин «диалектика» употребляется в третьем из рассмотренных значений, т. е. в смысле учения, теории.

Диалектика как философское учение может быть либо идеалистической, либо материалистической. Диалектика Гегеля, например, была идеалистической, поскольку в ней первичным признавался дух, идея, а не материя. Диалектика марксизма-ленинизма, напротив, является материалистической, так как в ней за первичное принимается материя. Настоящая серия трудов посвящена разработке материалистической диалектики, основоположниками которой были К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин, которая творчески развивается марксистами-ленинцами, следующими по ленинскому пути, КПСС и братскими коммунистическими партиями.

Наряду с термином «материалистическая диалектика» в советской философской литературе столь же широко употребляется термин «диалектический материализм». Некоторые авторы считают данные термины синонимами. Однако между этими понятиями нет полного совпадения. В том случае, когда мы имеем дело с понятием «материалистическая диалектика», центром рассмотрения является диалектика, освещаемая, конечно, с позиций материализма; когда мы рассматриваем «диалектический материализм», на передний план выдвигается материализм, представляемый с позиций диалектики. Материализм и диалектику также нельзя отождествлять, как нельзя отождествлять материю и движение; хотя последнее присуще именно материи, а материя всегда существует в движении, тем не менее материя и движение — не одно и то же.

Аналогичное различение делает В. И. Ленин в выражениях «диалектический *материализм*» и «*диалектический* материализм», соответственно «исторический *материализм*» и «*исторический* материализм». Он писал: «Маркс и Энгельс в своих сочинениях больше подчеркивали *диалектический* материализм, чем диалектический *материализм*, больше настаивали на *историческом* материализме, чем на историческом *материализме*» [3, 18, 350].

Следовательно, нет основания для полного, абсолютного отождествления понятий «материалистическая диалектика» и «диалектический материализм». Лишь в контексте противопоставления их метафизике или идеализму они выступают как одно и то же.

2. *Предмет и структура теории материалистической диалектики.* Материалистическая диалектика может существовать в двух формах: исторической и теоретической. История материалистической диалектики — это изображение в последовательно-хронологическом порядке развития взглядов на материалистическую диалектику, на ее проблемы, изложение решений этих проблем и т. д.[2]. Теория материалистической диалектики в систематической форме отражает современное состояние материалистической диалектики, отдельных ее частей, законов, категорий[3].

Данное издание посвящено не истории материалистической диалектики, а ее теории. Несмотря на то что почти в каждой книге и в каждой главе будут делаться исторические экскурсы, приводиться факты из истории материалистической диалектики, тем не менее его главной задачей является разработка теории материалистической диалектики.

Предметом теории материалистической диалектики являются всеобщие законы движения и развития, проявившиеся в материальном мире и в познании. Философской наукой ее делает то, что она изучает наиболее общие закономерности развития в плане отношения сознания к бытию. Эти закономерности охватывают абсолютно все процессы, происходящие в природе, обществе и мышлении. Если бы они не распространялись на какую-то из перечисленных областей, их нельзя было бы считать всеобщими. Скажем, специфические законы развития природы, изучаемые естественными науками, или законы развития общества как особой целостной системы не являются законами материалистической диалектики как философской науки. Точно так же «специфические» законы процесса познания не могут быть законами философии, если они не представляются как отражение соответствующих моментов объективной действительности.

Но общее раскрывается через отдельное, ибо оно существует лишь в отдельном. Вот почему материалистическая диалектика должна опираться на конкретные исследования природы, общества и мышления.

Некоторые авторы считают необходимым расчленение материалистической диалектики на три самостоятельные части: диалектику природы, диалектику общества и диалектику мышления. Соответственно они определяют структуру материалистической диалектики, обосновывая такое решение вопроса ссылкой на известное определение Ф. Энгельсом диалектики. С этим нельзя согласиться. Ведь у Энгельса речь идет о всеобщих законах, действующих во всех трех областях, а не в одной из них. Законом материалистической диалектики как философской науки может считаться только тот закон, который имеет всеобщий характер, действует везде: и в природе, и в обществе, и в мышлении. Поэтому, строго говоря, диалектика природы, диалектика общества и диалектика мышления, обособленные одна от другой, не являются философскими науками, поскольку, взятые отдельно, они теряют свою всеобщность. Только в единстве они могут стать философией.

---

[2] По истории диалектики изданы такие труды, как: История античной диалектики. М., 1972; История диалектики XIV—XVIII вв. М., 1974; История диалектики. Немецкая классическая диалектика. М., 1978; История марксистской диалектики от возникновения марксизма до ленинского этапа. М., 1971; История марксистской диалектики. Ленинский этап. М., 1973.

[3] Теория диалектики разрабатывается в работах: Федосеев П. Н., Фролов И. Т. и др. Материалистическая диалектика. М., 1980; Материалистическая диалектика как методология. Алма-Ата, 1981; и др.

Что касается структуры настоящего издания, то она соответствует его задаче систематически изложить материалистическую диалектику и показать формы конкретного применения ее законов в науках о природе, обществе, мышлении. Поэтому здесь сначала освещается система законов и категорий материалистической диалектики в общем виде, затем раскрывается, каким образом они действуют в конкретных, менее общих областях естествознания и обществознания, как применяются к природе и обществу. Таким образом, диалектика излагается от общего к частному, от абстрактного к конкретному.

Такой порядок изложения имеет свои преимущества: анализ конкретной диалектики природы и общества опирается на общие положения материалистической диалектики, изложенные в томах: «Материалистическая диалектика как научная система», «Диалектика процесса познания», «Диалектическая логика». Последовательность остальных томов серии определяется тем, что природа предшествует обществу, а неживая природа предваряет живую. Что касается последней книги — «Критика антимарксистских концепций диалектики», — то ее завершающая роль вполне понятна: нельзя критиковать ложные концепции, не опираясь на знание истинной, научной концепции. Различные буржуазные и ревизионистские взгляды на диалектику можно эффективно и аргументированно критиковать и анализировать лишь с позиций марксистской диалектики.

3. *Что значит разрабатывать материалистическую диалектику?* Материалистическая диалектика является творческой теорией, постоянно обогащающейся в своем развитии новыми положениями и выводами. Тезис о творческом характере материалистической диалектики, о необходимости ее постоянного обновления ни у кого из марксистов возражений не вызывает.

Часто справедливо говорят о том, что разрабатывать материалистическую диалектику необходимо путем «осмысливания новых явлений жизни». Но что значит «осмысливать» и какие «явления жизни»? С какой точки зрения, в каком аспекте «осмысливать» их? Под «осмысливанием» следует понимать раскрытие закономерностей исследуемого объекта. Каждая наука «осмысливает явления жизни» в своем специфическом аспекте. Философия изучает явления объективного мира в аспекте соотношения сознания и бытия. Материалистическая диалектика рассматривает процессы развития с точки зрения соотношения бытия и сознания, вскрывает в них общие, относящиеся и к бытию, и к сознанию закономерности.

Творчески разрабатывать теорию материалистической диалектики — значит открывать новые, конкретизировать уже известные законы и категории диалектики. Развитие теории диалектики предполагает обогащение ее содержания новыми положениями и выводами, новыми знаниями и методами их получения. Где нет нового научного результата, там нет и не может быть никакого развития науки. Новым может быть и методологическое применение диалектики в различных областях знания.

Образцом творческой разработки материалистической диалектики являются труды классиков марксизма-ленинизма. Особенно большое значение для дальнейшего творческого развития теории материалистической диалектики, ее законов, категорий имеют идеи, выдвинутые В. И. Лениным в «Философских тетрадях».

В. И. Ленин внес богатейший вклад в теорию материалистической диалектики, что дает полное основание говорить об особом, ленинском этапе ее развития. Авторы данного издания старались максимально использовать теоретическое наследие В. И. Ленина. Коммунистическая партия Советского Союза и другие братские партии творчески применяют материалистическую диалектику к анализу общественной жизни. Творческое применение диалектики как метода познания позволило выявить противоречивый характер современной эпохи (противоборство капитализма и социализма), обосновать необходимость борьбы за мирное сосуществование и разоружение против сил войны и реакции, определить закономерности развития международного коммунистического движения, сущность научно-технической революции и ее социальные последствия, сформулировать концепцию развитого социализма, выявить закономерности создания материально-технической базы коммунизма, пути развития социалистических производственных отношений и решить многие другие проблемы всемирно-исторического значения. Решения съездов коммунистических и рабочих партий — образец творческого применения материалистической диалектики к анализу современных социальных процессов.

Огромное практическое значение теории марксизма-ленинизма, в частности, материалистической диалектики, подчеркнул Ю. В. Андропов в своей статье «Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР». «Наш опыт показывает, — пишет он, — что успехи в социалистическом строительстве приходят тогда, когда политика правящей коммунистической партии опирается на прочную научную основу. Любая недооценка роли марксистско-ленинской науки, ее творческого развития, узкопрагматическое толкование ее задач, пренебрежение фундаментальными проблемами теории, засилье конъюнктурщины или схоластическое теоретизирование чреваты серьезными политическими и идеологическими последствиями» [6а, 21]. Специально о развитии материалистической диалектики в этой статье сказано следующее: «...Чтобы не отстать от жизни, коммунисты должны во всех направлениях двигать и обогащать учение Маркса, творчески применять на практике разработанный им метод материалистической диалектики, по праву называемой живой душой марксизма» [там же, 22].

Немалые достижения имеются у философов, специально работающих в области развития теории материалистической диалектики. Среди изданных за последние 20 лет серьезных трудов можно назвать следующие: Митин М. Б. Идеи Ленина и современность. М., 1981; Материалистическая диалектика. М., 1980; Материалистическая диалектика как общая теория развития. М., 1982; Материалистическая диалектика. М., 1981; Розенталь М. М. Принципы диалектической логики. М., 1960; Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. М., 1960; Диалектика—теория познания. Ленин об элементах диалектики. М., 1965; Шептулин А. П. Система категорий диалектики. М., 1967; Науменко Л. К. Монизм как принцип диалектической логики. Алма-Ата, 1968; Современные проблемы теории познания диалектического материализма. М., 1970; Солопов Е. Ф. Предмет и логика материалистической диалектики. Л., 1971; Оруджев З. М. Диалектика как система. М., 1973; Туленов Ж. Т. Система законов и категорий диалектики. Алма-Ата, 1974; Алексеев М. Н. Предмет и структура марксистской философии. М., 1973; и др. Немало сделано философами и представителями конкретных наук по применению материалистической диалектики в различных областях естествознания и обществознания.

Однако жизнь требует дальнейшего развития марксистско-ленинской диалектики, повышения уровня культуры научно-исследовательской работы. Прежде всего следует неукоснительно добиваться того, чтобы каждая философская работа, претендующая на название научно-исследовательской, действительно содержала новый элемент по сравнению с тем, что по данному вопросу уже написано.

Особо следует остановиться на таком существенном моменте культуры научного исследования, как доказательность, обоснованность положений, выдвигаемых в трудах по материалистической диалектике. Только доказанные истины включаются в состав науки и могут использоваться как руководство к действию. На доказательства опираются и убеждения, а без убеждений невозможны целенаправленные практические действия. Философия (в том числе материалистическая диалектика), поскольку она наука, при обосновании своих истин может и должна пользоваться всеми известными средствами доказательства: индукцией и дедукцией, аналогией, прямым и косвенным доказательством, фактами из истории познания, практикой. Может быть, только соотношение этих видов доказательства в философии иное, чем в других науках. Главным же орудием «доказательства» истин материалистической диалектики выступает их успешная применимость в других областях знания. Если рекомендации материалистической диалектики используются, эффективно «работают» в других науках, выполняют свою методологическую функцию, т. е. приводят к открытию новых знаний, значит, они истинны. Ложная рекомендация не может привести к истинному результату ни в конкретных науках, ни на практике. Здесь речь идет не о формальном доказательстве, а о доказательстве на практике — в практическом использовании диалектико-материалистических рекомендаций, законов и категорий.

Имея в виду высшую математику, Ф. Энгельс писал: «Простое доказывание отступает здесь решительно на второй план в сравнении с многообразным применением этого метода к новым областям исследования» [1, 20, 138]. То же можно сказать и о материалистической диалектике: эффективность, результативность ее методов и категорий, истинность последних проверяется, доказывается в процессе применения данных методов и категорий в научном познании, а также в практическом преобразовании действительности.

4. *Принципы разработки материалистической диалектики.* Выяснив необходимость творческой разработки материалистической диалектики, остановимся теперь на ее исходных принципах. В трудах К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина принципы разработки материалистической диалектики даны не в систематическом изложении, а в практическом применении к решению тех или иных вопросов. Поэтому данные принципы можно реконструировать, исходя из решения конкретных проблем в трудах классиков марксизма-ленинизма, где эти принципы применяются в совокупности, в органической взаимосвязи.

Важнейший принцип разработки материалистической диалектики — *принцип партийности,* который предполагает выявление основных философских направлений: материализма и идеализма, диалектики и метафизики. Согласно принципу партийности при постановке и решении той или иной проблемы материалистической диалектики надо занимать принципиальные философские позиции, выражающие в конечном счете интересы рабочего класса. Для марксиста-ленинца это значит быть одновременно материалистом и диалектиком. Раскрывая любой закон, любое понятие диалектики, материалист должен показать объективность их содержания, отражение ими соответствующих свойств и связей объективной действительности. Как марксист он обязан подчеркнуть решающую роль общественно-исторической практики в познании объективного мира. Для марксиста всякая попытка возвыситься над партиями в философии (материализмом и идеализмом, диалектикой и метафизикой) есть проявление трусливой «гнусной партии середины». Больше того, марксист-ленинец считает своим долгом давать аргументированную критику немарксистских течений и направлений, точек зрения и концепций. Он ведет наступательную и непримиримую борьбу против буржуазных и ревизионистских отступлений от материализма, от научности, против любой «антидиалектики». Ему нечего скрывать свою партийность, как это делают некоторые идеалисты, агностики, ибо его партийность созвучна истине, совпадает с нею, согласуется с требованиями прогресса.

Принцип партийности не исчерпывается признанием существования двух борющихся партий в философии. За любым философским положением всегда стоит в конечном счете классовый интерес. Поэтому, выявляя философское содержание той или иной концепции диалектики, марксисты указывают, интересы какого класса она объективно выражает.

Часто под видом диалектики ее враги пропагандируют софистику, субъективизм, подменяют диалектику эклектикой — механическим соединением различных, а порой и противоположных сторон предмета, аспектов его рассмотрения. Разумеется, это не имеет ничего общего с подлинной диалектикой.

Последовательно проведенный принцип партийности требует решительной и острой критики как ревизионизма, так и догматизма. Ревизионисты под флагом творческой разработки диалектики отказываются от самой ее сути. Догматики, наоборот, под предлогом сохранения сути диалектики фактически отрицают ее творческое развитие. В обоих случаях диалектика извращается, по существу отрицается.

Говоря о принципе партийности, уместно подчеркнуть, что в марксизме-ленинизме давно сложилась хорошая традиция творчески разрабатывать вопросы теории при одновременной критике ошибочных взглядов противников. Прекрасными примерами тому являются «Капитал» К. Маркса, «Анти-Дюринг» Ф. Энгельса, «Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Ленина. Критикуя противников, мы должны развивать свою собственную точку зрения, и, наоборот, развивая марксистские взгляды, нам следует подвергать критике немарксистские.

Не менее важен при разработке материалистической диалектики *принцип связи с практикой*. Как известно, материалистическая диалектика появилась на свет в результате запроса жизни, практики, о чем свидетельствует история марксизма. Ее теоретические положения должны служить практике, в противном случае материалистическая диалектика выродится в оторванную от жизни догму, в «схоластическое теоретизирование», на что справедливо указывалось на XXV и XXVI съездах КПСС. «Не преодолена еще, — отмечено в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду, — склонность к схоластическому теоретизированию, о чем говорилось и на XXV съезде. Философы частенько предпочитают доказывать доказанное вместо того, чтобы осмысливать новые явления жизни» [5, 78]. «Схоластическое теоретизирование» — это стремление развивать диалектику (и вообще науку) не путем исследования ее предметной области, объекта, а посредством выведения новых понятий из уже имеющихся, экспликации того, что имплицитно содержится в старом знании. Разумеется, анализ понятий в науке необходим. Однако не в этом генеральный путь приращения знаний, реализующийся лишь на базе изучения объекта науки, в нашем случае—объекта диалектики.

В объекте следует изучать в первую очередь то, что требует современная жизнь. Как отмечал К. Маркс, человечество (в отличие от некоторых индивидов) ставит перед собой только такие задачи, которые оно в состоянии разрешить, так как сами проблемы возникают лишь тогда, когда созревают материальные условия их разрешения. В своей речи на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС, говоря о задачах, стоящих перед обществоведами, Ю. В. Андропов подчеркнул: «Необходим решительный поворот к реальным, практическим задачам, которые ставит жизнь перед нашим обществом. Общественные науки в такой же мере, как и естественные, должны стать эффективным помощником партии и всего народа в решении этих задач» *.

Конечно, определить, какая проблема актуальна, а какая нет, бывает не всегда легко. Вряд ли правильно считать актуальным только то, что отвечает сиюминутной, данной, частной практике. Если придерживаться подобного взгляда, тогда окажется, что все фундаментальные проблемы материалистической диалектики надо рассматривать как неактуальные, а прикладные — как актуальные. В действительности актуальными являются фундаментальные, и прикладные проблемы материалистической диалектики.

Принцип обобщения данных конкретных наук. На деле материалистическая диалектика может развиваться лишь в результате обобщения данных конкретных наук, касающихся диалектических закономерностей изучаемых объектов и процесса познания последних. Связь теории материалистической диалектики с объективной действительностью не прямая, а опосредствованная — через конкретные науки. Отсюда необходимость ее союза с естествознанием.

В. И. Ленин придавал огромное значение союзу философии и естествознания. В статье «О значении воинствующего материализма» он писал, что «без солидного философского обоснования никакие естественные науки, никакой материализм не может выдержать борьбы против натиска буржуазных идей и восстановления буржуазного миросозерцания. Чтобы выдержать эту борьбу и провести ее до конца с полным успехом, естественник должен быть современным материалистом, сознательным сторонником того материализма, который представлен Марксом, то есть должен быть диалектическим материалистом» [3, 45, 29—30].

---

* Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС. 14—15 июня 1983 г. М., 1983, с. 6.

Говоря о необходимости союза философов и естественников, В. И. Ленин имеет в виду их обоюдную связь. Не только представители естествознания призваны использовать материалистическую диалектику в качестве мировоззрения и методологии, но и философы, в свою очередь, должны опираться на достижения естественных наук, философски обобщая последние и таким путем обогащая свою собственную науку. Лишь при условии такой обоюдной связи возможна реальная и ощутимая помощь философии конкретным наукам и этих последних — философии.

На практике плодотворный союз материалистической диалектики и конкретных наук иногда искажается. Порой вместо обобщения результатов конкретных наук в· материалистическую диалектику просто включают данные этих наук без их философского анализа. Тем самым философские понятия подменяются конкретно-научными (например, «конъюнкция противоположностей» вместо «единство противоположностей», «контрарная противоположность» или «дополнительность» вместо «диалектическое противоречие»). А усиление тенденции внесения в философию понятий частных наук создает опасность сползания на позиции позитивизма. Разумеется, нельзя допускать и другой крайности: подмены конкретно-научных понятий философскими. Это ведет к рецидивам натурфилософского мышления.

Принцип диалектико-материалистического монизма. Материалистическая диалектика представляет собой органическое единство материализма и диалектики. Нерасторжимое единство диалектики и материализма составляет монизм материалистической диалектики.

Объективной основой диалектико-материалистического монизма выступает существующая в природе (и в обществе) нераздельность материи и движения: нет материи без движения, как нет движения без материи.

Рассматриваемый принцип имеет прямое отношение к научной разработке проблем материалистической диалектики. В. И. Ленин указывал в «Философских тетрадях»: «...всеобщий принцип развития надо соединить, связать, совместить с всеобщим принципом *единства мира*, природы...» [3, 29, 229]. Признание развития — это диалектика, признание материального единства мира — материализм. Без материализма диалектика теряет свой рациональный характер и приобретает мистический вид. Невозможно раскрыть содержание той или иной категории диалектики, того или иного закона, не вставая на позиции материализма.

Принцип мировоззренческо-методологического монизма. Материалистическая диалектика выполняет мировоззренческую и методологическую функции. В качестве мировоззрения она предстает в виде системы знаний, понятий, категорий, определений, отражающих· наиболее общие отношения действительности. В роли методологии материалистическая диалектика выступает как всеобщий метод познания и преобразования действительности. Мировоззренческая функция первична, методологическая — вторична, зависит от первой. Методологическая функция производна от мировоззренческой: если нет мировоззрения, то невозможна и методология. Однако методологическая функция материалистической диалектики оказывает обратное влияние на мировоззренческую функцию, способствуя дальнейшей разработке теории диалектики, ее законов и категорий.

Указанная связь между методологией и мировоззрением требует от исследователя материалистической диалектики не только выявлять те или иные всеобщие свойства и связи, но и формулировать на их основе соответствующие требования, ориентирующие субъект познания в процессе познавательной и практически преобразующей деятельности. Какую бы категорию мы ни исследовали, какой бы закон ни раскрывали (форму и содержание, сущность и явление, отрицание отрицания и т. п.), мы должны иметь в виду не только объяснение того, что имеет место в действительности, но и то, какие из этого следуют выводы для познания и практики.

Конечно, в том или ином конкретном исследовании на первый план может выдвигаться то одна, то другая функция. Однако, рассматривая ту или иную проблему в плане одной функции, мы должны иметь в виду ее связь с другой, не забывать об этом.

Принцип единства диалектического и исторического материализма. В. И. Ленин в своей книге «Материализм и эмпириокритицизм» выделяет в марксистской философии две «части»: гносеологию и социологию, исторический материализм. Это видно из следующих его слов: «Все более тонкая фальсификация марксизма, все более тонкие подделки антиматериалистических учений под марксизм, — вот чем характеризуется современный ревизионизм и в политической экономии, и в вопросах тактики, и в философии вообще, как в гносеологии, так и в социологии» [3, 18, 351].

В советской философской литературе принято расчленять марксистскую философию на «диалектический материализм» и «исторический материализм». Материалистическая диалектика в равной мере относится как к диалектическому материализму, так и к историческому материализму. Ведь этот последний тоже является диалектико-материалистическим учением об обществе, которое развивается по законам материалистической диалектики.

В литературе по материалистической диалектике сложилось положение, могущее создать ошибочный взгляд, будто материалистическая диалектика как наука не входит в состав исторического материализма. Разработкой ее обычно занимаются представители диалектического материализма, специалисты же в области исторического материализма разработкой вопросов материалистической диалектики не заняты. Далее, некоторые философы разработку проблем диалектики осуществляют лишь на материале естествознания и совершенно игнорируют обществознание. Таким образом, базой для диалектики выступает лишь природа. Это, конечно, односторонний подход, и от него следует отмежеваться.

На самом деле общество (общественные науки, его изучающие) — не менее достойная база для разработки материалистической диалектики. Ведь в обществе, поскольку оно есть высшая ступень развития материи, происходят более сложные диалектические процессы, чем в природе. Кроме того, общество включает в себя предметно-практическую деятельность людей, эту подлинную основу возникновения и применения материалистической диалектики как науки. Без такой практики материалистическая диалектика вообще немыслима. Вот почему разработка материалистической диалектики должна осуществляться не только как обобщение естествознания (не исключая технических наук), но и как обобщение обществознания. Таким образом, материалистическая диалектика оказывается «естественно-исторической» диалектикой — обобщением как естественных, так и исторических наук.

Данный том подготовлен следующим авторским коллективом: академик М. Б. Митин осуществлял общее руководство, написал: Введение (в соавт.), § 2, 3 гл. X; докт. филос. наук, проф. А. П. Шептулин — гл. II, III, V, § 1 гл. VI, § 1 гл. X, § 1 гл. XI, гл. XVI (в соавт.), § 2 гл. XXII, § 3 гл. XXII (в соавт.), Заключение; докт. филос. наук, чл.-кор. АН БССР Д. И. Широканов — § 2 гл. XIII, § 3 гл. XIII (в соавт.); докт. филос. наук, проф. М. Н. Алексеев — Введение (в соавт.), § 3 гл. I (в соавт.), § 3 гл. VII; докт. филос. наук, проф. Й. Элез — гл. IV (в соавт.); канд. филос. наук Г. Д. Левин — § 2 гл. VI, гл. IX; докт. филос. наук А. А. Бутаков — § 1, 2 гл. VII; докт. филос. наук, проф. В. Н. Губенко — § 6 гл. V; докт. филос. наук, проф. К. И. Иванова — гл. XII; докт. филос. наук, проф. Н. В. Пилипенко — § 1 гл. XIII, § 3 гл. XIII (в соавт.); докт. филос. наук, проф. В. С. Тюхтин — § 2 гл. XI; докт. филос. наук, проф. Ю. А. Харин — гл. XXI; канд. филос. наук А. Н. Аверьянов — § 1 гл. XVI (в соавт.), § 1 гл. XVII, § 2 гл. XVII (в соавт.), § 2 гл. XVIII (в соавт.); канд. филос. наук Б. Г. Базалин — § 2 гл. XVII (в соавт.); канд. филос. наук А. Б. Билялов — гл. XX; канд. филос. наук И. И. Головин — гл. XIV; канд. филос. наук Е. О. Тер-Григорьян — гл. XV; канд. филос. наук Г. А. Давыдова — гл. XIX; канд. филос. наук Т. Б. Длугач — § 1 гл. XVIII, § 2 гл. XIII (в соавт.); канд. филос. наук Л. П. Довженко — § 1 гл. XXII, § 3 гл. XXII (в соавт.); канд. филос. наук В. И. Кураев — гл. I (в соавт.); канд. филос. наук Н. С. Смирнов — гл. VIII; канд. филос. наук М. Ш. Хасанов — § 2, 3 гл. XVI (в соавт.); канд. филос. наук Ле Хыу Танг — § 4 гл. XXII; А. Й. Элез — гл. IV (в соавт.).

Указатель имен и Предметный указатель составлены Р. И. Макаровой.

Техническая подготовка тома осуществлялась Л. Н. Ляховой, Л. В. Кривых, Р. И. Макаровой, Г. Ю. Городецкой.

Глава I. МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ДИАЛЕКТИКА КАК НАУКА О ВСЕОБЩИХ ЗАКОНАХ ДВИЖЕНИЯ И РАЗВИТИЯ

Материалистическая диалектика — наука о всеобщих законах движения и развития природы, общества и мышления, теория и метод познания явлений объективной действительности и сознания.

Материалистическая диалектика может успешно выполнять свои важнейшие функции, в частности мировоззренческую и методологическую, только в том случае, если она будет представлена в виде целостной системы, в которой каждый закон, каждая категория занимают строго определенное место и находятся в необходимой взаимосвязи со всеми другими законами и категориями. Всякое мировоззрение по своей природе целостно, и чтобы сформировать у советских людей научное, марксистско-ленинское мировоззрение, необходимо изложить его в виде целостной, логически-стройной системы, дающей единое понимание происходящих в мире явлений, определяющей место человека в мире. В противном случае в сознании людей с научными представлениями об объективной действительности будут уживаться ненаучные взгляды на решение отдельных вопросов. Чтобы диалектически мыслить, необходимо знать всю совокупность диалектических закономерностей, овладеть диалектикой как системой законов и категорий. Придавая целостность философскому знанию, системность в изложении законов и категорий диалектики способствует выработке последовательного научного мировоззрения у строителей коммунистического общества.

Представление диалектики в виде системы необходимым образом связанных между собой категорий обеспечивает и наиболее полное раскрытие содержания всеобщих свойств и связей действительности, всеобщих форм бытия, диалектических закономерностей, ибо содержание категорий диалектики, в которых отражены эти всеобщие свойства и связи, всеобщие законы движения и развития, раскрывается не только в рамках данной диалектической пары, но и в соотношении каждой категории с другой.

Все это свидетельствует об актуальности разработки и изложения теории диалектики в виде целостной научной системы.

§ 1. Единство диалектики и материализма

Научное понимание и дальнейшее развитие теории диалектики органически связаны с материалистическим решением основного вопроса философии.

Убедительным свидетельством того, что без материалистического решения основного вопроса философии, последовательного проведения линии материализма в понимании природной и социальной действительности невозможна научная диалектика, является гегелевское учение о всеобщей взаимосвязи и развитии действительности, сформулированное на идеалистической основе. Относя движение и развитие лишь к сфере разума, мирового духа, мыслящего, создающего понятия, познающего через их движение самого себя и порождающего в процессе этого движения природу и общество, Гегель допускал многочисленные натяжки, подводя реальные процессы под схему развития понятий. Непоследовательность идеалистической диалектики нашла свое выражение, в частности, в попытках Гегеля обосновать «конечный» характер развития, ограничить сферу действия принципа развития явлениями духовного порядка. Как идеалист, Гегель считал, что диалектика имеет силу только в царстве духа; природа, хотя и существует во времени, во времени не развивается, а лишь разнообразится в пространстве. Таким образом, в идеалистической трактовке диалектика извращается, мистифицируется, не может быть последовательной и научной.

В свою очередь, без диалектики, вне диалектики не может быть последовательного научного материализма. Домарксовский материализм не сумел до конца преодолеть идеализм именно в силу своей метафизичности, неспособности понять диалектическую природу материи, диалектически осмыслить социальные процессы.

Марксизм сплавил воедино материалистическое объяснение мира и диалектику. Маркс освободил последнюю от идеализма и мистики и создал материалистическую диалектику, не только отличную от гегелевской, но и прямо противоположную ей. Если у Гегеля мышление выступает творцом действительности, то Маркс исходит из реального развития природы и общества. Объективная диалектика (развитие природы и общества), по Марксу, определяет субъективную диалектику (движение понятий). Поэтому только в марксизме диалектика становится действительно научной теорией развития как внешнего мира, так и познания.

Синтез диалектики и материализма, осуществленный К. Марксом и Ф. Энгельсом, открыл новые горизонты как перед диалектикой, так и перед материализмом. Только на основе диалектической теории развития возможно последовательное проведение в жизнь принципа материального единства мира. Если домарксовский материализм рассматривал природу в основном как совокупность тел, то материализм диалектический видит в ней одновременно и сложную систему качественно различных, несводимых друг к другу вещей, явлений и процессов, отличающихся по степени сложности, организованности и в то же время взаимосвязанных. Понимание материального единства мира как диалектического единства многообразных форм движения включает в качестве своего существенного компонента представление о генетическом порождении одних форм другими, то есть представление о различных этапах развития материи. Это имеет принципиальное значение для создания универсального и последовательного материалистического мировоззрения на научной основе. Как известно, даже самые выдающиеся представители домарксовского материализма не сумели дать последовательного объяснения мыслительных и социальных явлений с позиций материалистического монизма. Диалектический материализм решает эту задачу, углубляя понимание материи как субстанции, порождающей новые качественные состояния, в том числе обусловливающей без обращения к какому-либо имматериальному началу возникновение из природной материи социального мира и сознания. В материалистической теории развития сознание рассматривается как продукт эволюции свойства, заложенного в самом фундаменте материи, свойства отражения, с необходимостью реализующегося на определенном этапе развития материального мира [см. 137; 158; 258].

Идея развития — центральная, основополагающая идея материалистической диалектики — сыграла, таким образом, важную роль в углублении научных представлений о сущности материи и материального единства мира. В то же время разработка учения о развитии на последовательно материалистической основе позволила диалектике четко определить предмет своего изучения, приобрести революционно-критическую форму и тем самым в полной мере выявить и продемонстрировать свои эвристические возможности в качестве всеобщего метода и преобразования мира. Таким образом, когда речь идет о взаимоотношении диалектики и материализма, то имеется в виду не простое одностороннее воздействие диалектики на материалистическое учение, а органическое взаимодействие двух исходных принципов подлинно научного, диалектико-материалистического мировоззрения, предполагающих и взаимоо̆плодотворяющих друг друга.

Если понимание материального единства мира невозможно вне диалектической теории развития, то и принцип развития, в свою очередь, не может быть проведен последовательно без органического соединения с принципом материальности мира и его единства. Все имевшие место попытки построения теории развития на идеалистической основе так или иначе заканчивались отказом от признания универсальности, всеобщности принципа развития. Единственно научной формой диалектики является материалистическая диалектика, в которой, по словам Ленина, «соединены, связаны, совместимы» всеобщий принцип развития с принципом материального единства мира.

Не менее важна и другая сторона взаимоотношения диалектического и материалистического объяснения мира, выраженная в знаменитом тезисе В. И. Ленина о совпадении в философии марксизма диалектики, логики и теории познания. В основе данного положения лежит принцип материалистического монизма, единства законов диалектики, охватывающих объективную действительность и познание, материальные и духовные явления. Оно направлено против разрыва бытия и сознания, между законами объективной действительности и законами логического мышления, между содержанием мышления и его формами. Вследствие этого разрыва возникает противопоставление онтологии (учения о бытии) гносеологии и логике (учению о познании), рассмотрение их как наук о самостоятельных и независимых друг от друга реальностях. Наиболее полное выражение этот разрыв, как известно, нашел в философии Канта, трактовавшего теорию познания как учение об априорных познавательных способностях субъекта. Теория познания диалектического материализма есть учение об отражении объективной действительности в понятиях и теориях социального субъекта познания. Особенности познавательного процесса, логику движения к новому знанию невозможно правильно понять без учета принципиальных характеристик самой действительности, без признания отражательного характера познавательной деятельности человека. Отказ от этого фундаментального положения марксистско-ленинской философии, ориентирующего на анализ процесса познания в единстве с исследованием объективной действительности, ведет к подмене диалектики идеализмом и метафизикой.

В свою очередь, научная теория познания должна базироваться на принципах диалектики. Познание является творческим отражением действительности, воспроизведением в сознании во взаимосвязи и движении идеальных образов, необходимых свойств и связей исследуемого объекта, его сущности. Это воспроизведение достигается благодаря тому, что функционирование и развитие мышления подчиняются тем же самым всеобщим законам, что и познаваемая действительность, — законам диалектики.

Таким образом, диалектический материализм, в отличие от домарксовского материализма, применил диалектику к процессу познания. Основной недостаток теории познания домарксовского материализма, указывал В. И. Ленин, состоит в «неумении применить диалектику... к Bildertheorie» [3, 29, 322], т. е. к теории отражения. Именно применение диалектики к теории познания позволило Ленину существенно обогатить содержание понятия «отражение», преодолеть метафизические и натуралистические трактовки познания как отражения и тем самым принципиально по-новому поставить и всесторонне разработать многие традиционные теоретико-познавательные проблемы, такие, как проблемы соотношения субъективного и объективного, абсолютного и относительного в процессах отражения действительности в формах человеческого мышления.

Таким образом, неразрывное единство диалектики и материализма — характерная черта материалистической диалектики как науки о наиболее общих законах развития бытия и познания.

§ 2. Мировоззренческая функция материалистической диалектики

Мировоззренческая функция материалистической диалектики состоит прежде всего в создании научной системы взглядов на мир на основе изучения через призму соотношения материи и сознания всеобщих законов действительности, посредством теоретической интерпретации конкретно-научного знания, включения его в общую систему знаний, убеждений и идеалов человека[1].

Натурфилософия на протяжении веков пыталась реализовать свою мировоззренческую функцию на путях умозрительного, основанного преимущественно на отвлеченных философских принципах рассмотрения природы в ее целостности. Натурфилософский способ решения этой задачи отражал, как известно, реальные особенности развития научного знания XVI—XVIII вв., и прежде всего относительную неразвитость специально-научного знания, его неспособность к широким теоретическим обобщениям. В рамках натурфилософии было выдвинуто немало плодотворных идей, глубоких догадок о диалектических взаимосвязях природных процессов, об их специфических закономерностях. Однако умозрительный, спекулятивный метод синтезирования наличного знания, при котором неизвестные реальные связи часто подменялись фантастическими, а недостающие факты — произвольными конструкциями, приходил в противоречие с требованиями науки. Развитие естественных наук в XIX в., особенно три великих открытия (клеточная теория, эволюционная теория Ч. Дарвина, открытие закона сохранения и превращения энергии), привели к тому, что метафизические претензии натурфилософии на открытие «предельных оснований» мироздания, нахождение его исходной «первосущности» чисто философскими средствами потеряли всякое основание.

Реакцией буржуазной философской мысли последнего столетия на факт исчерпания натурфилософией своих познавательных возможностей было появление и развитие различных школ и направлений позитивизма. Позитивизм трактует философию как разновидность специально-научного знания (логический анализ языка), полагает, что последнее само по себе, в изоляции от других форм общественного сознания способно обеспечить ориентацию человека в мире. Научность философского знания отстаивается позитивистами ценой отказа от мировоззренческой функции философии.

---

[1] Исследованию мировоззренческой функции философии посвящен ряд работ советских авторов [см.: 229; 228; 231; 232; 250; 235; 236; 65]. Вместе с тем следует подчеркнуть, что исследование мировоззренческой функции собственно материалистической диалектики, по существу, находится в начальной стадии. В частности, вопросы, связанные с анализом мировоззренческого значения диалектико-материалистической теории развития, еще не получили достаточного освещения в нашей литературе.

Отрицая как натурфилософское, так и позитивистское решение вопроса о соотношении философского и конкретного знания, материалистическая диалектика выявляет свой предмет, которым выступает всеобщее в действительности и познании. Постижение всеобщего в действительности и познании материалистическая диалектика осуществляет путем обобщения данных конкретных наук, вскрывая всеобщее в специфическом. Причем само это обобщение отнюдь не сводится к суммированию достижений частных наук. Оно оказывается результатом сложной исследовательской деятельности, в которой данные специально-научного познания осмысливаются, во-первых, с учетом всего наличного материала познания, во-вторых, под специфическим углом зрения.

Категории и законы материалистической диалектики, хотя и формулируются и разрабатываются на основе обобщения конкретно-научного знания, представляют собой итог всей общественно-исторической практики, освоения действительности, осуществляемого не только наукой, но и другими формами общественного сознания: искусством, нравственностью, а также непосредственным жизненным опытом человека. Категории диалектики воплощают в себе и философски осмысленные данные специально-научного знания, и социальный опыт, и ценностное отношение человека к миру, в котором выражаются жизненная позиция личности, ее потребности и интересы.

Включая специально-научные знания в общую систему знаний, убеждений и идеалов человека, материалистическая диалектика вырабатывает научное знание качественно иного типа по сравнению со специально-научным знанием. Особенность этого типа научного знания состоит прежде всего в его всеобщности, универсальности. Философские обобщения, выражаемые принципами, законами и категориями диалектики, представляют собой обобщения особого рода и с точки зрения их содержательных характеристик. Синтез совокупного опыта научного познания и социальной практики осуществляется в них под углом зрения отношения бытия и сознания, решения основного вопроса философии, диалектики субъекта и объекта.

Специфика мировоззренческой функции материалистической диалектики состоит в ориентации человеческой мысли на коренные проблемы человеческого отношения к миру. Система законов и категорий диалектики дает философско-материалистическое истолкование и развернутое решение коренных философско-мировоззренческих проблем и тем самым служит наиболее глубоким теоретическим основанием научного марксистско-ленинского мировоззрения.

Мировоззренческое содержание материалистической диалектики не сводится к беспристрастному фиксированию и интерпретации наиболее фундаментальных характеристик бытия и познания. Мировоззрение непосредственно или опосредованно задает совокупность определенных ценностных установок, которые воздействуют на поведение и образ жизни социальных классов, групп и отдельных людей. Представления и идеи, входящие в состав мировоззрения, будучи опосредованы личным опытом, становятся убеждениями индивида, активно участвуют в формировании его позиции по всем жизненно важным вопросам.

Коммунистическое мировоззрение основывается на марксистско-ленинском учении и ориентировано на достижение такого общественного устройства, которое кладет конец всякой эксплуатации и обеспечивает всестороннее и гармоническое развитие человека. Поэтому нельзя выявить и понять мировоззренческую функцию материалистической диалектики, отвлекаясь от ее социально-классового содержания и гуманистической проблематики.

Материалистическая диалектика — партийная наука; она выражает наиболее коренные, глубинные интересы самой передовой социальной силы современности — рабочего класса. Характерная черта диалектико-материалистического метода заключается в том, что объективное научное исследование доводится до определенных классовых, партийных выводов, ориентирующих людей в их практической деятельности. Научное объяснение мира материалистическая диалектика доводит до выводов о необходимости его революционного обновления, активного преобразования в направлении движения к коммунистическому идеалу. Диалектика — алгебра революции. Как подчеркивал К. Маркс, «в своем рациональном виде диалектика внушает буржуазии и ее доктринерам-идеологам лишь злобу и ужас, так как в позитивное понимание существующего она включает в то же время понимание его отрицания, его необходимой гибели, каждую осуществленную форму она рассматривает в движении, следовательно также и с ее преходящей стороны, она ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему критична и революционна» [1, 23, 22].

Мировоззренческая функция материалистической диалектики выражается, таким образом, прежде всего в нацеленности на преобразование социальных отношений в направлении социализма и коммунизма. Разумеется, коммунистический идеал общества и человека не дедуцируется из диалектики, а вырастает из осмысления реальных антагонистических противоречий буржуазного общества. В этом осмыслении участвует не только материалистическая диалектика, но и все остальные составные части марксистско-ленинской науки: научный коммунизм, политическая экономия.

Материалистическая диалектика является мировоззренческой и методологической основой формирования социального идеала. Будучи наиболее глубокой и содержательной всеобщей теорией развития, материалистическая диалектика обладает огромной социальной значимостью. Задавая позитивное отношение к процессам социального обновления, обосновывая закономерность и неодолимость поступательного развития, рассматривая его как последовательную смену и необходимую связь эволюционных и революционных этапов, она выступает интеллектуальным вдохновителем социальных преобразований.

Разрабатывая мировоззренческие основы практической борьбы прогрессивных общественных сил, теоретически обосновывая коммунистический идеал, коренные интересы рабочего класса как самой революционной силы современности, критически преодолевая все формы ненаучного и реакционного мировоззрения, материалистическая диалектика тем самым оказывается тесно связанной с основными социальными проблемами своего времени, с общественной практикой, с политикой коммунистических партий, оказывая позитивное воздействие на социальное развитие.

Марксистское мировоззрение не только научно-революционное, но и гуманистическое. Познание и деятельность в конечном счете имеют смысл лишь как средства для развития человека, решения человеческих проблем. Разрабатывая теоретические основы мировоззрения, материалистическая диалектика участвует в выработке идей и ценностей, ориентированных на создание такого общества, высшей целью которого является всестороннее развитие личности.

Изучая закономерности взаимосвязи материи и сознания, всеобщие свойства и связи действительности, всеобщие законы движения и развития, материалистическая диалектика выполняет мировоззренческую функцию. Но, как мы уже отметили, у нее имеется и методологическая функция.

§ 3. Методологическая функция материалистической диалектики

Философы-марксисты исходят из ленинской идеи о принципиальном единстве характеристик объективной действительности и человеческого познания. Это значит, что, исследуя объективную реальность, воспроизводимую наукой, т. е. анализируя содержание научных открытий, философия одновременно исследует и формы теоретического выражения данного содержания, методологию и логическую структуру исследования. Законы, категории и принципы материалистической диалектики по отношению к специально-научному знанию приобретают характер методологических предпосылок. На основе содержания законов и категорий диалектики и закономерностей функционирования и развития процесса познания формулируются соответствующие требования к мыслящему субъекту, ориентирующие его в познавательной деятельности, соответствующие нормы, правила, которые он должен соблюдать, осуществляя познание и практическое преобразование действительности.

Раскрытие методологической функции материалистической диалектики предполагает рассмотрение таких проблем, как соотношение материалистической диалектики с частными науками, место и роль материалистической диалектики в системе методологических средств современной науки и т. д.[2].

Во взаимодействии материалистической диалектики с частными науками одновременно присутствуют два диалектически взаимосвязанных, но разнонаправленных процесса: от частных наук — путем обобщения их выводов — к научному мировоззрению и от последнего — путем разработки методологии и теории познания — к частнонаучному знанию. Обобщение и осмысление исторического опыта развития всего комплекса частных наук о природе и обществе, их новейших достижений и выводов — жизненная почва и источник развития материалистической диалектики. Содержание категорий диалектики развивается в связи с прогрессом человеческого познания и практики. В свою очередь, развитие и совершенствование категориального аппарата диалектики активно воздействуют на развитие частных наук. Определяя общую познавательную ориентировку ученого, влияя на представления ученых о сущности науки, механизмах и движущих силах ее развития, предлагая обоснованные критерии рациональности и научности, законы и категории материалистической диалектики активно включаются в структуру научно-исследовательской деятельности, формируя логическую культуру мышления. Тем самым материалистическая диалектика вносит свой вклад в прирост нового знания. Например, в становлении таких новейших методологических средств междисциплинарного синтеза, как системный подход, кибернетика, семиотика, важную роль сыграла идея целостности, разработанная в рамках материалистической диалектики [см. 32; 230].

Но дело, разумеется, не в отдельных примерах, подтверждающих эвристическую ценность материалистической диалектики как методологии научного знания. Главное заключается в том, что без обращения к диалектико-материалистической теории развития невозможна разработка такой методологии науки, в центре внимания которой находился бы не только анализ готового, уже сформировавшегося знания, но и механизмы движения науки к новым результатам.

---

[2] Среди огромного числа работ, посвященных материалистической диалектике как методологии научного познания, назовем только некоторые, представляющие, на наш взгляд, наибольший интерес: Копнин П. В. Диалектика как логика и теория познания. М., 1973; Его же. Диалектика, логика, наука. М., 1973; Митин М. Б. Ленин и актуальные проблемы философии. М., 1971; Горский Д. П. Проблемы общей методологии науки и диалектической логики. М., 1966; Ильичев Л. Ф. Философия и научный прогресс. М., 1977; Швырев В. С. Теоретическое и эмпирическое в научном познании. М., 1978; Юдин Э. Г. Системный подход и принцип деятельности. М., 1978; Лекторский В. А. Философия и научный метод. — В кн.: Философия и наука. М., 1972; Его же. Философия, наука, «философия науки». — Вопросы философии, 1973, № 4; Лекторский В. А., Швырев В. С. Методологический анализ науки (типы и уровни). — В кн.: Философия, методология, наука. М, 1972.

Как известно, материалистическая диалектика, характеризуя процесс развития, различает две основные его формы: эволюционную и революционную. Эволюция — это постепенное, медленное изменение объектов. Революция — это резкое, скачкообразное изменение объекта, связанное с коренными преобразованиями его структуры и содержания. Между этими двумя формами развития существует сложная диалектическая связь. Эволюция подготавливает революцию, ведет к ней и завершается ею. В свою очередь, революции открывают собой начало нового, более высокого этапа медленных эволюционных накоплений. Таким образом, развитие представляет собой диалектическое единство прерывности и непрерывности, преемственности и новизны.

Эти положения диалектико-материалистической концепции развития задают наиболее общие рамки для описания развития научного познания. Действительно, в истории науки достаточно отчетливо выделяются фазы относительно медленного, постепенного накопления новых знаний, обогащающих уже существующие представления и как бы надстраивающихся на уже имеющемся фундаменте, и периоды крутой революционной ломки устоявшихся взглядов, традиций.

Особенно важно подчеркнуть, что эти общие диалектико-материалистические представления о природе и характере взаимосвязи революционных и эволюционных фаз развития были конкретизированы с учетом специфики науки. С этой целью в материалистической диалектике разработаны такие концептуальные средства, с помощью которых отражаются наиболее существенные стороны роста научного знания. В частности, они четко фиксируют тот факт, что переход от одной научной теории к другой носит значительно более сложный характер, чем простое отрицание старой теории новой — некоторые элементы старой теории пересматриваются или даже вообще исключаются из содержания более развитой теории, другие, напротив, передаются либо в форме прямого перенесения из старой теории в новую, либо в форме предельного перехода от одного этапа развития науки к другому, обеспечивая их сравнимость, сопоставимость.

Характеризуя методологическую функцию диалектики, важно учитывать, что в современной методологии науки существуют разные типы и уровни методологического анализа. Вопросы строения, развития и функционирования научного знания исследуются науковедением, современной формальной логикой, семиотикой, теорией информации, психологией научного мышления и т. д. В этих условиях уже недостаточно простого указания на то, что в системе современного научного знания материалистическая диалектика выполняет методологическую функцию [см., например, 104, 155—190] [3]. Необходимо раскрыть специфику методологической функции материалистической диалектики, соотношение материалистической диалектики в ее функции логики и теории познания с упомянутыми средствами методологического анализа науки.

---

[3] За последние годы вышел целый ряд серьезных советских исследований диалектики развития научного знания [см.: 21; 171; 127; 172; 62; 139; 209]. Вместе

Первый шаг на пути к этому — четкое разграничение общефилософской и частнонаучной методологии. Как подчеркивает Л. Ф. Ильичев, «разграничение общефилософской методологии, с одной стороны, и частной методологии — с другой, кажется нам обоснованным хотя бы уже потому, что таким путем будет предотвращено чрезмерное расширение проблематики философии за счет методологических проблем, относящихся к специальным областям исследования, и *только* к ним» [81, 113].

Материалистическая диалектика выполняет функцию общенаучной методологии, теоретической основы методологического анализа науки. Общенаучная методология есть не что иное, как применение принципов материалистической диалектики, ее законов и категорий к процессу познания вообще и к развитию научного знания в особенности.

Общая методология науки — это философская дисциплина, часть теории познания. Вопрос о специфике методологической функции материалистической диалектики — это в первую очередь вопрос о специфике философского подхода к изучению научного познания. Исследование закономерностей и форм научно-познавательной деятельности осуществляется в общей методологии науки под углом зрения отношения субъекта к объекту познавательной деятельности, отношения знания к действительности. Изучая природу и возможности научного познания, отношение научного знания к действительности, материалистическая диалектика ориентируется на поиск всеобщих оснований науки, условий истинности и достоверности научного знания, предпосылок и механизмов его формирования, тем самым объективно выступает в роли всеобщей методологии научного познания [см. 113; 110, 216—222].

Напротив, специально-научные методы и средства исследования выполняют функцию частных, вспомогательных методологических регуляторов движения познания к истине. При этом сама возможность использования того или иного методологического требования в исследовании познавательной деятельности человека, а также оценка полученных результатов опираются на определенные философские предпосылки, которые по существу своему являются общеметодологическими. Таким образом, общефилософская методология служит теоретической основой методологического анализа независимо от его типа и средств осуществления. Поэтому разработка любой частнонаучной, общенаучной, общефи-

---

с тем следует подчеркнуть, что детальный анализ указанной сложной проблематики, по существу, находится в начальной стадии. В частности, еще нет работ, в которых давалось бы целостное и систематическое изложение диалектико-материалистической теории роста научного знания.

лософской методологии не может не вести к анализу таких общих проблем, как природа знания, характер его отношения к реальности, природа истины и способы ее проверки и т. д., т. е. тех самых проблем, которые исследуются диалектикой как теорией познания.

Другой принципиальный вопрос, связанный с пониманием методологической функции материалистической диалектики, состоит в следующем: ограничивается ли методологическая роль диалектики только ее общефилософскими установками или имеются какие-то конкретные методологические и логические приемы, разработка которых является специальной задачей диалектики. По этому вопросу в советской литературе существуют различные точки зрения. Одни авторы считают, что при разработке логико-методологической функции диалектики можно ограничиться анализом всеобщих законов бытия [см. 79; 153; 205]. Другие полагают, что при разработке диалектики в ее методологической функции требуется изучение специфических особенностей и закономерностей познания, форм и методов мышления. Само по себе раскрытие всеобщих законов бытия отнюдь не обеспечивает разработку диалектики как логики, гносеологии и методологии науки, хотя и является необходимой и существенной предпосылкой для этого. В полной мере раскрыть методологическую функцию диалектики можно, лишь показав, что диалектика не только формулирует всеобщие законы природы, общества и мышления, но и выражает особенности познавательной деятельности, специфические законы развития и функционирования познания [см. 151; 59; 62] и на основе того и другого разрабатывает требования к субъекту познания, нормы, которые он должен соблюдать при осуществлении познавательной деятельности.

Подчеркнем еще один момент. Материалистическая диалектика рассматривает науку не только как отражение реальности, но и как социально детерминированный, исторический процесс, тесно взаимосвязанный со всеми другими типами и формами материально-практического и духовного освоения действительности. Поэтому и методология науки в ее марксистско-ленинском понимании не может замыкаться на внутринаучную проблематику. Смена «стилей мышления», влекущая за собой существенное изменение представлений о закономерностях формирования нового знания в науке, логика его роста могут быть поняты только с учетом социокультурных факторов развития науки, взаимосвязи науки с материальным производством и другими формами общественного сознания. Среди остро встающих здесь вопросов можно назвать проблему влияния научно-технического прогресса на человека, соотношения истины и ценности, моральной ответственности ученого, форм и способов связи науки с идеологией, с борьбой идей в философии и т. д.

Многие из этих проблем решаются средствами социологии, этики, науковедения и других дисциплин. Однако там, где затрагиваются широкие мировоззренческие проблемы (место научных знаний в материальной и духовной жизни общества, их воздействие на ценности, определяющие поведение человека, на судьбы и перспективы социального прогресса и т. д.), там необходимо привлечение категориального инструментария материалистической диалектики, всеобщей научной теории развития. Здесь материалистическая диалектика берет на себя функции методологически организующего центра связи и взаимовлияния различных дисциплин, играет важную роль в установлении и развитии тех контактов естествознания и технических наук, без которых немыслимо решение задачи овладения и сознательного управления научно-техническим прогрессом [см. 243; 232; 223].

Глава II. ИСХОДНЫЕ НАЧАЛА И ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ СИСТЕМЫ КАТЕГОРИЙ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ

Категории диалектики отражают всеобщие формы бытия, всеобщие свойства и связи действительности, являющиеся неотъемлемыми характеристиками материальных образований, — атрибутами материи. Всеобщие формы бытия не просто сосуществуют в материальных образованиях, а находятся в органической взаимосвязи и взаимозависимости, при соответствующих условиях переходят друг в друга. Поэтому философские категории должны быть не застывшими, неизменными, а гибкими, подвижными. В противном случае они не смогут отразить действительное положение вещей — объективную диалектику. «...Человеческие понятия, — подчеркивал В. И. Ленин, — не неподвижны, а вечно движутся, переходят друг в друга, переливают одно в другое, без этого они не отражают живой жизни. Анализ понятий, изучение их, «искусство оперировать с ними» (Энгельс) требует всегда изучения *движения* понятий, их связи, их взаимопереходов...» [3, 29, 226—227]. Идею «всемирной, всесторонней, **живой** связи всего со всем и отражения этой связи... в понятиях человека, которые должны быть также обтесаны, обломаны, гибки, подвижны, релятивны, взаимосвязаны, едины в противоположностях, дабы обнять мир», В. И. Ленин называл гениальной, отражающей суть диалектики [там же, 131], а противоречивую взаимосвязь и взаимопереходы понятий он считал основным содержанием диалектической логики [там же, 178].

Все это указывает на необходимость представления диалектики в виде системы категорий, в которой каждая категория занимала бы строго определенное место, находилась в органической, необходимой взаимосвязи с другими категориями. При этом исключительно важное значение имеет определение принципов построения системы философских категорий.

§ 1. Методологические принципы построения системы категорий материалистической диалектики

Гегель при построении системы категорий диалектики, а также К. Маркс при разработке системы экономических категорий, раскрывающих сущность капиталистической общественно-экономической формации, использовали метод восхождения от абстрактного к конкретному. Данный метод выражает суть диалектического метода познания, рассматривающего объект в его возникновении, становлении, развитии и воспроизводящего на этой основе в системе идеальных образов (понятий) необходимые отношения между сторонами, составляющими его сущность.

Принцип восхождения от абстрактного к конкретному предполагает выведение (объяснение) каждого нового момента в развитии познаваемого объекта и соответственно каждого нового звена (понятия) в системе из предшествующих ступеней становления и развития объекта. Но всеобщие формы бытия, всеобщие свойства и связи никогда не возникали. Они существуют вечно, присущи каждому материальному образованию на всех стадиях его существования (возникновения, становления и развития). Поэтому выводить одну всеобщую форму бытия из другой как возникающую в процессе развития материи невозможно. Не случайно предпринятые некоторыми авторами попытки представить всеобщие формы бытия возникающими в определенной последовательности у каждого формирующегося и развивающегося объекта не имели успеха.

Гегель решил эту проблему, представив категории в качестве моментов развивающейся абсолютной идеи, которая шаг за шагом развертывала, порождала в силу присущих ей противоречивых тенденций свое всеобщее содержание, прежде чем воплотиться в материальных вещах. Но такое решение не было действительным решением проблемы, поскольку оно игнорировало действительный процесс развития общественного познания, осуществляющийся на основе практики, и всецело исходило из саморазвития духа, оторванного от материи и существующего до нее. Построенная Гегелем система категорий, по существу, фантастична, искусственна, мистична, представляет собой «на 9/10 шелуху, сор» [3, 29, 138]. Поэтому гегелевскую систему категорий диалектики нельзя брать в том виде, как ее представил сам автор. Ее необходимо переосмыслить на материалистической, научной основе. По этому поводу В. И. Ленин, в частности, писал: «Логику Гегеля нельзя *применять* в данном ее виде... Из нее *надо выбрать* логические (гносеологические) оттенки, очистив от *Ideenmystik*» [там же, 238]. Если Гегелю не удалось решить проблемы взаимосвязи категорий путем восхождения от абстрактного к конкретному, если его способ применения этого метода является ненаучным, то как же применить принцип восхождения от абстрактного к конкретному при разработке системы категорий материалистической диалектики?

Всеобщие формы бытия нельзя представить возникающими в определенной последовательности. Но их можно рассмотреть в той последовательности, в которой они отражались, познавались человеком. В самом деле, всеобщие формы бытия «открылись» человеку не все сразу, а в определенной последовательности, каждая — на соответствующей стадии развития практики и познания. Фиксируя всеобщие свойства и связи, выявленные на той или иной стадии развития познания, категории отражают особенности этой стадии и являются своего рода ступеньками, опорными пунктами человеческого познания и практического овладения природой. «Перед человеком, — писал В. И. Ленин по данному поводу, — *сеть* явлений природы. Инстинктивный человек, дикарь, не выделяет себя из природы. Сознательный человек выделяет, категории суть ступеньки выделения, т. е. познания мира, узловые пункты в сети, помогающие познавать ее и овладевать ею» [там же, 85].

Положение о том, что категории являются ступеньками, или узловыми пунктами, процесса познания, использовалось В. И. Лениным при анализе категорий диалектики. Так, раскрывая содержание категории «закон», В. И. Ленин замечает: «...понятие *закона* есть **одна** из ступеней познания человеком *единства* и *связи*, взаимозависимости и цельности мирового процесса» [3, 29, 135]. По поводу категорий сущности и явления он указывает: «Суть здесь та, что и мир явлений и мир в себе суть *моменты* познания природы человеком, ступени, *изменения* или углубления (познания») [там же, 138]. Категория субстанции, пишет он в другом месте, есть «важная ступень в процессе развития *человеческого познания* природы и *материи*» [там же, 142]. Общее, отмечает В. И. Ленин, определяя место категории общего в историческом развитии познания, «есть *ступень* к познанию *конкретного*...» [там же, 252].

Когда мы говорим о том, что категории выступают в качестве ступенек, узловых пунктов развития познания, мы далеки от того, чтобы думать, что они возникают только одна за другой. В ходе развития познания категории появляются, как правило, не по одной, а группами, и, возникнув, они не остаются неизменными, а развиваются.

Решая вопрос о том, какая из группы категорий, сформировавшихся на соответствующей ступени познания, должна представлять данную ступень, нам прежде всего следует выяснить, какая из этих категорий в данном пункте исторического развития познания играет определяющую роль. Через нее, как через призму, рассматриваются все другие категории, анализируется вся философская, а часто и конкретно-научная проблематика. Одним словом, она (эта категория) на данной ступени развития общественного познания накладывает отпечаток на все другие категории, так или иначе влияет на решение всех философских проблем. Поскольку в этой категории наиболее концентрированно выражаются особенности данной ступени развития познания, ее и надо считать представляющей рассматриваемую ступень.

Если та или иная категория играет важную роль и является в известной мере определяющей на ряде ступеней развития познавательного процесса, ее необходимо связывать с той ступенью познания, на которой она наиболее полно развернула свое содержание, приобрела известную зрелость, классическую форму. Ф. Энгельс, раскрывая суть диалектического метода познания и вытекающее из него требование исправления исторического в соответствии с объективными законами развивающегося процесса, писал: «...этот метод в сущности является не чем иным, как тем же историческим методом, только освобожденным от исторической формы и от мешающих случайностей. С чего начинает история, с того же должен начинаться и ход мыслей, и его дальнейшее движение будет представлять собой не что иное, как отражение исторического процесса в абстрактной и теоретически последовательной форме; отражение исправленное, но исправленное соответственно законам, которые дает сам действительный исторический процесс, причем каждый момент может рассматриваться в той точке его развития, где процесс достигает полной зрелости, своей классической формы» [1, 13, 497].

Итак, рассматривая категории как ступени, узловые пункты развития познания, мы должны их поставить в такое соотношение, которое было бы необходимым, закономерным, соответствовало бы «действительному углублению нашего познания мира» [3, 29, 84]. В самом деле, возникновение всякой новой категории, ее формирование и превращение в определяющую на определенной ступени развития познания обусловлены прогрессом познания мира и выявлением новых всеобщих форм бытия, новых всеобщих свойств и связей, которые не укладываются в содержание существующих категорий и требуют для своего осмысления новых категорий. Появившись и достигнув известной зрелости, всякая новая категория вступает в определенные необходимые отношения со всеми существующими категориями и занимает свое особое место в общей системе категорий. И если мы расположим категории в той последовательности, в которой они выступают как ступени развития общественного познания, мы тем самым определим место, роль и значение каждой категории, их необходимые соотношения, взаимосвязь. Отсюда необходимость в диалектической обработке истории познания. Следует отметить, что именно в этом видел В. И. Ленин задачу дальнейшего развития рационально понятой Логики Гегеля и диалектики Маркса. «Продолжение дела Гегеля и Маркса, — писал он, — должно состоять в *диалектической* обработке истории человеческой мысли, науки и техники» [там же, 131], т. е. в обработке истории мысли «с точки зрения развития и применения общих понятий и категорий логики...» [там же, 159].

При обработке истории человеческого познания с точки зрения возникновения, развития и применения философских категорий мы выделяем необходимые тенденции, отвлекаемся от случайного, «исправляем» исторический процесс познания в соответствии с законами его функционирования и развития. При разработке системы категорий диалектики мы, таким образом, руководствуемся принципами единства исторического и логического и восхождения от абстрактного к конкретному. В самом деле, всякая новая категория в разрабатываемой таким образом системе будет более конкретной по отношению к предшествующим, поскольку она, выступая в качестве более высокой ступени развития познания, в свое содержание в снятом виде включает все предшествующие категории, осмысление всех предшествующих всеобщих форм бытия.

Представление взаимосвязи категорий на основе обобщения истории познания и практики, истории науки и техники позволяет достигнуть в разрабатываемой системе категорий требуемого классиками марксистской философии тождества диалектики, логики и теории познания. В самом деле, рассматривая категории как ступени познания, т. е. в той последовательности, в которой они появлялись на основе развития общественной практики и познания, можно воспроизвести в сознании, в определенной последовательности, не только всеобщие свойства и связи природы, общества и мышления, отраженные и зафиксированные в категориях, но и закономерности развития познания от его низших стадий или ступеней к высшим, а также связанные с этими ступенями логические формы и принципы мышления, т. е. логику, которая здесь действительно будет уже учением не «о внешних формах мышления, а о законах развития «всех материальных, природных и духовных вещей», т. е. развития всего конкретного содержания мира и познания его, т. е. итог, сумма, вывод *истории* познания мира» [3, 13, 84]. И тогда для обозначения логики, диалектики и теории познания материализма действительно не нужно будет «3-х слов», это будет, по существу, «одно и то же» [там же, 301].

Таким образом, исходными принципами построения системы категорий диалектики являются: восхождение от абстрактного к конкретному, единство исторического и логического и тождество диалектики, логики и теории познания.

Следует отметить, что ряд авторов (В. С. Лутай, Ж. Т. Туленов, Д. И. Широканов и др.) к исходным принципам разработки системы категорий диалектики, кроме указанных трех, относят и такие принципы, как принцип объективности, преемственности и поступательности в развитии, основные законы диалектики, рассмотрение объекта во всех его связях и отношениях и т. д.

Разумеется, все эти и другие принципы диалектической логики необходимо использовать при теоретическом осмыслении любого объекта исследования, а значит и при построении системы категорий диалектики. Но здесь речь идет не о том, следует или не следует применять диалектическую логику при разработке системы категорий диалектики (несомненно, применять ее нужно, ибо только она может обеспечить успешное решение проблемы), а о том, на какие принципы следует опираться, чтобы осуществить переход от одной категории к другой в рамках разрабатываемой системы, выявить необходимую связь между ними. В качестве таких принципов, на наш взгляд, и выступают рассмотренные три принципа.

§ 2. Исходные категории

Применение указанных методологических принципов обеспечивает выявление необходимой взаимосвязи и взаимозависимости категорий лишь в том случае, если мы правильно избрали исходные категории. Согласно диалектическому методу познания в качестве исходных должны выступать простейшие категории, отражающие такие стороны (отношения) исследуемого целого, которые определяют все другие его стороны, связи, обусловливают их возникновение или изменение, а вместе с тем и становление, функционирование и развитие объекта. Стороны (отношения), отражаемые в исходных категориях, должны быть исторически первыми по отношению к содержанию других категорий системы. Развиваясь, они должны не только обусловливать появление или изменение других сторон и связей целого, но и воспроизводить себя на новой, более богатой основе и тем самым обеспечивать не только становление и функционирование целого, но и его дальнейшее развитие, обогащение новыми связями.

Среди философских категорий исходными являются: «материя», «сознание», «практика», «познание», «противоречие». Категории «материя» и «сознание» на первой, начальной ступени философского осмысления действительности являются простейшими: категория материи здесь фиксирует лишь момент первичности по отношению к сознанию, свойство объективной реальности существовать вне и независимо от сознания; категория сознания фиксирует лишь то, что сознание вторично по отношению к материи и является ее отражением. Отношение между этими категориями является определяющим для всех других философских категорий, его понимание накладывает соответствующий отпечаток на решение всех философских проблем и на содержание всех других философских категорий. Развитие данного отношения обусловливает появление новых категорий, а вместе с этим и обогащение понятий «материя» и «сознание».

Показывая процесс возникновения отношения между материей и сознанием, мы вводим труд, на основе которого формируется сознание. С возникновением сознания на основе труда появляется идеальное отражение действительности. Закономерности функционирования и развития трудовой деятельности отражаются в категории «практика», закономерности отражения в сознании в идеальных образах объективной действительности — в категории «познание». Так, анализируя становление отношения между материей и сознанием, мы приходим к необходимости введения категорий «практика» и «познание».

Исследуя развитие познания на основе практики, мы устанавливаем, что оно функционирует в рамках: «живое созерцание — абстрактное мышление — практика как критерий истины». Повторяя много раз этот цикл, оно открывает все новые и новые свойства и связи объективной действительности, отражает и фиксирует их в формирующихся идеальных образах — понятиях. На определенной стадии своего развития познание начинает отражать в понятиях всеобщие свойства и связи. Эти понятия в процессе дальнейшего развития познания и практики приобретают статус философских категорий. Так, воспроизводя логику развития познания на основе практики, мы достигнем того пункта в его историческом развитии, где начинают появляться философские категории — ступени теоретического осмысления всеобщих форм бытия. Дальнейшее воспроизведение истории развития познания и практики позволит нам определить последовательность появления категорий и необходимую взаимосвязь между ними.

Но чтобы представить отношение между материей и сознанием, а также процесс познания, необходимо выявить источник движения и развития, раскрыть противоречия в указанном исходном отношении и в познавательном процессе. В роли противоречия, обеспечивающего развитие отношения между материей и сознанием, а также практикой и познанием, будут выступать противоречия между материальным и идеальным, объективным и субъективным, между способностью человека получать полное, абсолютное знание об окружающем мире и ограниченностью ее реализации на каждом конкретном этапе развития общества, между потребностью производства в новых знаниях об окружающей действительности и ограниченными возможностями в каждый данный момент их получения. Постоянное разрешение и возникновение на новой основе этих противоречий обусловливает непрерывное развитие практики и познания, а вместе с тем и развитие отношения между материей и сознанием.

Так, в ходе анализа категорий «материя» и «сознание» мы необходимым образом переходим к категориям «практика» и «познание» и на их основе раскрываем как первую, так и вторую стороны основного вопроса философии, показываем, что сознание вторично не только потому, что возникло на определенной ступени развития материи, но и потому, что его содержание является копией, снимком с определенных сторон, свойств и связей объективной реальности, что это содержание получается из внешнего мира в процессе познания, развертывающегося на основе практики. Продолжая анализ, мы установим, что, функционируя на основе практики, познание проникает все глубже и глубже в объективную действительность, раскрывает все более и более глубокие и общие свойства и связи и на определенной стадии своего развития выявляет, осознает и выражает в соответствующих понятиях всеобщие свойства и связи. Этот исторический пункт развития общественного познания на основе практики знаменует собой появление первых категорий.

Определив категории, отражающие начальную ступень развития познания и практики, мы должны раскрыть их содержание, выявить закономерности взаимосвязи отражаемых ими всеобщих форм бытия. В ходе этого анализа мы должны опираться на категорию «противоречие», на связанный с нею закон единства и борьбы противоположностей. Дальнейшие исследования, выявление каждого нового звена системы категорий будут проводиться с учетом закономерностей взаимосвязи материи и сознания, функционирования и развития процесса познания на основе практики и закона единства и борьбы противоположностей.

Некоторые авторы категорию «материя» выдвигают в качестве исходного начала, но рассматривают ее саму по себе, вне соотношения с категорией «сознание» [см. 226; 244]. Но сама по себе категория материи не может выступать в качестве исходного начала уже потому, что она является самым конкретным, самым богатым по содержанию понятием, включающим в себя в свернутом виде содержание всех категорий, отражающих всеобщие формы ее бытия, исходное же начало по своей сути просто, представляет собой какое-либо одно, правда, самое главное, определяющее отношение (свойство) исследуемого целого. В роли исходной она может выступать лишь в соотношении с категорией «сознание». В этом соотношении она действительно выступает в виде простейшего понятия, имеющего в качестве своего содержания одно-единственное свойство — быть объективной реальностью, существовать вне и независимо от сознания.

Итак, если мы возьмем в качестве исходных категории «материя» и «сознание», «практика» и «познание» и представим их в развитии, обусловливаемом противоречиями, борьбой противоположных тенденций, свойственных материи и сознанию, практике и познанию, мы сможем представить категории в их необходимой взаимосвязи и взаимозависимости и изложить диалектику в виде целостной системы, являющейся в одно и то же время и общей теорией развития объективной действительности, и теорией познания, и диалектической логикой.

Следует отметить, что в последнее время появилась тенденция выносить ряд категорий за рамки системы. Так, например, Д. И. Широканов выносит за пределы системы восемь категорий: «материя», «сознание», «движение», «пространство», «время», «практика», «цель», «истина» [см. 261]. В. Н. Сагатовский не включает в систему следующие категории: «бытие», «небытие», «изменение», «множество», «элемент», «вещь», «свойство», «отношение» и др. [см. 183].

Вынесение тех или иных категорий за рамки системы не оправдано. Оно свидетельствует о том, что автору не удалось найти действительного пути решения проблемы. Система категорий предполагает определение места каждой категории, установление ее необходимой связи с другими категориями. Она должна охватывать все имеющиеся категории и быть открытой, т. е. должна позволять вводить новые категории, формирующиеся в процессе дальнейшего развития общественного познания и практики. Через систему категорий отражается сущность исследуемого объекта, вся совокупность присущих ему необходимых свойств и связей, взятых в их естественной взаимозависимости. И если те или иные понятия не вошли в систему, то одно из двух: или они не отражают необходимых свойств и связей, являющихся моментами сущности, или если они отражают соответствующие необходимые свойства и связи, то система не отражает действительной сущности, представляет ее ущербно, искаженно. В нашем случае истинно второе, ибо никто не сомневается в том, что такие категории, как «материя», «сознание», «движение», «пространство», «время», «практика», «истина» (Д. И. Широканов) или «бытие», «небытие», «вещь», «свойство», «отношение» (В. Н. Сагатовский), отражают соответствующие необходимые свойства и связи объективной реальности. И если они не вошли в систему категорий, значит, данная система несовершенна, не раскрывает всего богатства всеобщих форм и связей действительности, всего богатства диалектических закономерностей.

§ 3. Соотношение категорий как ступеней развития познания

Рассмотрим в общих чертах последовательность осознания человеком всеобщих связей окружающей его действительности, движение познания от одной категории к другой.

Познание и исторически, и логически начинается с выделения объекта, отделения его от других объектов, составляющих реальную действительность. При этом субъект познания сразу же сталкивается с такими всеобщими формами бытия, как отдельное, отражаемое в сознании через понятие «вещь», и отношение, включающее в себя как необходимые стороны раздельность и связь.

Исторически этот начальный момент движения познания связан с осознанием человеком себя, своего относительно самостоятельного, отдельного от внешнего мира существования и своего отношения к миру, предполагающего и раздельность, и связь с миром через трудовую деятельность.

Уже здесь, на первой ступени функционирования познания, происходит раздвоение объекта на противоположности и установление связи, единства между ними. В самом деле, выделяя объект из множества явлений внешнего мира, человек фиксирует раздельность бытия. Осуществляя же воздействие на выделенный отдельный предмет (явление), он фиксирует связь между раздельно существующими предметами, в частности между собой и внешним миром, и связь между относительно самостоятельно существующими предметами внешнего мира, поскольку в воздействии на объект он использует другие предметы в качестве орудий труда.

Находясь в том или ином отношении, объекты проявляют соответствующие свойства, являющиеся полезными или вредными для человека, а также индифферентные, не имеющие какого-либо значения для существования и жизнедеятельности человека. Полезные и вредные свойства человек фиксирует, запоминает и соответственно учитывает в своих действиях. Разделение реальной действительности на отдельные вещи и их отношения снимается в понятии свойства, являющемся необходимым результатом нахождения в отношениях отдельно, относительно самостоятельно существующих вещей.

Поскольку свою связь с внешним миром и одних предметов (явлений) внешнего мира с другими человек осознает через воздействие, осуществляемое в процессе труда, он от осознания связи неизбежно переходит к осознанию изменения свойств, присущих вещи, которое необходимым образом наступает в результате осуществляемых в процессе труда воздействий. Это изменение предмета труда, непригодного в своем естественном состоянии для удовлетворения той или иной потребности человека, превращения его в жизненное благо, является целью трудовой деятельности. Поэтому данное изменение не только осознается человеком, но и является необходимым условием его целенаправленной деятельности.

Осознание изменений снимает противоречие между раздельностью и связью и осуществляет переход к понятию «движение», отражающему изменения, происходящие в вещи в результате воздействия на нее других вещей. В понятии «движение» происходит снятие понятий «раздельность» и «связь».

В ходе дальнейшего развития познания вещей понятие «движение», в свою очередь, раздваивается на противоположности: покой и движение, относительная устойчивость и изменчивость. Расчленение движения на устойчивость и изменчивость позволяет выделить прошлое состояние, предшествующее настоящему, и будущее, неизбежно следующее за настоящим. Такое различие было необходимо для успеха трудовой деятельности, предполагающей целенаправленное изменение окружающей действительности. Противоречие между изменением и устойчивостью, движением и покоем снимается в понятии «время».

Выделение отдельных предметов, их относительно самостоятельного, обособленного бытия и фиксация их отношения (раздельности и связи) с другими предметами приводят к осознанию внеположности бытия предметов и их местонахождения. Внеположность отдельных предметов и их соотношение друг с другом в плане местонахождения отражаются в понятии «пространство», которое является результатом снятия понятий «вещь» (отдельное) и «отношение».

Понятие пространства так или иначе связано с относительной устойчивостью материальных образований, их неизменностью, понятие времени — с их изменчивостью. Относительная устойчивость (покой) и изменчивость (движение) являются необходимыми сторонами каждого отдельного материального образования, каждой вещи. Вещь, таким образом, выступает как единство пространственных и временных характеристик, а также движения и покоя (изменчивости и устойчивости), раздельности (обособленности) и связи. Иными словами, вещь предстает как единство свойств и отношений.

Осмысление выделенного из массы вещей, составляющих объективную действительность, отдельного материального образования начинается с фиксации его как единичного. В самом деле, впервые заметив, что тот или иной предмет способен удовлетворять определенную потребность, человек запоминает его и рассматривает как единичное, ранее не встречавшееся. Впоследствии, по мере развития практической деятельности и познания, человек обнаруживает, что и другие предметы обладают способностью удовлетворять эту же самую потребность. На основе того что различные предметы обладают сходным свойством (способностью удовлетворять одну и ту же потребность), человек объединяет их в единую группу и дает им определенное название. Переходя от одного ко многому на практике и в познании, человек снимает множественность, раздваивает познаваемую действительность на противоположности и затем снимает это противоречие установлением единства, которое составляет содержание общего понятия, существующего наряду с единичными образами отдельных предметов (единичными представлениями, понятиями).

Осознавая отдельное (выделенный из множества предметов объект) как единичное, человек отражает его со стороны качества. На этой ступени развития познания количественные характеристики неразличимы, они необходимо включаются в качество, поскольку (как и качественные характеристики) указывают на то, что́ объект представляет собой. Количественные характеристики различимы лишь на основе выделения общего, тождественного в вещах. Поэтому переход на практике и в познании от единичного к общему сопровождается переходом от отражения вещи со стороны ее качества к отражению ее со стороны количества. Таким образом, выделение единства, установление тождества между многими вещами приводит к раздвоению вещи на новые противоположные стороны — качество и количество.

На первых порах выявленные у объекта качественные и количественные характеристики рассматриваются как самостоятельные, не связанные между собой. Но дальнейшее развитие познания и практики приводит к обнаружению связи между качественными и количественными характеристиками. Оказывается, что определенные изменения количественных характеристик обусловливают изменение соответствующих качественных характеристик, и наоборот — изменения тех или иных качественных характеристик вызывают изменение соответствующих количественных характеристик. Взаимозависимость качественных и количественных характеристик фиксируется в понятии «мера». Таким образом, в понятии «мера» снимается противоположность качества и количества.

Через категории «единичное» и «общее», «качество» и «количество» на данной ступени развития познания отражаются свойства и отношения, проявляющиеся во взаимодействии одной вещи с другими вещами, т. е. находящиеся на поверхности. Но человеку для развития практической деятельности нужно знание того, чем обусловлены те или иные представляющие для него интерес свойства и связи, т. е. знание причин, вызывающих их к жизни.

Первые шаги в познании причин человек делает через выявление взаимозависимости качественных и количественных характеристик. Но установление зависимости изменения той или иной качественной характеристики от изменения количественной, и наоборот, не решает полностью задачи, поскольку не объясняет, чем вызвано изменение количественной или качественной характеристики, обусловившее изменение качества (или количества). Стремление объяснить выявленные у вещи свойства и их изменения приводит к открытию причинной обусловленности, выявлению факторов, порождающих то или иное свойство и его изменение. Первоначально в качестве причины, обусловливающей возникновение или изменение того или иного свойства вещи, признается определенная вещь (или явление), воздействующая на другую вещь, а эта другая, в которой происходят изменения, рассматривается в качестве следствия. В ходе дальнейшего развития познания оказывается, что изменения в вещи, на которую воздействует другая вещь, зависят не только от особенностей последней, но и от природы первой. Больше того, обнаруживается, что вещь, на которую воздействует другая вещь, ведет себя не пассивно, а активно, сопротивляется этому воздействию, в определенной степени преодолевает его и воздействует на первую вещь, вызывая в ней соответствующие изменения. Все это свидетельствует о том, что вторая вещь имеет полное основание выступать не только в роли следствия по отношению к первой вещи, но и в роли причины по отношению к ней. Таким образом, выявляется ограниченность понимания причины как вещи, воздействующей на другую вещь и вызывающей в последней изменения. Истинной причиной является не воздействие одной вещи на другую, а взаимодействие вещей, вызывающее определенные изменения. Соответственно и в роли следствия выступают изменения не в одной, а во всех взаимодействующих между собой вещах.

Взаимодействия между материальными образованиями при соответствующих условиях приводят к образованию новой, относительно устойчивой, целостной системы. Свойства, присущие этой системе, будут выступать как следствия взаимодействия ее элементов. Причина свойств, присущих вещи, и их соответствующие изменения, таким образом, находятся в самой вещи, во взаимодействии соответствующих, образующих ее элементов.

Расчлененная на причину и следствие, познаваемая действительность, таким образом, через взаимодействие соединяется в единое целое, относительно устойчивую систему — вещь.

По мере выявления одной за другой причинно-следственных связей, касающихся одной и той же вещи, по мере объяснения одного за другим свойств вещи из соответствующих взаимодействий элементов, ее образующих, и ее как целостной системы с другими вещами возникает потребность объединить все эти причинно-следственные связи, все взаимодействия и вызываемые ими изменения в единое целое и отразить через единое понятие. В качестве такого понятия выступает категория содержания, которая, включая в себя элементы, образующие вещь, их взаимодействия и взаимодействия вещи как целого с другими вещами, а также возникающие в результате этих взаимодействий изменения, снимает понятие причины и следствия и в снятом виде включает их в себя.

Но, объединяя всю совокупность причин и следствий, свойственных вещи, всю совокупность элементов, образующих вещь, их взаимодействий и изменений в единое целое, человек осмысливает их не как механическую совокупность, а как систему определенным образом связанных элементов, как целое, имеющее определенную структуру. Отражение этой системы относительно устойчивых связей элементов осуществляется через категорию «форма». Форма является частью содержания, его наиболее устойчивой стороной, структурой.

Итак, понятие «содержание», снимая в себе категории причины и следствия как определенные противоположности, само, выявляя свою противоположность — форму, раздваивается. Через категории «содержание» и «форма» происходит осмысление новых противоположных сторон материального образования и закономерностей их взаимосвязи.

Как мы уже отметили, содержание материального образования составляют: 1) элементы, образующие вещь; 2) взаимодействие элементов; 3) изменения, возникающие в вещи в результате этих взаимодействий. Когда мы осмысливаем закономерности взаимосвязи содержания и формы, мы берем совокупность указанных трех факторов и соотносим ее с относительно устойчивой системой связей взаимодействующих элементов. Но в процессе дальнейшего развития познания возникает необходимость выявить закономерности отношения того или иного отдельного фактора, входящего в содержание, с относительно устойчивой системой связей. В частности, мы можем взять не три указанных фактора (элементы, взаимодействия, изменения), а один — элементы — и выявить закономерности взаимоотношения последних с относительно устойчивой системой связей. Для отражения данных закономерностей используются категории «элемент» и «структура», получившие в последнее время широкое распространение в целом ряде конкретных наук и в философии.

Кроме того, мы можем взять взаимодействия и вызываемые ими изменения, с одной стороны, и относительно устойчивую систему связей элементов, образующих целое,— с другой, и попытаться выявить их взаимосвязь. В данном случае мы будем иметь дело с категориями «структура» и «функция».

Категория «структура» в соотношении с категорией «функция» приобретает несколько иное содержание, чем то, которое выявляется при ее соотнесении с понятием «элемент». Теперь в структуру будет входить не только совокупность относительно устойчивых связей элементов, но и сами элементы, а структура будет выступать в качестве системы. В самом деле, характерными чертами системы являются: расчлененность на отдельные, относительно самостоятельные элементы, наличие необходимой взаимосвязи между ними и целостность (несводимость свойств целого к сумме свойств составляющих его элементов). Все это как раз характерно для понятия «структура», противоположного понятию «функция». Но категория системы соотносится со своим противоположным понятием — элементом. И в этом случае выявляется диалектика взаимосвязи элемента и системы, представляющей собой частный случай диалектики целого и части, когда в качестве целого выступает органическое целое.

Итак, на ступени развития познания, представленной категориями «содержание» и «форма», происходит дальнейшее движение познания вглубь и вширь, выявляются новые всеобщие противоположные стороны материального образования, обогащающие диалектику содержания и формы.

Мы проследили лишь одну ветвь развития познания, начиная от ступени, представленной категориями «причина» и «следствие». Но от причинности познание развивается и в направлении других категорий (необходимость, закон и т. д.).

Более глубокое осмысление причинно-следственной связи приводит к выявлению того обстоятельства, что при соответствующих условиях причина и следствие связаны необходимым образом, что, если есть причина, наступление следствия неизбежно. Первоначально необходимость осознается как характеристика причинно-следственной связи. Но в ходе дальнейшего развития познания необходимость отделяется от причинности и осмысливается как самостоятельная форма бытия, противопоставляемая не причинности, а случайности. Через категории «необходимое» и «случайное» познаваемая объективная реальность раздваивается на такие противоположные стороны, которые подготавливают почву для проникновения в сущность исследуемого объекта. Необходимое в снятом виде содержит все предшествующие категории: общее, мера, причинность, форма, структура, система и т. п.

Дальнейшее углубление познания необходимо приводит к выделению определенных устойчивых, общих, наиболее важных для функционирования и развития объекта отношений, которые отражаются в категории «закон».

По мере развития познания человек открывает все новые и новые необходимые свойства и связи, касающиеся одного и того же материального образования, одной и той же области действительности. По мере накопления знаний о необходимых свойствах и связях, законах функционирования и развития исследуемого целого возникает потребность представить все это знание в виде целостной системы, вывести из единых принципов. Совокупность необходимого в вещи, необходимых свойств и отношений, законов ее функционирования и развития, представленных в их органической взаимосвязи и взаимозависимости, составляет сущность вещи, а проявление этих необходимых свойств и связей на поверхности в процессе взаимодействия вещи с другими вещами составляет явление.

Воспроизведение сущности в сознании возможно лишь в форме теории, в виде системы идеальных образов, понятий. Построение такой системы предполагает выявление таких необходимых сторон (отношений) исследуемого целого, которые являются простейшими и определяющими в этом целом. Эти стороны (отношения) отражаются в категории «основа», а все другие необходимые стороны и связи, которые формируются под непосредственным воздействием основы и потому выводятся, объясняются из нее, отражаются в категории «обоснованное». Выведение обоснованного из основы предполагает рассмотрение последней в движении, изменении и развитии, что требует раскрытия в основе противоположных сторон, тенденций, обусловливающих изменение основы, переход ее из одного качественного состояния в другое и соответствующие изменения всех других необходимых сторон и связей исследуемого целого. Поскольку формирование целого происходит под непосредственным воздействием основы, ее изменения и развития, постольку, прослеживая эти изменения, мы можем объяснить все другие необходимые стороны и связи и представить сущность исследуемого объекта как результат предшествующего развития.

Воспроизведением в системе идеальных образов сущности исследуемого целого не завершается процесс познания. По мере открытия новых необходимых свойств и связей, касающихся исследуемого целого, которые не учитывались при построении системы понятий, отражающих сущность объекта, возникает потребность в уточнении этой системы, включении в нее новых, не принимавшихся ранее в расчет свойств и связей. В результате всего этого осуществляется переход от сущности первого порядка к сущности второго порядка и т. д. без конца.

Итак, познание начинается с выделения отдельного — вещи, переходит к установлению отношений ее с другими вещами, выявлению присущих ей свойств и их изменения — движения. Выделенное отдельное материальное образование сначала осознается как единичное, затем как общее и всеобщее, и параллельно познание идет от уяснения его качества к количеству. От фиксации сосуществования качественных и количественных характеристик познание переходит к отражению их взаимосвязи и затем к каузальности, от выявления внешних причин к внутренним, затем — к содержанию и форме, структуре и элементу, структуре и функции, системе и элементу и параллельно — к необходимому, закону и сущности как совокупности необходимых свойств и отношений (законов), взятых в их естественной взаимосвязи и взаимозависимости; от воспроизведения в системе идеальных образов сущности первого порядка оно направляется к отражению сущности второго, третьего порядка и т. д.

Данная схема развития познания от одной категории к другой в основном соответствует тем наметкам, которые сделал В. И. Ленин в «Философских тетрадях» при конспектировании Логики Гегеля [см. 3, 29, 120, 187, 203, 298, 301].

Развернутая в этой главе схема развития категорий диалектики и их взаимосвязи представляет собой попытку в максимальной степени использовать идеи В. И. Ленина, касающиеся изложения диалектики. Мы не рассматриваем данную схему как «истину в последней инстанции», наоборот, считаем, что по мере дальнейшей разработки проблем теории материалистической диалектики она будет совершенствоваться, углубляться, дополняться на основе достижений естественных, технических и общественных наук, практики строительства коммунистического общества.

Глава III. МАТЕРИЯ И СОЗНАНИЕ

Как уже отмечалось, философский анализ всеобщих форм бытия предполагает соотнесение того, что есть в объективной действительности, с тем, как это выступает в сознании, как выражается, в каких формах и какими методами воспроизводится. Другими словами, исследование взаимосвязи категорий, отражающих всеобщие формы бытия, всеобщие стороны и закономерности развития материи и познания, предполагает решение основного вопроса философии и должно начинаться с анализа понятий «материя» и «сознание», отраженного в них противоречия между объективным и субъективным, материальным и идеальным. Учитывая, что эти категории обстоятельно рассматриваются во втором томе настоящего труда, мы здесь на них остановимся лишь для того, чтобы показать, что они являются исходными в системе категорий диалектики.

§ 1. Материя как объективная реальность и субстанция бытия

Содержание категории «материя» выявляется в отношении к категории «сознание». В данном соотношении материя выступает как первичное, обусловливающее, порождающее сознание, а сознание — как вторичное, порожденное материей, отражающее ее. На этой начальной ступени построения философской теории в содержании категории материи фиксируется лишь один момент — быть объективной реальностью, существовать вне и независимо от сознания. Это позволяет материалистически решить основной вопрос философии и определить направление дальнейшего философского исследования. Давая определение понятия материи как философской категории для обозначения объективной реальности, существующей вне и независимо от человеческого сознания и отражаемой им, В. И. Ленин имел в виду именно материалистическое решение основного вопроса, противопоставление материализма идеализму. «...Природа бесконечна, — подчеркивал он, — но она бесконечно *существует*, и вот это-то единственно категорическое, единственно безусловное признание ее *существования* вне сознания и ощущения человека и отличает диалектический материализм от релятивистского агностицизма и идеализма» [3, 18, 277—278].

В марксистско-ленинской философии категория материи является самым конкретным, самым богатым по своему содержанию понятием. Она включает в себя все всеобщие свойства и связи материальных образований, все всеобщие формы бытия, являющиеся атрибутами материи. Но если это так, то почему же в ленинском определении материи указывается лишь одно свойство — быть объективной реальностью?

Отсутствие в нашей философской литературе ответа на этот вопрос дает повод для всевозможных спекуляций буржуазных философов и ревизионистов, усматривающих в этом противоречивость марксистского учения о материи и ошибочность ленинского определения. Например, Ж.-П. Сартр в своей работе «Материализм и революция» писал: «...наши материалисты недобросовестно сконструировали скользкое и противоречивое понятие материи. То это самая бедная абстракция, то конкретная, самая богатая целостность в зависимости от их потребностей» [296, 162].

Подобные доводы, выдвигаемые буржуазными идеологами против ленинского определения материи, не являются обоснованными. Определение не может раскрыть всего богатства содержания определяемого понятия. Его задача — выделить из всего многообразия свойств главное, позволяющее отличить определяемый объект от всех других объектов. Применительно к материи таким как раз и является свойство «быть объективной реальностью, существовать вне и независимо от сознания».

Под объективной реальностью здесь следует понимать не просто способность существовать вне и независимо от сознания, как это думают некоторые авторы [см. 284, 307]. Такой способностью обладают все свойства и связи материальных образований. И не случайно поэтому указанные авторы вынуждены объявить материей движение, энергию, пространство, время и другие свойства и отношения, существующие вне и независимо от сознания. Под объективной реальностью следует понимать мир в целом, всю совокупность составляющих его материальных образований. «...Материя, — как справедливо отмечает Е. Ф. Солопов, — не есть всякое отдельно взятое ее проявление, она не есть также объективная реальность в каком-либо одном избранном ее проявлении, материя есть вся объективная реальность как единая система всех лишь относительно отдельных ее проявлений» [204, 139].

Понятие «материя» обозначает объективную реальность, и в его содержание неизбежно должны входить присущие этой реальности всеобщие формы бытия, всеобщие свойства и связи: пространство, время, движение, противоречивость, причинная обусловленность, закономерность, структурность, системность и т. д. Но все эти характеристики раскрываются не в определении материи, а в целостной философской теории, в марксистско-ленинском учении о материи. Каждая философская категория, отражая ту или иную всеобщую форму бытия, раскрывает соответствующий момент содержания понятия материи, а все вместе они дают более или менее полную характеристику материи, ее атрибутов — субстанциональных свойств.

Итак, на начальных стадиях философского анализа, когда решается основной вопрос философии, категория материи выступает в качестве абстрактного понятия, которое обозначает лишь объективную реальность как целое, противопоставляемую субъективной реальности — сознанию. Последующий анализ категорий раскрывает новые моменты понятия «материя», делая его все более содержательным.

Материя не есть застывшая, неподвижная, всегда тождественная себе реальность, а находится в постоянном движении, изменении. Движущаяся материя, однако, не лишена устойчивости, состояния покоя. Правда, если движение абсолютно, то покой относителен, временен, возникает при определенных условиях и исчезает. Обосновывая данное положение, Ф. Энгельс писал: «*Движение есть способ существования материи*, следовательно, нечто большее, чем просто ее свойство. Не существует и никогда не могло существовать материи без движения... Всякое равновесие либо является лишь относительным покоем, либо само представляет собой движение в равновесии, каким, например, является движение планет. Абсолютный покой мыслим лишь там, где нет материи» [1, 20, 631—632].

Благодаря тому что материи присущи такие взаимосвязанные между собой противоположные тенденции, как изменение и устойчивость — абсолютное движение и относительный покой, она существует не в виде застывшей неподвижной однообразной массы и не в виде сплошного непрерывного потока, в котором теряется всякая определенность, а в расчлененном на отдельные относительно устойчивые системы движения. «Возможность относительного покоя тел, возможность временных состояний равновесия является, — подчеркивал Энгельс, — существенным условием дифференциации материи и тем самым существенным условием жизни» [там же, 561]. Абсолютное движение обусловливает постоянные изменения, относительный покой вводит эти изменения в определенные рамки, в результате возникает относительно устойчивая система движения, на основе которой формируется определенное материальное образование, качественно определенная вещь.

Противоречие между абсолютным движением и относительным покоем, разрешаясь, обусловливает постоянный переход от одних материальных образований к другим, от одних относительно устойчивых систем движения к другим. Всякая относительно устойчивая система движения, представляющая то или иное материальное образование, не исчерпывает всех характерных для него изменений. В рамках «движения в равновесии» происходит множество других изменений, сама равновесная система оказывается неизбежно включенной в другие движения и т. д. До определенного момента все эти изменения не нарушают равновесия частей, образующих данную относительно устойчивую систему движения, и она продолжает существовать как качественно определенная вещь. Но, накапливаясь, изменения нарушают равновесие системы, делают невозможным ее дальнейшее существование, система преобразуется, исчезает, на ее основе возникают другие относительно устойчивые системы движения, которые на определенной ступени своего существования тоже разрушаются абсолютным движением, давая начало возникновению новых относительно устойчивых систем движения, и так далее без конца. Материя вечно переходит из одних устойчивых состояний в другие. Одни материальные образования уничтожаются, другие возникают. Вне этих постоянно возникающих и исчезающих относительно устойчивых систем движения, материальных образований материя не существует. В каждый данный момент она целиком, без остатка является совокупностью взаимосвязанных, переходящих друг в друга и в новые образования целостных, относительно самостоятельных, устойчивых систем — отдельных вещей. Отдельное, таким образом, является всеобщей формой бытия материи. Материя реально существует только через отдельные качественно определенные вещи.

Если по отношению к сознанию материя выступает как объективная реальность в целом, как совокупность всех материальных образований, то по отношению к отдельным вещам, их свойствам и отношениям она выступает как субстанция, основа всякого бытия, обусловливающая появление, существование, функционирование и развитие каждой отдельной вещи и проявляющаяся в многообразии присущих ей свойств и отношений. Все наблюдаемые в мире явления представляют собой различные проявления единой материальной природы. В этом отношении и сознание, будучи свойством определенных материальных образований, относительно устойчивых систем движения, не противостоит другим свойствам материи, а встает с ними в один ряд, выступает как однопорядковое с ними явление. Оно, как и другие свойства материальных образований, относительно устойчивых систем движения, имеет конечную причину своего существования в материи, в той или иной ее организации, функционировании и развитии определенных материальных систем.

Говоря о материи как субстанции, надо иметь в виду, что она в этой своей функции выступает не просто как объективная реальность, а как всеобщее в этой объективной реальности, как то, что сохраняется при всех изменениях материальных образований, переходах их из одного качественного состояния в другое, превращениях одних вещей в другие, что составляет внутреннюю природу бытия. Сущность материи как субстанции составляют всеобщие свойства и связи материальных образований, всеобщие условия и формы бытия, всеобщие диалектические закономерности. Материю как субстанцию чувственно воспринять нельзя. В непосредственном восприятии человек имеет дело с ее проявлениями, конкретными свойствами и связями, где нераздельно слиты единичное и общее, случайное и необходимое, закон и его проявление. Субстанция же составляет внутреннее, необходимое, всеобщее, самую глубокую сущность бытия, которая едина у всех материальных образований, благодаря чему они органически связаны между собой, переходят друг в друга и в своей совокупности образуют целостную систему [см. 204, 101—126]. Таким образом, материя как субстанция чувственно-конкретно не существует. «Материя как таковая, — писал по данному поводу Ф. Энгельс, — это — чистое создание мысли и абстракция. Мы отвлекаемся от качественных различий вещей, когда объединяем их, как телесно существующие, под понятием материи. Материя как таковая, в отличие от определенных, существующих материй, не является, таким образом, чем-то чувственно существующим» [1, 20, 570]; «...материю как таковую и движение как таковое никто еще не видел и не испытал каким-нибудь иным чувственным образом; люди имеют дело только с различными реально существующими веществами и формами движения. Вещество, материя есть не что иное, как совокупность веществ, из которой абстрагировано это понятие; движение как таковое есть не что иное, как совокупность всех чувственно воспринимаемых форм движения; такие слова, как «материя» и «движение», суть не более, как *сокращения*, в которых мы охватываем, сообразно их общим свойствам, множество различных чувственно воспринимаемых вещей. Поэтому материю и движение *можно* познать лишь путем изучения отдельных веществ и отдельных форм движения; и поскольку мы познаем последние, постольку мы познаем также и материю и движение *как таковые*» [там же, 550].

Следует отметить, что в советской литературе не всегда учитывается данное обстоятельство. Некоторые авторы игнорируют тот факт, что материя, являясь субстанцией, не совпадает с тем многообразием чувственно-конкретных вещей, которые ее представляют в каждый данный момент, и утверждают, что совокупность взаимосвязанных материальных образований и составляет материю как субстанцию. Иными словами, материя как система чувственно-конкретных вещей и есть субстанция, и это якобы следует из системного подхода к пониманию материи. «...Системное понимание материи как всеобщей субстанции, — пишет, например, Е. Ф. Солопов, — снимает всякое противопоставление субстанции, основы мира самому миру. Субстанцией, основой мира является сам мир, сама материя. Так же, как только вся материя, весь мир, все универсальное материальное взаимодействие является единственной системой в полном смысле этого слова, так и субстанцией, причиной самой себя в полном смысле этого слова является только вся материя, весь мир, только вся бесконечная система взаимодействующих материальных объектов» [204, 135].

Чувственно-конкретные вещи, с какой бы стороны мы их ни рассматривали, в качестве обособленных, относительно самостоятельных реальностей или в качестве элементов единой бесконечной системы, не составят субстанции, а останутся лишь ее проявлениями.

В современной литературе существует также точка зрения, согласно которой в роли субстанции выступает особый вид материи, которому свойственна простейшая форма организации и который составляет основу всех других видов материи, связанных с более высокими уровнями организации [см. 170, 36—39]. Понятие материи здесь связывается с особыми, простейшими материальными образованиями, призванными служить предпосылкой, своего рода фундаментом для формирования всех других образований, и предпринимается попытка найти последний кирпичик мироздания. Данная точка зрения ненова, ее в разных вариантах развивали домарксовские материалисты. Кризис в естествознании конца XIX — начала XX в., когда физики и философы в связи с открытием электрона и радиоактивности заговорили об исчезновении материи, был связан с аналогичными представлениями о материи: материя отождествлялась с веществом, с таким уровнем организации, как атом. Эта точка зрения, как известно, подверглась аргументированной критике в работе В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», поэтому нет необходимости на ней подробно останавливаться.

Субстанция как основа бытия, конечная причина всего происходящего, неизбежно предполагает существование обоснованного следствия, которое она обусловливает, вызывает к жизни и через которое проявляется, реально существует. Отождествить субстанцию с чувственно-конкретными вещами, являющимися формами ее проявления, — значит ликвидировать ее как субстанцию, как всеобщую основу, обусловливающую единство всего многообразия явлений действительности. Поэтому большинство авторов придерживаются точки зрения, согласно которой субстанциональность материи заключается в том, что она выступает в качестве «основы, общего содержания» существующих в мире вещей, их свойств и состояний [187, 9].

Итак, материя как субстанция — это не совокупность чувственных вещей, образующих мир как единую систему, со всем многообразием присущих им единичных, случайных свойств и связей, и не тот или иной простейший уровень организации материи, онтологически предшествующий всем другим, а сущность бытия, всеобщее, составляющее его основу и обусловливающее единство всех его конечных форм.

§ 2. Сознание как высшая форма отражения действительности

Сознание является свойством высокоорганизованной материи — мозга человека, продуктом и необходимой стороной трудовой деятельности и существующей на ее основе общественной жизни.

Сознание имеет социальную природу, хотя и существует через сознание отдельных индивидов, составляющих общество. Каждый индивид через язык, средства труда, способы деятельности овладевает накопленным обществом опытом и передает обществу свой индивидуальный опыт, воплощая его в создаваемых духовных и материальных ценностях.

Внешний мир отражается в сознании человека в виде идеальных образов, возникающих в результате его взаимодействия с миром. Используя эти образы, содержащуюся в них информацию о тех или иных свойствах и связях предметов и явлений внешнего мира, человек достигает понимания того, что происходит вокруг него.

Понимание происходящего является необходимым условием ориентации человека в окружающей действительности. Опираясь на правильное понимание действительности, знание тех или иных ее необходимых сторон и связей, человек как бы заглядывает в будущее, воспроизводит в виде идеальных образов то, чего еще нет, но что должно произойти вследствие тех или иных воздействий на нее. На основе этого опережающего отражения действительности он ставит соответствующие цели и подчиняет им свое поведение, свои действия. Целеполагание, таким образом, составляет важнейшую функцию сознания.

Опережающее отражение действительности лежит в основе не только целеполагания, но и творческой, преобразующей деятельности сознания, являющейся важнейшей стороной его сущности. Возникнув в процессе труда, предполагающего преобразование действительности в соответствии с потребностями общества, сознание не только отражает существующее положение вещей, но и создает в виде идеальной модели, становящейся содержанием цели, новое, несуществующее в действительности, а также идеальный план материальной деятельности, реализующей эту цель, превращая ту или иную реальную возможность в действительность. Таким образом, сознание имеет творческий характер, позволяет активно воздействовать на окружающий мир, преобразовывать его в соответствии с потребностями общества. «Сознание человека, — писал В. И. Ленин, — не только отражает объективный мир, но и творит его» [3, 29, 194].

Будучи необходимой стороной практической деятельности, сознание, однако, не сливается с ней. Практика является материальным процессом. «Труд, — писал К. Маркс, — есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой. Веществу природы он сам противостоит как сила природы» [1, 23, 188]. Что же касается сознания, то оно по своей природе идеально, оно — отражение, снимок, копия действительности и построенная на основе этого отражения модель процесса творения и его результата, а также фактор, осуществляющий контроль за ходом творчества, постоянно соотносящий производимые субъектом действия и их результаты с указанной моделью.

Некоторые авторы, не учитывая данного обстоятельства, включают в сознание трудовую деятельность, процесс целенаправленного изменения объективной действительности и тем самым смешивают материальное с идеальным [см. 16, 283].

Наблюдается также тенденция обеднения и искажения содержания понятия «сознание», которое сводится к свойству отражения объективной действительности. «...Единственное свойство сознания, с признанием которого связан философский материализм, — пишет, например, И. Молчанов, раскрывая сущность сознания, — есть свойство отражать действительность в ее объективном значении» [43, 278].

Несомненно, отражение относится к числу важнейших свойств сознания. Но, будучи важнейшим, основным свойством, оно не раскрывает его специфики, не отличает его от форм отражения, проявляющихся на низших ступенях организации материи. Наоборот, оно выражает то общее, что связывает человеческое сознание с отражательными процессами, свойственными материальным образованиям живой и неживой природы.

На сведении сознания к отражению строят свои рассуждения некоторые современные критики ленинской теории отражения. Объявляя сознание отражением действительности, рассуждают они, марксисты ликвидируют его специфическую сущность, поскольку отождествляют его с отражательными процессами, свойственными животным, растительным организмам и даже материальным образованиям неживой природы. Например, югославский философ Михайло Маркович утверждает, что отражение «не является специфической характеристикой человеческого сознания, восприятия животных, рефлексы растений и даже взаимодействие объектов неорганической природы являются также своеобразным отражением» [289, 129]. Другой югославский философ, Гайо Петрович, заявляет, что «сознание не является единственным источником отражения; материя также имеет свойства, сходные с ощущением,— свойство отражения. Отражение — это общее свойство материального мира...» [292, 252].

Бесспорно, отражение свойственно всей материи, но из этого вовсе не следует, что сознание не является отражением действительности. Сознание представляет собой высшую форму отражения, которая присуща человеку и возникает лишь в обществе на основе трудовой деятельности, изменяющей окружающую действительность в интересах человека. Поэтому, раскрывая сущность сознания, нельзя игнорировать то обстоятельство, что оно представляет собой отражение действительности. Спецификой сознания как высшей формы отражения действительности является осознанный характер данной формы отражения, то, что отражение здесь сопровождается пониманием того, что происходит с субъектом и в окружающей его действительности, что оно связано с целеполаганием и деятельностью, направленной на осуществление целей и творческое изменение действительности. Ни одна из этих черт не свойственна предшествующим сознанию формам отражения.

Но, может быть, при определении сущности сознания достаточно отметить лишь эти специфические моменты, отличающие его от других явлений, и ничего не говорить о том, что оно есть отражение, поскольку последнее не отличает его от других форм отражения? Нет, недостаточно. Отражение действительности остается фундаментальным свойством сознания, обусловливающим возможность существования других его свойств. Потеря сознанием способности отражать действительность неизбежно ведет к потере всех других его свойств. В самом деле, осознание субъектом своего бытия и своего отношения к окружающей действительности как признак сознания есть не что иное, как отражение действительности. Понимание субъектом происходящего вокруг достигается тоже лишь через отражение, через использование получаемой в результате его соответствующей информации. Целеполагание как определенная функция сознания опирается на имеющиеся в распоряжении сознания сведения о свойствах и связях окружающей действительности, т. е. на результаты отражения, отражает потребности субъекта, а вместе с тем и его бытие.

Многие критики теории отражения пытаются доказать, что отражение является типичным для животного, а не для человеческого отношения к действительности. Человек, заявляют они, существо творческое, для него характерно творческое, практическое отношение к действительности. Поэтому человеческое сознание они предлагают рассматривать не как отражение, а как творчество действительности [1].

Отражение несовместимо с творчеством, «в нем нет ничего творческого» [там же, 257], утверждает Г. Петрович. Отсюда делается вывод, что ленинская теория отражения не имеет научной ценности, «несовместима с марксовым пониманием человека как творческого, практического существа», а «попытки спасти теорию отражения не имеют больших шансов на успех» [там же, 250].

Очевидно, что авторы данных рассуждений спекулируют на реальном факте творческого характера человеческого отношения к миру. Однако творчество вовсе не исключает, а, наоборот, предполагает способность сознания адекватно отражать действительность. Сознание не может творить, создавать новое, не опираясь на знание объективных свойств и связей, законов изменения и развития, ибо все созданное человеком должно подчиняться объективным, существующим вне и независимо от сознания законам. Любое творчество является отражением и осуществлением в сознании и действительности реальных возможностей.

---

[1] «Когда мы говорим об отношении человека и человеческого познания к миру, — рассуждает М. Маркович, — мы должны исходить из того, что мы — практические существа, что мы прежде всего работаем. Это — основная наша характеристика. Поэтому... свойство отражения не является типичным для человеческого сознания. Также теория познания не является типичной для марксистской философии. Отражение не является типичным для человеческого сознания потому, что отражение имеет место и в сознании животных. Для человеческого сознания и отношения человека к миру типичным является то, что это отношение творческое, активное, практическое» [291, 140].

В качестве аргумента против понимания сознания как отражения действительности часто выдвигается тот факт, что в сознании людей имеются такие мысли, понятия, суждения, которые, будучи истинными, ничего не отражают в действительности. «Все мы,— пишет, например, Гайо Петрович, — ежедневно высказываем истинные суждения, в истинности которых ни на йоту не сомневаемся, хотя нельзя дать ответ на вопрос, что они отражают. Негативное экзистенциальное суждение является, например, истинным, если нет того, что оно отражает. Разве такое суждение можно интерпретировать как отражение действительности? Что отражает суждение «нет кентавра» или суждение «нет круглого квадрата»? Вся система математических суждений — это система истинных суждений, про которые трудно сказать, что они отражают» [там же, 254].

В основе этого рассуждения представление, согласно которому об отражении может идти речь лишь тогда, когда в сознании возникает мысль о том или ином реально существующем предмете, свойстве или отношении. Однако это далеко не так, сознание фиксирует не только то, что существует, что присуще тому или иному предмету, но и то, что не существует, что не характеризует предмет. И в первом, и во втором случае суждения, в которых осуществляется эта фиксация, являются истинными только потому, что они отражают действительное положение вещей.

С этих же позиций Гайо Петрович подходит к суждениям о прошлом, будущем, возможном и невозможном. Он считает, что отражать можно только то, что существует сейчас, в данный момент. Суждения же о прошлом, будущем, возможном и невозможном касаются того, чего в данный момент нет, что сейчас не существует. Петрович не учитывает того обстоятельства, что отражение бывает не только непосредственным, но и опосредствованным. При непосредственном отражении отражаемый объект должен существовать реально, в данный момент времени, при опосредствованном отражении объект реально в данный момент может и не существовать. Его воспроизведение в сознании осуществляется через отражение других объектов, которые позволяют высказать те или иные истинные суждения о нем. Что же в этих реально существующих объектах дает нам основание судить о том, что было и будет? Воспроизведение в сознании прошлого и будущего на основе отражения настоящего возможно потому, что прошлое в снятом виде существует в настоящем. Отражая сущность того или иного материального образования, открывая законы его функционирования и развития, субъект так или иначе воспроизводит процесс его становления, пройденные ступени развития. Познание сущности реально существующего материального образования, его необходимых сторон и тенденций позволяет судить о том, чем станет данное материальное образование в будущем. Таким образом, суждения о будущем на основе знания сущности предмета являются адекватным отражением действительности.

Критики ленинской теории отражения ссылаются и на такие явления сознания, как эмоции и воля, которые якобы тоже ничего не отражают в действительности. «Когда я говорю,— пишет по данному поводу Гайо Петрович,— что оно (отражение.— *А. Ш.*) несовместимо с явлением сознания, то думаю, что оно нам не может объяснить, почему, в каком смысле и каким образом все наши сознательные действия отражают действительность. Что отражает воля и эмоция? Разве любовь, ненависть, зависть, злоба являются различными формами отражения внешних предметов, на которые они направлены?» [там же, 254].

Нетрудно заметить, что и эти рассуждения основываются на узком, упрощенном понимании отражения. Сознание отражает не только предметы, воздействующие на органы чувств человека, но и условия его жизни, отношения с другими людьми. И отражает оно не только в виде идеальных образов, воспроизводящих те или иные стороны воздействующих объектов, но и в виде переживаний, стремлений, настроений, чувств. Последние, в частности, отражают значение для субъекта воздействующих на него явлений, его отношение к ним.

Против признания сознания отражением действительности выдвигается также такой довод. Если сознание представляет собой отражение действительности, то его развитие неизбежно должно привести к окончательному познанию всей природы и общества. Но тогда весь мир должен будет содержаться в нашем сознании, и оно как человеческое сознание должно будет исчезнуть, лишиться активности и превратиться в универсальное зеркальное отражение [291, 134].

Данное рассуждение, как и предшествующие, не отражает действительного положения вещей. Во-первых, человеческое познание никогда не достигнет исчерпывающего познания мира, ибо отражаемая действительность не стоит на месте, а постоянно изменяется, развивается. Во-вторых, никакое развитие познания не может привести к превращению сознания отдельного человека в универсальное сознание, поскольку возможности отдельного человека всегда ограничены, и он не в состоянии овладеть всеми знаниями, которыми располагает человечество. В-третьих, увеличение знаний людей не только не ликвидирует их активности, но усиливает ее, так как расширяет их творческие возможности и поле деятельности.

В критике марксистского учения о сознании как отражении действительности значительное место отводится доказательству ложности ленинского положения об ощущении как субъективном образе объективной реальности. Доказательство это осуществляется, как правило, следующим образом: берется какое-либо ощущение, чаще ощущение того или иного цвета, и показывается, что оно не является точной копией, снимком со световых волн соответствующей длины. Затем делается вывод, что ленинское учение об ощущениях как копиях, образах предметов внешнего мира ложно. Так поступают, в частности, А. Д. Грегор и X. Б. Эктон. «Красный цвет, который мы осознаем,— рассуждает А. Д. Грегор,— не может быть представлен в сколько-нибудь важном значении, как «копия», «отражение» или «фотография» световой волны длиной в 647—760 миллионных долей миллиметра» [276, 35]. «...Вибрация эфира и ощущения цвета,— пишет X. Б. Эктон, развивая эту же мысль,— очень отличны один от другого, так что странным кажется полагать, что ощущаемые цвета являются копиями, снимками или зеркальными отражениями вибрации» [269, 40]. Нетрудно заметить, что здесь в термины «копия», «снимок», «отражение» вкладывается тот смысл, который они приобретают, будучи использованными для осмысления физических явлений. Под «копией» они понимают физическую копию, под «снимком» — фотографический снимок, под «отражением»—зеркальное отражение. Это, в частности, следует из такого заявления А. Д. Грегора: «Мы все очень хорошо осознаем, что мы подразумеваем, когда говорим об «образах» в смысле фотографии, мы также имеем в виду портретное сходство, когда говорим о портретном подобии» [276, 35]. В. И. Ленин же в указанные термины вкладывал иной смысл. Он подчеркивал, что ощущения являются субъективными образами вещей [см. 3, 18, 120], идеальными, а не физическими, не материальными снимками, копиями. Будучи субъективными, т. е. существующими только в сознании людей, образами, ощущения зависят не только от объекта, но и от субъекта отражения, от его органов чувств, нервной системы, психического состояния. Ощущение является результатом взаимодействия объекта и субъекта, представляет собой явление объекта субъекту и как всякое явление не только выражает сущность взаимодействующего предмета, но и искажает ее. Не случайно всякое явление, раскрывая сущность того или иного предмета, не совпадает с нею. Тем более это характерно для ощущения, которое выражает сущность объекта не в материальной, а в идеальной, субъективной форме. Из этого следует, что ощущение не может быть зеркальной копией предмета, а является своеобразным, видоизмененным соответственно особенностям субъекта воспроизведением тех или иных сторон, свойств объекта.

Не является обоснованным и отрицание объективности содержания ощущений. «Если нам дана только субъективная форма (ощущения),— пишет А. Д. Грегор,— то где гарантия того, что мы можем предсказать объективное содержание чувственного опыта?» [276, 38[. Когда В. И. Ленин говорил о том, что ощущение есть субъективный образ объективного мира, то под субъективностью он понимал принадлежность ощущений субъекту, т. е. существование их в сознании человека в виде идеальных образов. Будучи субъективными по форме существования, ощущения имеют объективное содержание и в этом смысле не зависят от субъекта, не зависят ни от человека, ни от человечества. Наличие этих объективных моментов в содержании ощущений и является гарантией того, что чувственный опыт дает нам определенное, истинное знание об объективной реальности.

Некоторые авторы, в частности X. Б. Эктон, против марксистского понимания ощущения как отражения, копии объективной реальности выдвигают и такой тезис: «Если воспринимающий субъект никогда не имеет непосредственного доступа к материальным реальностям, которые существуют вне его, а имеет доступ только к копиям, которые они производят в нем, то он не может знать, какие копии истинны и какие ложны, какие сходны и какие несходны с их оригиналами» [269, 37].

Действительно, объективная реальность предстает перед человеком в виде субъективных образов, являющихся ее копиями, но это вовсе не означает, что человек не имеет к ней непосредственного доступа. Такой доступ обеспечивает практическая деятельность, в ходе которой, руководствуясь знаниями о соответствующих сторонах и связях объективной реальности, человек преобразует ее и тем самым выявляет истинность или ложность своих ощущений.

Мы проанализировали все основные аргументы, выдвигаемые различными авторами против понимания сознания как отражения действительности, и видим, что они несостоятельны.

Сознание вторично по отношению к материи. Это выражается, во-первых, в том, что оно существует не всегда и не везде, а появляется лишь на определенной стадии развития материи, лишь у высокоорганизованных материальных образований. Возникая на определенной ступени развития материи, оно необходимо связано с ней, не может существовать без нее. Материя же не зависит от сознания, она существовала до его возникновения. Во-вторых, сознание вторично потому, что представляет собой отражение внешнего мира, снимок с объективно существующих предметов, их свойств и отношений. Будучи отражением тех или иных предметов внешнего мира, оно не может существовать независимо от них, ибо отражение не может существовать независимо от отражаемого, последнее же существует независимо от отражения.

Глава IV. ПРАКТИКА И ПОЗНАНИЕ

В советской философской литературе основное внимание обычно уделялось рассмотрению вопроса о практике как основе познания, доказательстве его возможности и критерии его истинности. При этом часто упускается из виду самый существенный аспект этого вопроса, а именно, что практика не только доказывает возможность познания, но — и это самое важное — создает эту возможность путем создания объекта для субъекта и субъекта для объекта, путем исторического развития сущностных сил человека, начиная с человеческих чувств и кончая мышлением. Неполное освещение этих вопросов объясняется в значительной степени тем, что они рассматривались, как правило, вне того исторического и теоретического контекста, в котором вырабатывалась категория практики.

Марксистско-ленинское понимание практики как по своему происхождению, так и по своим функциям неразрывно связано с материалистическим пониманием истории. Поэтому нельзя согласиться с точкой зрения, согласно которой учение о практике относится исключительно к диалектическому материализму и не имеет отношения к историческому материализму. При таком подходе понятие практики сводится к некоторым самым простым определениям, отвлеченным от ее конкретно-исторических форм и от сущностной всеобщности ее определений. Для того чтобы определить понятие практики, необходимо показать, *как* оно возникло, а это невозможно сделать, отвлекаясь от материалистического понимания истории, через которое и из которого категория практики вошла в гносеологию. То, что открытие исторического значения практики совпало по времени с открытием ее гносеологического значения, объясняется не случайным стечением обстоятельств, а тем, что отраженные в этих открытиях стороны практики действительно взаимопредполагают друг друга, находятся в единстве друг с другом. Это единство могло быть раскрыто лишь на основе анализа революционной практики пролетариата, чья общественная позиция «толкает» не только к упразднению классов, но и к упразднению классовой ограниченности мышления вообще. К. Марксу было совершенно чуждо противопоставление так называемого гуманистического «аспекта» практики ее гносеологическому «аспекту», которое приписывают ему современные ревизионисты, пытаясь откопать хоть какое-нибудь различие в понимании практики между ним и Ф. Энгельсом и представить дело так, будто у Маркса и Энгельса речь идет о различных практиках, а вовсе не о различных проявлениях одной и той же практики, будто Энгельс, понимая практику как основу познания и критерий истины — что ревизионисты называют позитивизмом,— вернулся на позиции тех философов, которые «лишь различным образом *объясняли* мир», тогда как, согласно К. Марксу, «дело заключается в том, чтобы *изменить* его» [1, 3, 4].

То, что у Маркса познание мира было подчинено задаче его революционного изменения,— бесспорный факт, однако не менее бесспорно то, что он постоянно подчеркивал, что такое изменение не исключает, а необходимо требует разработки проблем теории познания. Практика вошла в гносеологию через материалистическое понимание истории, а в понимание истории — через решение гносеологических проблем, включая и те, которые были поставлены предшествующей философской мыслью.

Практика существует с тех пор, как возникло общество, сформировался человек. С этого времени существует и познание. Однако в условиях социального антагонизма связь между ними существенно искажается, они отрываются друг от друга, абсолютизируются и соотносятся между собой как вполне самостоятельные, независимые друг от друга области социальной действительности.

Общественное разделение труда, лежащее в основе появления антагонистических классов, означает не только разделение, но и отчуждение умственного труда от физического. Физический труд остается обязанностью эксплуатируемых классов, а материальное производство — основная форма практики — выносится за рамки круга явлений, достойных философского рассмотрения. Умственный же труд становится исключительной привилегией господствующих классов, а его отчуждение от физического труда проникает в сознание, закрепляется классовым интересом. Реальное отчуждение умственного труда от физического отражается в общественном сознании.

Отчуждение умственного труда выразилось в философии двояким образом: с одной стороны, в форме абстрактной спекуляции, а с другой—в форме механицизма и созерцательного метафизического материализма. Оставляя в стороне гносеологические корни этих односторонностей в понимании отношения человека к миру, отметим, что и для той, и для другой формы характерен отрыв познания от материальной, чувственной деятельности человека — практики.

Идеализм рассматривает мышление как независимую от действительной природы и действительного деятельного человека, совершенно самостоятельную, автономную область, имеющую основание не в практике, а в себе самой. Духовное начало делается исходным пунктом и основой всего, субъект превращается в предикат, основание — в следствие. Тем самым действительное отношение между практикой и познанием ставится с ног на голову. В противоположность этому механицизм и метафизическая созерцательность сводят человека к чисто природному существу, переносят активность с субъекта на объект, рассматривая природу независимо от практической деятельности человека, а человека — независимо от какой-либо конкретно-исторической формы общества.

Таким образом, и спекулятивный идеализм, и созерцательный материализм выступают как различные выражения отчуждения умственного труда от физического. При этом, однако, нельзя забывать, что спекулятивный идеализм и метафизическая созерцательность как одностороннее понимание отношения человека к миру коренятся в сущности определенного типа общественного прогресса и представляют собой необходимые ступени понимания этого отношения.

За дуалистическим противопоставлением субъекта познания субъекту преобразования домарксовская философия — вследствие своего идеалистического понимания истории — не смогла обнаружить исконное, изначальное единство практического и познавательного отношений человека к миру и понять, что это лишь сущностные стороны, атрибуты деятельности одного и того же субъекта, выступающие в условиях отчуждения интеллектуального труда не в истинной и «разумной», а в превратной форме. Все попытки понять действительное единство практического и познавательного отношений для прежних философов оказались безуспешными; им не оставалось ничего другого, как довольствоваться различением различного или, в лучшем случае, его объединением в некотором спекулятивном, мистифицированном целом.

К. Маркс в «Тезисах о Фейербахе» изобразил реальную историческую «триаду» отношений человека к миру, которая начинается с чувственного созерцания как низшей формы субъект-объектного отношения и кончается революционной, или практически-критической формой деятельности. Анализ трактовок познания, соответствующих этим формам деятельности и этим пониманиям отношения человека к миру, позволяет выделить их положительные моменты и установить, что в диалектико-материалистическом учении о практике и познании содержатся в «снятом» виде все предшествующие ступени развития философского учения о познании.

Первой ступени реальной исторической триады человеческого отношения к миру соответствовало понимание созерцания как единственно истинной человеческой формы деятельности. Абсолютизация созерцательного отношения, хотя оно и является продуктом сравнительно высокого уровня общественного развития, возвращает нас к первой и низшей форме отношения между человеком и природой, когда человек жил преимущественно «путем присвоения им готовых продуктов, приготовленных самой природой для потребления» [1, 46, I, 481], «не изменяя формы того, что имеется в наличии» [там же, 482], и, следовательно, познавал свойства вещей не в процессе производства, а в процессе потребления, непосредственно испытывая на себе их воздействие. Поэтому понимание отношения человека к миру, отвлекающееся от производства как посредника между человеком и природой, неизбежно упускает из виду различие между природным предметом и продуктом. Вместо творческого воздействия субъекта на объект остается одно лишь созерцание объективности, которая понимается как нечто независимое не только от созерцателя, но и от субъекта-производителя и фиксируется в форме абсолютной внешности и потусторонности. Гегель по поводу этой гносеологической позиции остроумно заметил: «Мы приспосабливаемся к вещам, предоставляем им свободу действия и порабощаем наши представления и т. д. верой в вещи, так как мы убеждены, что понимаем объекты лишь в том случае, если относимся к ним пассивно и ограничиваем всю свою деятельность формальной стороной внимания и отрицательной стороной недопущения фантазий, предвзятых мнений и предубеждений. Принимая эту одностороннюю свободу предметов, мы непосредственно устанавливаем несвободу субъективного понимания. Ибо для последнего содержание дано и вместо субъективного самоопределения выступает простое получение извне и восприятие существующего в том виде, как оно налично в качестве объективности. Истина согласно этой предпосылке может быть достигнута нами лишь посредством подчинения всего субъективного» [51, 120—121].

Эта критика Гегелем созерцательной гносеологической позиции исходит из более высокой точки зрения, выражающей практическое отношение человека к миру. Идеализм в виде классической немецкой философии Канта, Фихте и, прежде всего, Гегеля понял трудность, с которой столкнулся созерцательный материализм в трактовке познания, и попытался решить ее путем соединения познания и практики в едином процессе. Однако этот процесс он истолковал как совершающийся исключительно в лоне чистого мышления, в форме единства практического и теоретического духа. Поэтому даже там, где немецкий идеализм называл себя практической философией (кантовский «практический разум», «идеальная активность» Фихте, «объективный и абсолютный дух» Гегеля), он был философией чего угодно, но только не действительной практики.

Итак, односторонность в трактовке субъекта и объекта познания была характерна как для домарксовского материализма, так и для идеализма, следствием чего является недиалектический (у материалистов) и нематериалистический (у идеалистов) способ мышления, отрицание активности субъекта (у материалистов) и мистификация его (у идеалистов). Так как диалектическое единство субъекта и объекта в обоих случаях «разрывается» и «противоположные части» утрачивают свое «живое отношение и взаимное действие», приобретая «самостоятельность», то, решая проблему познания и истины, оставалось выбирать одну из двух гносеологических позиций: созерцательно-материалистическую, исходящую из объекта «самого по себе» и спрашивающую, каким образом субъект приходит к адекватному знанию о нем, т. е. «как вообще объективным образом в нас входит то, что находится вне нас» [3, 29, 264], или идеалистическую, исходящую из субъекта, который по видимости свободно, из самого себя, творит объект и конструирует знание о нем.

Свое действительное, неприкрытое и немистифицированное выражение практическое отношение человека к миру нашло лишь в марксистской философии. К. Маркс, отмечая, что вещи как совокупности многих свойств могут быть полезны различными своими сторонами, пишет: «Открыть эти различные стороны, а следовательно, и многообразные способы употребления вещей, есть дело исторического развития» [1, 23, 43—44]. В связи с этим высказыванием К. Маркса целесообразно обратить внимание на то обстоятельство, что человеческая практика не только подтверждает открытые разумом истины о свойствах и законах вещей, но, что очень важно для диалектико-материалистического учения о познании, сама открывает свойства и законы вещей, способы их освоения и подчинения человеку и доводит их до сознания, т. е. как бы «пересаживает» материальное в человеческую голову, где оно «преобразуется» в идеальное, субъективное.

Научный анализ развития человеческого познания должен исходить из единства субъекта и объекта, чувственного и теоретического. Из практического изменения природы человеком происходит и сам человек, и его сознание. В процессе этого преобразования создается не только предмет для субъекта, но и субъект для предмета, опредмечивается человек и очеловечивается предмет, определяются формы и способы как реального преобразования, так и познавательного отражения мира. Противоречие, возникающее в процессе взаимодействия субъекта и объекта, разрешается каждым конкретным процессом производства, результатом которого всегда является полагание вовне некоторой внутренней цели, субъективированная объективность и объективированная субъективность.

Как известно, человек владеет своим предметом сначала идеально. Субъективное знание (субъективная идея), почерпнутое из предшествующего исторического опыта, сливается с предметом в процессе его практического формообразования, так что истинным оказывается то знание, которое сопутствует практической материализации идеи или осуществлению единства мысли и предметности. В процессе перехода от субъективной идеи к объективной истине «через практику» «снимается» как бы форма истины как соответствия абстрактно противопоставляемых мысли и предмета и разрешается противоречие между познанием и практикой — между «стремлением» познания отразить действительность такой, какова она есть, и тем, что практика никогда в принципе «не признает внешней действительности за истинно-сущее (за объективную истину)» [3, 29, 198]. Иными словами, здесь речь идет не об абстрактном противопоставлении «чистой» теории, призванной «открывать истины», «чистой» практике, которая «открытые» таким образом истины должна затем «применить» к действительности, а об изначальном и необходимом единстве практического и теоретического отношений, в русле которого осуществляется человеческое познание, развертывается истина как процесс. Это путь «превращения» сознания из возможно истинного в действительно истинное. Мышление, изолирующееся от практики и забывающее свое практическое происхождение, в лучшем случае может претендовать лишь на истину в возможности: действительной же истиной оно делается тогда, «когда понятие становится «для себя бытием» в смысле практики» [там же, 193], т. е. когда познавательное отражение «дополняется» практическим освоением и созиданием предмета и когда формы предметности становятся формами свободной сознательной деятельности.

При таком подходе мы имеем дело с новым пониманием предмета (и предметности), которое К. Маркс в «Тезисах о Фейербахе» противопоставляет метафизическому материализму, берущему предмет только в форме объекта, и спекулятивному идеализму, мистифицированно растворяющему и действительные предметы, и чувственную деятельность в сознании, т. е. концепциям, в которых предмет, действительность, чувственность рассматриваются «не как *человеческая чувственная деятельность, практика*» [1, 3, 1]. Результатом взаимодействия субъекта и объекта является предмет, отличающийся и от того, и от другого. Поэтому результат каждого акта производства выступает как бы в двух формах: как объективная форма субъекта и как субъективная форма объекта. Но человеческое познание берет предмет не с точки зрения прежнего объекта, а с точки зрения изменившегося субъекта. Субъективируя объект, наше мышление не удаляется от него (как считал Кант), а приближается к объекту, всесторонне и глубже отражает его свойства и возможности. Это подтверждает положение диалектического материализма о том, что объективную истину человек постигает через субъективную форму объекта, ибо человеческие предметы суть объекты, взятые в форме практики, т. е. в форме человеческой деятельности. Субъективизация объектов в процессе производства выступает как процесс открытия свойств вещей и как способ раскрытия их возможностей, а не как упразднение их натуральных свойств и их деобъективизация. Даже искусственно созданные человеком для текущей практики, а следовательно для познания, свойства вещей переходят в разряд объективных, натуральных свойств. «В том качестве, в каком они сами представляют собой продукты труда, овеществленный труд, они ни в какой процесс не вступают, а вступают они в процесс только в качестве материальных существований с определенными натуральными свойствами. *Каким образом* эти натуральные свойства были им приданы, это совершенно не касается отношения к ним живого труда; для последнего они существуют лишь постольку, поскольку они существуют в отличие от него самого, т. е. поскольку они существуют как материал труда» [1, 46, I, 254].

Гносеологическое значение исторического практического опосредования выражается, по крайней мере, в двух отношениях: во-первых, в том, что оно «снимает» природную данность предметов, приводит объекты в сферу субъекта и удостоверяет их как субъектом произведенные; во-вторых, в том, что оно приводит объекты в связь, в единство с конкретно-исторической структурой опосредствования, что выражается в требовании рассматривать предмет, действительность в их конкретно-исторических формах. К последнему имеет известное отношение высказывание К. Маркса о том, что при исследовании связи между духовным и материальным производством прежде всего необходимо рассматривать само это материальное производство не как всеобщую категорию, а в определённой исторической форме. «Если само материальное производство не брать в его *специфической исторической* форме, то невозможно понять характерные особенности соответствующего ему духовного производства и взаимодействия обоих. Дальше пошлостей тогда не уйдешь» [1, 26, I, 279]. Это требование особенно важно при исследовании появления и смены различных типов общественного сознания (представляющих своего рода идеологический барьер для научного познания в условиях определенной общественной формы), различных способов мышления и различных «стилей» духовной культуры. «Способ производства» определяет «способ мышления», или, словами Маркса, «способ представления» (Vorstellungsweise).

Требование, сформулированное в приведенном высказывании К. Маркса, имеет значение фундаментального принципа при анализе и объяснении связи между практической и теоретической деятельностью, между практикой и познанием. Рассматриваемая с точки зрения практики теория не является противоположностью практики, ибо практика ее в себе содержит. В этом смысле противоположностью практики может быть только «теория», не имеющая никакой связи с практикой, произвольный продукт нездорового воображения. Поэтому, настаивая на верном положении о том, что практика определяет теорию, мы не должны упускать из виду, что в самой практике содержится момент ориентации, предвидения, проекта, плана и контроля, что ей присуще даже мышление как одна из существенных сторон. И, во всяком случае, в практику всегда непосредственно вплетено живое созерцание, которое В. И. Ленин называет в качестве первой ступени движения познания «от живого созерцания к абстрактному мышлению *и от него к практике*» [3, 29, 152—153]. Более того, при переходе от одного такого цикла познания к другому живое созерцание совпадает с практикой как исходный пункт последующего цикла с конечным пунктом предшествующего, что полностью соответствует пониманию практики как основы познания и критерия истины, как находящейся в основе, конце и продолжении любого познавательного цикла, как основы, на которой совершается весь познавательный процесс.

В тезисах о Фейербахе К. Маркс заложил основы диалектико-материалистического понимания единства теории и практики. Традиционное гносеологическое понимание отношения «субъект—объект» получает новое освещение: во взаимной противоположности между субъектом и объектом открывается их единство; впервые достигается активность субъекта без всякой мистификации. Практика и теория выступают не как изолированные формы деятельности человека, а как внутренне связанные моменты его сущности. Поэтому человеческая мысль, рассматриваемая вне связи с практической активностью субъекта, становится фикцией, а человеческая практика, если она не рассматривается в связи, в единстве с теорией, неизбежно истолковывается в духе биологизма и прагматизма. Отрыв одного момента от другого всегда приводил к односторонности.

Правильно отмечая, что краеугольным камнем материалистической теории познания является категория практики, что практика не есть некий внеисторический абсолют и что теория обладает относительной самостоятельностью, мы не всегда обращаем должное внимание на ту роль, которую играют теория, единство теории и практики в историческом и познавательном процессе. Если мы правильно поймем сущность человека, поймем, что человеческое существование возможно только в постоянном и бесконечном духовно-практическом отношении к миру, что совокупная человеческая история (производственная, научная, политическая и т. д.) представляет собой духовно-практическое отношение к природе и обществу, то станет ясно, что эти феномены нельзя метафизически отделять друг от друга.

С особой силой К. Маркс выступил против теоретической односторонности предшествующей философии. Он подчеркивал, что все теоретические проблемы, возникшие под влиянием конкретных, жизненных и исторических задач, могут быть решены только практически. Практика имеет определяющее значение по отношению к теоретическому, ибо она одновременно изменяет действительность и разрешает теоретические трудности. «Разрешение *теоретических* противоположностей само оказывается возможным *только практическим* путем, только посредством практической энергии людей, и что поэтому их разрешение отнюдь не является задачей только познания, а представляет собой *действительную* жизненную задачу, которую *философия* не могла разрешить именно потому, что она видела в ней *только* теоретическую задачу» [1, 42, 123]. Развивая эту мысль, В. И. Ленин писал, что ***«практика выше (теоретического) познания,*** ибо она имеет не только достоинство всеобщности, но и непосредственной действительности» [3, 29, 195], в отличие от теоретического познания, практика непосредственно связана со своей предметной областью.

Смысл этого ленинского высказывания состоит в том, что практическая деятельность человека в действительности есть единственная непосредственная связь человека со всей материальной действительностью именно потому, что практика сама есть часть объективной действительности. Вместе с тем она есть единственная непосредственная «связь» мышления с бытием, так как «сознание», «мышление» суть ее собственные предикаты. Практика — действительность истинного мышления, поэтому спор о действительности или недействительности мышления, изолирующегося от практики, является схоластическим.

То, что законы бытия выступают также как законы мышления, постоянно подтверждается в практике. И это единство законов не может быть поставлено в зависимость от его философского истолкования. Ибо, если бы человек не мыслил по законам бытия, разве он мог бы познавать бытие и успешно осуществлять свою преобразующую деятельность? И. Кант, как известно, считал, что разум познает своими собственными законами, которых нет в природе, в результате чего у него «познание разгораживает (разделяет) природу и человека» [3, 29, 83]. Признание того, что вещи сами по себе имеют свои законы, еще не устраняет указанного «разгораживания» природы и человека. Для действительного преодоления кантовской позиции необходимо пойти дальше и признать тождество (единство) законов мышления и законов вещей, т. е. признать, что законы бытия являются вместе с тем и законами мышления.

Законы человеческого мышления, как их берет диалектическая логика, суть отраженные в сознании людей и более или менее сознательно применяемые ими законы развития объективной действительности. Сила материалистической диалектической логики заключается прежде всего в том, что ее законы — не абстракции «прирожденных» свойств мышления, но выведены из «истории природы и человеческого общества» [1, 20, 384]. Они являются законами движения не только мышления, но и природы, и человеческой истории, ибо «наше субъективное мышление и объективный мир подчинены одним и тем же законам» [там же, 581]. Диалектическая логика является продолжением той философской традиции, которая «доказала на множестве примеров, взятых из самых разнообразных областей... господство одинаковых законов для всех процессов» [там же], и это единство законов является «безусловной предпосылкой нашего теоретического мышления» [там же].

Научное понимание единства материальной и духовной, предметно-практической и теоретической деятельности выражено в следующем выводе: «Те же самые люди, которые устанавливают общественные отношения соответственно развитию их материального производства, создают также принципы, идеи и категории соответственно своим общественным отношениям» [1, 4, 133]. Материальное производство и есть та общая предпосылка, на основе которой нужно «рассматривать отношение субъекта к объекту в логике» [3, 29, 184]. Отсюда человеческое познание черпает свое исторически развивающееся содержание, которое оно преобразует и выражает в идеальных формах и образах. Сообразно историческому изменению предметности изменяются формы и способы духовного освоения предметов соответственно способам его практического освоения. Поэтому «наука о мышлении, как и всякая другая наука, есть историческая наука, наука об историческом развитии человеческого мышления» [1, 20, 366—367].

Глава V. ПРОТИВОРЕЧИЕ. ЗАКОН ЕДИНСТВА И БОРЬБЫ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ

§ 1. Противоречие как единство и «борьба» противоположностей

Противоречие есть единство и борьба взаимоисключающих и взаимополагающих противоположностей. Противоположностями называются стороны предмета, имеющие противоположные направления изменений, противоположные тенденции развития. Например, единичное и общее в отдельных материальных образованиях являются противоположностями: единичное имеет тенденцию не повториться, общее — непременно повториться. Противоположностями являются также содержание и форма. Тенденцией содержания является изменчивость, тенденцией формы — относительная устойчивость.

Имея противоположные тенденции развития и, таким образом, исключая друг друга, находясь в состоянии постоянной борьбы, противоположности, однако, не расходятся и не уничтожают друг друга, а существуют в органической взаимосвязи — взаимопроникают и взаимопредполагают друг друга, т. е. представляют собой единство. В самом деле, единичное существует не само по себе, отдельно от общего, а лишь в органической связи, в единстве с общим; нет бесформенных явлений или бессодержательных форм, каждая форма содержательна, всякое содержание оформлено, т. е. содержание и форма всегда неразрывно взаимосвязаны.

Будучи различными сторонами одной и той же сущности, противоположности не только исключают друг друга, но и совпадают между собой, выражают не только различие, но и тождество. К. Маркс раскрывает эту мысль следующим образом: «...северный полюс и южный являются одинаково *полюсами,* их *сущность* тождественна; точно так же *мужской* пол *и женский* образуют один и тот же *род,* одну *сущность* — человеческую сущность. Север и юг — противоположные определения *одной и той же* сущности, различия одной *сущности* на *высшей ступени ее развития.* Они представляют собой *дифференцированную* сущность. Они суть то, что они суть, *лишь* как *различенное* определение, и именно как *это* различенное определение сущности» [1, 1, 321]. Тождество противоположностей является таким же необходимым моментом противоречия, как и их различие.

Одной из форм тождества противоположностей является их равнодействие. Оно появляется на той стадии развития противоречия, когда наступает известное равенство противодействующих сил, когда противоположные силы как бы уравновешивают друг друга. Примером равнодействия противоположностей может служить соотношение революционных и контрреволюционных сил в

России в октябре 1905 года, анализируя которое В. И. Ленин писал: «...итог до сих пор [30(17) октября, понедельник] — равновесие сил... Царизм *уже не* в силах,— революция *еще не* в силах победить» [3, 12, 5]. Равнодействие противоположностей выражает зрелое состояние противоречия и характеризуется обострением борьбы противоположных сил. «...Равновесие сил,— писал по данному поводу В. И. Ленин,— нисколько не исключает борьбы, а, напротив, делает ее особенно острой» [там же, 73].

Тождество противоположностей получает свое наиболее полное выражение в момент перехода противоположностей друг в друга. Этот момент является узловым пунктом в развитии борьбы противоположностей, знаменует собой разрешение противоречия и переход предмета в новое качественное состояние. Учитывая особую важность этого момента в развитии противоречия, В. И. Ленин определял диалектику как учение о тождестве противоположностей, о закономерностях перехода их друг в друга. «*Диалектика*, — писал он, — есть учение о том, как могут быть и как бывают (как становятся) *тождественными противоположности*, — при каких условиях они бывают тождественны, превращаясь друг в друга, —почему ум человека не должен брать эти противоположности за мертвые, застывшие, а за живые, условные, подвижные, превращающиеся одна в другую» [3, 29, 98].

Будучи необходимыми моментами диалектического противоречия, единство и «борьба» противоположностей, однако, занимают в нем неодинаковое положение. Единство противоположностей всегда относительно, «борьба» — абсолютна. Относительность единства противоположностей выражается прежде всего в том, что оно временно: при соответствующих условиях возникает, определенное время существует и вследствие развития «борьбы» противоположностей разрушается и заменяется новым единством, которое, в свою очередь, тоже сходит со сцены и т. д. Относительность каждого конкретного единства проявляется также в неполноте тождества противоположностей, в отсутствии полной согласованности в функционировании и развитии последних, а также в преходящем характере их равнодействия.

«Борьба» противоположностей абсолютна, поскольку она присутствует на всех стадиях существования того или иного единства, является связующим звеном между ним и другим, приходящим ему на смену единством. Именно «борьба» лежит в основе возникновения, изменения, развития всякого конкретного единства и его перехода в новое единство. Относительность единства противоположностей В. И. Ленин связывал с относительным покоем, абсолютность «борьбы» противоположностей — с абсолютным движением [см. 3, 29, 317].

§ 2. Противоречие и различие

Единство и «борьба» противоположностей характеризуют зрелое, полностью сформировавшееся противоречие. Но чтобы охарактеризовать противоречие с точки зрения развития противоположностей, необходимо рассмотреть различие как всеобщую форму бытия, из которой развиваются противоречия, с которой связаны первые фазы существования противоречия [см. 145, 18—41].

Но это не значит, что всякое различие является противоречием [1].

Если бы всякое различие представляло собой противоречие или форму проявления противоречия, то в действительности нельзя было бы выделить никаких других связей и отношений, кроме противоречий, противоречия представляли бы собой единственную форму взаимосвязи явлений. Между тем многообразие существующих в объективной действительности связей и отношений не сводится к противоречиям. Противоречивость является всеобщей, но не единственной формой связи. Наряду с ней в объективной действительности существуют отношения гармонии, согласованного соответствия и т. п.

Противоречием является не всякое различие, а лишь такое, которое касается тенденций развития тех или иных различных сторон предмета. Лишь такие различные стороны находятся в состоянии «борьбы» и в процессе своего развития способны превратиться в противоположности, т. е. являются начальной стадией существования противоречия.

Возникая в форме несущественного различия, противоречие затем переходит на стадию существенного различия. Существенные различия при соответствующих условиях развиваются в противоположности. Со стадии противоположностей противоречия переходят на стадию крайностей, где противоположности вступают в конфликт, переходят друг в друга, становясь тождественными. Таким образом происходит разрешение противоречий. С разрешением противоречий предмет переходит в новое качественное состояние с новой группой противоречий.

Проследим эту закономерность развития противоречия на примере возникновения, развития и разрешения противоречия между пролетариатом и буржуазией. Оно возникло в условиях цехового производства и существовало в виде различия между мастером, с одной стороны, и подмастерьями и учениками — с другой. Первоначально между мастером, стоявшим во главе цеха, подмастерьями и учениками, выполнявшими его поручения, было несущественное различие, ибо согласно цеховому уставу ученик, пройдя определенный курс обучения, автоматически становился подмастерьем, а подмастерье, приобретя определенный опыт, мог стать мастером — хозяином мастерской. В ходе развития цехового производства указанный порядок взаимоотношения мастера с подмастерьями и учениками был заменен новым, при котором ученики и подмастерья уже не могли автоматически стать мастерами, а всегда должны были оставаться в положении подчиненных, наемных рабочих. Несущественное различие между мастером, подмастерьями и учениками превращается в существенное различие. В дальнейшем, с заменой цехового производства мануфактурой, данное противоречие со стадии существенного различия переходит на стадию противоположностей. Если раньше, при цеховом производстве, хозяин мастерской работал вместе с подмастерьями и учениками, то теперь, при мануфактуре, хозяин устраняется от непосредственного участия в производстве и целиком и полностью живет за счет труда наемных рабочих, за счет эксплуатации. У хозяина и наемных рабочих интересы уже прямо противоположны. Но на этом развитие данного противоречия не заканчивается. По мере дальнейшего развития капиталистического производства указанное противоречие усиливается, обостряется и, достигнув своей высшей формы, разрешается через социалистическую революцию. В ходе социалистической революции пролетариат из подавляемого, угнетенного класса превращается в господствующий класс, устанавливает свою диктатуру. Противоположности поменялись местами, стали как бы тождественными. В результате ликвидируется общество, основывающееся на капиталистической частной собственности на средства производства, и формируется новое общество, основывающееся на господстве общественной социалистической собственности, а вместе с ним возникают и новые противоречия.

---

[1] Данную точку зрения на противоречие отстаивает, например, Ай Сыци: «Различия — это форма проявления противоречий, различия несут в себе элементы противоречия, и поэтому нельзя говорить, что различия — это не есть противоречия» [9, 175].

Итак, противоречие, возникнув, проходит в своем развитии ряд стадий, начиная от низших форм проявления и кончая высшими. Но это движение противоречия от одной стадии к другой осуществляется не только от низших форм к высшим, но и от высших форм проявления ко все более и более низшим, вплоть до полного исчезновения.

Данное направление в движении противоречия можно проследить на примере разрешения противоречия между городом и деревней в нашей стране. В канун социалистической революции это противоречие находилось в стадии высшего обострения. Основой противоположности между городом и деревней было угнетение городом (городской буржуазией) деревни (трудового крестьянства). В ходе социалистической революции городская буржуазия была ликвидирована как класс. Город уже не мог эксплуатировать деревню, но зато деревня в лице кулачества стала эксплуатировать город, наживаясь на спекуляции продуктами сельского хозяйства. В ходе коллективизации сельского хозяйства всякая основа противоположности между городом и деревней исчезает, и данное противоречие переходит на стадию существенного различия. В самом деле, между рабочим классом нашей страны и колхозным крестьянством имеются еще существенные различия. Они касаются, прежде всего, форм собственности, условий труда, а также форм оплаты. С развитием колхозной собственности на основе дальнейшей механизации сельскохозяйственного производства и приближения условий труда в сельскохозяйственных артелях к условиям труда на государственных предприятиях противоречие между городом и деревней, между рабочим классом и колхозным крестьянством в нашей стране перейдет на стадию несущественного различия, рабочие и крестьяне будут представлять собой единое целое — тружеников бесклассового общества. Таким образом, с достижением стадии несущественного различия стороны противоречия, как и на стадии высшего обострения, переходят друг в друга, становятся как бы тождественными.

Итак, противоречие не является чем-то застывшим, неизменным, а находится в постоянном движении, изменении, переходит от низших форм к высшим и, наоборот, от высших — к низшим, в ходе чего противоположности переходят друг в друга, становятся тождественными, а развивающаяся система, которой свойственны эти противоположности, переходит в новое качественное состояние.

§ 3. Противоречивость как всеобщая форма бытия

Метафизики, как правило, отрицают противоречивость объективной действительности. И. Кант, например, считал, что «вещь в себе» не содержит никаких противоречий, что противоречия имеют место лишь в мышлении, когда оно стремится познать непознаваемую «вещь в себе», и свидетельствуют о слабости человеческого разума, о неспособности его выйти за рамки явления. Вслед за Кантом современные буржуазные философы тоже отрицают объективную противоречивость вещей. Например, по мнению Н. Гартмана, «противоречивым является не существующее в себе, не разум в себе, а требование, что разум должен охватить существующее без остатка» [278, 36—37]. Английский буржуазный философ Ричард Джун критикует точку зрения, признающую противоречия в объективной действительности, объявляет пантеистической, анимистической, антропоморфической, противоречащей материализму. Он считает, что «конфликт противоречия находит настоящее применение в сфере значительных структур (концептуальных или социальных), где конфликты являются конфликтами теоретических или практических значений. Противоречия не могут существовать между простыми предметами и физическими силами... они могут существовать только между способами мышления и способами жизни» [277, 48]. Метафизический характер этих рассуждений очевиден.

Развитие науки и общественной практики показало, что противоречия существуют не только в человеческом мышлении, не только в человеческой целенаправленной деятельности, но и в природе, в объективной действительности. Более того, в мышлении, в целенаправленной деятельности людей противоречия (и диалектика в целом) имеют место лишь потому, что они существуют в объективной действительности, ибо человеческое мышление и деятельность, отражающие объективную действительность, осуществляются по единым, всеобщим законам. Поэтому правильное мышление, имеющее своей целью воспроизведение в сознании в виде системы идеальных образов действительного положения вещей, действительных связей и отношений исследуемого объекта, не может игнорировать противоречивости вещей, наличия у них противоположных сторон и тенденций, так же как оно не может игнорировать и определенной последовательности явлений. А если это так, то среди логических принципов мышления наряду с требованием последовательности должно быть требование необходимости раздвоения объекта мысли на противоположные стороны и познания его противоречивой природы. Признание противоречивости вещей и необходимости учета ее в процессе познания не только не противоречит требованиям соответствия мыслей действительности, но является одним из важнейших условий достижения этого соответствия.

С такой постановкой вопроса не могут согласиться противники диалектического материализма. Они готовы признать существование противоречий в познавательной деятельности, в мышлении, но не в объективной действительности, не в вещах. «...Противоречие,— утверждает французский буржуазный философ Э. Вейль,— возникает только там, где имеет место мышление, объект же ни в какой степени не затрагивается мыслительными актами, он остается тождественным самому себе и не может противоречить себе, поскольку не говорит, не мыслит» [300, 339].

Вейль доказывает необоснованность выведения противоречивости вещей из противоречивости мыслей, признания существования противоречий в объективной действительности на основе обнаружения их в субъективной, мыслительной деятельности людей. И нельзя не согласиться с тем, что неправомерно выводить логику функционирования и развития объекта из логики мыслительной деятельности, направленной на его познание. Однако никак нельзя согласиться с утверждением Вейля, что именно сторонники диалектического материализма делают этот непозволительный перенос субъективной диалектики на объективную, что поэтому и учение о противоречивости вещей, об их диалектическом развитии является ложным. Диалектический материализм не только не экстраполирует субъективную диалектику на объективный мир, но, наоборот, объясняет субъективную диалектику из объективной, рассматривает законы развития мыслительной деятельности в качестве отражения всеобщих диалектических закономерностей объективной действительности.

Среди современных буржуазных философов есть и такие, которые готовы признать существование противоречий в объективной действительности, но не в виде всеобщей формы бытия, а в виде частных, весьма ограниченных случаев. Например, Марио Бунге заявляет: «...вариант диалектики, очищенный от всего лишнего, подчеркивающий разнообразие и изменение, но не настаивающий на том, что полярность, противоречие, единство и борьба противоположностей — универсальные характеристики, может быть сформулирован во вразумительных терминах, и можно показать, что он подтверждается современной наукой» [270, 183]. При этом противоречие он трактует как «наличие» у каждой вещи «антивещи» и рассматривает его применительно к четырем вариантам: (1) «антивещь данной вещи есть отсутствие вещи»; (2) «антивещь данной вещи — окружение вещи»; (3) «антивещь есть то, что при соединении с данной вещью уничтожает ее»; (4) «антивещь — это то, что в соединении с данной вещью дает третье, превосходящее обеих». Проанализировав все эти случаи, он заключает: «...ни одно из четырех определений не подходит для целей диалектики. Следовательно, либо положение о том, что каждая вещь имеет свою антивещь, неверно, либо надо найти пятый вариант» [271, 65]. И он его находит у Аристотеля, который противоречивость связывал лишь со свойствами. «Если обратиться к Аристотелю, — рассуждает М. Бунге, — то окажется, что он учил, что диалектические противоречия касаются скорее черт или свойств (актуальных или потенциальных), чем вещей» [там же].

С точки зрения марксистской диалектики противоречивы не только свойства вещей, но и сами вещи. Вещь содержит свою противоположность, ибо вещь представляет себя и другое, в которое она при соответствующих условиях необходимо превратится. И это другое, содержащееся в вещи, является ее противоположностью. Значит, «антивещь» есть, она существует в каждой конкретной вещи в качестве возможности ее превращения при соответствующих условиях в другую вещь. Данный вариант М. Бунге не анализирует, хотя он довольно часто рассматривался основоположниками диалектического материализма и их последователями.

Понимание противоречивости как соотношения противоположных свойств — «свойства и антисвойства» — М. Бунге рассматривает применительно к четырем вариантам: (1) «антисвойство есть не свойство»; (2) «антисвойство — это все другие свойства (кроме данного)»; (3) «антисвойство, которое должно сбалансировать или нейтрализовать данное свойство», и (4) «антисвойство — это то, что в сочетании с данным свойством дает третье, которое подчиняет первые два». Он утверждает, что противоречие имеет смысл лишь применительно к третьему и четвертому случаям, и тогда противоречивость — не универсальная форма бытия, а частная характеристика физических объектов [см.: 271, 66, 67].

Рассматривая различные варианты понимания противоположного свойства («антисвойства»), М. Бунге игнорирует существующие в марксистской литературе определения противоположностей как свойств, имеющих противоположные направления изменения, противоположные тенденции функционирования и развития, и произвольно придает этому понятию различные смыслы, чтобы затем показать их ошибочность. Такой путь критики материалистической диалектики лишает выдвигаемые аргументы убедительности и научности, хотя сам автор претендует на научность и объективность.

Аналогичным образом М. Бунге пытается опровергнуть и положение материалистической диалектики, что каждая вещь есть единство противоположностей. Он утверждает, что «главный тезис единства противоположностей оказывается ограниченным сложными системами и, более того, некоторыми их аспектами. Ничего не говорится о простых системах (если таковые существуют); также ничего не утверждается о каждом аспекте или свойстве какой-либо системы. Значит, положение о вещи как единстве противоположностей не универсально, оно не может быть частью всеобъемлющей теории изменения» [271, 69].

Нетрудно заметить, что автор анализирует лишь один аспект рассмотрения вещи как единства противоположностей — случай, когда вещь состоит из противоположных компонентов, т. е. элементов, намекая, что это единственно возможный вариант понимания указанного положения. Между тем в марксистско-ленинской философии положение о вещи как единстве противоположностей отражает наличие в ней не только противоположных элементов, но и противоположных свойств, сторон, имеющих противоположные тенденции, направления изменений, а также то, что, как было показано выше, вещь противоречит себе, содержит в себе свою противоположность — возможность превращения при соответствующих условиях в другую вещь.

Противоречие как единство и «борьба» противоположностей является всеобщей формой бытия материи, присуще каждому материальному образованию, обусловливает его существование, функционирование и развитие. Противоречие как всеобщая форма бытия может быть наглядно показано на примере такой, тоже всеобщей формы бытия, как взаимодействие. Взаимодействие представляет собой реально существующее, функционирующее противоречие. В самом деле, оно может рассматриваться как отношение, включающее действие и противодействие. Члены данного отношения (вещи) представляют собой относительно устойчивые системы движения, и в силу этого они активны, воздействуют друг на друга и вызывают друг в друге определенные изменения. Каждая вещь, воздействуя на другую, оказывает известное противодействие действию, исходящему от последней, в результате чего она сохраняет себя, свою относительную самостоятельность. Таким образом, взаимодействие есть единство действия и противодействия, т. е. содержит в себе свою противоположность [см. 54, 114—124]. Налицо противоречие, отношение, в котором стороны, являясь относительно устойчивыми, самостоятельными реальностями, обладающими противоположными направлениями действия, противоположными тенденциями, исключают друг друга и ведут между собой «борьбу». Исключая друг друга, они находятся в органической взаимосвязи, составляют единство противоположностей [2].

В самом деле, когда взаимодействие тех или иных материальных образований приводит к возникновению новой, более сложной относительно устойчивой системы (например, при образовании атома в результате взаимодействия соответствующих «элементарных» частиц, молекул — в результате взаимодействия атомов, сложных неорганических или органических веществ — в результате взаимодействия молекул, более сложных систем — в результате взаимодействия менее сложных), отношение между этими образованиями в рамках данной вновь возникшей системы таково, что они взаимозависимы и взаимополагают друг друга, тождественны, совпадают в отдельных свойствах, поскольку они являются образованиями, представляющими один и тот же структурный уровень организации материи, и что в силу этого они на определенной стадии развития взаимодействия («борьбы») могут превратиться друг в друга — поменяться местами [см. 58, 89—102].

Сказанное справедливо и для взаимодействий материальных образований, представляющих собой самостоятельные, относительно устойчивые системы движения. Хотя их взаимодействие по отношению к каждой из них и является внешним, тем не менее оно необходимо в том смысле, что существование каждой конкретной вещи зависит от других вещей, с которыми она взаимодействует, в рамках которого они едины, выступают и в форме взаимополагания (невозможности существования друг без друга), и в форме совпадения в определенных моментах как образования единой материи, обладающие одними и теми же фундаментальными свойствами и подчиняющиеся одним и тем же всеобщим законам движения и развития, и в форме тождества (благодаря общей природе они при соответствующих условиях переходят друг в друга).

Итак, взаимодействие представляет собой противоречие — отношение взаимоисключающих, имеющих противоположные тенденции изменения сторон, для которых характерны определенное «единство» и «борьба».

Поскольку каждая вещь представляет собой систему взаимодействующих элементов и существует лишь в строго определенной системе взаимодействий с другими вещами, ее внутренняя природа и внешние формы поведения противоречивы. Противоречие, таким образом, выступает в качестве всеобщей формы бытия материи. Оно является основой возникновения, развития и уничтожения вещи, ее превращения в другую вещь.

---

[2] О структуре противоречия [см. 44; 45].

Всеобщими формами существования противоречия являются взаимосвязи действия и противодействия, изменения и устойчивости, абсолютного движения и относительного покоя, непрерывности и прерывности бытия, конечного и бесконечного в каждом материальном образовании.

§ 4. Противоречие как источник движения и развития

Признание противоречивости, единства и «борьбы» противоположностей всеобщей формой бытия материи, всеобщим законом действительности позволяет научно решить вопрос об источнике движения и развития.

Отрицая объективное существование противоречий, метафизики обычно закрывали себе путь к более или менее удовлетворительному решению проблемы источника движения, движущей силы материи и вынуждены были или обращаться к «первотолчку», или апеллировать к богу, или отрицать реальность движения, объявлять его видимостью.

Мысль о противоречивости как источнике движения в общей форме была впервые высказана древнегреческим философом Гераклитом и универсальным образом развита применительно к познанию Гегелем. «Противоречие, — писал Гегель, — вот что на самом деле движет миром, и смешно говорить, что противоречие нельзя мыслить» [47, I, 206]. «...Противоречивость... — замечает он в другом месте, — есть корень всякого движения и жизненности» [47, V, 520]. Данное положение было научно обосновано и развито на материалистической основе Марксом, Энгельсом, а затем В. И. Лениным. «Сосуществование двух взаимно-противоречащих сторон, их борьба и их слияние в новую категорию составляют, — писал Маркс, — сущность диалектического движения» [1, 4, 136]. Движение, по Энгельсу, происходит «путем противоположностей, которые и обусловливают жизнь природы своей постоянной борьбой...» [1, 20, 526]. «Развитие, — подчеркивал В. И. Ленин, — есть «борьба» противоположностей» [3, 29, 317].

В самом деле, противоречие представляет собой взаимодействие противоположных сторон, или тел, имеющих противоположные тенденции изменений. А всякое взаимодействие, и тем более взаимодействие противоположностей, обусловливает постоянные изменения во взаимодействующих сторонах или телах. Например, взаимодействие между производством и потреблением, являющимися противоположными сторонами единого процесса, обусловливает их постоянное изменение. Осуществляя производство материальных благ, люди совершенствуются, вместе с этим изменяются и их потребности. Появление новых потребностей ставит перед производством новые задачи. Удовлетворяя их, производство развивается, совершенствуется, а в ходе его развития совершенствуются и люди. У них появляются новые потребности, которые ставят перед производством новые задачи, и так без конца. По мере накопления изменений наступает несоответствие между производительными силами и производственными отношениями, которое разрешается социальной революцией.

Таким образом, борьба противоположных сторон неизбежно обусловливает соответствующие изменения во взаимодействующих и других, связанных с ними, сторонах материального образования, а вместе с этим и их развитие, переход в новое, более высокое качественное состояние, т. е. является источником движения и развития.

Некоторые авторы оспаривают истинность данного положения и утверждают, что не всякое противоречие является источником развития, что есть противоречия, представляющие собой не источник, а тормоз развития. Примером таких противоречий, как правило, считаются противоречия современного капитализма.

Данная точка зрения основывается на непонимании природы противоречия и того, как оно выполняет функцию источника движения и развития. Противоречия являются источником развития не только потому, что их рост и разрешение обусловливают укрепление и рост того качественного состояния, того целого, которому они свойственны, как это думают сторонники рассматриваемой точки зрения, но и (главным образом) потому, что они делают невозможной абсолютизацию этого качественного состояния, этого целого, и обусловливают необходимость его изменения, перехода к новому качественному состоянию, к новому единству. В этом смысле противоречия современного капитализма делают невозможным дальнейшее его существование, именно они обусловливают борьбу за его изменение, за переход к социализму — более прогрессивному общественному строю. Сторонники указанной точки зрения отводят противоречиям, по сути дела, лишь роль источника роста, увеличения определенного целого, т. е. количественных изменений, и лишают их роли источника превращения одного качественно-определенного целого в другое, более совершенное. Но именно такой переход является действительно развитием, ибо только он обусловливает переход от низшего к высшему, поступательное движение.

§ 5. Определяющая роль противоречия в диалектике

Будучи источником движения и развития, противоречие представляет собой не просто всеобщую форму бытия, но основную, определяющую все другие всеобщие формы бытия — всеобщие свойства и связи действительности. Единство и «борьба» противоположностей так или иначе присутствуют в содержании этих форм, составляя необходимую сторону их диалектики. Взаимосвязь и «борьба» противоположностей выступают в качестве важнейших моментов содержания двух других основных законов диалектики: закона перехода количественных изменений в качественные и обратно и закона отрицания отрицания. Качество и количество являются противоположными сторонами любой вещи, находятся между собой в органической взаимосвязи, обусловливая соответствующее единство — меру. В процессе движения, изменения каждая из этих сторон переходит в другую, вызывая нарушение существующего единства (меры) и образование нового единства новой меры. В результате осуществляется переход вещи из одного качественного состояния в другое и при соответствующих условиях — от низшего к высшему. Таким образом, основу диалектики качества и количества вещи составляет закон единства и «борьбы» противоположностей. Не случайно В. И. Ленин переход количества в качество и обратно рассматривал как пример единства и «борьбы» противоположностей, перехода каждого определения, качества, черты, стороны, свойства в свою противоположность [см. 3, 29, 203].

Аналогично в содержании закона отрицания отрицания в особой форме проявляются единство и «борьба» противоположных сторон, тенденций, переход их друг в друга и в новое качественное состояние. Диалектическое отрицание, как известно, осуществляется в результате «борьбы» противоположностей, которые, переходя друг в друга, обусловливают разрешение существующего противоречия и превращение вещи в новое качественное состояние. Будучи формой разрешения того или иного противоречия, диалектическое отрицание само представляет собой единство противоположностей, противоположных тенденций — уничтожения и сохранения, создания нового и удержания старого. В ходе диалектического отрицания осуществляется переход вещи, ее качества, стороны, свойства в свою противоположность и вместе с этим движение вперед и возвращение назад, повторение пройденного на новой основе. Развитие, таким образом, представляет собой единство противоположностей, их взаимосвязь и взаимопереходы.

То, что наглядно просматривается применительно к законам перехода количественных изменений в качественные и отрицания отрицания, по существу, характерно и для всех категорий диалектики. Каждая из них имеет свою противоположность и вместе с ней составляет диалектическую пару. Соотносясь друг с другом в рамках пары, категории отражают соответствующие всеобщие свойства и связи, диалектику определенных форм бытия, соответствующие диалектические закономерности, в основе которых находится тот или иной вид универсального противоречия — единство и «борьба» соответствующих всеобщих противоположных сторон, их взаимосвязь и взаимопереходы. Так, движение и покой, являясь противоположностями, находятся в органическом единстве, взаимополагают друг друга и при определенных условиях переходят друг в друга, обусловливая переход вещи из одного качественного состояния в другое. Единичное и общее, причина и следствие, необходимое и случайное, содержание и форма, элемент и структура, структура и функция, элемент и система, сущность и явление, возможность и действительность и другие категории в своем соотношении тоже отражают диалектику строго определенных всеобщих противоположных сторон, их взаимопереходы в процессе движения и развития материальных образований, т. е. в отражаемых ими диалектических закономерностях определяющую роль играет закон единства и «борьбы» противоположностей.

Будучи всеобщей и определяющей формой бытия, противоречие, а вместе с ним и закон единства и «борьбы» противоположностей должны выступать в качестве исходного отношения при осмыслении всей диалектики, всех всеобщих форм бытия, всеобщих свойств и связей действительности. Не случайно поэтому категория противоречия относится к числу исходных категорий, а раздвоение единого на противоположности — к числу исходных принципов изложения теории диалектики как научной системы. «Раздвоение единого и познание противоречивых частей его... — указывал В. И. Ленин, — есть *суть* (одна из „сущностей", одна из основных, если не основная, особенностей или черт) диалектики» [3, 29, 316]. Разработать научную теорию развития, по его мнению, можно, только рассматривая изменения, происходящие в объективной действительности, через призму противоречия, единства и «борьбы» противоположностей. «Условие познания всех процессов мира в их „*самодвижении*", в их спонтанейном развитии, в их живой жизни, — по В. И. Ленину, — есть познание их как единства противоположностей. Развитие есть „борьба" противоположностей. Две основные (или две возможные? или две в истории наблюдающиеся?) концепции развития (эволюции), — продолжает он, — суть: развитие как уменьшение и увеличение, как повторение, *и* развитие как единство противоположностей (раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности и взаимоотношение между ними).

При первой концепции движения остается в тени *само*движение, его *двигательная* сила, его источник, его мотив (или сей источник переносится *во вне* — бог, субъект etc.). При второй концепции главное внимание устремляется именно на познание *источника* „*само*"-движения.

Первая концепция мертва, бледна, суха. Вторая — жизненна. *Только* вторая дает ключ к „самодвижению" всего сущего; только она дает ключ к „скачкам", к „перерыву постепенности", к „превращению в противоположность", к уничтожению старого и возникновению нового» [3, 29, 317].

Учитывая огромную роль противоречия в теории диалектики, В. И. Ленин определил ее как учение о единстве противоположностей. «Вкратце, — писал он, — диалектику можно определить, как учение о единстве противоположностей. Этим будет схвачено ядро диалектики...» [там же, 203].

§ 6. Противоречие и гармония

Говоря о противоречии, мы указывали, что необходимыми элементами его структуры являются: противоположности, их единство (тождество) и «борьба» (взаимоисключаемость). В зависимости от того, каково соотношение между единством (тождеством) и «борьбой» (взаимоисключением) противоположностей в противоречии, можно выделить такое состояние в единстве противоположностей, которое отражается через понятие «гармония».

Противоречие и гармония — различные виды объективных связей. «Взаимодействие тел природы — как мертвых, так и живых — включает как гармонию, так и коллизию, как борьбу, так и сотрудничество» [1, 34, 134].

Необходимость марксистского исследования гармонии вызвана не только внутрифилософскими потребностями, но и современным общественным развитием, и прежде всего процессом революционного становления коммунистической формации. С укреплением и развитием коммунистической общественно-экономической формации многие элементы гармонии не только получают теоретическое осмысление, но и осуществляются в практической жизни.

Гармония — это тип связи, характеризующийся «взаимным исключением и взаимным дополнением сторон». В рамках этого абстрактно вычлененного типа связи (реально он переплетается с множеством иных) существует ряд отношений, обладающих своими особыми границами. Одной из границ этих связей является несовместимость, т. е. такое отношение, при котором взаимное дополнение отсутствует, а взаимное исключение дошло до такой степени, когда существование одной из сторон предполагает несуществование другой или ведет к ее уничтожению. Несовместимость есть различие, дошедшее до крайнего предела, за которым данная связь уничтожается из-за ликвидации или коренного преобразования одной из сторон.

Другой границей названного отношения является тождество. Тождественные стороны не нуждаются во взаимном дополнении вследствие одинаковости всех признаков и «потребностей». В силу этого они не исключают друг друга. Переход тождества в несовместимость происходит тогда, когда условия, одинаково необходимые для поддержания существования обеих сторон, достаточны только для существования одной из них.

Несовместимость и тождество как противоположные моменты ряда отношений, составляющих противоречие и гармонию, находятся в органической связи между собой: несовместимость в одном сочетается с совместимостью в другом, а тождество в одних моментах — с различием в других. В этом ряду отношений свои места занимают и противоречие, и гармония.

Гармония как особый вид всеобщей связи выражает взаимообусловленность и взаимодополняемость сторон данного отношения, обеспечивающие его существование. Гармонию составляет отношение между теми сторонами, которые, различаясь, имеют общую объединяющую основу и, чтобы существовать, нуждаются друг в друге. Сами тенденции их изменения имеют некую общую основу и такую направленность, что развитие одной стороны необходимо для каждой другой. Поскольку в процессе функционирования и развития материального образования изменяются его стороны, то и связь между ними не остается неизменной: один вид гармонии уступает место другому. Гармония — не метафизический антипод противоречия и не так называемое «равновесие противоположностей». Она выражает иной аспект всеобщей связи. Стороны, находящиеся в отношении гармонии, не обладают характерным для противоположностей свойством взаимного исключения. Гармония характеризует такое отношение, стороны которого взаимно дополняют, но не исключают друг друга, причем это взаимное дополнение настолько существенно, что без него невозможно существование всего фрагмента действительности, внутри которого данное отношение сложилось.

Стороны любой относительно самостоятельной части материи взаимно дополняют и предполагают друг друга; при отсутствии такого вида связи предмет просто-напросто распался бы, прекратил свое существование как некая определенность. Всякий предмет взаимодействует с другими, и определенный вид его связи с ними в том и заключается, что существование этого предмета обусловлено другими и предполагает их наличие как необходимое условие его собственного бытия. Таким образом, наличие гармонии внутренней (между сторонами, компонентами материального образования) и внешней (между данным образованием и другими, с ним контактирующими) — основание существования предмета от его возникновения до гибели. С переходом одного материального образования в другое меняется конкретный характер гармонии. Но поскольку ни один гран материи не пропадает бесследно, а сохраняет свое бытие, хотя и в иной форме, всегда сохраняется и гармония как вид связи, как тип отношений.

Нарушение или видоизменение гармонии меняет характер развития каждого из ее компонентов, а изменение того или иного компонента гармоничного отношения, выходящее за пределы определенной меры, приводит к ликвидации данной гармонии. Глубинная причина как сохранения, так и нарушения гармонии коренится в конкретных процессах изменения и развития. Только движение составных частей соединяет их в некую внутренне согласованную целостность, обусловливает ее существование и соответствующие модификации. Источником развития выступает единство и «борьба» противоположностей. Гармония, выражая взаимодополняемость сторон процесса, обеспечивает относительную стабильность абсолютного движения.

Между гармонией и противоречием есть сходство и различие. Противоречие, как известно, выступает отношением между сторонами, тенденциями целого, которые взаимно полагают, обусловливают и исключают друг друга, находятся в состоянии единства и «борьбы». Противоречие — источник всякого развития, а развитие в этом смысле есть процесс возникновения, изменения и разрешения противоречий. Гармония же представляет собой отношение между различными, но не взаимоисключающими сторонами, тенденциями, которые взаимно полагают, обусловливают и необходимо дополняют друг друга. Гармония предполагает противоречие, поскольку существование предполагает движение и развитие. Взаимодополняемость связанных гармонией сторон включает общность основы каждой из них и общность в тенденциях их изменения: при всем различии взаимодействующих сторон недостающий для существования каждой из них (а стало быть, и целого отношения) компонент приобретается ею при взаимодействии с другой стороной. Пока сохраняется общность основы и тенденций изменения сторон (их взаимная дополняемость), сохраняется и гармония, исчезновение общности основы сторон и взаимодополняемости тенденций их развития ведет к ликвидации гармонии, а вместе с тем и к прекращению существования данного материального образования, его переходу в новое качество.

Обладая существенными различиями и взаимно дополняя друг друга, противоречие и гармония имеют общую основу. Она коренится в материальном единстве мира, в абсолютности движения как всеобщей формы существования материи.

Каждое материальное образование, обладая достаточно сложной структурой и будучи вплетенным в систему связей с другими материальными образованиями, состоит из множества отношений, гармонических и противоречивых. Поэтому в каждом из них одновременно осуществляется и возникновение, и уничтожение соответствующих компонентов.

Проблема соотношения гармонии и противоречия приобретает исключительную актуальность в период перехода к социализму и строительства коммунистического общества, когда установление гармонических отношений во всех сферах общественной жизни и гармоническое развитие личности становятся непосредственной практической задачей. Говоря о соотношении гармонии и противоречия, следует различать антагонистические и неантагонистические противоречия. Первые, характерные для эксплуататорского общества, отличаются непримиримостью борющихся классов, вторые разрешаются без классовых столкновений, не требуют разрушения сложившихся производственных отношений. Некоторые авторы высказывают мнение, что при социализме могут возникать антагонистические противоречия. С этим нельзя согласиться. «В теоретическом плане, — указывает Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов, — этот вопрос, опираясь на учение Маркса, прояснил Ленин. «Антагонизм и противоречие, — писал он, — совсем не одно и то же. Первое исчезнет, второе останется при социализме» (Ленинский сборник, XI, стр. 357). Теперь это положение подтверждено практикой. Отсюда, однако, не следует, что можно пренебрегать неантагонистическими противоречиями, игнорировать их в политике. Жизнь учит, что при подобном невнимании и противоречия, не являющиеся по своей природе антагонистическими, могут порождать серьезные коллизии. Другая — и важнейшая — сторона дела состоит в том, чтобы правильно использовать противоречия социализма в качестве источника и стимула его поступательного развития» [6а, 21].

В связи с тем, что гармонические отношения в различных сферах общественной жизни обладают своей спецификой, установление их происходит далеко не одинаковыми путями. В частности, гармонизация может осуществляться путем воздействия на одну сторону того или иного конкретного отношения, на обе стороны отношения, на несколько сторон и т. д. Так, например, регулируя собственную деятельность, люди способны установить оптимальное, наиболее гармоничное соотношение между обществом и природой, решая экологическую проблему.

Примером гармонизации путем воздействия на обе стороны двустороннего отношения является совершенствование отношения «производство — потребление» с целью максимального удовлетворения материальных и духовных потребностей людей. Гармонизация может охватывать и факторы, характеризующие многостороннее отношение. Такая ситуация создана, в частности, в условиях развитого социализма: «Это — общество, законом жизни которого является забота всех о благе каждого и забота каждого о благе всех» [6, 4].

В сфере социалистической экономики действие закона планомерного, пропорционального развития народного хозяйства обусловливает необходимость гармонизации как сбалансирования всех главных народнохозяйственных пропорций: общеэкономических, межотраслевых, внутриотраслевых, внутрипроизводственных, территориальных и даже межгосударственных. Необходимость взаимодополняемости, согласованности выступает на всех уровнях становления коммунистической формации, включая наиболее глобальный, характеризующий гармоническое сочетание основных компонентов перерастания развитого социализма в коммунизм, а именно: создание материально-технической базы коммунизма, совершенствование общественных отношений, формирование нового человека, развитие социалистического образа жизни [см. 4, 166, 214]. Это предполагает согласованное решение ряда других проблем экономики, социальной жизни, политики, наконец, комплексный подход к постановке всего дела воспитания.

Глава VI. ВЕЩЬ, СВОЙСТВО, ОТНОШЕНИЕ

§ 1. Вещь, свойство и отношение как всеобщие формы существования материи

Исторически первой всеобщей формой бытия, попавшей в поле зрения человека и так или иначе осознанной им, является, как уже отмечалось ранее, раздельность существования материальных образований, их обособленность, относительная самостоятельность. Осознание этой формы бытия происходит одновременно с возникновением сознания. Первоначальной, элементарной формой проявления сознания является отделение человеком себя от внешнего мира.

Осознание человеком отдельности, относительной самостоятельности своего бытия и бытия объектов внешнего мира фиксируется в понятии «вещь». Вместе с понятием «вещь», обозначающим отдельное, обладающее относительно самостоятельным существованием материальное образование, формируются понятия: «раздельность», «изолированность», «обособленность».

Выделяя себя из природы, человек вместе с тем сталкивается с фактом своей зависимости от внешнего мира. Он может удовлетворять свои потребности и, больше того, отстоять свою «отдельность», относительную самостоятельность, только обращаясь к внешнему миру, так или иначе воздействуя на него, преобразуя его в своих интересах. Зависимость своего бытия от природы и от других людей, а также одних вещей от других человек фиксирует в понятии «связь». Будучи противоположным понятию «раздельность», оно вместе с последним образует понятие «отношение», включающее в себя связь и раздельность в качестве необходимых моментов.

Во взаимодействии человека с природой проявлялись те или иные свойства вещей, которые фиксировались человеком. На этой основе формировались соответствующие представления, а затем и понятия о вещах и явлениях внешнего мира, связанных с человеческой жизнедеятельностью. Способность вещей, вступая в те или иные отношения, проявлять определенные свойства была осознана человеком как особая всеобщая форма бытия наряду с осознанием раздельности и взаимосвязи вещей.

Формирование категорий «вещь», «отношение» и «свойство» играло важную роль в становлении и развитии предметно-преобразующей деятельности и мышления формирующегося человека. Отражение в сознании человека расчлененности материи на относительно устойчивые образования — вещи, обособленности и связи, как необходимые моменты их отношений и проявляющиеся в этих отношениях свойства является, с одной стороны, необходимым условием трудовой деятельности, в процессе которой человек выделяет определенные, обладающие относительной самостоятельностью предметы (вещи), ставит их в новые отношения, заставляет их взаимодействовать и тем самым достигает нужного ему результата — проявления того или иного свойства, а с другой — необходимым моментом структуры его мышления, в процессе которого осуществляются выделение тех или иных идеальных образов (представлений, понятий), постановка их в определенные связи с целью получения нового знания.

Анализируемые категории, как мы видим, отражают расчлененность материи на отдельные относительно устойчивые образования и их взаимосвязь, через которую они проявляют свои свойства. Расчлененность материи на отдельные образования (вещи) является следствием таких фундаментальных закономерностей, как абсолютность движения и относительность покоя.

Вещи как относительно устойчивые системы движения не просто сосуществуют, а взаимодействуют. Во взаимодействии проявляются соответствующие свойства вещей, через которые они раскрывают свою внутреннюю природу, обретают соответствующую определенность и утверждают себя как относительно самостоятельные реальности. Определенная система взаимодействий вещи с другими вещами делает ее тем, чем она является, т. е. определенным устойчивым материальным образованием, обладающим соответствующим набором свойств. Изменение системы взаимодействий неизбежно приводит к изменению вещи, тех или иных ее свойств, а при соответствующих условиях и к ее исчезновению, превращению в другую вещь. Присущие вещи свойства, таким образом, являются результатом ее взаимодействия с другими вещами. Поэтому свойство можно определить как проявление внутренней природы вещи через ее взаимодействие с другими вещами.

Из данного определения следует, что вещь как единство свойств существует лишь в строго определенной системе взаимодействий. Те свойства вещи, которые в этой системе не проявились, реально не существуют, а представляют собой возможность, которая реализуется лишь в определенных условиях, когда вещь вступит в соответствующие взаимодействия.

Зависимость свойств вещи от ее взаимодействий с другими вещами свидетельствует о том, что вещь связана с этими вещами.

Связью является такое отношение между вещами, когда изменение свойств одной вызывает изменение соответствующих свойств другой. Например, химические свойства элементов связаны с ядром, ибо определенные изменения в ядре, в частности изменение его заряда, обусловливают соответствующие изменения химических свойств; или живой организм связан с окружающей его средой: определенные изменения среды вызывают соответствующие изменения в организме. Нетрудно заметить, что связь между вещами обусловлена их взаимодействием, является результатом и необходимой стороной последнего.

Тот факт, что вся материя существует через отдельное и каждая вещь представляет собой относительно устойчивую систему движения, свидетельствует о том, что каждая вещь взаимодействует с другими вещами. Отсюда следует всеобщность взаимодействия. Но если взаимодействие всеобще, то должна быть всеобщей и связь, являющаяся его результатом. Связь может быть как непосредственной, когда материальные образования непосредственно воздействуют друг на друга, так и опосредствованной, когда это воздействие преломляется через ряд звеньев, в роли которых выступают другие материальные образования. Поэтому каждая вещь находится в определенной связи с каждой другой.

Такое понимание всеобщности связи в настоящее время разделяют не только философы, которые руководствуются им как исходным принципом при разработке теории диалектики на основе обобщения достижений современного естествознания, но и представители конкретных наук. Так, например, известный советский физик М. А. Марков по данному поводу пишет: «Согласно современному пониманию структуры элементарных частиц единичное — данная элементарная частица немыслима без всех родов элементарных частиц... Важно, что понимание существования такого единства уже возникло. Опосредованно и непосредственно «Все» в природе связано со «Всем». И это физически дает бесконечное число разнообразных связей, ведущих к богатству свойств единичного объекта. Можно думать, что со временем возникнет понимание единства элементарной частицы и вселенной, ультрабольшого и ультрамалого. Будет ли это единство раскрыто в теории, подобной теории фридмонов, или на каком-то другом пути, но эта тенденция соответствует духу материалистической диалектики» [132, 75].

Определяя категорию «связь», мы использовали понятие «отношение». Каково же содержание этого понятия?

Существует мнение, согласно которому понятие «отношение» является более широким, чем понятие «связь». Оно обозначает любую отнесенность одного объекта к другому [см. 176, 134]. Что же касается связи, то сторонники данной точки зрения считают ее частным случаем отношения, когда «изменение одной вещи вызывает изменение другой» [217, 68]. Но отношение имеет место и тогда, когда такая зависимость отсутствует. «Отношение, — пишет по данному поводу А. И. Уемов, — может заключаться даже в отсутствии связей» [там же].

Данная точка зрения на соотношение категорий «отношение» и «связь» противоречит положению о всеобщей связи явлений действительности, всеобщем взаимодействии материальных образований. Если каждая вещь связана с каждой другой, то любое отношение должно включать в себя ту или иную непосредственную или опосредствованную, прямую или косвенную связь[1].

Но если каждое отношение включает в себя связь, это не означает, что связь и отношение являются одним и тем же и что рассматриваемые нами понятия тождественны. Понятия «связь» и «отношение» совпадают по объему, но различны по содержанию. Понятие «связь» отражает взаимозависимость вещей. Понятие «отношение», фиксируя момент зависимости вещей, отражает и их независимость, относительную самостоятельность. Иными словами, понятие «отношение» отражает как связь, так и раздельность бытия. Раздельность является такой же всеобщей формой бытия, как и связь. Раздельность существования материальных систем предполагает их связь, и наоборот, связь является необходимым условием существования отдельных, относительно устойчивых материальных образований.

Таким образом, всем материальным образованиям свойственны как связь, так и раздельность. Например, атомное ядро органически связано с электронной оболочкой и в то же время обладает относительной самостоятельностью, обособленностью. В нем происходят как изменения, вызывающие изменения оболочки, так и изменения, не затрагивающие ее. Так, изменение заряда ядра влечет за собой изменение электронной оболочки, в то же время постоянный обмен нуклонов на мезоны, сопровождающийся превращением протона в нейтрон, не вызывает изменения электронной оболочки. Или другой пример: организм связан со средой и в то же время существует отдельно от нее, имеет относительную самостоятельность, обособленность. Одни изменения среды вызывают его изменения, другие не вызывают. На организм влияют лишь такие изменения среды, которые касаются сторон, составляющих необходимые условия его существования, на другие изменения он не реагирует.

Итак, связь и раздельность — не два самостоятельных вида отношений, а взаимополагаемые моменты каждого конкретного отношения. Такого понимания отношения придерживается ряд советских философов. Например, Е. Ф. Солопов отмечает, что «всякое объективно реальное отношение есть выражение не только отграниченности явлений друг от друга, но и их единства, есть отношение-связь, а не отношение отсутствия связи между соотносящимися сторонами. Отношение есть всегда форма связи, причем связи диалектически противоречивой, включающей в себя свою собственную противоположность — взаимоисключение, разграничение связанных сторон» [204, 130—131]. Подобный подход к пониманию связи содержится в книге И. И. Новинского «Понятие связи в марксистской философии» [см. 156].

---

[1] Обстоятельная критика попыток обоснования существования отношений, исключающих связь, дана в книге Е. Ф. Солопова «Материя и движение» [см. 204, 124—133].

Несколько отличный от изложенного здесь взгляд на соотношение понятий «взаимодействие», «связь» и «отношение» развивает А. Я. Райбекас. По его мнению, указанные понятия отражают один и тот же процесс, но с разной степенью глубины. В частности, «взаимодействие» отражает реальный процесс движения в том виде, как он протекает в действительности, «связь» отражает внешнюю сторону движения, на уровне явления, «отношение» выражает внутреннюю сторону движения, его сущность. «...Если понятие «взаимодействие», — пишет он, — есть понятие, обозначающее и отображающее материальное движение на уровне действительного процесса, то понятия «связь» и «отношение» суть понятия, которые по-разному, каждое со своей стороны, служат для раскрытия содержания этого реального процесса. Предметом их отражения является, таким образом, одно и то же — материальное движение. Вот почему каждое из них (понятие связи, отношения) не обозначает нечто существующее наряду с другим в онтологическом смысле; они — понятия разного уровня абстракции, с разных сторон и глубиной отображающие один и тот же объективный факт (объект)... Материальное движение, описанное на уровне явления, отображается с помощью понятия взаимозависимости, связи; понятое на уровне сущности — с помощью понятия отношения; познанное на уровне действительного процесса — с помощью понятия взаимодействия» [176, 141].

Можно согласиться с тем, что понятия «взаимодействие», «связь», «отношение» отражают один и тот же объект — материальное движение. Однако, с нашей точки зрения, в этом объекте они отражают различные моменты: категория «взаимодействие» отражает активность относительно устойчивых систем движения, направленность действия каждой отдельной системы на другие, категория «связь» фиксирует момент зависимости этих самостоятельно существующих систем движения друг от друга, категория «отношение» отражает единство зависимости и относительной самостоятельности, связи и раздельности в существовании, функционировании и развитии материальных систем.

Что же касается глубины отражения материального движения в рассматриваемых категориях, то, по нашему мнению, они являются однопорядковыми, отражают одну и ту же ступень познания, а именно ступень познания сущности движения. Рассуждение о том, что категории «связь» и «взаимодействие» отражают движение на уровне явления и лишь понятие «отношение» выражает его сущность, противоречит действительному положению вещей. Связь вещей не лежит на поверхности явления, так же как и взаимодействие, ее обусловливающее. Как и отношение, они составляют внутреннюю сторону движения. Конечно, все эти моменты действительности являются, но не выступают непосредственно на поверхности явления.

Последовательность познания человеком рассматриваемых всеобщих форм бытия также опровергает точку зрения А. Я. Райбекаса: сначала человек фиксирует отношение, затем — взаимодействие и через взаимодействие приходит к выявлению связи. Человеческое познание, как отмечал В. И. Ленин, идет от сосуществования к каузальности, которая представляет собой момент всеобщей взаимосвязи вещей [см. 3, 29, 203].

§ 2. Эволюция понятий «вещь», «свойство», «отношение»

С возникновением сознания и выделением человеком себя из окружающего мира начинается познание объективно существующих вещей и того, чем одна вещь отличается от другой — их свойств и отношений. Причем сначала возникают понятия, фиксирующие различные типы вещей, свойств и отношений, например «животное», «цвет», «сходство», затем появляются категории «вещь», «свойство», «отношение» и лишь впоследствии зарождается философский анализ этих категорий.

Начнем с рассмотрения различных определений категории «вещь», существующих в настоящее время. Будем исходить из того, что различные значения термина «вещь», зафиксированные в этих определениях, возникли в определенной исторической последовательности, причем одно из этих значений возникло первым и породило в результате своего саморазвития все другие значения и весь род этих значений в целом [см. 80, 251]. Чтобы определить, какое значение термина «вещь» сыграло роль «предка — основателя рода», необходимо учесть, что зарождающееся сознание в первую очередь фиксировало те фрагменты действительности, от которых непосредственно зависела жизнь человека, которые удовлетворяли его потребности и на которые поэтому были направлены его практические действия. Можно предположить, что из множества существующих в настоящее время пониманий вещи исторически первым было следующее: вещь — это «предмет, опосредованный человеческим трудом» [249, 19].

Но для успеха практики недостаточно знания о непосредственных предметах труда. Необходимо также знание о потенциальных предметах труда и условиях его протекания. Как только развивающееся человеческое сознание смогло удовлетворить эту потребность практики, в развитии категории «вещь» произошел качественный скачок. Опосредование трудом было исключено из числа дефинитивных признаков вещи, вследствие чего резко возрос класс объектов, охватываемых этим понятием: вещью стали называть любой (а не только опосредованный трудом) материальный объект, самостоятельно существующий в пространстве и времени и обладающий признаками.

Следующий качественный скачок в эволюции категории «вещь» ознаменовался появлением теории, сознательно и целенаправленно исследующей ее содержание. Автором этой теории был Аристотель. Категория «вещь» занимает центральное место в его системе категорий, он называет ее «первой сущностью», основная отличительная черта которой состоит в том, что «из других родов сущего ни один не может существовать отдельно, одна лишь сущность может» [18, 188]. Другие роды сущего — это то, что остается в мире за вычетом вещей, т. е. их свойства и отношения.

Аристотель называет вещью не только то, что актуально существует отдельно, но и то, что «может существовать отдельно», т. е. части вещи. Свойство вещи отличается от ее части тем, что не только не существует, но и не может существовать в отрыве от нее. Наделение свойств и отношений самостоятельным существованием в пространстве и времени (гипостазирование) он считает ошибкой. Аристотель, таким образом, предлагает четкий критерий отличия вещей от свойств и отношений[2].

Второе аристотелевское определение вещи, вытекающее из первого, гласит: «Она то, что не сказывается о субстрате, но о чем сказывается все остальное» [18, 189]. «Все остальное», т. е. свойства и отношения, сказывается о вещи в том смысле, что характеризует вещь, придает ей определенность, является ее признаками. Обратное же невозможно: вещь не может быть признаком свойства и отношения, не может в этом смысле «сказываться» о них.

В целом аристотелевское определение вещи можно сформулировать так: вещь — это то, что обладает признаками и самостоятельно существует в пространстве и времени, но что само не может быть ничьим признаком.

Следующий этап в эволюции понятия «вещь» связан с известным определением Милля: вещь — это «все, что обладает признаками» [140, 25]. Согласно этому определению вещами являются не только материальные образования, самостоятельно существующие в пространстве и времени, но также свойства этих образований и отношения между ними, ибо они также «обладают признаками», например равенство — рефлексивностью, цвет — интенсивностью и т. д. А это значит, что вещь в миллевском смысле «сказывается о других вещах» и не всегда «существует отдельно».

Мы рассмотрели три этапа в эволюции категории «вещь», зафиксированные определениями вещи: 1) как предмета труда; 2) как материального образования, самостоятельно существующего в пространстве и времени; и 3) как любого носителя признаков. Каждый раз количество признаков, фиксируемых этим понятием, сокращалось, а количество объектов, отражаемых им, увеличивалось. Миллевское определение, казалось бы, исчерпало возможности эволюции категории «вещь» в направлении от конкретного к абстрактному. Тем не менее объем этого понятия удалось еще раз существенно расширить. Правда, это было связано с радикальным изменением способа его определения. Рассмотренные выше определения характеризуют вещь через признаки, присущие ей самой по себе, вне и независимо от сознания. Такие определения называют онтологическими. В принципе возможно и гносеологическое определение вещи — через ее отношение к процессу познания. Именно к такому типу принадлежит определение Е. К. Войшвилло: вещи — это «любые объекты мысли» [41, 19]. Трактовка вещи как того, что является или может быть объектом мысли, предметом рационального познания, играет важную роль в гносеологии.

---

[2] Этот критерий сохраняет свое значение и в наше время, особенно в споре современных номиналистов, признающих только реальность вещей в аристотелевском смысле, и платонистов, отстаивающих реальность признаков вещи (свойств и отношений) [286].

От определения вещи через отношение к мысли следует отличать ее определение через отношение к знаковой форме, выражающей эту мысль. Например, А. Черч характеризует вещь как «нечто, что может быть названо» [251, 342]. Такое определение, в отличие от гносеологического, можно назвать семантическим. Экстенсионально оба определения, на наш взгляд, совпадают.

Гносеологическое и семантическое определения вещи являются более общими, чем миллевское. Они позволяют считать вещью не только объект, реально существующий в объективной действительности, но и объект, задаваемый содержанием понятий, например вечный двигатель, который не только не существует, но и не может существовать в принципе. Необходимость говорить о таких вещах диктуется потребностями науки. Например, понятие вечного двигателя используется при формулировке первого и второго начал термодинамики.

Итак, мы рассмотрели первую тенденцию в развитии категории «вещь» — нарастание степени ее абстрактности и общности. Существующие к настоящему времени, казалось бы, несовместимые определения этой категории суть вехи процесса ее становления, обусловленного в конечном счете потребностями все усложняющейся практики.

Отраженные в рассмотренных определениях вещи объективные фрагменты действительности глубоко взаимосвязаны. В сущности, каждый из них является для каждой конкретной исторической эпохи основным предметом практической и теоретической деятельности, носителем исследуемых и используемых признаков, т. е. предметом труда в широком (включающем и умственный труд) смысле слова. В последнем определении вещи эта мысль выражена в «чистом», абстрактном виде, предшествующие же определения можно представить как этапы приближения к ней, отождествляющие вещь с исторически определенным предметом труда.

Вместе с нарастанием абстрактности понятия «вещь» осуществлялся и прямо противоположный процесс — увеличение конкретности знаний о все более и более абстрактно трактуемой вещи. До определенного этапа для такого восхождения от абстрактного к конкретному вполне достаточно было интуитивного представления о присущих вещи признаках. Позднее возникает насущная потребность в философском анализе категорий, отражающих эти признаки.

Признаки, присущие вещам, отражаются такими парами категорий, как «качество» и «количество», «сущность» и «явление», «единичное» и «общее» и т. д. Каждая категориальная пара дихотомически делит все множество присущих вещи признаков по одному основанию. В данном контексте нас интересует только основание для деления признаков вещи на свойства и отношения. Первым на это основание указал Аристотель в своем определении отношения как признака, сопринадлежащего нескольким вещам. Например, отношение равенства между А и В понимается как признак, принадлежащий А, но вместе с тем сопринадлежащий и В. Следовательно, основанием для деления признаков на свойства и отношения, по Аристотелю, является количество носителей отдельного признака[3]: отдельный признак, принадлежащий одному носителю, называется свойством, отдельный признак, сопринадлежащий нескольким носителям, — отношением. Существуют и другие формулировки аристотелевского определения отношения: «свойство, характеризующее две или более вещи» [215, 58], признак, который «характеризует по меньшей мере два объекта вместе» [207, 138], и т. д. Все они отличают отдельное отношение от отдельного свойства по количеству носителей (мест).

В дальнейшем было замечено, что самим фактом своей сопринадлежности нескольким объектам отношение в некотором смысле объединяет эти объекты, устанавливает между ними определенное единство. Это единство может быть и едва заметным, например между элементами некоторого класса, и фундаментальным, например между элементарными частицами в атоме вещества, между социальными классами и т. д. Именно эту функцию отношения фиксирует определение А. Хорвата, согласно которому отношение «наряду с резким противопоставлением объектов осуществляет их подчас совсем незначительное объединение» [282, 54]. Недостаток этого понимания заключается в том, что отношению приписывается функция не только отношения, но и свойства. Между этими двумя признаками вещи существует, так сказать, «разделение труда»: свойство образует «внутреннюю границу» вещи, а отношение «прорывает» эту границу, осуществляет единство вещей.

Если отношение в силу своей сопринадлежности вещам объединяет их, значит, оно в некотором смысле образует новую вещь. Отношение сходства образует, например, такую в высшей степени эфемерную вещь, как класс (вещь в миллевском смысле), а гравитационное притяжение создает из планет солнечную систему (вещь в аристотелевском смысле), социальные связи объединяют людей в такую «вещь», как человеческое общество и т. д. Так возникает новое, третье по счету определение отношения, которое наиболее четко выразил А. И. Уемов: «Отношением будем называть то, что образует вещь из данных элементов» [215, 51]. Данное определение не только является прямым потомком аристотелевского, но и «наследует» его трудности: строго унарное отношение объекта к самому себе (если такое существует) не только не «сопринадлежит нескольким объектам», но и не «образует вещь из данных (нескольких. — *Г. Л.*) элементов».

---

[3] Отдельным называют признак, рассматриваемый в абстракции от тех отношений сходства и несходства к другим признакам, которые делают его общим или единичным.

А. И. Уемов испытывает трудности с определением свойства. Причина этих трудностей заключается в том, что тройку понятий «вещь» — «свойство» — «отношение» он заменяет тройкой понятий «вещь» — «элемент» — «отношение». Элемент — это то, из чего отношение образует данную вещь. В том частном случае, когда элементом вещи оказывается свойство, его можно определить таким же образом. Когда же элементом является вещь в аристотелевском смысле, «свойство» выступает уже не третьим, а четвертым понятием данной системы категорий.

Ценность определения отношения, сформулированного А. И. Уемовым, заключается в том, что оно схватывает связь категории «отношение» с категорией «структура», а категории «вещь» — с категорией «система».

Несколько иначе, чем А. И. Уемов, но опять-таки через целое, элементами которого являются отношения, определяет эту категорию А. Хорват: отношение — это определенность, «которая принадлежит отдельным объектам как частям целого» [282, 61]. И пожалуй, самое тяжеловесное выражение этой мысли содержится у Милля: «Признак, основанный на каком-либо факте, в который входят зараз два предмета, будет отношением между этими двумя предметами» [140, 59]. Милль, таким образом, рассматривает целое, которое образуют две вещи, как факт, а отношение между ними — как признак, основанный на этом факте.

В рассмотренных до сих пор определениях отношение и свойство лишь различались: по количеству носителей, по функциям, которые они выполняют в обладающих ими вещах, по роли, которую они играют в целом, включающем в себя эти вещи. Однако между свойствами и отношениями существует не только сходство и различие, но и взаимосвязь, причем именно взаимосвязь представляет наибольший интерес для их диалектической трактовки.

Простейшее решение вопроса о взаимосвязи свойств и отношений дает мнение, согласно которому отношение чуждо природе обладающих им вещей и привносится в них извне. Противоположную трактовку отношения классическим образом выразил К. Маркс в известном положении: «...свойства данной вещи не возникают из ее отношения к другим вещам, а лишь обнаруживаются в таком отношении...» [1, 23, 67]. Маркс не просто утверждает здесь связь между свойствами и отношением вещи, но и вскрывает характер этой связи: свойство вещи трактуется им как сущность, а отношение к другой вещи — как форма проявления, обнаружения этой сущности[4].

Чтобы проанализировать данное положение К. Маркса, необходимо учесть контекст, в котором оно сделано. Маркс высказывает его при исследовании равенства стоимостей двух товаров. Речь идет об отношениях, которые меняются при изменении свойств одного из предметов (стоимости товара А) и тем самым служат формой проявления не только факта существования этого свойства, но и его изменений. Но они не изменяют при этом свойств другого предмета (стоимости товара В) и тем более не создают этого свойства.

В отношении к другому предмету проявляются не все свойства данного предмета. В стоимостном отношении товаров, например, их природные свойства не обнаруживаются. Непосредственно порождает это отношение и в силу этого проявляется в нем социальное свойство товара — его стоимость. Свойство предмета, которое непосредственно порождает данное его отношение к другому предмету и, следовательно, проявляется в этом отношении, называется основанием отношения[5]. Существенно, что основание отношения — это не потенциальный, диспозиционный, а реально присущий предмету признак: стоимость, например, реально принадлежит товару, кристаллическая структура — исландскому шпату и т. д. Для того чтобы такое актуальное свойство существовало, достаточно существования самого предмета. Для существования же отношения к другому предмету необходимо существование этого предмета. Пока его нет, отношение существует как возможность, предрасположенность, диспозиция. Эта предрасположенность присуща предмету самому по себе и поэтому подходит под аристотелевское определение свойства. Именно по этому критерию Маркс различает реальное отношение и потенциальное, или, как сейчас говорят, диспозиционное свойство предмета: «*Отношение* одной вещи к другой есть отношение этих двух вещей между собой, и о нем нельзя сказать, что оно принадлежит той или другой из них. *Способность вещи* есть, наоборот, нечто внутренне присущее вещи, хотя это внутренне присущее ей свойство может проявляться только в ее отношении к другим вещам» [1, 26, III, 143].

---

[4] Такая трактовка взаимосвязи свойств и отношений вещи для К. Маркса не абстрактный академический тезис, а методологический принцип, использованный им при анализе стоимостных отношений, приведшем к открытию стоимости. Не случайно противники трудовой теории стоимости, в частности С. Бейли, нападали на данную трактовку взаимосвязи свойств и отношений, и Марксу пришлось ее отстаивать [см. 1, 26, III, 125—162].

[5] О понятии «основание отношения» см. [140, 58; 282, 52—77; 120, 570].

Таким образом, выстраивается следующая иерархия. Всякая вещь обладает актуально существующими признаками (размером, стоимостью, структурой и т. д.). Эти признаки обусловливают способность вещи вступать в отношения (в том числе и взаимодействия) с другими вещами. Эти способности образуют второй вид свойств вещи — ее диспозиционные свойства [см. 155]. Последние превращаются в реальное отношение, как только появляется предмет, тоже обладающий способностью вступать в это отношение. Превращаясь в реальное отношение, диспозиционное свойство тем самым и проявляется в нем. Таким образом, исследуемая нами связь реального свойства и реального отношения осуществляется не непосредственно, а через некоторую переходную форму — диспозиционное свойство, совмещающее в себе черты свойства и отношения.

Некоторые авторы пытаются все свойства, присущие предмету, истолковывать как диспозиционные. «Под термином «свойства предмета», — пишет, например, Ф. В. Лазарев, — следует понимать потенциальные возможности предмета, которые реализуются только при наличии соответствующего второго объекта» [109, 223]. Возникает вопрос: чем создаются так понимаемые свойства предмета? Его отношением к другим предметам? С этим автор, видимо, не согласится. Или реально существующими признаками, присущими предмету самому по себе? Если признать второе, то следует согласиться с тем, что эти свойства обусловливаются второй разновидностью свойств в их аристотелевском понимании. Следовательно, свойства — это не только «потенциальные возможности предмета», но и признаки, актуально присущие ему самому по себе.

Недостатком концепции, трактующей всякое свойство предмета как возможность его отношения к другому предмету, является и то, что она не учитывает второй разновидности диспозиционных свойств — способности предмета приобретать новые свойства. Скажем, способность белого олова превращаться в серое является диспозиционным свойством, но это не есть его способность (по крайней мере, непосредственно) вступать в некоторое отношение с другим предметом. Следовательно, необходимо различать два типа диспозиционных свойств: способность приобретать новые свойства и способность приобретать новые отношения к другим предметам.

Положение, что связи между предметами порождаются свойствами этих предметов, для диалектического материализма бесспорно: альтернативным является утверждение, что связи вносятся в предметы извне. Но применима ли к связям первая часть анализируемого нами положения К. Маркса: «Свойства данной вещи не возникают из ее отношения к другим вещам»? Напрашивается очевидный контрпример: свойства вещи порождаются любым причинным отношением между вещами. А это значит, что связь и порождается свойствами вещей, и порождает свойства вещей. Это утверждение выглядит противоречивым. Чтобы истолковать это противоречие как кажущееся, необходимо принять во внимание следующее известное положение теории отношений: отношение между А и В распадается на отношение А к В, которое называется прямым, и отношение В к А, которое называется конверсным. Эту дистинкцию Маркс, как известно, не только вводит, но и использует для различения меновой и эквивалентной форм стоимости. С использованием этой дистинкции положение «связь порождает свойства предметов и порождается ими» можно уточнить так: причинное отношение А к В порождается свойством А и порождает свойство В, но не порождает свойства А; конверсное ему причинное отношение В к А порождается свойством В, порождает свойство А, но не порождает свойства В.

Подведем итог. Мы показали, что отдельные аспекты объективно существующих вещей, их свойств и отношений к настоящему времени выявлены, проанализированы и даже зафиксированы в соответствующих определениях.

Вещь представляет собой отдельное материальное образование, относительно устойчивую систему движения. Будучи относительно устойчивыми системами движения, вещи не просто существуют рядом, а воздействуют друг на друга. В результате взаимодействия у вещей проявляются соответствующие свойства, раскрывающие их природу. Взаимодействие вещей обусловливает их относительную самостоятельность, раздельность бытия и взаимосвязь. Единство раздельности существования вещей и их взаимосвязи отражается в категории «отношение».

Более или менее полное раскрытие в нашей литературе содержания категорий «вещь», «свойство» и «отношение» позволило нам сосредоточиться на решении двух диалектических задач: во-первых, на исследовании взаимосвязи тех черт, которые составляют содержание объективно существующих вещей, свойств и отношений, и, во-вторых, на анализе взаимосвязи самих этих вещей, свойств и отношений. Методологическим принципом, с помощью которого мы анализировали эти два типа взаимосвязи, был анализ исторической последовательности, в которой отражались и теоретически осмысливались как сами вещи, свойства и отношения, так и отдельные элементы их содержания. Анализ причин, обусловивших именно такую последовательность их отражения, был и анализом объективно существующих между ними связей.

Глава VII. ДВИЖЕНИЕ И РАЗВИТИЕ

§ 1. Движение как всеобщая форма бытия материи

Движение есть взаимодействие. «В том обстоятельстве, — писал Ф. Энгельс, — что... тела находятся во взаимной связи, уже заключено то, что они воздействуют друг на друга, и это их взаимное воздействие друг на друга и есть именно движение» [1, 20, 392]. Следовательно, познание взаимосвязи предметов, событий, явлений и познание их взаимодействия означает вместе с тем и познание движения. В процессе практической деятельности люди не могли не убеждаться, что окружающие их явления с течением времени претерпевают различные изменения. Трудовая деятельность на всех этапах существования человеческого общества была направлена на изменение тех или иных предметов. А это значит, что процесс изменения предметов и явлений, их движение осознавались людьми на начальных стадиях развития познания.

Без всякого преувеличения можно сказать, что учение о движении разрабатывалось на протяжении всей истории философской мысли.

На первых, начальных стадиях развития философии движение понималось как возникновение одного и уничтожение другого. Такое понимание движения, в частности, характерно для первых древнегреческих философов (Фалеса, Анаксимена, Анаксимандра). Выдвигая на первый план движение, изменение, они, однако, упускали из виду устойчивость. На это обратили внимание последующие мыслители, в частности элеаты (Ксенофан, Парменид, Зенон). В качестве исходного принципа они выдвинули устойчивость, абсолютизировали ее и пришли к отрицанию движения. Эмпедокл восстановил исчезнувшее движение, но сохранил и устойчивость. Выдвинутые им четыре «корня» (вода, воздух, огонь и земля), образующие вещи, вечны и неизменны. Движение же у него представляет собой не уничтожение одного и возникновение другого, как это было у Фалеса, Анаксимена и Анаксимандра, а как перемещение указанных неизменных «корней», их соединение и разделение. Аристотель восстановил точку зрения, рассматривавшую движение как возникновение одного и уничтожение другого. При этом он в «снятом», т. е. преобразованном, виде включил в свое учение о движении воззрения Эмпедокла. По Аристотелю, движение — это не только уничтожение и возникновение, но и рост, уменьшение, качественное изменение, а также перемещение тел в пространстве.

В последующие периоды развития материалистической философии в понимании движения намечается тенденция абсолютизации механической формы движения материи. В XVII—XVIII вв. эта тенденция становится господствующей. В этот период движение трактуется как перемещение тел в пространстве. «Движение, — писал Гольбах, — это усилие, с помощью которого какое-нибудь тело изменяет или стремится изменить свое местоположение» [55, 13]. Такое понимание движения является ограниченным, не охватывает всего многообразия изменений, свойственных материи. Не являются простым перемещением, например, изменения, происходящие в атомном ядре, в живом организме, в обществе и т. д.

Впервые последовательно научное определение движения было дано основоположниками диалектического материализма, в частности Ф. Энгельсом, который писал: «Движение, в применении к материи, — это *изменение вообще*» [1, 20, 563], оно «обнимает собой все происходящие во вселенной изменения и процессы, начиная от простого перемещения и кончая мышлением» [там же, 391].

В диалектическом материализме движение рассматривается как атрибут материи, ее коренное, неотъемлемое свойство. Не было, нет и не может быть материи без движения, так же как и движения без материи. «Материя без движения, — отмечал Ф. Энгельс, — так же немыслима, как и движение без материи» [1, 20, 59].

Признание неразрывности материи и движения означает признание абсолютности движения. Если нет материи без движения, то движение абсолютно. Движение так же вечно, «так же несотворимо и неразрушимо, как и сама материя...» [там же]. Движение несотворимо и неразрушимо потому, что существует в единстве с материей, является способом ее существования.

«Отрыв» движения от материи в конечном счете ведет к идеализму. «Попытка *мыслить* движение без материи, — писал В. И. Ленин, — протаскивает *мысль*, оторванную от материи, а это и есть философский идеализм» [3, 18, 284]. Ярким примером трактовки движения как самостоятельной, независимой от материи субстанции является «энергетизм» — философская школа, возникшая в конце прошлого столетия, основанная крупным немецким естествоиспытателем Вильгельмом Оствальдом.

В. Оствальд исходил из того, что не материя, а энергия является единственной субстанцией всего существующего. Он считал, что природные, общественные и психические явления сводятся к различным состояниям энергии, и вполне сознательно поставил перед собой задачу, заключающуюся в построении миросозерцания исключительно из энергетического материала, совершенно не пользуясь понятием материи. Если учесть, что энергия выступает в качестве общей меры различных форм движения, то здесь речь идет о сведении всего существующего к движению, о попытке обосновать возможность существования движения без материи.

В. И. Ленин в книге «Материализм и эмпириокритицизм» продемонстрировал философскую несостоятельность «энергетизма» Оствальда, раскрыл его идеалистический смысл.

Учение Оствальда было с восторгом встречено идеалистами. В настоящее время «энергетизм» берется на вооружение буржуазными философами и пользуется известной популярностью среди естествоиспытателей. Нынешние сторонники «энергетизма» в большинстве случаев не решаются открыто сводить материю к энергии. Их основной тезис гласит, что при некоторых условиях материя может полностью превратиться в энергию и, наоборот, энергия — в материю. Так, находясь под влиянием «энергетизма», один из крупнейших современных физиков В. Гейзенберг в одной из своих последних работ утверждал, что, «принимая форму элементарных частиц, энергия может превратиться в вещество... Различные элементарные частицы можно рассматривать как разные формы существования фундаментальной субстанции — материи или энергии» [52, 12].

Гносеологическая ошибка В. Гейзенберга в данном случае заключается в неверном истолковании того факта, что, например, соударение двух частиц высокой энергии действительно может привести к появлению множества других частиц. В. Гейзенберг отвлекается от особенностей элементарных частиц как конкретных материальных образований и абсолютизирует значение высоких энергий, считая, что именно «большая кинетическая энергия соударяющихся частиц превращается в вещество, в появляющиеся частицы...» [там же, 11].

Хотя идеи «энергетизма» проводятся более или менее завуалированно, тем не менее их основа остается старой. Ведь если бы энергия действительно могла превращаться в материю (или в одну из ее конкретных форм — вещество), то это означало бы существование материи без движения. А если бы материя могла полностью переходить в энергию, то тогда была бы возможность существования энергии, движения без материи. Современный «энергетизм» так же, как «энергетизм» В. Оствальда, «отрывает» движение от материи.

Современные представители «энергетизма» пытаются доказать свою правоту ссылками на различные реально протекающие процессы, в частности на процесс электронно-позитронной аннигиляции. Как известно, столкновение электрона со своей античастицей — позитроном — приводит к превращению этой пары в фотоны (в большинстве случаев — в два фотона). Сторонники «энергетизма» объявляют электрон и позитрон частицами вещества или частицами материи, а фотоны — кванты поля электромагнитного излучения — порциями энергии и делают вывод о превращении материи в энергию.

Данная интерпретация процесса электронно-позитронной аннигиляции противоречит не только философскому материализму, но и современным физическим представлениям об этом процессе. Согласно квантовой теории физическое поле представляет собой некоторую совокупность взаимодействующих квантов (простейших элементов поля). Причем в роли квантов выступают элементарные частицы. Следовательно, граница, разделяющая понятия «частица» и «поле», на уровне элементарных частиц уничтожается. Действительно, фотон, который не имеет массы покоя, является и элементарной частицей, и квантом поля (практически это одно и то же). Электрон и другие элементарные частицы, обладающие массой покоя, также являются и частицами, и квантами соответствующих полей. Поэтому в процессе аннигиляции электрона и позитрона происходит превращение одних элементарных частиц в другие, или превращение квантов одного физического поля в кванты другого физического поля, а не превращение материи в энергию. Да и само понятие «аннигиляция» в справочной физической литературе обычно определяется как «процесс превращения частицы в античастицы, в другие частицы, происходящий при их столкновении» [233, 63].

Кроме того, электронно-позитронная аннигиляция является вовсе не единственным видом аннигиляции. Однако никто из представителей «энергетизма» не заявляет о превращении материи в энергию, например при аннигиляции нуклона и антинуклона с испусканием пи-мезонов. Такое равнодушие к данному процессу объясняется наличием у пи-мезонов массы покоя, отсутствующей у фотонов. Следовательно, в конечном счете гносеологические корни интерпретации электронно-позитронной аннигиляции как превращения материи в энергию заключаются в абсолютизации значения отсутствия у фотонов массы покоя. Однако с точки зрения материалистической диалектики наличие массы покоя не является необходимым признаком материи. Тем самым тезис о превращении материи в энергию при данном виде аннигиляции теряет всякий смысл.

Анализ аргументации современных последователей В. Оствальда не оставляет сомнений в ложности этой разновидности физического идеализма и истинности диалектико-материалистического положения о неразрывности движения и материи.

Как атрибутивное свойство материи движение абсолютно. Вместе с тем поскольку движение есть любое изменение вообще, а каждое конкретное изменение относительно, постольку движение относительно. Не случайно, например, перемещение одного тела можно определить лишь относительно положения других тел, а появление новых систем, свойств и отношений можно заметить только при сравнении их с ранее существовавшими системами, свойствами и отношениями. Все это говорит о действительной относительности движения. Таким образом, с точки зрения материалистической диалектики движение представляет собой единство абсолютного и относительного.

§ 2. Движение и развитие. Формы движения материи

Диалектико-материалистическая философия исходит из признания качественного многообразия форм движения материи. Различная направленность движения дает основание для выделения следующих трех типов движения: 1) движение от низшего к высшему, т. е. по восходящей линии (например, общий ход процесса познания); 2) движение по нисходящей линии (например, старение и умирание живого организма); 3) движение, не характеризующееся ни восходящими, ни нисходящими переходами (например, вращение ротора).

Для каждого отдельного предмета движение третьего типа не является длительным. По истечении определенного периода времени оно переходит в движение первого или второго типа. Исключением является лишь процесс изменения вселенной в целом, поскольку для нее, как указывал Ф. Энгельс, характерен «круговорот, в котором каждая конечная форма существования материи — безразлично, солнце или туманность, отдельное животное или животный вид, химическое соединение или разложение — одинаково преходяща и в котором ничто не вечно, кроме вечно изменяющейся, вечно движущейся материи...» [1, 20, 362—363]. Понятие круговорота часто (и не без основания) связывают с метафизическим воззрением на мир. Однако в данном случае оно не содержит в себе метафизического смысла. Как справедливо отмечает Л. А. Петрушенко, «понятие круговорота, известное задолго до Энгельса, было им использовано для обозначения сохранения вечной и всесторонней взаимопревращаемости материи и всех материальных образований. Понимаемый в таком смысле круговорот представляет собой всеобратимый самообновляющийся процесс...» [164, 233]. Вместе с тем вывод о том, что вселенной в целом присущи необратимые изменения, по отношению к которым понятия восходящего и нисходящего движения неприменимы, является только предположительным. В наши дни еще нет всех необходимых данных, свидетельствующих о его истинности.

Движение первого типа, т. е. изменение по восходящей линии от низшего к высшему, от простого к сложному, чаще всего называется развитием. Из этого определения следует, что категория движения по своему объему шире категории развития. Любое развитие есть движение, но не любое движение является развитием. Хотя понятие «развитие» у́же по объему понятия «движение», тем не менее категория «развитие» занимает в марксистско-ленинской философии одно из центральных мест. И это не случайно. Процесс развития играет особо важную роль в истории человеческого общества. Всемирную историю, конечно, нельзя считать идущей вперед совершенно гладко и только по прямой линии. Но все же основное направление общественных изменений — это изменения от низшего к высшему. А поскольку история делается людьми, постольку понимание ее общего направления имеет первостепенное значение.

Кроме того, второй и третий типы движения тесно связаны с процессом развития. Круговорот в большинстве случаев оказывается своеобразным подготовительным этапом к переходу в движение первого или второго типа. Вместе с тем изменения по нисходящей линии часто являются условием развития. В истории биологической эволюции, например, вымирание того или иного вида животных обычно было одним из условий появления или распространения более высокого вида. Таким образом, движение второго и третьего типов может переходить в развитие.

Вместе с тем существует и противоположная точка зрения, сформулированная С. П. Дуделем и Г. М. Штраксом. По мнению этих авторов, «не следует рассматривать движение как более всеобщую категорию, чем развитие в отношении конечных систем и в отношении всей материи» [68, 6]. Такой вывод обосновывается тем, что категория «развитие» является более богатой, так как включает в себя наряду с пространственным перемещением и качественные изменения, и признак необратимости, который, в частности, находит свое выражение и в характеристике направленности развития» [там же, 5].

С одной стороны, недостатком данной точки зрения является сведение движения к пространственному перемещению, что противоречит марксистскому пониманию движения как изменения вообще. С другой стороны, связывая развитие с любым качественным изменением и необратимостью процессов, С. П. Дудель и Г. М. Штракс упускают из виду его специфику: необратимость характерна не только для развития, но и для всякого движения, включая пространственные перемещения. Качественный характер изменений и необратимость являются необходимыми, но недостаточными признаками развития, которое характеризуется также поступательностью и усложнением способности к взаимодействию.

В советской философской литературе существует также точка зрения, связанная с отождествлением понятий «движение» и «развитие». Наиболее четко ее сформулировал В. А. Босенко: «С позиций диалектического понимания развития как всеобщего принципа движение и развитие в сущности есть одно и то же. В действительности есть одно, движение, которое всегда развитие» [35, 58].

Данная точка зрения неоднократно подвергалась вполне обоснованной критике. «...Отождествление движения и развития, — как справедливо отмечает Е. Ф. Молевич, — не раз приводило и приводит исследователей к серьезным трудностям и ошибкам» [142, 32]. Отождествление движения и развития приводит не только к неверным теоретическим выводам, но и к серьезным практическим ошибкам. По этому поводу А. П. Шептулин писал: «Нетрудно заметить, что данная точка зрения является теоретической базой всевозможного произвола, безрассудства, анархизма в практической деятельности. Больше того, она может служить теоретическим оправданием ревизионизма. Раз всякое изменение является развитием, значит, ревизионисты, изменяющие коренные положения марксизма, правы, когда заявляют о том, что развивают марксизм» [257, 8]. Представляется, что сказанное не нуждается в комментариях.

Общепризнанным в советской литературе является положение о существовании различных форм движения материи[1]. Классификация и выявление взаимосвязи различных форм движения материи имеют принципиально важное значение для решения вопроса о структуре современного научного знания. Научная классификация форм движения не только является отражением достигнутого уровня знания о движении материальных объектов, но и служит дальнейшему углублению познания, определяя его методологические принципы. Этим объясняется напряженный интерес к проблеме классификации форм движения материи, которая широко обсуждается в советской философской литературе.

В настоящее время предпринимаются многочисленные попытки уточнить те или иные положения энгельсовского учения о формах движения и их классификации в соответствии с современным уровнем развития научного знания, выдвигаются гипотезы о существовании ранее неизвестных форм движения материи (космологической, кибернетической, ландшафтной и др.). Однако до сих пор не было достигнуто единодушие в решении указанных проблем. Дискуссия о проблемах взаимосвязи форм движения материи в значительной степени осложняется тем, что в нашей философской литературе отсутствует «общепризнанное» определение понятия «форма движения материи». Между тем это понятие играет важную роль в философском осмыслении развития современного естествознания [см. 138].

С нашей точки зрения, адекватное определение формы движения материи может быть получено путем прямого применения общефилософской категории формы к анализу этого понятия. Под содержанием той или иной системы будем понимать совокупность всех ее элементов, а под формой — организацию устойчивых связей между ними. Исходя из этого, содержание движения материи можно определить как изменение материальных объектов, находящихся во взаимодействии. Форма же движения материи будет определяться как организация устойчивых связей между взаимодействующими элементами (материальными объектами). Но система таких связей определяется действием законов движения, ибо закон представляет собой устойчивую форму существенных и необходимых связей — одну из форм устойчивости. Таким образом, можно сделать вывод, что «формой движения» являются законы, согласно которым осуществляются взаимодействия и изменения[2].

---

[1] Вместе с тем в последние годы появилось мнение, согласно которому понятие «форма движения материи» устарело и не соответствует современному уровню развития науки [см., например, 248]. Однако использование в современной науке наряду с понятием «форма движения материи» таких понятий, как «структурный уровень материи» [см. 211], «физическая реальность» [см. 15, 70; 71] и т. п., не свидетельствует об этом, поскольку они ни по содержанию, ни по объему не совпадают с понятием «форма движения материи». Как справедливо отмечает Е. Ф. Солопов, «нет никаких оснований отбрасывать понятие формы движения материи или как-то пренебрегать понятием структурного уровня материи. Первое из них не устарело, а второе не является лишь модным нововведением. Это действующие понятия современной методологии науки» [204, 214].

На основании определенных критериев эти законы можно объединить во взаимосвязанные группы. Тогда в качестве форм движения материи будут выступать группы изменений, объединенные общностью своего подчинения определенным законам. Для классификации изменений по формам движения материи, прежде всего, следует установить специфичность типа взаимодействия, выявить однородные законы движения и определить их «сферу приложения». Субординацию форм движения можно установить, во-первых, исходя из числа и сложности законов, действующих в них; во-вторых, исходя из «рамок поведения» и условий существования материальных носителей движения; в-третьих, исходя из сложности последних, причем в этом случае основное внимание нужно уделять специфическим материальным носителям, т. е. таким носителям, при отсутствии которых та или иная форма изменения была бы невозможна. Конечно, в каждом конкретном случае перечисленные признаки могут несколько видоизменяться в зависимости от специфики того или иного структурного уровня материи и представляющих его объектов.

При исследовании проблем движения часто приходится пользоваться не только понятием «форма движения», но и понятием «основная форма движения». Основные формы движения материи — это группы изменений, подчиненные законам весьма широкой общности[3]. Если же говорить о движении в целом, то оно охватывается действием всеобщих законов, т. е. действием законов диалектики.

Известно, что диалектико-материалистическая классификация основных форм движения материи впервые была разработана Ф. Энгельсом. Классификация Энгельса включала механическую, физическую, химическую, биологическую и социальную формы движения материи. Однако данную классификацию, основанную на конкретных достижениях естествознания второй половины прошлого века, Ф. Энгельс вовсе не считал завершенной и окончательной, хорошо понимая, что последующее развитие науки может внести в нее некоторые коррективы.

---

[2] В этом смысле, по-видимому, можно интерпретировать понятие «форма существования материи» как «закон существования материи».

[3] Нельзя не согласиться с Б. М. Кедровым, указывающим, что понятие «основная форма движения» «охватывает чрезвычайно широкие области явлений, на которые непосредственно распадается вся природа и которые исчерпывают собой совершающиеся в ней процессы. Основных форм движения немного; им отвечают основные разделы всего естествознания («фундаментальные науки»)» [90, 167].

В первой четверти нашего столетия В. И. Ленин разработал ряд вопросов материалистической диалектики, имевших важное значение для проблемы классификации форм движения материи. Сформулированное В. И. Лениным определение понятия материи, его указание на «неисчерпаемость электрона» и «бесконечность материи вглубь», разработка вопроса о двух концепциях развития, определение единства и «борьбы» противоположностей как сути, ядра диалектики, обобщение выработанных К. Марксом и Ф. Энгельсом принципов развития и единства материального мира — все это означало дальнейшее развитие и обогащение положений, на которых основывалась классификация форм движения материи, разработанная Ф. Энгельсом.

Развитие науки второй половины XX в. делает необходимым дальнейшую разработку энгельсовской схемы классификации форм движения материи. В свете современных научных данных содержание большинства форм движения оказалось богаче, чем считалось ранее. Современная наука установила, что механическая форма движения включает в себя качественные изменения. Возникла квантовая механика, качественно отличная от механики классической. Физическая форма движения с современной точки зрения включает в себя в первую очередь сильное, электромагнитное, слабое и гравитационное взаимодействия, тепловые процессы и процессы изменения космических систем. Много нового известно сейчас о химических и биологических процессах. Однако новые знания отнюдь не опровергают положение Ф. Энгельса о существовании пяти основных форм движения материи и тем более не отрицают исходных принципов его классификации [4].

§ 3. Движение как единство бытия и небытия

Движение как атрибут материи, как изменение вообще обусловливает постоянное изменение материи, каждого конкретного ее образования, каждой вещи. В каждый данный момент вещь и тождественна себе, и нетождественна, потому что в ней происходят определенные изменения: что-то исчезает, уходит в небытие, и что-то возникает, утверждается. Изменение таким образом представляет собой единство двух прямо противоположных тенденций: возникновения и исчезновения двух органически связанных между собой моментов — бытия и небытия.

Фиксация бытия и небытия как специфических философских категорий впервые более или менее отчетливо наметилась в древнегреческой философии. Две противоположные концепции бытия были выдвинуты Парменидом и Гераклитом. Парменид противопоставлял бытие и небытие («бытие есть, а небытия нет»). Гераклит утверждал их диалектическое единство («Одна и та же вещь существует и не существует»). В новейшей философии глубокий диалектический анализ категорий бытия и небытия был осуществлен Гегелем. Однако гегелевская трактовка диалектики бытия и небытия была идеалистической. Подлинно научное содержание категории «бытие» и «небытие» приобретают только в материалистической диалектике, разработанной К. Марксом, Ф. Энгельсом и В. И. Лениным.

---

[4] Обоснование этого мнения дано автором главы в его книге [см. 37].

Понятия «бытие» и «небытие» в обобщенном виде отражают объективно существующие бытие и небытие. Бытие — это наличие тех или иных качеств, небытие — это их отсутствие. Каждый объективный процесс включает в себя как бытие, так и небытие. Например, капитализм на первом этапе своего существования развивается без монополий, на базе свободной конкуренции; на втором этапе, наоборот, свободная конкуренция отсутствует, зато господствуют монополии. Таким образом, развитие капитализма представляет собой единство бытия и небытия.

Рассмотрение диалектики бытия и небытия предполагает выявление их противоположности и их единства.

Очевидно, что бытие и небытие противоположны, отрицают друг друга. Бытие означает то, что есть, присутствует, а небытие, наоборот, то, чего нет, что отсутствует. Присутствие и отсутствие исключают друг друга.

Однако противоположность бытия и небытия составляет лишь один, наиболее бросающийся в глаза момент их взаимосвязи. Вторым, наиболее существенным моментом взаимосвязи бытия и небытия является их взаимное проникновение, переход друг в друга.

Единство бытия и небытия проявляется прежде всего в том, что они полагают друг друга. Парменидовское «всеобъемлющее бытие», исключающее какое бы то ни было небытие, немыслимо. Например, признавая бытие определенного качества у одних объектов, мы тем самым предполагаем небытие этого качества у каких-то других объектов или у тех же объектов, но в другое время.

Однако отмеченная связь бытия и небытия не выявляет еще глубины их взаимоотношения. Дело в том, что здесь бытие и небытие распределяются между разными объектами. Вместе с тем один и тот же объект представляет собой противоречивое единство бытия и небытия. Например, на земле существует атмосфера (имеет место бытие последней). Зато она лишена высокой температуры, которой обладает солнце (здесь имеет место небытие).

Но и данная связь еще не раскрывает диалектику бытия и небытия. Гораздо более полно диалектика бытия и небытия раскрывается в тех случаях, когда одно и то же свойство присутствует (бытие) у объекта и отсутствует у него (небытие). Например, на первом этапе своего существования земля была лишена атмосферы (небытие), а потом атмосфера появилась (бытие). Здесь бытие и небытие атмосферы свойственно одному и тому же объекту на разных стадиях его развития.

Однако бытие и небытие могут быть свойственны одному и тому же объекту или роду объектов в одно и то же время. Так, одна и та же виноградная лоза в одно и то же время (летом) на юге вызревает, а на севере не вызревает. Здесь мы имеем дело с более тесной связью бытия (вызревание) и небытия (невызревание): они относятся к одному и тому же объекту и в одно и то же время. Вместе с тем у нас все еще фигурируют разное место или разные условия.

Теперь поставим вопрос: возможна ли такая ситуация, в которой бытие и небытие были бы присущи одному и тому же объекту в одно и то же время и в одном и том же месте (в одних и тех же условиях)? В этом вопросе суть диалектики, которая в отличие от метафизики не распределяет противоположности между разными объектами, разными условиями места и времени, а рассматривает их в качестве присущих одному и тому же процессу. Да, такие ситуации бывают, и они характерны для процессов изменения, движения и развития. А так как все движется, изменяется, развивается, то подобное единство противоположностей универсально.

Диалектика бытия и небытия может быть продемонстрирована на примере возникновения вещи. Процесс возникновения включает в себя как бытие, так и небытие. В самом деле, раз вещь уже возникает, то ей присуще бытие. Но поскольку вещь еще только возникает, ей свойственно и небытие. До своего возникновения вещь находилась в состоянии небытия, после возникновения — в состоянии бытия, а в момент возникновения — в состоянии и бытия, и небытия одновременно. Она переходит из состояния небытия в состояние бытия. В процессе исчезновения, наоборот, вещь из бытия переходит в небытие, но опять-таки бытие и небытие присутствуют одновременно. Аналогичная ситуация наблюдается во всех процессах, характеризующихся переходным состоянием: в становлении, изменении, развитии. Развиваясь, вещь переходит от небытия к бытию (обретая те или иные качества), от бытия — к небытию (теряя их). В этом смысле и можно говорить о тождестве бытия и небытия.

Наличие в любом развитии переходов бытия в небытие и обратно бросает свет на статус разбираемых категорий. Поскольку они выражают соответствующие моменты процесса движения и развития, они необходимо должны занять свое место в системе категорий диалектики.

Глава VIII. ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ КАК ВСЕОБЩИЕ ФОРМЫ БЫТИЯ И ПОЗНАНИЯ

§ 1. Определение пространства и времени

Пространство и время являются всеобщими формами существования материи. Пространство — это отношение между сосуществующими объектами, порядок их рядоположенности и протяженности. Время — это отношение между сменяющимися объектами, порядок их последовательности и длительности.

Пространство и время как всеобщие формы бытия попали в поле зрения человека на первых, начальных ступенях развития общественного познания и практики вместе с фактом расчлененности бытия на отдельные вещи, относительной самостоятельности последних, их связи и движения.

Однако сущность их взаимосвязи была раскрыта наукой и теоретически осмыслена философией лишь в самое последнее время. Первоначально пространство и время рассматривались как самостоятельные, независимые от материальных образований формы бытия.

В классической форме мысль о независимости пространства и времени от материи была развита И. Ньютоном. По Ньютону, пространство абсолютно. Оно вечно, неизменно и неподвижно, не зависит от вещей. Вещи же зависят от пространства, существуют в нем, движутся по отношению к нему. Точно так же время, согласно Ньютону, абсолютно, существует само по себе, независимо от отдельных событий, течет равномерно, всегда одинаково.

Попытка преодолеть метафизический отрыв пространства от материи была предпринята Р. Декартом, который, объявив важнейшим и единственным свойством материи протяженность, по сути дела отождествил пространство с материей. Дальнейший шаг в этом направлении сделал Б. Спиноза. Он считал пространство атрибутом материи. Во взаимосвязи с материей рассматривал пространство Д. Локк, трактуя последнее как величину тел. Связывая пространство с материей, домарксовские философы, однако, не дошли до понимания зависимости пространственных характеристик от природы материальных образований. Больше того, они считали, что пространство у всех тел одинаково, обладает одними и теми же свойствами.

Впервые последовательно научное решение этого вопроса дал диалектический материализм. Исходный диалектико-материалистический принцип познания явлений и процессов материального мира, а также природы пространственно-временных форм бытия состоит в том, что все они должны быть объяснены из самого этого мира без привлечения внематериальных, потусторонних причин. Реализация этого важнейшего мировоззренческого принципа стала возможной на основе последовательного проведения идеи о всеобщем взаимодействии, выражающей субстанциональную активность, самодеятельность материи. Категория взаимодействия в системе материалистической диалектики отражает единственность материальной субстанции как причины самой себя, исключает представления о так называемом «перводвижении» или «первотолчке». Через взаимодействие материя представляется не только как субстанция, но и как самодеятельная и самотворящая внутри самой себя, т. е. как субъект.

В методологии современного научного познания используется эвристический принцип обращения к универсальному взаимодействию, являющемуся источником саморазвертывания неорганической и органической жизни. Обращение к универсальному взаимодействию дает ключ к познанию самодвижения, а следовательно, самопротяженности и самодлительности всего существующего. Так, например, в квантовой теории поля процессы рождения и аннигиляции элементарных частиц рассматриваются как результаты взаимодействия различных полей. В современной космологии также господствует представление о вселенной как о некоторой целостной материальной системе, состоящей из взаимодействующих небесных тел, галактик, метагалактик и т. д. Современная биология исходит из представления о живом организме как о сложной биологической системе, взаимодействующей с окружающей средой, вне которой организм не может ни существовать, ни развиваться.

Таким образом, с точки зрения естествознания XX в. возникновение, функционирование и развитие обширных классов материальных образований обязано своим существованием наличию качественно различных и несводимых друг к другу типов взаимодействия. Вместе с тем реальные объекты являются материальными носителями взаимодействий, характеризуют содержание и природу этих взаимодействий. Подобная нелинейная зависимость между взаимодействиями и их материальными носителями находит свое разрешение в понятии «взаимодействующие объекты» (или «объекты взаимодействия»).

Из сказанного следует, что предметом пространственно-временного описания является не объект сам по себе, а объект, определенным образом взаимодействующий с внешним миром. Представление о взаимодействии как о детерминанте пространственно-временных форм бытия служит основополагающим эвристическим принципом современного естествознания. Примером тому могут служить позитивные данные квантовой теории поля, нелинейной, нелокальной и других физических теорий элементарных частиц. Формулируя основной вывод квантовой теории поля, советский физик В. Я. Файнберг подчеркивает: «Учет взаимодействий приводит к тому, что частицы как бы «обрастают», приобретают пространственно-временную структуру... понятие структуры в релятивистской квантовой теории элементарных частиц нельзя оторвать от взаимодействия: структура обнаруживается при взаимодействии. Бессмысленно говорить о структуре элементарных частиц «самих по себе», без учета их взаимодействия» [227, 31, 32].

Аналогичным образом концепция единого спинорного поля существенно опирается на представление о взаимодействии как основании, определяющем пространственно-временные отношения частиц. Согласно В. Гейзенбергу, основные уравнения поля должны быть нелинейными, чтобы включить взаимодействие. Поэтому понятие «голой частицы» не имеет смысла [см. 53, 224]. Общая теория относительности (ОТО) достаточно глубоко вскрывает определяющее значение гравитационного взаимодействия в формировании свойств пространственно-временных отношений в макроскопических масштабах.

Познать пространство и время — значит познать деятельное отношение материального носителя пространственно-временных характеристик с объектами внешнего мира. В этой связи особый интерес представляет конкретно-научное определение пространства и времени, отвечающее духу современной физики, данное академиком А. Д. Александровым: «Пространство-время есть множество всех событий в мире, отвлеченное от всех его свойств, кроме тех, которые определяются отношениями воздействия одних событий на другие» [11, 132]. Однако из всего многообразия внешних предметных воздействий необходимо выделить сущностное, определяющее основной способ функционирования и развития носителя пространственно-временных свойств. Именно специфика основного способа функционирования (воздействия) определяет существенные различия между физической, химической, биологической и социальной пространственно-временными формами бытия материи.

Не всякое взаимодействие материального образования с явлениями внешнего мира определяет родовую (сущностную) пространственно-временную форму его бытия, но любое взаимодействие имеет своим результатом многопараметровые динамические пространственно-временные характеристики. Этим объясняются трудности, связанные с выработкой понятия пространственно-временной структуры микрообъекта. «Для описания таких процессов,— отмечают В. С. Барашенков и Д. И. Блохинцев,— требуется значительное количество форм-факторов. И вообще, что это за структура, которая характеризуется двумя десятками величин? Поэтому первая задача, которая стоит сейчас перед нами,— это найти достаточно адекватный образ пространственно-временной структуры элементарной частицы» [29, 98—99].

О содержании понятий «пространство» и «время» следует говорить только применительно к конкретному единству явлений в определенной системе их функционирования, а не к абстрактному конгломерату единичных явлений, включенных в состав рассмотрения по случайному, чисто внешнему признаку. В сформулированном А. Эйнштейном конкретно-физическом понимании содержание понятий «пространство» и «время» имеет реальный смысл лишь тогда, когда указывается тело отсчета, система координат, к которым они относятся [см. 263, 180].

§ 2. Основные виды пространственно-временных отношений

В настоящее время в физике выделяются четыре основных класса взаимодействий: электромагнитное, сильное (ядерное), слабое и гравитационное. Это означает, что качественному многообразию типов взаимодействия соответствует множество устойчивых и несводимых друг к другу видов физического пространства и времени.

На уровне химической формы движения материи способность образования специфически противоречивого взаимоотношения несравненно выше, чем на уровне физической формы движения, что создает предпосылку для дальнейшего развития активности материальных образований. Химизм зарождается как особый вид взаимодействия атомов и потому не может быть понят без обращения к квантовомеханическим, атомным и субатомным процессам и их пространственно-временным формам бытия. Эволюция химического материального носителя пространственно-временных форм от неорганического к органическому связана с формированием качественно нового типа пространства-времени, а именно органической формы химического пространства-времени, свойственной более высокой, по отношению к неорганической, ступени химизма. В ходе химического взаимодействия органических молекул происходит их взаимное изменение, связанное с нарушением межатомного расстояния, перераспределением электронной плотности и т. д. Все это свидетельствует о том, что материальный носитель химической формы бытия материи не только динамически формирует себя по внешним объектам, но одновременно активно преобразует свой объект. По мере усложнения «поведения» молекулы растет диапазон возможностей ее ответных реакций на изменяющиеся условия внешней среды, а следовательно, и вариации пространственно-временных характеристик.

Возникновение жизни связано с появлением биологических пространственно-временных отношений, содержащих в «снятом» виде физико-химические формы бытия. Пространственно-временные формы и строение живых организмов своеобразны и качественно отличны от аналогичных свойств неживых объектов. Как отмечают Ю. А. Урманцев и Ю. П. Трусов, «раз возникнув, биологическое пространство испытало изменение и развитие, благодаря внутренне присущему организмам обмену веществ и непрерывным воздействиям внешней среды под контролем естественного отбора» [222, 217]. Нетрудно заметить, что и биологический вид пространства-времени обусловливается специфическим способом деятельного, активного отношения биологического организма со «своей» средой.

В этой связи следует отметить методологическую несостоятельность программы философского осмысления специфики биологического времени и пространства, исходя лишь из положений математики или достижений физики микромира, вне анализа характера приспособительной деятельности организма к условиям своего существования. Субстратная концепция, раскрывающая природу биологического времени и пространства с точки зрения электромагнитных процессов, происходящих в мозгу, с помощью опережающих волн, исходя из законов повышения энтропии и т. п. (как якобы единственно возможный способ объяснения) приводит в конечном итоге к сведению специфики психических процессов до уровня физической природы. К подобному выводу, в частности, приходит А. М. Мостепаненко, раскрывая философский аспект проблемы психологического времени и пространства: «Процессы мышления, по-видимому, связаны с особо тонкими взаимодействиями, которые вряд ли можно будет понять, не углубляясь в микроструктуру мозга. Особенности поведения разумных существ (в первую очередь его частичная непредсказуемость), по-видимому, уходят своими корнями в область квантовомеханических явлений, подчиняющихся соотношению неопределенностей. Не исключено, что психологическое пространство и время тесно связаны с микропространством и микровременем и, таким образом, обусловлены теми же самыми фундаментальными явлениями, что и последние» [146, 200]. Как видно из изложенного, логическим итогом субстратного подхода в понимании природы пространства и времени является возрождение идей механицизма и вульгарного материализма.

Диалектико-материалистический подход в объяснении природы биологического времени и пространства связан в первую очередь с анализом объективной целостной деятельности организма, направляемой биологической потребностью, с внешней средой. Родовую сущность пространства и времени бесполезно искать в ряде тех абстрактных признаков, которыми обладает каждый отдельно взятый представитель данного рода. Применительно к биологическому времени и пространству это означает, что их родовая сущность может быть выявлена прежде всего как объективная закономерная форма связи явлений, функционирующих в составе целостной биологической системы. Поэтому нельзя согласиться с концепцией биологического времени Ю. А. Урманцева, с точки зрения которого, «временная организованность [биообъекта.— *Н. С.*] является... функцией числа и характера времен частей» [222, 239]. При этом биологическая целостность объекта трактуется лишь в плане индивидуального бытия в живой природе. Поэтому понимание взаимосвязи части и целого в концепции биологического времени Ю. А. Урманцева не идет дальше сентенций типа: «...если величина времен всех частей будет стремиться к нулю, то к нулю будет стремиться и величина времени объекта в целом. Это говорит о том, что между этими временами существует зависимость. Но какова ее природа? Сейчас мы этого не знаем» [там же, 240].

Внешний мир предстает перед отдельным живым существом в пространственно-временной форме, сообразной его основному способу жизнедеятельности, и вне этой формы бытие для животного просто не существует. «Если у животного не существует инстинктивного отношения к данной вещи,— пишет А. А. Леонтьев,— и данная вещь не состоит в связи с осуществлением этого отношения, то в этом случае и сама вещь как бы не существует для животного» [115, 12]. Таким образом, для биосубъекта объектом биологического отношения является не мир сам по себе, но мир как средство удовлетворения биологических потребностей, мир как момент способа его жизнедеятельности. Видовое различие биологических форм бытия определяется не столько тем, что изменяется во внешнем мире, сколько тем, как субъект деятельности воздействует на внешний мир. «Своеобразие каждой сущностной силы,— писал К. Маркс,— это как раз ее *своеобразная сущность,* следовательно и своеобразный способ ее опредмечивания, ее *предметно-действительного,* живого *бытия»* [1, 42, I, 121].

Биосубъект утверждает себя в предметном мире, воспроизводя и продуцируя свое собственное становление, самоупорядоченность и самоосуществление. Поэтому исследовательский интерес естествоиспытателей в понимании разнокачественности биологического пространства-времени должен быть переориентирован с внутренних процессов биосубъекта на анализ внешнего предметного действия биосубъекта, на своеобразие способа его взаимодействия со своим специфическим объектом. Другими словами, логика научного осмысления каждого вида биологического пространства и времени должна соответствовать логике объективного становления и осуществления специфического бытия живых существ.

Биологический субъект в силу матричности способов своей жизнедеятельности, в силу родовой неизменности биологического отношения со своим объектом производит и воспроизводит стереотипные биологические пространство и время, односторонне формирует материю, а тем самым и самого себя. Человек отличается от животного исторически развивающимся способом своей жизнедеятельности, прогрессивно развертывающимся социально-практическим отношением со «своим» очеловеченным внешним миром, благодаря чему происходит выделение человека из природы.

Орудийно-трудовая, производственная деятельность общественного человека знаменует собой возникновение социально-исторической ступени субъект-объектного отношения, формой существования которого выступает социально-историческое пространство-время. Если родовая сущность биологического времени и пространства обусловлена стереотипно-приспособительной жизнедеятельностью биологически ограниченного субъекта, то родовая сущность социального времени и пространства обусловлена исторически развивающейся орудийно-производящей жизнедеятельностью общественного субъекта, природа которого в принципе безгранична и универсальна. Пространственно-временная форма социального способа бытия реально существует в материальной деятельности, и прежде всего в трудовой деятельности общественного человека, в практическом преобразовании внешнего мира с помощью искусственно созданных и коллективно применяемых орудий труда, в материальных отношениях людей. Поэтому социальные пространство и время несводимы к всеобщим формам природного бытия.

В созерцательном материализме признается объективная всеобщность времени и пространства, которая принципиально ограничивается чистоприродной, а в подавляющем большинстве случаев только физической формой бытия, рассматриваемой как единственно возможный регион их значимости. Укоренившаяся многовековая традиция подобного понимания пространства и времени привела к тому, что и в современной философской литературе сложилась своеобразная практика определения категорий пространства и времени через понятийный аппарат физической науки [см. 144, 4]. Некритическое преувеличение реальных возможностей отдельной отрасли естествознания в раскрытии содержания категорий пространства и времени является виной не физиков, а тех философов, которые, абсолютизируя методологию естествознания, подменяют общее особенным, целое — частью, философию — натурфилософией. Методология физикализма неизбежно обрекает философию на пассивное констатирование достижений современной науки, на роль арьергарда в процессе познания пространства и времени.

В современной литературе, специально посвященной изучению социальных форм бытия, нередко встречаются такого рода «естественные» методологические подходы к пониманию социального пространства и времени, когда на хорошо изученные в естествознании характеристики пространства и времени пытаются взглянуть через призму специфики общественно-исторической формы существования материи, когда путем наложения друг на друга систем знания пытаются получить набор всех свойств социального времени и пространства. При этом исследователи видят свою задачу в том, чтобы найти специфическую «призму преломления». Например, в концепции А. Н. Лоя специфика структуры социального пространства и времени раскрывается путем прямого заимствования содержания понятий времени и пространства, выработанных специальной теорией относительности (СТО). «Социальное пространство,— пишет А. Н. Лой,— выступает единой со временем структурой, действительными элементами которой являются события, их множество» [116, 127].

Нельзя не согласиться, что «событийное» определение пространства и времени является вполне адекватным понятийному аппарату СТО и служит основой для построения концептуальной модели физического пространства и времени. Этому разделу физики принадлежит большая роль в учении о строении и свойствах времени и пространства. Однако в физике микромира используется и прямо противоположное «событийному», а именно «процессуальное» определение времени и пространства, которое с точки зрения современной философской мысли более адекватно отображает сущность пространства и времени. Вместе с тем не следует забывать, что физика, как и всякая специальная научная дисциплина, имеет своим предметом не материю в целом, а лишь одну из ее многообразных форм движения. Поэтому физическая теория не объясняет более высоких форм бытия материи, а следовательно, и соответствующих им пространственно-временных свойств и отношений.

Прямое заимствование содержания понятий отдельной отрасли физической науки для интерпретации социального времени и пространства в теоретической концепции А. Н. Лоя неизбежно приводит к непоследовательности и множеству оговорок. И это не случайно, поскольку «событийное» определение времени и пространства, составляющее сердцевину предложенной им трактовки социальной формы бытия, по меткому выражению польского философа З. Аугустыника, является адекватным точке зрения... здравого смысла относительно времени и пространства [см. 23, 53]. По-видимому, понимая шаткость подобного основания, так как под событием можно понимать все что угодно, А. Н. Лой апеллирует к «историческому событию». «Событиями определяются масштабы протекания исторического времени,— пишет он,— далеко не все явления и процессы общественной жизнедеятельности приобретают значение исторических событий» [116, 25]. Однако и эта поправка не столь совершенна, как кажется ее автору, поскольку и историческое событие может быть интерпретировано далеко не однозначным образом.

Социально-историческое содержание категорий времени и пространства не может быть раскрыто на основе принципа наложения друг на друга понятий естественных и общественных дисциплин. Можно с уверенностью сказать, что последовательно материалистический и единственно научный метод решения рассматриваемой проблемы состоит в том, чтобы вывести социально-историческое содержание категорий времени и пространства из объективно существующих отношений реальной общественной жизни. Последовательное применение диалектико-материалистического метода к исследованию развития общественного производства позволило К. Марксу впервые в истории философии теоретически обосновать эвристическую идею о смене социальных форм общественного бытия. Раскрывая специфику социального времени через призму диалектики живого и опредмеченного труда, К. Маркс пишет:

«В буржуазном обществе живой труд есть лишь средство увеличивать накопленный труд. В коммунистическом обществе накопленный труд — это лишь средство расширять, обогащать, облегчать жизненный процесс рабочих.

Таким образом, в буржуазном обществе прошлое господствует над настоящим, в коммунистическом обществе — настоящее над прошлым» [1, 4, 439].

Утверждение онтологического статуса социального пространства-времени как результата и формы человеческой жизнедеятельности, общественно-исторической практики имеет важный мировоззренческий смысл в противовес точке зрения идеализма и созерцательного материализма и вместе с тем является конкретизацией диалектико-материалистического учения о беспредельном развитии объективной реальности, предполагающего не только количественное, но и качественное многообразие пространственно-временных форм бытия материи и их несводимость к природным формам ее существования.

Однако дело не может ограничиваться простой констатацией существования социального времени и пространства для очередной классификации всеобщих форм бытия. Главная задача, по нашему мнению, состоит в раскрытии роли понятия социального пространства и времени в познании действительности, в выявлении их значимости как средств теоретического и практического освоения внешнего мира и превращения его из «вещи в себе» в «вещь для нас». Отражение объективной реальности всегда носит конкретно-исторический характер не только по содержанию, но и по форме. Процесс воспроизведения внешнего мира в сознании человека — это не зеркальное копирование природы, не слепое подражание ей, но осмысление ее в формах человеческой деятельности, вне которых внешний мир для человека ничто, хотя он и существует вне и независимо от человека.

Социальное пространство и время, являясь высшими формами бытия материи, вместе с тем служат формами освоения действительности, орудиями постижения природного мира и всех его свойств. В гносеологическом смысле пространство и время социального бытия можно рассматривать как специфические формы, в которых познающему субъекту дан внешний мир.

Природный мир, включаемый человеком в сферу предметно-практической деятельности, приобретает тем самым внеприродную, социальную пространственно-временную форму, через которую этот мир только и может быть познан, благодаря которой он превращается в объект нашей познавательной деятельности, т. е. становится существующим для нас. Другими словами, социальные пространство и время выступают как постоянные предпосылки и необходимые условия возможности постижения природного мира, как своеобразные инструменты и средства его познания.

Глава IX. ЕДИНИЧНОЕ И ОБЩЕЕ

Единичными и общими называют свойства и отношения объективно существующих вещей. Сама вещь как диалектическое единство единичных и общих признаков, самостоятельно существующее в пространстве и времени, есть отдельное. «Всякое общее, — писал по этому поводу В. И. Ленин, — есть (частичка или сторона или сущность) отдельного» [3, 29, 318]. Отдельные вещи связаны между собой множеством отношений, в том числе и взаимодействиями. Последние имеют для вещей особое значение. «Взаимодействие, — отмечал Ф. Энгельс, — является истинной causa finalis вещей» [1, 20, 546]. В некотором смысле то же можно сказать о единичных и общих признаках вещей. Вот как характеризует роль взаимодействия в формировании единичных и общих признаков вещи А. П. Шептулин: «Поскольку у каждого материального образования свой строго определенный круг вещей, с которыми оно находится во взаимодействии, в нем возникают изменения, которые в полной мере неповторимы у других вещей, т. е. оно приобретает такие свойства, которые характерны только для него. Эти свойства составляют единичное в вещи... Но, будучи частью материи, одним из бесчисленного множества ее образований, каждая отдельная вещь подчиняется единым законам движения и развития материи и обладает множеством свойств, повторяющихся у других вещей» [256, 31—32]. Эти свойства называются общими. Объективная взаимосвязь единичного и общего с взаимодействием отражается в той последовательности, в которой исторически возникали соответствующие им категории. Сталкиваясь в процессе практической деятельности с взаимодействием вещей и ставя перед собой цель предвидеть или предопределить результаты этого взаимодействия, человек вынужден был отличать повторяющиеся, сходные, общие признаки вещей от уникальных, единичных. Это был первый шаг на пути познания единичного и общего. В дальнейшем появились философские категории, отражающие эти универсальные формы бытия, а затем возникли теории, сознательно и целенаправленно исследующие единичное и общее.

Современный диалектико-материалистический анализ проблемы единичного и общего предполагает рассмотрение тех противоречий и трудностей, которые созрели внутри предшествующих теорий единичного и общего. Можно выделить три сложившиеся в истории философии концепции общего и его связи с единичным: аристотелевскую, платоновскую и гегелевскую. Первая определяет общий признак через отношение сходства, вторая — через отношение тождества, основу третьей составляет понятие связи. Начнем с анализа аристотелевской теории сходства и платоновской теории тождества.

§ 1. Теория сходства и теория тождества

Аристотелевская теория общего содержит два исходных положения: 1) «ничего не существует помимо единичных вещей» [20, I, 109]; 2) общим является свойство, нераздельно принадлежащее одной вещи и *сходное* со свойствами, столь же нераздельно принадлежащими другим вещам. Свойство, отличное от свойств всех других вещей, называется единичным. Аналогичным образом определяются единичное и общее отношения. Если отношение, сопринадлежащее данной паре (тройке и т. д.) вещей, сходно с отношениями, сопринадлежащими другим парам (тройкам и т. д.) вещей, его называют общим, если отлично — единичным. Отношение образует новую вещь. Это значит, что всякое отношение может быть представлено как свойство, и, следовательно, проблема общности свойств и проблема общности отношений могут быть рассмотрены как одна и та же проблема.

Став, благодаря Аристотелю, достоянием философского знания, теория сходства превратилась со временем в одну из двух (наряду с теорией тождества) основных концепций общего. В Новое время аристотелевская теория общего стала по существу общепринятой. Ее придерживались Р. Декарт, Т. Гоббс, Б. Спиноза, Д. Юм, Д. Локк, Г. В. Лейбниц и многие другие мыслители. Эта теория оставалась господствующей и в новейшей философии. Даже Гегель признавал реальность общего как сходного, правда, называл его «лишь общим» и подчеркивал: «В высшей степени важно... чтобы мы не смешивали лишь общее с истинно всеобщим, с универсальным» [47, I, 269].

В марксистской литературе определение общего признака как сходного является наиболее распространенным. Например, «общим... — пишет А. П. Шептулин, — является то, что указывает на сходство сравниваемых материальных образований» [254, 129]. Категория общего «отражает сходство свойств, сторон объекта, связь между элементами, частями данной системы, а также между различными системами» [160, 112]. Отметим, что в последнем определении содержится ошибка, от которой предостерегал в приведенном выше высказывании Гегель. «Лишь общее», определяемое через отношение сходства, спутывается здесь с «истинно всеобщим», определяемым через отношение связи. Это позволяет характеризовать данное определение как синкретическое.

Стремление истолковать гегелевское определение «истинно всеобщего» как уточнение аристотелевского определения общего является широко распространенной ошибкой в нашей литературе.

Аристотелевская теория общего просто и естественно объясняет одну «загадочную» особенность взаимного превращения единичного признака в общий и общего — в единичный: внутреннее содержание признака при таких взаимопревращениях может совершенно не меняться. Например, конструкция впервые созданного прибора является его единичным признаком. С началом серийного производства эта же конструкция становится его общим признаком. А затем может оказаться, что этот прибор остался в единственном экземпляре и его конструкция снова стала единичным признаком, так и не изменив ни одной своей черты. Объясняется эта особенность взаимного перехода единичного в общее и общего в единичное тем, что отношения сходства и несходства между признаками вещей, делающие их единичными и общими, принадлежат к тому типу отношений, которые при изменении и даже исчезновении одного из относящихся объектов не изменяют другого объекта.

Аристотелевская теория общего объясняет и важнейшую закономерность отражения единичности или общности признака: если признак предмета рассматривать в абстракции от его отношений сходства и несходства к признакам других предметов, то степень его общности так же невозможно установить, как тщательным анатомированием человека после его смерти узнать, был ли он чьим-либо дядей. Единичным или общим признак делает не его внутреннее содержание, а его отношения сходства и несходства к другим признакам, именно поэтому степень общности признака устанавливается сравнением его с признаками других вещей.

Вместе с тем у этой теории есть одна серьезная трудность. Дело в том, что в соответствии с аристотелевской теорией общего общих (сходных, одинаковых) признаков в объективной действительности ровно столько же, сколько их носителей. Однако в рациональном познании под общим признаком имеется в виду признак один на все множество обладающих им носителей. Таким образом, аристотелевское определение общего признака как нераздельно принадлежащего одному носителю и лишь сходного с признаками, столь же нераздельно принадлежащими другим носителям, противоречит трактовке общего признака как одного на все множество обладающих им объектов.

В платоновском определении общего как признака, принадлежащего нескольким объектам, как раз и зафиксировано то понимание общего признака, которое фактически давно уже работает в повседневном и научном познании. Согласно Платону, общие признаки (идеи) существуют в единичных вещах как их субстанциальные роды. «Вся идея целиком, — писал Платон, — хоть она и едина, находится в каждой из многих вещей» [166, 409]. Так, понимаемый общий признак-идею он сравнивает с парусиной, укрывающей нескольких людей [там же]. Если устранить идущее от объективного идеализма Платона отождествление общего признака с идеей, то приведенное здесь высказывание можно переформулировать так: единый общий признак целиком находится в каждой из обладающих им вещей.

В современной философской и логической литературе платоновское определение общего признака является не менее распространенным, чем аристотелевское. Широко используется оно и в марксистской литературе. Так, по мнению Э. В. Ильенкова, «общим хотя бы только для двух, не говоря уже о всех, называется... то, что принадлежит к составу каждого из них (как двуногость или смертность и Сократу и Каю, как скорость и электрону и поезду)» [80, 249]. «Общее — это то, что присуще многим предметам» [93, 97], — пишет Н. И. Кондаков. Платоновское и аристотелевское определения общего нередко встречаются в работе одного и того же автора. Это недопустимо, поскольку данные определения противоречат друг другу.

Чтобы показать, что аристотелевское и платоновское определения общего признака не просто принципиально, качественно отличаются, но и противоречат друг другу, придадим им одинаковую форму. Аристотелевское определение можно сформулировать так: общим является признак, принадлежащий отдельному носителю и сходный с нетождественными ему признаками, принадлежащими другим носителям. Платоновское определение гласит: общим является признак, принадлежащий отдельному носителю и тождественный признакам, принадлежащим другим носителям. Определение общего признака как присущего нескольким носителям, как одного на несколько носителей — это определение в рамках теории тождества, которая противоречит аристотелевской теории сходства, в соответствии с которой общих (сходных, одинаковых) признаков ровно столько же, сколько и их носителей.

Противоречие между аристотелевским и платоновским определениями общего признака — это антиномическое противоречие, т. е. противоречие, стороны которого выводятся из бесспорных посылок по общепринятым правилам логики. Действительно, аристотелевское определение вытекает из представления об общих признаках, которое дает нам наблюдение, а платоновское — из того понимания общего признака, которое используется в рациональном познании.

Поскольку аристотелевское определение общего содержит явную и очень серьезную трудность: противоречит тому пониманию общего признака, которое используется в обиходном и научном языках, постольку, казалось бы, нужно отказаться от него и принять платоновское определение. Но последнее также имеет по крайней мере два серьезных недостатка. Во-первых, возникает почти текстуальное совпадение платоновского определения общего свойства (признак, принадлежащий нескольким вещам) с аристотелевским определением отношения (признак, сопринадлежащий нескольким вещам). Во-вторых, никакой самый тонкий эксперимент не обнаружил до сих пор в объективной действительности признаков, общих в платоновском смысле: ни квадратности, одной на все множество квадратных предметов, ни спина, одного на все множество электронов, ни интеллигентности, которая простиралась бы над обладающими ею людьми подобно платоновской парусине.

Если первая трудность не останавливает сторонников платоновской теории (А. И. Уемов, например, сознательно формулирует ее и отказывается от аристотелевского определения отношения, чтобы сохранить платоновское определение общего свойства), то вторая трудность ставит их перед выбором: либо утверждать, что теория, трактующая общий признак как один на все множество обладающих им объектов, ничему в действительности не соответствует (номинализм), либо заявлять, что так понимаемые общие признаки существуют вне реального мира и, следовательно, вне сферы, доступной практической проверке (платонизм).

Противоречие между аристотелевской и платоновской теориями общего и трудности, возникающие внутри каждой из них, порождают соблазн отбросить обе эти теории вместе с их противоречиями и трудностями и построить новую, истинную теорию общего на «чистом месте». Необходимо, однако, помнить, что диалектико-материалистическая теория общего, как и учение марксизма в целом, возникла не «*в стороне* от столбовой дороги развития мировой цивилизации», а как «прямое и непосредственное *продолжение* учения величайших представителей философии...», давшее ответ на те «вопросы, которые передовая мысль человечества уже поставила» [3, 23, 40]. Эти нерешенные вопросы как раз и проявляются в рассмотренных выше трудностях и противоречиях аристотелевской и платоновской теорий общего, преодоление которых и является целью диалектико-материалистического анализа проблемы общего.

Если принять тезис, что аристотелевское определение дает нам общий признак таким, каков он в объективной действительности, а платоновское — каким задает его содержание общего понятия, то антиномическое противоречие между этими определениями можно представить как форму проявления более глубокого противоречия — противоречия между объективно общим (общими свойствами и отношениями вещей) и субъективно общим (общими понятиями и суждениями, призванными отражать объективно общее). Анализ этого противоречия и является ключом к пониманию противоречия между аристотелевским и платоновским определениями объективно общего. Но соотношение субъективно и объективно общего — это предмет гносеологического анализа.

В обсуждаемой нами проблеме можно вычленить три элемента: объективно общее, субъективно общее и соответствие между ними. В аристотелевской теории правильно понято первое, в платоновской — второе. Это положительный, непреходящий вклад данных теорий в исследование проблемы общего. Неправильным, наивным, метафизическим является решение этими теориями вопроса о соответствии субъективно общего объективно общему. И в аристотелевской, и в платоновской теории соответствие между субъективно общим и объективно общим трактуется как зеркальное, дубликатное, абсолютное. Именно это, часто неявное, представление о соответствии вынуждало сторонников платоновской теории искать среди реальных предметов тот самый «один на всех» общий признак, о котором говорят общие понятия и суждения.

Потерпев неудачу в этих поисках, они вынуждены были либо утверждать, что общие понятия и суждения ничему в действительности не соответствуют, либо заявлять, что эти признаки существуют вне материального мира, на «платоновском небе». Абсолютизация соответствия субъективно общего объективно общему ставила перед той же альтернативой и сторонников аристотелевского определения: поскольку общие понятия и суждения явно говорят не о тех общих признаках, которые характеризуются в этом определении, постольку эти понятия и суждения либо вообще ничему в действительности не соответствуют (номинализм), либо соответствуют абстрактным сущностям, находящимся в «надмировом пространстве» (платонизм). Крайности, таким образом, сходятся: и платоновское, и аристотелевское понимание объективно общего вкупе с метафизическим, абсолютизированным пониманием соответствия субъективно общего объективно общему ведут либо к номинализму, либо к платонизму.

Устраняется и номинализм, и платонизм обнаружением ложности этого абсолютизированного понимания соответствия. В самом деле, если бы между рациональным познанием и объективной реальностью действительно имело место такое зеркальное, дубликатное соответствие, то каждому из бесконечного числа сходных, одинаковых признаков в сознании должен был бы соответствовать особый образ, так же как это имеет место при чувственном отражении действительности. Но при таком механизме соответствия познавательные ресурсы человека и всего человечества были бы исчерпаны уже при попытке эмпирически описать предмет научного познания. Отражение сущности предмета, законов, им управляющих, было бы невозможно. Мы сталкиваемся здесь с противоречием между бесконечностью познаваемого мира и конечностью познавательных возможностей человека. Это противоречие было осознано уже Аристотелем. С ним связан для него «наиболее трудный вопрос, особенно настоятельно требующий рассмотрения... А именно: если ничто не существует помимо единичных вещей, а таких вещей бесчисленное множество, то как возможно достичь знания об этом бесчисленном множестве?» [20, 1, 109]. Эта проблема задолго до того, как она была теоретически осознана, решалась практически, в стихийном процессе формирования рационального познания. Об успешности этого решения говорит сам факт существования рационального знания, отражающего бесконечный мир в конечном количестве образов, а также успех применения этого знания на практике. Задача современного исследования состоит, следовательно, не в том, чтобы изобрести механизм соответствия общего знания объективно общему, а в том, чтобы увидеть этот механизм в структуре современного процесса познания — структуре, являющейся продуктом длительного исторического развития. Другими словами, задача диалектико-материалистического анализа заключается не в том, чтобы дать новое, «подлинное», «истинное» понимание объективно общего и субъективно общего, а в том, чтобы понять реально существующий механизм соответствия субъективно общего, правильно проанализированного в платоновской теории, объективно общему, правильно проанализированному аристотелевской теорией. На долю диалектического материализма приходится, следовательно, собственно диалектическая, синтетическая часть проблемы общего.

Понятия, отражающие объективно существующие признаки действительности («цвет», «равенство», «скорость» и т. д.), трактуют их как самостоятельные, «оторванные» от своих носителей. Но в реальном мире признаки не существуют в таком виде. Следовательно, первое «насилие» над действительностью, которое осуществляется на пути от той картины мира, которая дается чувственным познанием, к той, которая задается системой общих понятий и суждений, — это мысленное отвлечение признаков от их носителей. Такое отвлечение следует отличать от гипостазирования. Гипостазирование — это утверждение, что признак реально, в самой действительности существует в отрыве от своего носителя. Абстрагирование же — это временное, правомерное лишь в интервале абстракции, рассмотрение признака без учета того, что реально он существует лишь в составе материального предмета.

После отвлечения каждого из сходных признаков от его носителя возникает класс таких признаков, равный классу их носителей: класс квадратностей, которых ровно столько же, сколько и квадратных предметов, класс спинов, которых ровно столько же, сколько и обладающих ими элементарных частиц, и т. д.

Реальные объективно существующие сходные признаки никогда не бывают абсолютно сходными, сходными до неразличимости. И отвлекаясь от их носителей, мы не устраняем этого обстоятельства. Чтобы не учитывать множество этих различий при исследовании законов, управляющих такими признаками, необходима специальная, отличная от предыдущей операция, в результате которой сходные признаки становятся абсолютно сходными, сходными до неразличимости. Эту операцию называют абсолютизацией сходства. Подчеркнем, что, «срезая» различие между признаками, эта операция не уменьшает их количества. Их попрежнему ровно столько же, сколько и их носителей. Платоновской картины мира, в которой общий признак один на все множество обладающих им объектов, по-прежнему нет.

Чтобы получить такую картину, необходимо сделать последний, самый решительный шаг — заменить отношение неразличимого сходства, существующее между рассматриваемыми признаками, на качественно отличное от него отношение тождества. Множество сходных признаков в результате этой операции превращается в множество тождественных, попросту в один признак: квадратность вообще, скорость вообще и т. д. Только теперь мы получаем возможность говорить о скорости (ед. ч.) электронов (мн. ч.), интеллигентности (ед. ч.) людей (мн. ч.) и т. д., т. е. об одном признаке на множество обладающих им объектов — том самом, о котором идет речь в платоновском определении общего признака.

Мысленная замена отношения сходства на отношение тождества получила название «абстракция отождествления». Впервые ее проанализировал и использовал для решения конкретных проблем известный советский математик А. А. Марков [см. 130, 7—8]. Абстракция отождествления не является частным случаем абстракции. В отличие от операции абстрагирования, при которой исследователь отвлекается от ряда признаков изучаемого предмета, абстракция отождествления предполагает замену одного отношения между такими признаками (сходства) на другое, качественно отличное от него отношение (тождество). В ходе этой операции конечный или бесконечный класс сходных признаков, равномощный классу их носителей, сливается, или, как еще говорят, «склеивается» в один «признак вообще» (цвет вообще, форма вообще и т. д.). Результатом абстрагирования является признак, реально, хотя и не самостоятельно, существующий в пространстве и времени (например, форма предмета). Результат абстракции отождествления (форма вообще или цвет вообще) в реальной действительности не существует. Понимание этого обстоятельства вынудило сторонников платоновской концепции общего поместить продукты абстракции отождествления вне материального мира.

Каждое из общих понятий несет на себе отпечаток абстракции отождествления, заменяющей *реальное* сходство признаков, присущих вещам, *искусственным* тождеством. Трактовка сходства как тождества, класса сходных признаков — как класса тождественных признаков (как «признака вообще») правомерна лишь в пределах абстракции отождествления. Это условное, «искусственное» тождество ошибочно может быть принято за реальное. Но это совпадение является кажущимся. В объективной действительности только отношение сопринадлежит нескольким вещам, является одним на несколько вещей. Общее свойство нераздельно принадлежит отдельной вещи, общим его делает сходство по отношению к свойствам других вещей. «Склеивается» это множество одинаковых свойств в одно свойство, принадлежащее множеству вещей, лишь в понятии, в абстракции отождествления. Для того чтобы устранить это «совпадение», нет нужды отказываться ни от аристотелевского определения свойства и отношения, ни от платоновского определения единичного и общего признака. Достаточно более детально, более конкретно проанализировать механизм соответствия субъективно общего объективно общему. Стимулом к такому анализу как раз и является обнаруженное совпадение. В этом его гносеологическая роль, сравнимая с ролью внутритеоретического противоречия.

Аналогичным образом разрешается и противоречие между аристотелевским и платоновским определениями общего признака. В аристотелевской и платоновской теориях общего речь идет об одних и тех же признаках — именно поэтому у них общие примеры. Тем не менее обе теории нельзя применять одновременно, в контексте одного и того же рассуждения. Между ними существует отношение дополнительности, аналогичное отношению между корпускулярной и волновой теориями света. Первая описывает общий признак таким, каким он выступает на уровне наблюдения, каким его видит экспериментатор и практик. Язык аристотелевской теории — это язык материального действия. Вторая дает общий признак таким, каким его видит теоретик, исследующий законы действительности, а не формы их проявления. А для этого он условно, в абстракции отождествления, вынужден «склеивать» конечный или бесконечный класс сходных признаков в один признак, создавать теоретический мир, мир абстрактных объектов, позволяющий расходовать ресурсы познания не на эмпирическую констатацию множества признаков, а на поиск управляющих ими законов.

Однако в дополнительности аристотелевской и платоновской теорий общего нет ничего иррационального, поскольку мы всегда можем перевести наши рассуждения с языка одной на язык другой по четко фиксированным правилам. Процедура абстрагирования общих (сходных) признаков, абсолютизация их сходства и наложение на них абстракции отождествления являются движением от конкретного к абстрактному: данные наблюдения и эксперимента, выраженные на языке аристотелевской теории общего, поднимаются на уровень их рациональной, теоретической обработки, которая осуществляется в платоновской теории. Обратная процедура — исключение абстракции отождествления и абсолютизации сходства, соединение признаков с их носителями — является движением от абстрактного к конкретному: результаты теоретической обработки экспериментальных данных перемещаются на уровень их эмпирической проверки и применения на практике.

Таким образом, противоречие между платоновским и аристотелевским определениями общего признака является таким же кажущимся, как и совпадение платоновского и аристотелевского определений отношения. И устраняется оно тем же методом: более детальным, конкретным анализом каждого из них, т. е. делением признаков на свойства и отношения по количеству носителей и делением признаков на единичные и общие по наличию или отсутствию между ними отношений сходства.

§ 2. Теория «подлинно всеобщего»

Теория «подлинно всеобщего» была сформулирована и всесторонне развита в классической немецкой философии. Начало ее разработке положил И. Кант. Он писал, что интуитивный рассудок «идет от *синтетически общего* (созерцания целого, как такового) к особенному, т. е. от целого к частям» [86, 5, 437]. Трактовка общего как целого, а особенного как его частей содержится в работах Фихте и Шеллинга и классически сформулирована в философии Гегеля. От Канта эта точка зрения переходит в неокантианство, развивается Г. Когеном, П. Наторпом, Э. Кассирером [295, 183—189], ее влияние прослеживается в «мереологии» С. Лесневского, а через гегелевскую философию материалистически переосмысленная она переходит в марксизм.

Гегелевское «подлинно всеобщее», по существу, совпадает с кантовским «синтетически общим», т. е. целым, поэтому оно охватывает «также и богатство особенного» [47, V, 38] — содержание своих частей. Причем «богатство особенного» охватывает «подлинно всеобщее» (целое), а не «абстрактно всеобщее» (сходное), которое, как справедливо считает Гегель, «в высшей степени важно» отличать от подлинно всеобщего [см. 47, I, 269]. В. И. Ленин также делал различие между абстрактно всеобщим и «подлинно всеобщим»: «не только абстрактно всеобщее, но всеобщее такое, которое воплощает в себе богатство особенного, индивидуального, отдельного...» [3, 29, 90]. Следовательно, понимать Ленина так, что он в абстрактно всеобщее (сходные признаки вещей) включал все богатство особенного (индивидуальные признаки вещей) нет никаких оснований. Классическое понимание общего В. И. Ленин излагает в следующем широко известном положении: «Общее существует лишь в отдельном, через отдельное...» [3, 29, 318].

Как показал Э. В. Ильенков, термин «подлинно всеобщее» Гегель употреблял не только в значении «целое», но и в ряде других значений, в материалистической трактовке перешедших затем в марксистскую литературу. Рассмотрим их на современном материале. Обратимся к работам Э. В. Ильенкова, в которых теория «подлинно всеобщего» развита наиболее полно и последовательно.

От всеобщего как целого Ильенков отличает всеобщее «в смысле закономерной связи материальных явлений, в смысле закона их сцепления в составе некоторого целого» [80, 256]. Это ключевое положение теории «подлинно всеобщего», в основе которой лежит отношение связи, т. е. такое отношение, при котором изменение одного из объектов вызывает изменение другого. Причем всеобщим здесь считается уже не целое, а то, что образует целое из его частей, — связи между этими частями.

Всеобщим Ильенков называет также того из образующих целое индивидов, который «родился раньше других, а потому мог породить всех остальных» [там же, 251] (например, предок, породивший всех членов рода и род в целом). Такое понимание «подлинно всеобщего» близко к пониманию «зародышевой клеточки», из которой развивается всякое органическое целое.

Наконец, использование в качестве примера всеобщего «крохотных однородных частичек (неделимых)» [там же, 259] наводит на мысль, что термин «подлинно всеобщее» употребляется еще и в четвертом смысле: «простейший структурный элемент органического целого».

Итак, «подлинно всеобщее» — это целое, связи между элементами целого, его зародышевый элемент и его структурный элемент. Заслуга открытия этих существенных фрагментов действительности и введения для их обозначения термина «подлинно всеобщее» зачастую приписывается Гегелю. Однако неверно, что Гегель совершил переход от «неистинного» к «истинному» пониманию всеобщего. По существу, он в терминах одной старой теории — единичного и общего — изложил другую старую теорию — целого и части, структуры и элементов или, в гносеологическом аспекте, абстрактного и конкретного. Иллюзия научной революции, возникшая у Гегеля и его последователей в результате этого «перевешивания старых этикеток на старых вещах», послужила, вероятно, психологическим стимулом для получения тех действительных результатов, которые принадлежат им, но в исследовании не классической проблемы общего, а проблемы восхождения от абстрактного к конкретному. Эта иллюзия имела и отрицательные последствия. Она создавала мнение, что теория «подлинно всеобщего» решает те проблемы, которые сформулированы, но не решены аристотелевской и платоновской теориями общего. Эта иллюзия является, на наш взгляд, основной причиной широко распространенного пренебрежения к классической теории общего как теории «лишь общего», «общего в формально-логическом смысле», «общего как голого сходства» и т. д.

Необходимость отхода от классического понимания общего как повторяющегося во множестве явлений к пониманию его как целого обосновывается тем, что каждая отдельная вещь не существует изолированно от других, а находится с ними в органической связи и образует целостную систему и что эта последняя оказывает определенное воздействие на каждую отдельную вещь, входящую в целое, и определяет ее сущность. Поэтому невозможно понять общую природу вещи, ее сущность, не рассматривая ее в качестве элемента (части) целого, в которое она входит, а если это так, рассуждают сторонники данной точки зрения, то и общим надо считать не то, что указывает на тождество данной вещи с другими вещами, а само целое, целостную систему [см. 267, 86—87].

Бесспорно, природа всякой отдельной вещи зависит от целого, частью которого она является, но от этого целое не становится общим. Оно представляет собой отдельное материальное образование, обладающее присущими только ему и повторяющимися в других материальных образованиях свойствами, т. е. единство единичного и общего. Каждая вещь, входящая в целое, также является единством единичного и общего. Зависимость сущности каждой отдельной вещи от целого, в которое она входит в качестве части или элемента, вовсе не исключает повторяемости совокупности необходимых свойств и связей, составляющих сущность отдельной вещи, у каждой вещи (представляющей собой аналогичное материальное образование и входящей в качестве элемента в аналогичное целое), наоборот, это обстоятельство предполагает повторение. В самом деле, указанные свойства являются необходимыми для вещи, а важнейшей чертой необходимого, как известно, является неизбежность появления при соответствующих условиях.

Разумеется, если под общим понимать повторяющееся, то в диалектике общего и отдельного мы не сможем выразить зависимость природы вещи от целого. Но соотношение категорий «общее» и «отдельное» и не должно выражать эту зависимость. Она адекватно выражается через взаимосвязь других категорий (части и целого, элемента и структуры), будучи необходимым моментом их диалектики. Поэтому нет нужды подменять данные категории категориями общего и отдельного.

Сторонники теории «подлинно всеобщего» считают, что если понимать под общим повторяющееся, то невозможно отличить внешнее общее, простое сходство, которое чаще всего бывает случайным, от «подлинно» общего, которое по природе присуще вещи, составляет ее сущность. Да, критерий повторяемости не позволяет провести такое разграничение. Но кто нам мешает воспользоваться другим критерием, именно тем, который мы применяем при различении необходимого и случайного, внешнего и внутреннего, наконец, сущности и явления? Больше того, мы просто обязаны использовать этот критерий в процессе анализа общего. Например, определяя место и роль той или иной общей стороны (свойства или связи), выявленной у исследуемого материального образования, необходимо ее осмыслить через категории «внутреннее» и «внешнее», «необходимое» и «случайное», наконец, «основа» и «обоснованное».

Сторонники рассматриваемой концепции общего и отдельного не учитывают того обстоятельства, что познание сущности исследуемого объекта, выявление диалектики взаимосвязи образующих ее моментов (сторон и отношений) происходит не только через категории «общее» и «отдельное», но и через всю совокупность категорий материалистической диалектики.

Глава X. ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ, ТОЖДЕСТВО И РАЗЛИЧИЕ

§ 1. Общее и особенное

В предыдущей главе отмечалось, что общее — это то, что повторяется в ряде материальных образований, во множестве отдельных вещей, что указывается на сходство между ними, единичное же составляет неповторимое в вещах, то, что присуще лишь одной вещи, характеризует отдельное. Чтобы выявить единичное, необходимо сравнить рассматриваемый объект со всеми другими материальными образованиями. Но практически эта задача неразрешима, поскольку отдельных материальных образований бесчисленное множество. Поэтому на практике обычно сравнивают тот или иной объект не со всеми другими, а лишь с некоторыми, определенными предметами. В связи с этим появляется необходимость противопоставления общего единичному и особенному. В ходе сравнения одного предмета с другими устанавливаются их сходство и отличие. Выявленное сходство рассматривается как общее, а отличие — как особенное.

Единичное всегда выступает в роли особенного. Оно отличает данный предмет от всех предметов, с которыми он сравнивается. Например, тот факт, что в нашей стране осуществилась Великая Октябрьская социалистическая революция именно 7 ноября и первым председателем Совета Народных Комиссаров был В. И. Ленин, являясь единичным, характерным только для нашей страны, будет всегда отличать ее от всех стран, с которыми мы будем ее сравнивать. Поэтому этот факт всегда будет являться особенным для нашей страны.

Если единичное всегда выступает в роли особенного, то общее по отношению к особенному ведет себя не всегда одинаково. Когда оно указывает на отличие сравниваемых явлений, оно выступает как особенное; когда же оно указывает на сходство сравниваемых предметов, оно выступает как общее. Например, тот факт, что в СРВ преобразование частнокапиталистической промышленности (предприятий национальной буржуазии) осуществляется постепенно, через создание смешанных государственно-капиталистических предприятий, является общим, поскольку это имеет место и в других странах, в частности в ГДР. Но если мы будем сравнивать СРВ не с ГДР, а с Советским Союзом, то этот факт будет выступать в роли особенного.

В роли особенного может выступать не всякое общее, а лишь такое, которое способно отличать одни материальные образования от других. Например, свойства и связи, присущие всем материальным образованиям (наличие причины, формы и содержания, необходимых и случайных свойств и связей, сущности и т. д.), не могут выступать в роли особенного.

Отдельное представляет собой единство общего и особенного и обладает как сторонами, указывающими на сходство (тождество) его с другими отдельными материальными образованиями, процессами, явлениями, так и сторонами, отличающими его от них.

В процессе развития диалектика общего и особенного связана не просто с наличием различных сторон или моментов в том или ином материальном образовании, но с различными формами движения материи, соотносящимися друг с другом как низшая и высшая. Каждая высшая форма движения материи содержит в себе в преобразованном виде низшую и поэтому имеет с ней много общего. Но эта общность иная, чем общность в рамках одной и той же формы движения материи, одной и той же стадии развития. Эта общность преломляется через специфику высших форм движения и может быть понята лишь как связующее звено низшего с высшим, как преобразованный момент в содержании высшего.

Так, молекула содержит в себе атомы. Между молекулой и атомами имеется много общего: они состоят из одних и тех же «элементарных» частиц, взаимодействие которых и обусловливает в конечном счете наличие определенных общих свойств у данных материальных образований. Но если в атоме это взаимодействие проявляется непосредственно на поверхности явлений, то в молекуле оно преломляется через другие взаимодействия, а именно через взаимодействия атомов. В результате свойства атома, входящего в состав молекулы, проявляются иначе, чем свойства атома, находящегося в свободном состоянии. Аналогичным образом обстоит дело и с общим между такими материальными образованиями, как атом и вещество. Свойства, присущие атому, здесь преломляются дважды (первый раз через взаимодействие атомов, второй — через взаимодействие молекул). Проявление свойств атома в веществе весьма отлично от проявления их в атоме и свободной молекуле. Атом как бы дважды отрицается, но тем не менее присутствует в веществе в качестве звена более сложной, относительно устойчивой системы движения, в виде момента более богатого содержания.

Все это указывает на то, что указания на общее между материальными образованиями, находящимися на различной стадии развития материи, недостаточно для характеристики сущности этих образований. В материальном образовании, представляющем низшую стадию развития, общими являются лишь те моменты содержания, которые так или иначе сохранились и присутствуют в содержании материального образования на высшей стадии развития, и лишь в том виде, в котором они выступают в результате преломления через взаимодействия, характерные для высшей стадии, т. е. в искаженном, преобразованном виде. В материальном образовании, представляющем высшую стадию развития, общим является лишь то, что роднит это образование с материальными образованиями, представляющими низшие стадии развития. Поэтому при характеристике сущности этих материальных образований нельзя ограничиться выявлением общего, в противном случае будет упущено то, что приобретено материальным образованием в процессе поступательного развития.

В материальных образованиях, представляющих одну и ту же стадию развития, общим является как раз то, что составляет их сущность. Например, общее между странами, находящимися на стадии капитализма, — это господство капиталистической частной собственности на средства производства, способ производства, основанный на наемном труде и эксплуатации свободных от средств производства и средств существования рабочих, приход буржуазии к власти, установление ею своей диктатуры и т. д. Совокупность этих признаков и составляет сущность капиталистических стран, капиталистической общественно-экономической формации.

Что же касается особенного, свойственного материальным образованиям, относящимся к одной и той же стадии развития, то оно не затрагивает сущности, а является лишь формой ее проявления, специфическим способом ее существования. Так, в рассмотренном выше примере форма проявления диктатуры буржуазии в той или иной стране является особенным. В самом деле, если мы сравним Великобританию и США, то мы заметим, что в Великобритании формой государства является монархия, в США же — республика. Итак, значение общего и особенного, выявляемого в процессе сравнения одних материальных образований с другими, существенным образом зависит от того: одну стадию развития представляют сравниваемые материальные образования или различные. В одних случаях общее будет выражать сущность рассматриваемых объектов, в других — особенное.

§ 2. Развитие категорий «тождество» и «различие» в философии Гегеля

Отношение, выявляющее общее между сравниваемыми объектами, представляет собой тождество, отношение же, выявляющее особенное, есть различие. Взаимосвязь между этими отношениями отражается в категориях «тождество» и «различие».

Категории «тождество» и «различие» в истории философии играли весьма важную роль. Особенно большое значение эти категории приобрели в классической немецкой философии, где проблема тождества ставилась в плане попыток выведения из абсолютного (абстрактного) тождества реально существующих различий. Фихте и Шеллинг пытались вывести из тождества многообразие мира. При этом Фихте выдвинул принцип «синтеза» движущихся противоречий, предвосхитив тем самым диалектическую идею тождества противоположностей. Но в его философских построениях отсутствовал момент, определяющий основное содержание этой идеи, — признание диалектики отрицательности. Шеллинг выдвинул идею абсолютного, мирового разума, в котором достигается тождество субъективного и объективного, конечного и бесконечного. Но если в Абсолюте нет и не может быть различия, то из чего же это различие возникает? Шеллинг пытается решить эту проблему путем разграничения объективного и субъективного, реального и идеального. То, что в Абсолюте тождественно, в мире вещей, напротив, раздельно. В мире вещей преобладает объективное, в идеальном — субъективное. Но все это, по Шеллингу, лишь количественные различия внутри Абсолюта.

Ни фихтеанская субъективизация мира («я есть все»), ни шеллингианская объективизация («все есть тождество субъективного и объективного») не решали проблему возникновения различия из тождества, многообразия — из единства, проблему их взаимосвязи. У Фихте противоположности исключали тождества, у Шеллинга различие лежало вне единства, а не внутри его. Гегель подверг критике обе точки зрения и пришел к весьма важному выводу, что основное содержание жизненного процесса формируется путем взаимопревращения противоположностей, образующих диалектическое тождество. Хотя в целом гегелевская концепция тождества носит спекулятивно-идеалистический характер, она в силу своей диалектичности содержит в себе глубокое толкование сущности закономерностей мирового процесса.

Уже в «Феноменологии духа» Гегель преодолевает шеллингианское понимание абсолютного тождества. Исходное положение философии Гегеля — принцип тождества бытия и мышления — предполагает и существенное различие между ними. Это значит, что различие так же существенно, как и тождество, что существенность тождества определяется существенностью различия. Одно неотделимо от другого: тождество содержит в себе различие, различие заключает в себе тождество. Однако эти глубокие диалектические прозрения послужили Гегелю для обоснования идеалистического сведения бытия к мышлению, что в конечном счете привело к извращению диалектики, так как тождество, поскольку оно дано в мышлении, фактически рассматривалось Гегелем как доминирующее над различием.

В «Науке логики» Гегель противопоставляет формально-логическому пониманию тождества, имеющему ограниченное значение, диалектическое понятие конкретного тождества как основного определения сущности. Гегель отнюдь не отрицает логической необходимости формального или абстрактного тождества. Он указывает лишь на принципиальную недостаточность последнего, что обнаруживается уже в формальной логике, поскольку применяемые ею дефиниции предполагают различие и отождествление в рамках одного и того же определения. Переходя от понятия тождества к понятию истины, Гегель справедливо отмечает, что *«ис-*

тина достигает полноты лишь в единстве тождества с разностью» [47, V, 485].

Абстрактное тождество, по Гегелю, является лишь моментом в познавательном движении мышления, его «истина» состоит в переходе от абстрактного тождества «А есть А» к конкретному «А есть Б». Отсюда: «...начало тождества или противоречия, взятое в том смысле, что оно должно выражать как истину лишь абстрактное тождество в противоположность различию, не есть закон мышления, а есть, наоборот, противоположность такого закона...» [там же, 489].

В. И. Ленин высоко оценил гегелевскую критику абстрактного тождества, которая является вместе с тем и критикой абстрактного различия, абсолютного противопоставления тождества и различия, отрицающего объективность противоречия. В своем конспекте «Науки логики» Ленин обратил внимание на следующую мысль Гегеля: «Обычное же нежничание с вещами, заботящееся лишь о том, чтобы они не противоречили себе, забывает здесь, как и в других случаях, что этим противоречие не разрешается, а лишь отодвигается куда-то в другое место, в субъективную или вообще *внешнюю рефлексию*, и что последняя на самом деле заключает в себе в одном единстве, как снятые и соотнесенные друг с другом, оба момента, которые этим удалением и перемещением провозглашаются как исключительно только *положенность»* [47, V, 498]. «Нежничанье» с природой и историей (у филистеров), по Ленину, означает «стремление очистить их от противоречий и борьбы...» [3, 29, 122]. Таков революционный смысл гегелевской критики абстрактного тождества.

Выявив сущность тождества и различия, Гегель определил противоположность как единство тождества и различия. «*Тождество* и *различие*, — пишет он, — суть моменты различия, заключенные внутри него самого; они суть *рефлектированные* моменты его единства» [47, V, 499].

Противоречие Гегель рассматривает как отношение противоположностей, которые заключают в себе момент тождества; тождество есть вместе с тем и не тождество. «Различие вообще есть уже противоречие *в себе»* [там же, 509]. Разъясняя этот тезис, он подчеркивает, что «отрицательное, противостоящее положительному, имеет смысл лишь в указанном соотношении с этим своим другим; оно, следовательно, содержит последнее *в своем понятии»* [там же, 515—516]. В. И. Ленин вычленяет рациональное зерно в гегелевской трактовке закона исключенного третьего: «Итак, само нечто есть то третье, которое должно было бы быть исключено» [3, 29, 124]. И далее В. И. Ленин пишет: «Это остроумно и верно. Всякая конкретная вещь, всякое конкретное нечто стоит в различных и часто противоречивых отношениях ко всему остальному, ergo, бывает самим собой и другим» [там же]. Гегелевский анализ формально-логического закона исключенного третьего замечателен в том отношении, что он кроме критики формальной логики выявляет имманентно заключающуюся в этом законе истину: «*Все вещи противоречивы в самих себе...*» [47, V, 519]. Эта внутренняя противоречивость коренится, по Гегелю, именно в том, что тождество вопреки своей непосредственной видимости конкретно, т. е. представляет собой единство различного. Именно поэтому «положительное есть в самом себе отрицательность, оно выходит вне себя и начинает изменяться. Нечто, следовательно, жизненно лишь постольку, поскольку оно содержит в себе противоречие, и притом есть та сила, которая в состоянии вмещать в себя это противоречие и выдерживать его» [там же, 521].

Однако гегелевская идеалистическая система фактически делает невозможным действительно конкретный анализ конкретного. Переход в свою противоположность не совершается безотносительно к условиям, т. е. в любом случае, с любой вещью, поэтому сама всеобщность диалектической закономерности должна быть понята конкретно.

§ 3. Диалектико-материалистическое решение проблемы тождества и различия

«Капитал» К. Маркса является классическим образцом конкретного анализа диалектического тождества и различия. Буржуазные экономисты, как известно, не разграничивали стоимость и потребительную стоимость. Между тем, как показал Маркс, «эти две вещи отнюдь не тождественны...» [1, 26, III, 101]. Товар не может быть стоимостью, не будучи потребительной стоимостью; последняя, однако, не находится в соизмеримом соотношении с величиной стоимости. Товар как стоимость и потребительная стоимость, отмечает К. Маркс, имеет двойственное существование, но «это двоякое *неодинаковое* существование должно развиваться дальше в *различие*, различие — в *противоположность* и в *противоречие*» [1, 46, I, 89]. Как известно, диалектический анализ тождества противоположностей, образующих товар, привел Маркса к открытию двойственного характера труда, создающего товары: это, с одной стороны, конкретный, особенный труд, создающий потребительную стоимость, а с другой стороны, абстрактный труд, создающий стоимость, которая существует безотносительно к особенным качествам товара, будь то холст или, скажем, машина.

В «Святом семействе» К. Маркс и Ф. Энгельс указывают, что взаимоисключающие противоположности — пролетариат и буржуазия — вместе с тем обусловливают друг друга, т. е. в этом отношении наличествует момент тождества. «Имущий класс и класс пролетариата представляют одно и то же человеческое самоотчуждение. Но первый класс чувствует себя в этом самоотчуждении удовлетворенным и утвержденным, воспринимает отчуждение как свидетельство *своего собственного могущества* и обладает в нем *видимостью* человеческого существования. Второй же класс чувствует себя в этом отчуждении уничтоженным, видит в нем свое бессилие и действительность нечеловеческого существования» [1, 2, 39]. Но если деятельность пролетариата направлена на уничтожение этого отношения, то буржуазия стремится его увековечить. Таким образом, анализ конкретного тождества приводит Маркса и Энгельса к открытию революционной и консервативной сторон антагонистического противоречия, т. е. к материалистическому обоснованию освободительного движения рабочего класса.

Основоположники марксизма разрабатывали диалектику в процессе конкретного исследования социальных явлений, в то время как у Гегеля фактически отсутствуют присущая диалектике конкретно-историческая постановка проблемы, анализ различных типов противоречий и различных путей их разрешения. Диалектика мышления, которую Гегель считал изначальной, субстанциальной, на самом деле представляет собой лишь отражение диалектики бытия. Отвергая мистицизм Гегеля, у которого категории выступают «как что-то предсуществующее, а диалектика реального мира — как их простой отблеск» [1, 20, 519], Энгельс писал: «В действительности наоборот: диалектика головы — только отражение форм движения реального мира, как природы, так и истории» [там же].

С этих позиций Энгельс показывает, что эмпирическое естественно-научное исследование, поскольку оно фиксирует микроскопические изменения, непрерывно происходящие в живом организме, и правильно оценивает их роль в процессе жизнедеятельности, неизбежно (независимо от философии) вынуждено признавать несостоятельность концепции абстрактного тождества [там же, 529]. Это относится и к наукам, исследующим неживую природу. Таким образом, естествознание, независимо от методологических установок самих естествоиспытателей, втягивается в сферу диалектического мышления.

Вместе с тем в современном Энгельсу естествознании господствовал метафизический способ мышления. «...Большинство естествоиспытателей, — писал по этому поводу Энгельс, — все еще воображает, что тождество и различие являются непримиримыми противоположностями, а не односторонними полюсами, которые представляют собой нечто истинное только в своем взаимодействии, во включении различия *в* тождество» [там же, 531]. Энгельс не только констатирует эту метафизическую ограниченность естественно-научной методологии своего времени, но и вскрывает ее гносеологические корни.

Естествознание на определенных этапах своего развития ограничивается в основном вычленением изучаемых объектов, изоляцией каждого из них с целью описания особенностей, характеризующих данное вещество, данный вид растений, животных и т. д. То обстоятельство, что эти особенности являются результатом длительного процесса взаимодействия, изменения, развития, не принимается во внимание, поскольку эти сложные процессы могут стать предметом специального исследования лишь после того, как сложится научное представление о многообразии и специфических особенностях различных явлений природы. Только изучение различий безотносительно к сходству, так же как изучение сходства безотносительно к различиям, сделало в последующем возможной постановку вопроса о внутренней связи явлений. Исследование внутренней связи явлений позволяет затем понять сходство и различие не как внешнее отношение независимых друг от друга вещей, а как внутреннее отношение, присущее определенному целому.

В. И. Ленин рассматривал понятие тождества как аналогичное понятию единства противоположностей, которое шире по своему объему, но, безусловно, включает в себя тождество как существенный и необходимый момент отношения противоположностей. Ленин считал, что различие терминов «тождество» и «единство» несущественно: «В известном смысле оба верны». Главное в диалектике — «признание (открытие) противоречивых, *взаимоисключающих*, противоположных тенденций во *всех* явлениях и процессах природы (и духа и общества *в том числе*)» [3, 29, 317].

Однако Ленин не ограничивался констатацией главного в диалектике и, переходя к анализу ее основных элементов, разграничивал эти понятия, имея в виду различные формы единства. Тождество противоположностей он характеризовал как превращение противоположностей друг в друга. Единство противоположностей предполагает многообразие отношений между различными сторонами противоречия. Иными словами, единство противоположностей есть единство всего многообразия существующего, каковы бы ни были особенности форм этого отношения. Тождество противоположностей, напротив, представляет собой особенную форму этого единства.

В. И. Ленин подчеркивал, что в каждом предложении, содержащем указание на видовые особенности отдельного, констатируется объективно существующее общее. «Значит, — заключает В. И. Ленин, — противоположности (отдельное противоположно общему) тождественны...» [там же, 318].

В свете этого положения становится понятным, что единичное историческое событие, поскольку оно не является случайным, несущественным, представляет собой особую форму всеобщего, т. е. тождественно с ним в определенном и притом существенном отношении. В. И. Ленин отмечал, что К. Маркс «указал путь к научному изучению истории, как единого, закономерного во всей своей громадной разносторонности и противоречивости, процесса» [3, 26, 58]. Выводы, полученные Марксом в результате анализа развития капиталистического способа производства, действительны для всех капиталистических стран, несмотря на существенные различия, характеризующие каждую отдельную страну и форму ее развития. Марксизм не только не умаляет значения особенного, но, напротив, подчеркивает необходимость его исследования в качестве конкретно-исторической формы общего, существенного, закономерного. В. И. Ленин подчеркивал, что важно «исследовать, изучить, отыскать, угадать, схватить национально-особенное, национально-специфическое в *конкретных* подходах каждой страны к разрешению *единой* интернациональной задачи...» [3, 41, 77]. Такой единой интернациональной задачей коммунистического движения является уничтожение капиталистических отношений и построение бесклассового общества. Эта общая задача освободительного движения рабочего класса неизбежно модифицируется в зависимости от конкретно-исторических условий и специфического содержания общественного развития в каждой отдельной стране или группе стран, обладающих существенно общими чертами. В. И. Ленин отмечал, что переход от капитализма к социализму мыслим в различных формах, в зависимости от того, имеем ли мы в стране уже преобладание крупных капиталистических отношений или в ней преобладает мелкое хозяйство [см. 3, 43, 78]. Однако при этом Ленин выступал против преувеличения, абсолютизации значения единичного, особенного, т. е. умаления закономерности, которая по самой своей природе является формой всеобщности. Разумеется, и форма всеобщности не есть унифицирующая схема, стирающая качественные различия явлений, относящихся к определенной области. Явление, как говорил Ленин, богаче закона, но закон выражает наиболее существенное, главное, определяющее.

Для современных буржуазных и ревизионистских интерпретаций марксизма характерны одностороннее подчеркивание (вплоть до абсолютизации) особенного, единичного в противовес общему, тождественному, единому, недооценка существенности общего. Фактически это ведет к отрицанию действительных закономерностей общественного развития, поскольку любая социальная закономерность относится к существенно различным странам с исторически определенным уровнем общественного развития. Между тем критики марксизма утверждают, что законы общественного, в частности капиталистического, развития, открытые марксизмом, неприменимы, например, к азиатским странам. Эта логика, разбивающая всемирно-исторический процесс на якобы самодовлеющие регионы, ведет и к отрицанию закономерностей развития социализма, общих для всех стран, вступающих на путь социалистического переустройства. На этой почве формируется отрицание всемирно-исторического значения опыта социалистического строительства в СССР и других странах. В конечном итоге сторонники такого рода взглядов пытаются интерпретировать ленинизм как учение, выражающее особенности исторического развития одной лишь России. В основе такого толкования марксизма-ленинизма — отказ от диалектики, подмена диалектики эклектикой и софистикой.

Вопрос об отношении тождества и различия — один из наиболее общих вопросов теории диалектики — оказывается, таким образом, неразрывно связанным с многообразным, в том числе социально-экономическим и политическим, содержанием. И это, разумеется, не случайно: положение о единстве тождества и различия, общего и особенного, повторяемости и неповторяемости — одно из исходных положений марксистской диалектики, играющее принципиально важную роль в отражении реального процесса развития как единства многообразия, единства противоречивого, осуществляющегося посредством борьбы противоположностей, а не вопреки ей.

Глава XI. КАЧЕСТВО И КОЛИЧЕСТВО. ЗАКОН ПЕРЕХОДА КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В КАЧЕСТВЕННЫЕ

§ 1. Качество и количество как всеобщие формы бытия

Вещь представляет собой единство общего и единичного, того, что указывает на ее сходство с другими вещами, и того, что указывает на ее неповторимость, индивидуальность. Все то, что придает вещи определенность, указывает на ее сходство с другими вещами и на отличие от них, является свойствами.

Свойства, характеризующие вещь, неоднородны. Одни из них указывают на то, что она собой представляет, другие — на ее величину, размеры. Совокупность свойств, указывающих на то, чем вещь является, составляет ее качество; совокупность свойств, указывающих на величину вещи, ее размеры, составляет количество.

В советской философской литературе существуют различные определения категорий качества и количества. Многие авторы качеством считают совокупность свойств, составляющих внутреннюю определенность вещи и отличающих ее от других вещей. Однако определение качества как внутренней определенности вещи не раскрывает содержания данной категории, не позволяет отличить ее не только от целого ряда других категорий, но даже от органически связанной с ней категории «количество». В самом деле, внутренней определенностью вещи является не только ее качество, но и ее количество. Определенность хлора, например, будет составлять не только то, что он в обычных условиях является газом, имеет желто-зеленый цвет, что он ядовит, химически активен, непосредственно соединяется с подавляющим большинством металлов и неметаллов и т. п., но и то, что заряд его атомного ядра составляет 17 единиц, что вокруг ядра вращаются 17 электронов, что молекула его двухатомная, что связь между атомами в молекуле осуществляется при помощи двух электронов, что он в 2,5 раза тяжелее воздуха, что его температура плавления — 100,98°, а температура кипения — 34,05° и т. д. Одним словом, внутреннюю определенность хлора составляют не только качественные, но и количественные характеристики. И это характерно для любого материального образования. Определение качества как «внутренней определенности» не позволяет отличить категорию «качество» и от категорий «сущность» и «содержание», ибо последние тоже отражают внутреннюю определенность вещи в диалектическом единстве ее качественных и количественных сторон.

Совершенно неудовлетворительным для определения качества является также указание на то, что оно представляет собой совокупность свойств, отличающих данную вещь от других вещей, что оно связано лишь с различием, выражает лишь специфику вещи [см. 225, 84]. Качество составляет не только те свойства, которые отличают вещь от других вещей, но и те, которые указывают на ее сходство с другими вещами. Например, существенными моментами качества лития являются: он имеет атомное ядро, в которое входят протоны, нейтроны и другие «элементарные» частицы, электронную оболочку, состоящую из двух слоев, он является щелочным металлом, легко соединяется с галогенами, разлагает воду с выделением водорода, растворяется в кислотах и т. д. Но все эти свойства повторяются и у других веществ и, таким образом, выражают не отличие, а сходство лития с другими химическими элементами. Качество любой вещи представляет собой единство единичного, общего и особенного.

Некоторые авторы отождествляют качество с существенными свойствами [см. 215, 39]. Определение качества как существенного свойства или совокупности существенных свойств нельзя признать правильным. Если все существенные свойства вещи относятся к качеству, то за количеством должна оставаться лишь область несущественного. Но в действительности не все количественные характеристики вещи являются несущественными. Например, существенным для каждого химического элемента является строго определенное число протонов, входящих в атомное ядро, число атомов, образующих молекулу того или иного вещества. Эта особенность, в частности, выражена в химическом законе постоянства состава вещества.

Авторы рассматриваемой точки зрения относят к количественным характеристикам не все несущественные свойства вещей, а лишь такие, которые связаны с интенсивностью, величиной, масштабностью, числом, объемом, степенью зрелости данной вещи, явления и т. п., с их увеличением или уменьшением. В результате получается, что у вещи, наряду со свойствами, составляющими качество и количество, имеются свойства, не являющиеся ни качественными, ни количественными характеристиками. Но может ли вещь обладать иными свойствами, кроме качественных и количественных характеристик? Конечно, нет. Категории «качество» и «количество» охватывают все присущие вещи свойства, все ее содержание.

Вне качества и количества не может быть никаких свойств вещи. Поэтому все свойства, которые не касаются размеров, величины, объема, интенсивности степени развития предмета и т. д., относятся к качеству. Среди них есть и существенные, присущие вещи всегда, в любых условиях, на всех стадиях ее развития и без которых она не может существовать, и несущественные, появляющиеся у нее в одних условиях, на одних стадиях существования и исчезающие в других условиях, на других стадиях развития.

В основе определения качества как существенных свойств лежит отождествление категории «качество» с категорией «сущность». Но сущности противостоит не количество, включающее в себя лишь свойства, указывающие на величину вещи, а явление, в содержание которого входит все, что проявляется на поверхности вещи, в результате ее взаимодействия с другими вещами.

Отождествление качества с сущностью неизбежно следует из того, что оно рассматривается как внутренняя определенность вещи. Однако такая определенность включает в себя не только качественные, но и количественные характеристики. Внутренняя определенность вещи есть не качество, а сущность. Видя это, некоторые авторы прямо заявляют, что качество как внутренняя определенность представляет собой сущность. «Качество... вещи, взятой сама по себе, абстрагированной от ее отношений с другими вещами, — пишет А. Я. Райбекас, — есть абстрактное качество и, очевидно, тождественно ее сущности» [176, 145].

Качество совместно с количеством представляет единство внутренней и внешней определенности вещи. Изменение свойств вещи в результате изменения ее взаимосвязей с другими вещами представляет собой изменение ее внешней определенности, внутренняя же определенность вещи, как и ее сущность, сохраняется. Внешняя определенность вещи зависит не только от ее внутренней определенности, но и от предметов, с которыми вещь взаимодействует.

Итак, основным критерием принадлежности того или иного свойства к качеству вещи является не его существенность, а его способность характеризовать вещь со стороны того, что она собой представляет, указывать на то, чем она является. Поэтому правильнее, на наш взгляд, определять качество как совокупность свойств, указывающих на то, что собой данная вещь представляет, чем она является, а количество — как совокупность свойств, указывающих на размеры вещи, на ее величину. В данном определении делается упор на те специфические моменты содержания категорий «качество» и «количество», которые отличают их друг от друга и от других категорий диалектики.

Говоря о качестве и количестве, мы имели в виду определенные характеристики вещи. Однако качеством и количеством обладают не только вещи, но и присущие им свойства. Например, каждый угол треугольника, являющийся одним из его свойств, имеет свое строго определенное качество и количество. То, что он образован двумя лучами, исходящими из одной точки, наряду с рядом других свойств является его качеством, а конкретная его величина, его размер, выраженный в градусах, составляет его количество.

Итак, качество и количество являются всеобщими характеристиками, всеобщими формами бытия, присущими как самим предметам, так и их свойствам.

Применимость категорий «качество» и «количество» к отдельным свойствам вещей позволяет решить вопрос о том, сколько качеств имеется у вещи: одно или много. Известно, что в нашей философской литературе по данному вопросу существуют две прямо противоположные точки зрения. Одни авторы считают, что каждая вещь имеет лишь одно качество, другие доказывают, что качеств у вещи много. На наш взгляд, вторая точка зрения ближе к истине. Необходимость признания у вещи множества качеств неизбежно следует из того, что вещь обладает множеством свойств, каждое из которых имеет свое, отличное от других и от самой вещи, качество.

Правда, может показаться, что данное нами определение качества противоречит этому. В самом деле, если качеством вещи является совокупность свойств, указывающих на то, что собой вещь представляет, то у вещи должно быть только одно качество, ибо все свойства, составляющие ту или иную ее качественную определенность, так или иначе войдут в эту совокупность. Данное рассуждение было бы бесспорным, если бы вещь в любом отношении, в любых условиях проявляла все свои свойства, указывающие на то, что она собой представляет. Между тем в действительности этого не бывает. В различных отношениях, в различных конкретных условиях вещь проявляет различные, строго определенные, специфические для каждого конкретного случая свойства. А раз это так, то в одних отношениях, в одних условиях вещь будет иметь одно качество, в других — другое.

Поскольку в различных отношениях или условиях существования вещь представляет не все ее свойства, а строго определенные, она может рассматриваться не только со стороны своего особого, основного качества, но и со стороны качества того или иного ее свойства. Например, представляя собой особое вещество, состоящее из двух атомов водорода и одного атома кислорода, вода через такое свое свойство, как капельно-жидкое состояние, может выступать как жидкость и проявлять свое качество жидкости; поскольку она способна растворять некоторые вещества, она может рассматриваться как их растворитель и т. д. Из этого следует, что каждый предмет, явление наряду с основным, выражающим его специфическую природу качеством может иметь множество неосновных качеств, которые, появляясь у вещи в одних условиях, отсутствуют в других. Потеря вещью одного такого качества не влечет за собой обязательную потерю основного качества и других неосновных качеств. Например, потеря водой такого качества, как капельно-жидкое состояние, с переходом в другое агрегатное состояние (в пар или лед) не влечет за собой потерю ее качества как особого вещества, состоящего из водорода и кислорода.

Проблема объективности качества была одной из тех «вечных» проблем, которые находились в центре философских размышлений и идейной борьбы на протяжении всей многовековой истории развития философской мысли. Материалисты Древней Греции стремились найти субстанциональную основу качественно многообразного мира. Такой основой они считали то или иное качество, видоизменениями которого является все многообразие наблюдаемых качественных различий («вода» у Фалеса, «воздух» у Анаксимена, «огонь» у Гераклита). Наивно-материалистическое сведение качественного многообразия мира к единому качеству не было, конечно, последовательным проведением идеи объективности качества. Объективность качественного единообразия мира обосновывалась древними мыслителями ценой признания иллюзорности качественных различий, отрицания качественного многообразия мира.

В новое время проблема объективности качества была переосмыслена и выступила в виде гносеологической проблемы «первичных» и «вторичных» качеств. Д. Локк разделил все множество качеств на две группы: 1) «первичные» качества, существующие независимо от человеческого сознания (протяженность, движение, покой, фигура и т. д.); 2) «вторичные» качества, обусловленные спецификой органов чувств (цвет, вкус, запах и т. д.). Деление качеств на «первичные» и «вторичные» содержало в себе возможность субъективно-идеалистических взглядов. Эту возможность реализовал Дж. Беркли. Обвиняя Локка в непоследовательности, он утверждал, что не только «вторичные», но и «первичные» качества зависят от субъекта, ибо все качества в конечном счете сводятся к ощущениям. Все качества суть различные ощущения — таков субъективно-идеалистический вывод Беркли.

Отождествляя все качества с ощущениями, Беркли, однако, выделял воспринимающий субъект как единственно реальное. Тем самым он допустил ту же непоследовательность, в которой упрекал Локка. Д. Юм заметил эту непоследовательность Беркли и показал, что последовательное сведение качества к ощущению приводит к отрицанию объективного существования не только вещей и их качеств, но и самого воспринимающего «Я». Если все качества, которые мы воспринимаем, суть наши субъективные ощущения, рассуждал Юм, то таковым же является и самосознание, ибо оно проявляется лишь тогда, когда мы ощущаем в себе то или иное собственное состояние, например, голод, усталость, боль, определенное положение тела и т. д. А если это так, то совокупностью ощущений должны признаваться не только различные вещи, но и само «Я», их воспринимающее. Таким образом, сведение тех или иных качеств вещей к субъективным ощущениям неизбежно приводит не только к сведению всего окружающего мира к субъективному миру «Я», но в конечном счете и к отрицанию самого этого «Я».

Надежной основой, препятствующей появлению субъективистских тенденций в понимании качества, является признание объективности всех качеств, присущих вещи. Положение о том, что качественные характеристики так же, как и количественные, существуют объективно, вне и независимо от человеческого сознания, является одним из исходных положений диалектического материализма. Оно дает возможность раскрыть закономерности взаимосвязи качества с количеством, их взаимозависимость и взаимопереходы.

Качество и количество находятся в органической взаимосвязи и взаимозависимости. Качественная определенность существенным образом зависит от количества соответствующих элементов, образующих вещь, изменения взаимодействий между ними и вызываемых этими взаимодействиями изменений количественных характеристик тех или иных ее сторон. Однако не всякое количественное изменение вызывает изменения качества. Существует некоторая самостоятельность качественной и количественной определенностей, границы, в пределах которых количественные изменения не вызывают изменения качества. Эти границы составляют меру, выражающую единство количества и качества.

Взаимосвязь количества и качества представляет собой единство противоположностей. Количество постоянно изменяется, качество относительно устойчиво, остается неизменным, пока количественные изменения не достигнут определенного предела, не выйдут за рамки меры. Выход количественных изменений за рамки меры обусловливает изменение качества, его преобразование в другое качество. Но с появлением нового качества изменяются и количественные характеристики, появляется новая количественная определенность, которая до определенного времени изменяется в рамках данного качества, а затем, достигнув известного предела, вызывает его изменение, и т. д. без конца. Материя развивается путем постепенного накопления количественных изменений, перехода их в свою противоположность — качественные изменения.

Количественные изменения происходят постепенно, непрерывно, они имеют место и в момент формирования того или иного качества, и в его рамках, и в момент его изменения (превращения в новое качество); качественные же изменения не являются постепенными и непрерывными, они возникают, когда количественные изменения выходят за рамки меры, происходят относительно быстро и прекращаются с завершением формирования нового качества, возникают снова, когда количественные изменения в рамках этого качества достигнут необходимого уровня, прекращаются с возникновением нового качества и т. д. Таким образом, в развитии материи имеют место как непрерывные изменения, так и прерывные, смена одних устойчивых состояний другими. Переход от одной устойчивой качественной определенности к другой осуществляется в форме скачка, который представляет собой перерыв непрерывного существования качества в рамках той или иной меры.

Таким образом, появление той или иной устойчивой качественной определенности в результате количественных изменений является перерывом постепенности и непрерывности в изменениях, а наступление скачка, представляющего всеобщую форму преобразования одной качественной определенности в другую, является перерывом непрерывного существования данного качества. Об особенностях диалектического перехода одного качества в другое В. И. Ленин писал: «Чем отличается диалектический переход от недиалектического? Скачком. Противоречивостью. Перерывом постепенности. Единством (тождеством) бытия и небытия» [3, 29, 256].

Итак, развитие идет через взаимосвязь непрерывности и прерывности, непрерывных количественных изменений и прерывных качественных, через скачкообразный переход количественных изменений в качественные, смену одних устойчивых качественных определенностей другими.

§ 2. Скачок как всеобщая форма перехода от одного качества к другому

Закон перехода количественных изменений в качественные вместе с законами единства и борьбы противоположностей и отрицания отрицания раскрывает механизм скачка перехода от старого качества к новому. Процесс накопления количественных изменений, приводящий к критическим точкам («границам меры»), есть в то же время процесс становления и усиления основного противоречия от его зачаточных форм до более развитых, а скачок есть процесс его разрешения.

Любой процесс развития слагается из последовательных цепей скачков; поэтому исследование механизмов основных видов перехода и входящих в них способов отрицания старой и синтеза новой системы, нового качества составляет важнейшую задачу исследования процессов развития.

Наиболее ярко связь количественных и качественных изменений проявляется в скачках, протекающих в форме «взрыва» и имеющих две стадии с четко выраженными границами между ними. На первой стадии количественные изменения происходят без изменения природы объекта. Границы меры соответствуют такому состоянию объекта, когда его основное противоречие достигает высшей стадии своего развития, когда начинается отрицание и, если оно не имеет характера деструкции, конструктивный синтез. В неорганической природе точками перехода являются относящиеся к фазовым превращениям веществ точки плавления (отвердевания), кипения (сжижения), точки сублимации, перекристаллизации, а также точки аллотропических переходов (например, графит и алмаз — разные аллотропические состояния углерода). Такими «границами меры» являются так называемые точки Кюри для магнитных и диэлектрических веществ, критическая температура в явлении сверхпроводимости, критическая масса при ядерных реакциях и т. д.

Вторая стадия предполагает качественные изменения, перестройку старой системы и ее превращение в новую, образование нового качества. Она включает в себя два переплетающихся или сменяющих друг друга процесса: разрушение или трансформацию старой системы и возникновение новой.

Особенностью «взрывного» скачка является интенсивность процесса перестройки старой системы в новую, которая охватывает всю систему в целом, а не поочередно отдельные стороны и части системы. В скачках «взрывного» типа связи между отдельными элементами и подсистемами гораздо слабее, чем связи, обеспечивающие целостность, единство системы. Применительно к явлениям неорганической природы это ярко проявляется в наличии «дальнего порядка» расположения атомов в кристаллических телах в противоположность «ближнему порядку» расположения атомов в аморфных телах и жидкостях. Если «ближний порядок», основанный на доминировании сил непосредственно взаимодействия между соседними атомами или молекулами, определяет протекание «постепенных» скачков, то наличие «дальнего порядка» при взаимодействиях атомов в кристаллических телах объясняет четко выраженную точку их плавления. Например, переход кристалла («дальний порядок») в состояние жидкости («ближний порядок») возможен по достижении такой средней тепловой энергии, которая требуется для разрушения связей атомов кристаллической решетки всего тела, а не его отдельных частей. В этом случае образуется своего рода конфронтация двух сил: равномерно распределенной силы, удерживающей атомы в кристалле в форме «дальнего порядка», и силы разъединения атомов путем их взаимного отталкивания в тепловом движении.

Второй тип скачка характеризуется постепенностью перехода, который осуществляется в зависимости от двух типов организации систем. В сложных системах с большим количеством более или менее однородных элементов и связей между ними обеспечивается «ближний порядок». К таким системам относятся статистические совокупности частиц в виде жидкостей и газов, аморфных тел, статистические взаимодействия животных организмов в популяциях (популяционная генетика) и т. д. Постепенный пепереход в качественно новое состояние представляет собой последовательный отрыв молекул от общей массы жидкости (испарение); переход упругой деформации в пластическую через поочередное ослабление межмолекулярных связей; постепенный переход тела из аморфного состояния в кристаллическое (например, помутнение стекла) и т. д.

Другая форма «постепенных» скачков присуща изменениям высокоорганизованных сложных систем с четко выраженной иерархически-разнородной структурой. Таковы изменения, происходящие в процессах образования новых видов растительных и животных организмов, в процессе антропогенеза, в неантагонистических общественных системах (при благоприятных условиях).

Чем обусловлен и каковы черты «постепенного» перехода в таких системах? Во-первых, это тесная взаимосвязь и обусловленность элементов целого («ближний порядок»); во-вторых, относительная автономность, дискретность подсистем (в организме — тканей, органов) и их связей в составе целостной системы. Это свидетельствует о диалектическом сочетании в организации системы «ближнего» и «дальнего» порядка. Постепенное накопление количественных изменений приводит к разновременности вызревания противоречий и достижения границ меры для каждой подсистемы, к осуществлению подготовительных скачков. Все это завершается гармоничным разрешением основного противоречия, переходом к новому качеству, к новой системе. Таков, например, процесс образования новых биологических видов. Расходящаяся генеалогическая ветвь на протяжении многих поколений скрещивающихся особей приводит к таким дивергентным формам, которые не дают потомства при скрещивании, что является одним из критериев возникновения нового вида. Это поколение особей и представляет собой границу меры, «точку» завершения скачка и образования нового качества. Но на всем протяжении этого скачка имели место и мелкие скачки с появлением «подкачеств», относящихся к изменению структуры и функций отдельных организмов. Аналогично процесс антропогенеза, как «постепенный» скачок, включает в себя три основные стадии (австралопитека, питекантропа и неандертальца), которые закончились появлением кроманьонца — человека современного типа. При этом количество стадий необязательно равно трем (гегелевская «триада»); оно зависит от конкретных как внутренних, так и внешних условий протекания процесса.

Итак, скачок постепенного перехода к новому качеству, т. е. основной скачок, содержит ряд подчиненных ему скачков, относящихся либо к отдельным частям, подсистемам, либо к отдельным сторонам системы (организма, общества).

Разрешение противоречий в форме скачков зависит от устойчивых факторов внешней среды, с которыми изменяющиеся объекты составляют неразрывное единство, т. е. представляют собой «открытые системы». От сочетания внутренних и внешних условий зависят величины точек перехода и моменты начала и завершения скачков. Классики марксизма-ленинизма дали образцы диалектического анализа скачков в общественном развитии с тончайшим учетом внутренних и внешних условий их протекания (революция 1848 г. в Германии, Парижская коммуна 1871 г., революции 1905 и 1917 гг. в России).

Рассмотренные два типа скачков суть два основных механизма детерминации процессов образования новых качеств и подкачеств, новых систем и подсистем в результате количественных изменений.

Более полное раскрытие механизмов качественного обновления мира, включающего элементы (стадии) циклического, восходящего и нисходящего движения, нуждается в выяснении: 1) способов отрицания старого качества в его связи с новым и 2) способов конструктивного синтеза нового качества, новых систем.

Процессы конструктивного синтеза качественно новых образований можно рассмотреть на основе системной интерпретации категорий «качество» и «скачок». В этом случае новое качество есть функция, интегральное свойство системы того или иного типа организации, а скачок, как показано выше, есть процесс перестройки старой системы и образования новой. Исходя из системной интерпретации категорий «качество» и «скачок», можно вначале вывести абстрактно возможные способы конструктивного синтеза новых систем и соответственно новых качеств, а затем выяснить условия их реализации. Способы, или виды, такого синтеза зависят от того, сколько независимых видов изменений (что и как изменяется) можно произвести в системе и сколько существует сочетаний, связей таких изменений. Изменяться могут следующие характеристики любой системы: 1) число элементов в системе; 2) качество элементов; 3) качество (вид) связей между элементами; 4) число связей между элементами.

При достаточно широком диапазоне условий изменения качества и (или) количества элементов и (или) качества связей между ними изменяется структура и система в целом. Тогда получим следующие семь способов синтеза новых систем, новых качеств: 1) изменяется количество элементов; 2) изменяется качество (вид) элементов; 3) изменяются количество и качество элементов, т. е. состав системы; 4) изменяется качество связей между элементами; 5) изменяется качество элементов и качество связей; 6) изменяется количество элементов и качество связей; 7) изменяется количество и качество элементов и качество связей [см. 221, 62—64]. В перечисленных семи способах учитывается лишь изменение качества связей. Если же к трем видам изменений добавить четвертый — изменение числа связей, то получим уже не семь, а пятнадцать возможных способов синтеза новых систем.

До сих пор рассуждения касались одноуровневых систем без учета входящих в них подсистем. Если перейти к рассмотрению многоуровневых, иерархических систем, каждый уровень которых имеет подсистемы, то тогда при учете количества и качества (типа) подсистем и уровней, а соответственно и их связей значительно увеличится число способов синтеза, или способов образования новых систем. Важно подчеркнуть, что все эти способы определяются независимостью положенных в их основу изменений, сочетания которых выражают специфику этих способов. При этом каждый из этих способов требует для своей реализации специфических условий, без знания которых невозможно ни предвидеть процессы естественного синтеза качественно новых образований, ни управлять синтезом искусственных систем с заранее заданными свойствами, определяемыми структурой синтезируемой системы. Ясно, что не все абстрактно-возможные способы порождения нового могут реализоваться в естественных земных условиях, поэтому некоторые варианты окажутся либо нереализуемыми, либо весьма редко встречающимися. Даже явления изометрии в природе требуют весьма специфических условий для их осуществления. Вот почему важнейшей общенаучной задачей является выяснение условий реализации каждого варианта.

В науке обычно ограничиваются двумя-тремя способами. Тем самым, например, в теоретической биологии, строя модели эволюции, исследователи сильно ограничивают ее теоретические возможности. Так, автор теории филэмбриогенéза А. Н. Северцов называет лишь два способа: изменение числа и величины эмбрионов и их качества [см. 190, 3]. Сторонник современной синтетической теории эволюции Э. Майр также отмечает лишь два способа порождения новых видов — изменение числа и качества особей [см. 122].

Такая ограниченность в выборе способов синтеза нового объясняется, во-первых, узким «геоцентрическим» видением мира, когда интерес прикован к наличным земным условиям, а не к реально возможным. Во-вторых, она связана с недооценкой относительно самостоятельной роли структурных характеристик, в частности изомерии и симметрии, в объяснении эмпирических свойств и их изменений, в объяснении сходства различных организмов между собой. Например, организмы могут быть сходны не только в силу одинаковости условий существования или общности происхождения, но и, как показал Ю. А. Урманцев, в силу чисто системной общности, т. е. принадлежности к одному и тому же типу абстрактных систем.

Если множество способов синтеза качественно новых систем рассмотреть с позиции их детерминации, то в конечном счете в их основе окажутся количественные изменения элементов и (или) связей (в частности, взаимодействий) между ними, а их качество и тем более структуру невозможно изменить «без прибавления или отнятия материи либо движений...» [1, 20, 385].

С точки зрения причинных факторов лишь количественные воздействия качественно определенных агентов (механические, тепловые, электромагнитные, химические и пр.) могут вызывать изменения качеств объектов (в соответствии с их «мерой»). Огромная роль структур в описании, расчете, предсказании соответствующих свойств еще не означает, что изменения структуры превращаются в особый фактор детерминации материальных систем, действующий якобы независимо от количественных изменений объектов [см. 8].

К качественным изменениям Ф. Энгельс относил аллотропические и агрегатные состояния, которые он объяснял различной группировкой молекул [см. 1, 20, 385], т. е. тем, что сейчас называется структурой. Аллотропические состояния относятся к явлениям изомерии в физике, когда при том же химическом составе, но при различной структуре образуются качественно различные физические образования. И эти изменения структур, или группировки молекул, «основываются, — пишет Ф. Энгельс, — на большем или меньшем количестве [Menge] движения, сообщенного телу» [там же]. Поэтому тезис о детерминирующей роли количественных изменений может быть применен к способам синтеза новых систем. Прибавлением, вычитанием и их сочетанием можно изменить число элементов, интенсивность их свойств и связей, взаимодействий, а через них — изменить их качество, а также качество и структуру системы в целом.

Глава XII. ПРИЧИНА И СЛЕДСТВИЕ

Как было показано в предшествующих главах, на основе выявляемых в процессе предметно-преобразующей деятельности общих и специфических свойств вещей человеком познаются их качественная и количественная стороны. В ходе дальнейшего развития познания и практики выявляется взаимосвязь между этими сторонами вещи, обнаруживается взаимообусловленность качественных и количественных характеристик.

С установлением взаимосвязи качественных и количественных характеристик люди начинают осознавать, что качественные изменения обусловливаются, порождаются количественными изменениями. Познание взаимосвязи качественных и количественных характеристик вещей вплотную подводит к выявлению нового момента универсальной взаимосвязи — причинности, а вместе с тем и к необходимости формирования категорий причины и следствия.

§ 1. Диалектико-материалистическое понимание причинности

Категории «причина» и «следствие» занимают в системе категорий диалектики важное место. Этот факт неоднократно подчеркивался классиками марксизма. Ф. Энгельс научную зрелость теоретической системы ставил в зависимость от характера вхождения в нее законов причинного порядка. «Для того, кто отрицает причинность, — писал он, — всякий закон природы есть гипотеза...» [1, 20, 547]. В. И. Ленин неоднократно указывал на важность принципа причинности в доказательстве истинности материалистического решения основного вопроса философии [см. 3, 18, 157].

Категории причинности отражают существенные формы бытия материи. Мысль В. И. Ленина о том, что причина и следствие являются, с одной стороны, частицами универсальной взаимосвязи явлений материального мира, а с другой — звеньями в цепи развития материи [см. 3, 29, 143], является исходной для понимания специфики данных категорий, их важного методологического и мировоззренческого значения в познании.

Как частица универсальной взаимосвязи, причинность выражает всеобщую обусловленность явлений. Будучи звеном в цепи развития материи, причинная связь является своеобразной формой реализации нового, ибо понятие «причинение» в буквальном значении этого термина означает активное действие, вызывающее изменение, порождение новых явлений или свойств у объекта, на который направлено действие.

В категории «следствие» фиксируются результаты причинения, то новое, что возникает в процессе взаимодействия явлений, выступающих в качестве причины. В этом смысле причинно-следственная связь представляет собой не только форму изменения, но и конкретную форму самодвижения взаимодействующих систем, а свойство производительности составляет существенную особенность причинной связи, отличая ее от всех остальных.

В исследовании причинности диалектический материализм исходит из следующих принципиальных положений: 1) причинная связь — это одна из форм объективной универсальной взаимосвязи явлений окружающего мира; 2) формы причинной связи качественно многообразны и неисчерпаемы как неисчерпаем сам мир; 3) категории причины и следствия выражают наши знания о процессах причинения, полученные в результате практического освоения мира, и в этом смысле являются узловыми моментами, историческими ступенями, отражающими познание человеком природы.

Фундаментальной чертой причинности, отличающей ее от всех остальных форм связи, является генетический характер причинно-следственной связи. Причина порождает следствие. Порождение представляет собой единство самодетерминации и причинения (порождения нового), прерывности и непрерывности, одновременности и последовательности, тождества и различия.

Понятие порождения прошло длительную эволюцию, претерпев существенные изменения. Деятельное активное начало природного или духовного порядка составляло буквальный смысл понятия порождения. Активность субъекта, следствием которой всегда является изменение объекта, на который направлено действие, послужило основанием для объяснения аналогичных изменений в природе.

По мере развития научного знания содержание понятия производительности постепенно утрачивает антропоморфный характер, а с возникновением теоретической механики получает естественно-научное объяснение. Первой естественно-научной интерпретацией была силовая интерпретация причинности в механике. Она сыграла положительную роль, вытеснив религиозно-теологические представления о причинности.

Последующая критика механистического понимания причинности Юмом и Кантом выявила его ограниченность, однако субъективно-идеалистические установки не позволили этим мыслителям преодолеть механистическую концепцию причинности. Юм свел причинность к субъективному восприятию регулярности временной последовательности событий, а Кант пришел к выводу о необходимости сохранения телеологического объяснения живой природы.

Дальнейшее развитие представлений о причинности осуществил Гегель. Он отказался от механистической трактовки причины как внешнего агента. Сущность причинности Гегель видел в самодвижении, самопорождении предмета [см. 47, V, 582]. Ф. Энгельс и В. И. Ленин высоко оценили гегелевскую интерпретацию причинности. Гегель «в 1000 раз глубже и богаче понимает каузальность, чем тьма «ученых» ныне», — писал В. И. Ленин [3, 29, 144].

Диалектическая концепция причинности на материалистической основе была последовательно развита в философии марксизма. В материалистической диалектике причина рассматривается как взаимодействие явлений, объектов, сторон объекта [см. 258, 224]. Во взаимодействии происходит изменение и возникновение нового качества, и в том числе такого, которое выражает усложнение, развитие. В этом плане порождение выступает как активное действие, как элемент самодвижения.

Существенной чертой причинно-следственной связи является необходимость. При определенных условиях действие причины необходимо порождает следствие со строго определенными качественными признаками. Суть этой определенности состоит в том, что при относительно неизменных условиях одни и те же причины с необходимостью порождают одни и те же следствия (взаимодействие электрона и позитрона порождает фотоны, капиталистический способ производства порождает кризисы и безработицу и т. д.).

В естественных науках получило широкое распространение понятие однозначной причинности как необходимой связи причины и следствия. Оно употребляется преимущественно в смысле точной предсказуемости состояний системы по ее начальным данным. В биологии понятие однозначной причинности характеризует процесс полного воспроизведения потомками наследственных свойств исходных видов. В кибернетике оно связано с полнотой информации, передаваемой от причин к следствию: наличие полной информации дает однозначную причинность, а неполной — вероятностную.

В философии термин «однозначная причинность» трактуется как синоним необходимой связи причины и следствия. В соответствии с этим на категорию необходимости незаметно переносятся черты, которые характеризуют понятие однозначности в том контексте, как оно употребляется в специально-научном знании: тождество причин и следствий, точная предсказуемость. В таком понимании однозначная причинность как выражение идей механицизма подвергалась критике в отечественной и зарубежной философской литературе по методологии познания.

В связи с разработкой методов квантовой механики была выдвинута идея вероятностной причинности как выражение неоднозначной связи причины и следствия и вероятностной предсказуемости. Правда, в силу субъективно-идеалистических установок авторы идеи вероятностной причинности привели к отрицанию принципа причинности вообще. Достаточно вспомнить высказывание Рассела о том, что современная физика заменила понятие причинности статистическими средними значениями [см. 177, 358]. Весьма рельефно дана оценка вероятностной статистической причинности Хаттеном: «Неопределенная динамическая причинность, которая отождествляет силу и причину, допускает ответ на вопрос "почему случается событие?". Улучшенная концепция детерминистской причинности изменяет это положение на вопрос "как?". Статистическая причинность сохраняет только один вопрос: "что происходит?"» [283, 221].

Проблема статистической закономерности и вероятностного знания получила диалектико-материалистическую интерпретацию и всестороннюю разработку в трудах советских и зарубежных ученых. Вместе с тем существуют попытки перенести идеи вероятностной причинности в диалектико-материалистическую концепцию без существенного изменения; подвергается критике «схема» однозначности [см. 27, 341], где однозначность отождествляется с представлением о необходимой связи причины и следствия. Думается, что здесь имеет место тот случай, когда нечеткое применение специально-научных терминов в сфере философии привело к весьма неадекватной замене философского понятия «необходимость» специально-научным понятием «однозначность» и к совершенно неоправданному отрицанию идеи необходимой связи причины и следствия. Диалектико-материалистическое понимание необходимости не исключает ни однозначности, ни вероятности, а рассматривает их как частные аспекты необходимости.

Идея необходимости в плане описания причинной связи означает, что при определенных условиях действие причин неизбежно и закономерно вызывает следствие со строго определенными качественными признаками. Поскольку каждому качеству (в рамках меры) свойственно известное количественное разнообразие, возможны вариации свойств одного и того же следствия, возникающего в результате действия определенной причины. При этом качество в целом остается строго определенным. Количественные вариации индивидуальных признаков качества выступают в процессе причинения как случайность, отклонение, при необходимом сохранении качественной определенности следствия. Что касается введения понятий однозначной и вероятностной причинности (как самостоятельных форм причинения) в систему философского знания, то оно противоречит пониманию причинной связи, ибо категория необходимости, как мы показали, включает в себя элементы однозначности и вероятности.

Процесс причинения совершается во времени. Этот очевидный факт общепризнан. Однако относительно временно́й структуры причины и следствия существует несколько различных точек зрения. Можно выделить две крайние точки зрения: 1) интерпретация причинной связи как симметричной во времени (причина и следствие одновременны) [см. 216; 219]; 2) интерпретация причинной связи как асимметричной (причина и следствие связаны временной последовательностью) [см. 36; 22; 105].

Помимо этих двух точек зрения существует несколько вариантов интерпретаций, представляющих причинную связь как единство одновременности и последовательности. Так, Г. А. Свечников считает, что существуют формы одновременной причинной связи, когда действие осуществляется непосредственно через контакт, и последовательной — когда причина и следствие связаны через среду [см. 186, 142—145].

Думается, что данное разграничение не решает вопроса о характере временной связи, ибо при определенных обстоятельствах опосредованные причинные связи можно свести к связям через контакт, если разбить весь процесс причинения на элементарные звенья. Так, при распространении электромагнитных волн от горящей лампы из точки А в точку Б, отдаленную некоторым расстоянием, обнаруживается временная последовательность; причина (вспышка лампы) и следствие (возмущение в источнике Б) разделены временным интервалом, необходимым для прохождения разделяющего их расстояния. Однако это же событие можно рассматривать как цепь причинения, завершающим звеном которой будет точка Б, а во временном интервале — серия взаимодействия потока электромагнитных волн со средой. Иначе говоря, рассмотренный случай можно представить как полную причину и свести ее к воздействию через контакт.

Решение вопроса возможно лишь тогда, когда соотнесение генетического и временного компонентов не ограничивается случаями анализа причины как внешнего агента, но охватывает механизм изменения структуры качества объектов. При этом необходимо конкретизировать также само соотнесение генетического и временного аспектов: относить ли временную последовательность или одновременность к существованию причины и следствия как относительно стабильных компонентов или к процессу причинения в целом, т. е. процессу порождения нового, еще не возникшего.

В этом плане представляет интерес анализ видов каузальной асимметрии в статье Е. А. Зак [см. 75, 68—74], где рассматривается асимметричность каузальных связей в трех аспектах: существования, причинения, временной последовательности. При этом автор справедливо замечает, что они не всегда совпадают друг с другом. Различные взгляды на временной аспект причинения обусловлены во многом тем, что не всегда учитываются эти виды асимметрии. Действительно, если проанализировать точку зрения одновременности, то она основывается на понимании причины и следствия преимущественно в экзистенциальном плане, в то время как концепция последовательности рассматривает причинную связь в динамике — как процесс порождения нового (генетическая асимметрия), т. е. в плане конечных результатов.

Основное содержание процесса причинения — это порождение нового, реализация определенных возможностей, которые еще не стали действительностью. Здесь налицо генетическая экзистенциальная асимметрия. Временной компонент, являясь функцией взаимодействия материальных процессов, формой их существования, должен находиться в соответствии со своим содержанием. Иными словами, генетическая асимметрия с неизбежностью предполагает и обусловливает временную асимметрию, выражающую необходимость определенного временного интервала, разделяющую начало становления нового и его полное утверждение, «вписывание» в систему существующих условий.

В принципе причинности обобщается и отражается как раз этот основной и узловой момент генетической и временной асимметрии. Не случайно поэтому в специально-научных теориях в качестве одного из основных условий причинности рассматривается временная асимметрия, не допускающая перестановки прошлого и будущего. Так, в квантовой теории поля причинная функция определяет закон распространения взаимодействий, запрещая сверхсветовые сигналы, т. е. смещение временного порядка. Таким образом, генетическая и временная асимметрия составляют основное содержание процесса причинения.

Асимметрия предполагает существование симметрии как в генетическом, так и во временном плане. Симметричность входит в процесс причинения (генетическая симметрия) как выражение относительной тождественности причины и следствия, в форме которой осуществляется преемственность развития, а также сосуществования причины и элементов порождаемого следствия. Целостный процесс причинения представляет цепь из множества звеньев элементарных причинно-следственных связей. Внутри одного звена может преобладать симметрия, в то время как начальные и конечные звенья асимметричны. То же самое можно сказать и о временном компоненте: крайние звенья цепи выражают временную последовательность, ибо начальное звено и существовало, и изменялось по времени раньше, чем последнее. Между этими крайними звеньями возможны моменты одновременного существования и действования причины и частично возникшего следствия.

Однако временная симметрия не является ведущей стороной процесса причинения, она выражает лишь преемственность состояний, в то время как асимметрия связана с возникновением нового. Таким образом, категории причины и следствия отражают единство генетической и временной асимметрии. Асимметрия существования и временная асимметрия без генетической характерны для связей, возникающих в последовательности событий не причинного типа (связи состояний, некоторые виды функциональной зависимости и т. д.).

Принцип причинности выражает невозможность возникновения явлений из ничего, а также отсутствие абсолютно изолированных систем, не вступающих в какие-либо взаимодействия. История познания, закрепленная в фундаментальных законах науки (законы сохранения), показывает, что нет беспричинных явлений. Каждое событие, любое изменение возникает в силу действия определенной причины или совокупности причин.

Утверждение о всеобщности причинности долгое время было объектом критики в философии неопозитивизма [см. 10, 98]. Представители позитивизма утверждали, что доказать всеобщий характер закона причинности невозможно, так как для этого надо изучить все события во вселенной, поэтому можно говорить, что только некоторые явления имеют причины. Подобное утверждение является результатом узкоэмпирического подхода. Между тем действие законов сохранения, невозможность практически и логически обосновать существование абсолютно изолированных систем, не вступающих во взаимодействие, подтверждают идею всеобщности причинно-следственной связи.

Существенным моментом диалектико-материалистического понимания причинности является обоснование качественного многообразия форм причинной связи, выражающего бесконечность и неисчерпаемость материального мира. Многообразие причинных связей является, прежде всего, выражением качественного многообразия уровней развития материальных систем. Специфические законы развития природы и общества проявляются в различных формах детерминации, не сводимых к какой-либо одной, даже если последняя имеет достаточно общий характер. Усложнению материальных систем в процессе развития соответствует усложнение причинных связей. Так, функционирование сложных самоорганизующихся систем существенным образом связано с понятиями информации, обратной связи, выражающими специфику причинения. Понятие целевой детерминации раскрывает специфику причинных связей в общественном развитии.

Многообразие причинных связей обусловлено не только качественной разнородностью материальных систем, но и характером тех следствий, которые возникают при действии различных причин в рамках одного и того же уровня организации одной и той же системы. Здесь можно выделить причины внешние и внутренние, существенные и несущественные, основные и неосновные и т. д. Причем внешние причины могут превращаться во внутренние, существенные — в несущественные и наоборот. Ярким примером такого превращения является функционирование инициирующих или, как их еще называют, пусковых причин. Будучи по начальному своему воздействию на систему внешним фактором, «пусковая причина инициирует в объекте развертывание внутренних процессов, использование внутренних источников энергии, разрешение внутренних противоречий» [74, 90]. Таким образом, само многообразие причинных связей не является стабильным, и это необходимо учитывать как в теоретическом исследовании, так и в практической деятельности.

§ 2. Причинность и другие формы детерминации

Материальный мир представляет бесконечное многообразие форм и видов детерминации. Мы рассмотрим лишь те, которые тесно связаны с причинностью и оказывают определенное воздействие на реализацию следствия. Одним из видов детерминации, непосредственно связанных с причинностью, является взаимодействие. Существуют самые разноречивые мнения относительно соотношения взаимодействия с причинностью. В частности, некоторые авторы считают, что взаимодействие и причинность несовместимы в силу того, что взаимодействие характеризуется временной симметрией, а причинность — асимметрична [см. 106; 36]. На наш взгляд, этот аргумент говорит лишь о несводимости причинности к взаимодействию, но не опровергает положения об их тесной взаимосвязи и «совмещении» в определенных аспектах. Взаимодействие составляет основу всякого движения и существования явлений внешнего мира. В этом смысле оно является также основой причинности. Когда говорят о причине как явлении, вызывающем определенное следствие, то подразумевают, что эта причина есть определенное взаимодействие этого явления с окружающими условиями, или взаимодействие его внутренних компонентов. Именно в этом смысле взаимодействие выступает основанием всякой причинной связи.

Взаимодействие включается также в механизм причинения. Характер этого включения зависит от типа причинной связи. В системах, изучаемых классической механикой, где причинность имеет внешнесиловой характер, широко распространен обменный тип причинения с временной симметрией причины и следствия. В более сложных системах, для которых характерно качественное изменение в форме цепей причинения, механизм взаимодействия сложнее. В этом случае изменение свойств, структуры, качества объектов требует определенного интервала времени, в течение которого совершается зарождение, становление и оформление нового состояния.

Таким образом, причинная связь не сводится к взаимодействию. Вместе с тем взаимодействие входит в процесс причинения или как непосредственная причина, или как фрагмент связи причины и следствия, или как основа всей причинной цепи [см. 129, 253—261].

Другой важной формой детерминации является обусловленность. От нее существенным образом зависит процесс причинения. Понятием, отражающим этот вид детерминации, является понятие «условие». Возникновение следствий с одной и той же качественной определенностью при повторении действия известной нам причины возможно лишь при наличии одних и тех же условий. При меняющихся условиях одни и те же причины порождают различные следствия. Так, научно-техническая революция, являясь фактором глобального значения, вызывает различные социальные последствия в условиях капитализма и в условиях социализма.

Действие условий весьма разнообразно: они могут усилить или ослабить причину, коренным образом изменить направление ее действия, полностью исключить возможность возникновения следствия. В этом смысле понятия «условие» и «причина» близки по своим функциям. Не случайно поэтому в философской и естественно-научной литературе встречается отождествление условий и причин. Существует определение причины как достаточного и необходимого условия для возникновения следствия [см. 100, 113].

Несмотря на однопорядковость данных форм детерминации, имеют место также и различия, дающие основание выделить относительно автономные пары категорий: причина — следствие и условие — обусловленное. Прежде всего, понятия «условие» и «причина» не совпадают по своему содержанию. Причина — это класс взаимодействующих событий, функционирование которых зависит от условий. Эта зависимость выражается в четкой альтернативной форме «или — или»: или причина порождает следствие, или она не действует, если условия не соответствуют. Все другие вариации, связанные с частичным изменением направления действующей причины, можно рассматривать как действие различных причин. Например, движение электрона в различных средах (слюда, вода) вызывает разные следствия. Отсюда вывод: имеют место различные условия. Но если под причиной понимать взаимодействие движущегося объекта со средой, то речь идет о различных типах взаимодействия электрона со структурными элементами среды, т. е. о различных видах причинения.

По отношению к причине условия выступают как относительно автономная, независимая система. Причина и условие имеют различную направленность: причина направлена к следствию, порождая его, условие — к процессу причинения, обусловливая и причину и следствие. Вместе с тем обусловленность приобретает содержательность только при наличии действующей, порождающей причины.

Таким образом, условия и причины неидентичны. Возможность их взаимного превращения друг в друга говорит лишь о возможности перехода одного качества в другое в процессе взаимодействия явлений материального мира. При анализе конкретных процессов причинения исключительно важно для познания и особенно для практической деятельности провести правильное разграничение условий и причины.

Так, глобальным социальным следствием НТР является массовое высвобождение рабочей силы. В условиях капитализма это ведет к увеличению безработицы. Но было бы большой ошибкой считать, что НТР — причина безработицы, ибо известно, что в условиях социализма НТР не только не ведет к безработице, но и порождает дополнительную потребность в кадрах специалистов. Причина безработицы кроется в частной собственности на средства производства, а НТР придает лишь наибольшую остроту этому бедствию капиталистического способа производства.

Превращение следствия в самостоятельную сущность и «приобретение» им статуса существования отражается категориями «основание» и «обоснованное». Связь основы и обоснованного значительно богаче, чем связь причины и следствия. Основа детерминирует обоснованное, и в эту детерминацию включены различные виды зависимостей: причинная, обусловленная, структурная и т. д. Иными словами, основа детерминирует обоснованное, одновременно переходя в него и существуя в нем, тогда как причина порождает следствие, переходит в него, но не сосуществует с ним одновременно.

В конкретных науках с причинностью часто отождествляется связь состояний. Начальное состояние системы однозначно или вероятностно детерминирует последующее, так что по значению основных параметров, характеризующих начальное состояние, можно определить любое последующее состояние системы. Математическое уравнение, характеризующее эту связь, имеет вид функциональной зависимости, где значение физических величин, определяющих каждое последующее состояние, представляется функцией начального состояния. Создается впечатление, что связь состояний — это связь причины и следствия, точно так же как функциональная зависимость — зависимость причинного порядка. Однако ни то, ни другое не является причинным отношением, хотя имеет ряд общих черт с последним.

Связь состояний — это связь состояний одной и той же системы, и характер этой связи причинно обусловлен воздействием, предшествующим этой связи во времени. В этом смысле и начальное, и последующее состояния — продукты действующей причины, находящейся за пределами фиксируемой связи. Но связь состояний может выражать как причинные, так и непричинные зависимости. Функциональная зависимость и связь состояний — специально-научные понятия, поэтому попытки заменить ими категории причины и следствия совершенно необоснованы.

Существует множество других видов детерминации, отражающих качественное многообразие материального мира: структурная, целевая и т. д. При исследовании законов развития природных и социальных систем необходимо всесторонне учитывать все виды зависимости, но нельзя сводить их друг к другу, даже если между ними обнаруживается ряд сходных черт. Было бы большой ошибкой объявить все связи окружающего мира причинными на том основании, что беспричинных явлений нет. Причинность — лишь одна из форм универсальности связи явлений, и какой бы существенной эта форма связи ни являлась, сведение к ней всех других видов связи — такая же крайность, как и отрицание ее специфичности. Научная ценность диалектико-материалистического подхода в исследовании причинности состоит в том, что, исключая крайности — абсолютизацию причинных связей и отрицание их специфики, этот подход требует всесторонности, диалектического сочетания общего и особенного, многообразия и единства в изучении явлений окружающего мира.

Глава XIII. НЕОБХОДИМОЕ И СЛУЧАЙНОЕ

§ 1. Соотношение категорий «необходимость» и «случайность» с категориями «причина» и «следствие»

Необходимость первоначально была замечена людьми в процессе познания причинно-следственной связи. Осмысливая связь следствия с причиной, люди обнаружили, что за известной причиной следует не любое, а строго определенное следствие, что, если появляется причина, неизбежно возникает и следствие, если причина отсутствует, отсутствует и следствие. Об этом свидетельствовала и практическая деятельность, где человек имел возможность бесчисленное множество раз наблюдать, что после известных действий наступают строго определенные изменения, появляются одни и те же результаты. На этой основе сформировалось понятие необходимости как характеристики причинно-следственной связи. Не случайно поэтому вплоть до наших дней наблюдаются случаи использования понятия необходимости в смысле причинности и, наоборот, понятия причинности в смысле необходимости.

В ходе дальнейшего развития практики и познания необходимость обнаруживается не только в отношении причины к следствию, но и в других, не являющихся причинными отношениях (например, в функциональных связях и т. д.), содержание понятия «необходимость» уточняется, расширяется, приобретает определенную самостоятельность и начинает противопоставляться не причинности, а случайности. Таким образом, категория «необходимость» по отношению к категории «случайность» выражает следующую, более позднюю, ступень развития общественного познания.

В философской литературе обычно утверждается, что необходимость — это то, что имеет внутреннее основание (т. е. некоторый набор причин и соответствующих условий), вытекает из сущности процессов, имеет причину в самом рассматриваемом объекте, случайность же — это то, что не имеет внутреннего основания, не связано с сущностью процессов, вытекает из внешних, неустойчивых по отношению к данной вещи стечений обстоятельств и связей, имеет причину в другом.

«Необходимыми, — пишут авторы учебника по диалектическому материализму, — называются свойства и связи, обусловленные внутренними причинами вещи, явления, внутренней природой элементов, составляющих материальное образование; случайными называются свойства и связи, имеющие причину своего существования в другом, обусловленные стечением внешних обстоятельств. Необходимые стороны и связи при соответствующих условиях наступают неизбежно, случайные могут наступить, могут и не наступить» [64, 254].

Подобный взгляд на причинную обусловленность необходимости и случайности высказывается во многих учебных пособиях и исследовательских работах по философии [см. 46, 17; 159, 121; 154, 113, 114, 144; 87, 142—144; 245, 133; 237, 5, 33—34; 186, 100]. Он опирается на солидную философскую традицию, фактически восходит к Демокриту, Аристотелю и отчасти к Гегелю.

Демокрит, как свидетельствуют Аристотель и Цицерон, полагал, что необходимое — это то, что вытекает из природы явлений, внутренних причин их развития, а случайное — это следствие внешних причин. По Аристотелю, необходимым является все то, что вытекает из природы самого бытия, определяется его существенными свойствами, а случай есть причина побочным образом.

Гегель, много сделавший для доказательства диалектической связи необходимости и случайности (хотя и на объективно-идеалистической основе), вопрос о причинной обусловленности этих категорий решал односторонне. По Гегелю, действительность в своем развертывании раскрывается прежде всего как необходимость, имеющая внутреннее основание. Необходимость составляет лишь один момент действительности, его внутреннюю сторону. Внешней стороной действительности является случайность. Она есть неразвитая действительность, «это — тот образ, в котором действительность первоначально предстает сознанию и который часто смешивают с самой действительностью» [47, I, 243]. Случайное имеет основание своего существования не в себе самом. Оно не может быть объяснено из внутреннего основания, из внутренней природы вещи. Но случайное как действительное, взятое со стороны возможности, имеет основание своего существования в другом [см. 47, I, 243].

Многие буржуазные философы и ныне усматривают причины возникновения случайного во внешних обстоятельствах. Так, С. Лампрехт в работе «Случайность в природе» отмечает, что «существующий мир — это множественность самых разнообразных вещей, как зависящих, так и не зависящих одна от другой. Случайные факторы не распределены во вселенной по какой-либо модели. И присутствие и отсутствие их — случайность. Ничто не запланировано. Когда внешний фактор вторгается в ситуации, мы имеем дело с позитивной случайностью, когда не вторгается — с негативной» [287, 7].

Выведение необходимого только из внутренних причин явлений, а случайного — лишь из внешних вполне приемлемо для обыденного здравого смысла и соответствует канонам классического естествознания, отрывавшего эти категории друг от друга. Такой подход также оправдан и тогда, когда речь идет о применении случайности к материальному миру вообще. Но он, как отмечает В. П. Бранский, не пригоден, когда речь заходит о применении этой категории к конечной и притом замкнутой (т. е. изолированной от внешних воздействий) системе [см. 33, 5]. При таких условиях все изменения в системе должны объясняться непосредственно из ее природы. Но тогда все они необходимы, и случайных явлений в системе не существует.

Преодолеть это затруднение в понимании причинной обусловленности необходимого и случайного путем ссылки на противопоставление внутреннего (существенного) и внешнего (несущественного) невозможно, ибо внешние причины при более широком рассмотрении процессов как сложных систем оказываются внутренними. Какую бы конечную причину ни имело целое, т. е. какая бы первопричина ни вызывала его появление, в ситуацию вовлекаются не только его части (внутренние), которые являются целыми по отношению к своим частям, но и более крупные целые (внешние), являющиеся частями более крупного целого, и т. д.

Важно учитывать также, что по мере расширения материальной системы (как это вытекает из ОТО), роль внешних для этой системы воздействий асимптотически приближается к нулю [см. 264, 154]. Однако случайности в материальной системе при таких условиях не устраняются. Объясняя природу законов статистической физики, имеющих дело с множеством случайных факторов, Н. С. Крылов справедливо заметил, что, «прибегая к помощи внешней среды, мы движемся в порочном круге, переносим ту же трудность из одного места в другое, придавая ей только более сложную форму» [101, 129].

Польский ученый М. Смолуховский еще в 1918 г. в статье «О понятии случайности и о происхождении законов вероятности в физике» высказал мысль о том, что в конечной материальной системе источник случайностей следует искать не вне этой системы, а внутри ее, в присущей ей необходимости [см. 224, VII, 335]. Наконец, когда категории необходимости и случайности выводятся соответственно только из внутренних и внешних причин, они отрываются друг от друга, их относительное различие абсолютизируется, упускается из виду, что процессы в одно и то же время, но в разных отношениях могут выступать и как необходимые, и как случайные, что в каждом процессе имеются необходимые и случайные моменты в различных соотношениях, что необходимость и случайность никогда не существуют в чистом виде.

В некоторых философских работах случайность определяется как результат пересечения независимых необходимых причинно-следственных рядов. Такое представление также имеет свою историю. Еще Демокрит считал, что случайность — это следствие совпадения внешних, не связанных друг с другом процессов, каждый из которых происходит «по природе и в силу необходимости», вызванной столкновением и сцеплением атомов в пустоте [см. 119, 133—136]. Сходной трактовки случайного придерживался и Аристотель. «...Случай, — писал он, — есть причина по совпадению для событий, происходящих по предварительному выбору цели» [19, 32].

В середине XIX в. понимание случайного как пересечения независимых причинных рядов развивалось французским ученым О. Курно (1801—1877). «События, возникшие при встрече или комбинации явлений, принадлежащих независимым рядам, получившимся в порядке причинности, — отмечает он, — мы называем явлениями случайными или результатами случая» [108, 85—86] [1].

Эту точку зрения разделял и Г. В. Плеханов. «*Случайность есть нечто относительное*, — писал он. — Она является лишь в точке пересечения *необходимых* процессов» [167, 323].

При определенных условиях и такой подход к выяснению причин возникновения случайностей правомерен. В системе, изолированной от внешних воздействий и состоящей из бесструктурных элементов, как считает В. П. Бранский, необходимые явления в общем случае обусловлены «пересечением» зависимых причинных цепей (в частном случае — отдельной причинной цепью), а случайные — «пересечением независимых цепей» [33, 28].

Выясняя причины возникновения неопределенности наследственной изменчивости организмов, Н. П. Дубинин полагает, что мутации и рекомбинативная изменчивость — это причинные процессы, протекающие в генотипе организмов. Взаимодействие организмов со средой и с другими организмами составляет другой ряд причинных связей. «Их пересечение создает объективную случайность, неопределенность наследственной изменчивости» [67, 377].

Однако следует учитывать, что определение случайности как результата пересечения независимых причинных рядов вписывается в общую концепцию понимания случайности, когда их возникновение объясняется несущественными, второстепенными, внешними факторами и причинами, поскольку каждый из причинных рядов «оказывается внешним в отношении другого как внутреннего» [152, 48]. Надо иметь в виду и то, что всякое перекрещивание независимых причинных рядов с точки зрения одного ряда является случайным, но, если учесть все причинные ряды, оно выступает в качестве необходимого.

Бытующая концепция причинной обусловленности необходимого и случайного уже не удовлетворяет современную науку, она нуждается в существенных коррективах [см. 28, 129; 169, 139; 165, 73—85; 179, 25—28]. В реальной действительности есть много таких процессов, которые, отражаясь в категории необходимости, порождаются не только внутренними, но и внешними причинами, как есть и много явлений, которые, отражаясь в категории случайности, не только возникают в силу внешних причин, стечения ряда побочных обстоятельств, но появляются и в силу внутренних причин их развития.

---

[1] Такого понимания случайности придерживались: Дж. С. Милль [см. 140, 479]; А. Пуанкаре [см. 175, 76—77]; Н. М. Райхейсберг.

Например, обмен веществ в живых организмах, связанный с процессами ассимиляции и диссимиляции, является необходимым для их развития. Но разве он вызывается только внутренними причинами, находящимися в организмах? Он не может совершаться без связи организмов с условиями их существования, с внешней средой. Значит, обмен веществ как необходимость не только вытекает из внутренних причин существования самих живых организмов, но и определяется условиями, внешними по отношению к ним.

Необходимый характер развития организмов также детерминируется совокупностью как внутренних, так и внешних связей. Он проявляется в условиях, когда возможности, заложенные в наследственных структурах организмов, превращаются в действительность. Но реализация указанных возможностей генотипа организма протекает только на основе взаимодействия структур живых существ со средой. «Необходимость, — писал К. Маркс,— проявляется в конечной природе как *относительная необходимость*, как *детерминизм*» [2, 36]. Она выступает как результат целостного круга причин, условий и оснований развития организма.

В свою очередь, и случайности возникают под действием не только внешних, но и внутренних причин, вытекают из сущности явления. Известно, что накопление у организмов случайных различий и закрепление их в ходе естественного отбора приводят к изменению необходимых видовых признаков, к превращению одних видов в другие. Но эти случайные изменения происходят прежде всего под влиянием наследственных особенностей организмов, т. е. внутренне присущих им свойств, определяемых взаимодействием молекул нуклеиновых кислот (ДНК, РНК) и белков в системе их клеток и передаваемых по наследству от родителей к потомкам. На этом, собственно, и основано выведение новых пород животных и сортов растений посредством скрещивания, межвидовой и отдаленной гибридизации и т. п.

То, что случайности возникают в результате внутренних и внешних причин, подтверждается также действием естественного отбора. Основываясь на нем, практики из множества вариантов организмов отбирают только те, которые в ходе борьбы организмов за продолжение рода и последовательной смены поколений лучше всего приспособились к определенной среде. Результат предшествовавшего процесса отбора генетически фиксируется в последующих поколениях, которые подвергаются новой селекции, так что в конечном итоге происходит сдвиг, рождается приспособленный к среде вид. «И здесь обнаруживается, — пишет И. Цимутта в статье «Диалектика случайности и необходимости в эволюционном процессе», — что необходимость (естественный отбор. — *Н. П.*) пробивается через посредство закона случайно обусловленного предложения вариантов. При этом случайность не есть простая форма проявления необходимости. Она принадлежит к внутренним составным частям трансформационного механизма эволюции» [274, 972].

В общественной жизни многие случайные явления также порождаются одновременно внутренними и внешними причинами. Цена любого отдельного товара на капиталистическом рынке (как случайность) зависит от многих внешних обстоятельств — от конкуренции товаропроизводителей, соотношения спроса и предложения и т. п. В то же время цена — показатель величины стоимости товара — выступает как необходимость [см. 1, 23, 111].

Недостаточность выведения необходимого только из внутренних причин явлений, устойчивых, постоянных их связей, а случайного — только из внешних причин явлений, неустойчивых, временных, внешних их связей становится очевидной, когда многие процессы и объекты действительности анализируются с помощью системно-структурных представлений. В соответствии с ними любое явление реальной действительности рассматривается в качестве сложной системы, состоящей из множества взаимодействующих элементов. Каждый элемент обладает некоторой независимостью, автономностью, неоднозначностью, выражающей определенную структуру систем. Элементы систем не зависят и не определяются состоянием и поведением других, им идентичных элементов. Поведение и состояние элементов в системах, взаимодействие их между собой меняются беспорядочно.

Ю. В. Сачков в статье «О современных обобщениях категории случайности» пишет, что случайность выражает наличие определенного типа, вида взаимоотношений объектов или событий в составе систем, когда между ними отсутствуют прямые, непосредственные, постоянные, друг друга определяющие зависимости [см. 238, 263]. Случайность означает, что состояние или поведение элементов в составе систем является независимым, а потому во время непосредственных взаимодействий их состояния меняются «хаотичным» образом. Случайность предполагает, что взаимосвязь элементов в системах носит обобщенный, глубоко опосредованный характер.

Достижения, полученные в результате использования вероятностно-статистических идей и методов в современной науке, свидетельствуют о том, что случайность непосредственно связана с сущностью исследуемых процессов, выступает в качестве структурной характеристики материальных систем, объектов, вызывается внутренними «спонтанными» изменениями в них [см. 184, 101—114; 162, 165—188; 99, 56—73; 107, 47—93, 197—208; 150, 51—52; 188, 184—202]. Это хорошо видно на примерах случайных величин[2], которые играют важную роль в разбросе снарядов в ходе артиллерийской стрельбы, шумах и помехах в радиоустройствах, рассеивании элементарных частиц, определении загрузки телефонной сети, радиоактивном распаде атомов некоторых химических элементов, отступлении от стандартных размеров деталей при их производстве, изучении явлений мутагенеза и т. п.

---

[2] Случайной называется величина, которая при одних и тех же условиях может принимать разные, каждый раз заранее непредсказуемые значения.

Таким образом, необходимость и случайность вызываются как внутренними, так и внешними причинами. Первая — результат регулярных, постоянных причин, выражает устойчивое, не изменяющееся в структуре объективного мира. Вторая — следствие нерегулярных, непостоянных причин, выражает подвижное, меняющееся в структуре действительности.

§ 2. Закономерности взаимосвязи случайности и необходимости

В марксистской философии диалектика необходимости и случайности получила свое классическое выражение в следующем кратком, но полном глубокого содержания положении: случайность есть форма проявления необходимости и ее дополнение. Данное положение указывает на то, что в диалектическом единстве двух категорий главной, определяющей стороной является необходимость, выступающая как сущность по отношению к случайности. Случайность же по отношению к необходимости выступает как форма ее проявления и дополнение, т. е. как явление.

Впервые положение о случайности как форме проявления необходимости выдвинул Гегель. Правда, он не рассматривал случайность как дополнение необходимости, поскольку, относя случайность лишь к сфере проявления необходимости в природе, он считал, что случайные явления не могут влиять на необходимость, обусловленную развитием абсолютного духа. В отличие от гегелевского идеализма, диалектический материализм представил необходимость как материальную связь явлений, охватывающую наиболее важные, внутренние отношения в предметах и явлениях. Случайные явления и связи возникают в результате действия необходимых связей как их внешнее проявление. Необходимость обусловливает общий характер господствующих случайностей.

Случайные явления возникают в результате опосредствования внутренней связи различными поверхностными отношениями. На поверхности процессов существуют многообразные отношения, перекрещивание, опосредствование которых приводит к появлению различных случайностей. Перекрещивание различных связей, опосредствование одних связей другими в конкретных условиях происходят по-разному, не вытекают непосредственно из сущности развития. Г. В. Плеханов указывал, что *«случайность есть нечто относительное.* Она является лишь в точке пересечения *необходимых* процессов. Появление европейцев в Америке было для жителей Мексики и Перу *случайностью* в том смысле, что не вытекало из общественного развития этих стран. Но не случайностью была страсть к мореплаванию, овладевшая западными европейцами в конце средних веков...» [168, VIII, 294]. В действительности появление случайностей происходит необязательно лишь в точке пересечения необходимых процессов. На поверхности явлений перекрещиваются самые различные явления и связи, и в преобладающем большинстве не необходимые, а случайные. Но в конечном счете за этими опосредствованиями, за пестрым переплетением различных связей, порождающих различные случайности, можно обнаружить развертывание необходимых процессов.

Положение марксистской диалектики о случайности как форме проявления необходимости объясняет, почему при смене одной необходимости другой соответственно изменяется и характер случайностей, исчезают случайные явления, присущие прежней необходимости, а на поверхности новой необходимости появляются новые случайности. Так, при смене одной общественно-экономической формации другой изменяются не только необходимости, но и случайности, действовавшие в предыдущей формации. Например, необходимые в буржуазном обществе экономические кризисы проявляются в таких случайностях, как увольнение с работы именно этих, а не других рабочих в данное время, в разорении этого, а не другого предпринимателя и т. п. С построением социалистического общества ликвидируются экономические кризисы, исчезают случайности, характерные для капитализма. Смена одной необходимости другой приводит соответственно и к изменению случайностей, выражающих эти необходимости. Таким образом, случайность ограничена кругом определенных условий, отношений, выражаемых необходимостью. Отдельные случайные явления выражают в той или иной форме лишь некоторые стороны или моменты необходимости, а в своей массе случайности отражают необходимость в целом. В то же время случайные явления имеют неповторимые, индивидуальные черты. Каждое явление имеет некоторые элементы как случайного, поскольку в нем находят свое отражение различные посторонние внешние связи, так и необходимого, поскольку в этом явлении находят свое выражение некоторые стороны глубоких внутренних связей.

В «Философских тетрадях» В. И. Ленин, рассматривая диалектику отдельного и общего на примере самых простых предложений: листья дерева зелены; Иван есть человек; Жучка есть собака и т. д., проинтерпретировал единство необходимого и случайного следующим образом: «Уже здесь... есть *диалектика*: **отдельное есть** *общее*... отдельное не существует иначе как в той связи, которая ведет к общему. Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы... Всякое отдельное тысячами переходов связано с другого рода отдельными (вещами, явлениями, процессами) и т. д. *Уже здесь* есть элементы, зачатки, понятия *необходимости*, объективной связи природы etc. Случайное и необходимое, явление и сущность имеются уже здесь, ибо говоря: Иван есть человек, Жучка есть собака, *это* есть лист дерева и т. д., мы *отбрасываем* ряд признаков как *случайные*, мы отделяем существенное от являющегося и противополагаем одно другому» [3, 29, 318—321]. О диалектике необходимости и случайности В. И. Ленин говорит здесь в связи с раскрытием диалектики общего и отдельного. Диалектический характер взаимосвязи этих пар категорий, как уже отмечалось, имеет много общего. Подобно закону, который действует через явления и не существует помимо явлений, подобно общему, которое не существует вне отдельного, а в отдельном и через отдельное, необходимость существует не помимо случайного, не вне связи со случайным, а в случайном и через случайное. Всякое случайное тысячами переходов связано с другого рода случайностями.

Случайность как форма проявления необходимости отражает некоторые стороны необходимости, и в то же время конкретное ее выражение зависит от массы условий, опосредований, отношений, которые связаны с возникновением этой случайности. Случайность как форма проявления необходимости не есть нечто внешнее по отношению к необходимости — она связана с необходимостью, воздействует на нее. Будучи результатом опосредования того или иного явления, случайности усложняют течение процесса, индивидуализируют форму его проявления, накладывают на необходимость свой отпечаток, дополняя ее теми или другими особенностями. В понятие «дополнять необходимость» включается представление о возможности обратного воздействия случайностей на необходимость, связанное с признанием определяющей роли необходимости в ее взаимодействии со случайностью. Особенностями, дополняющими необходимость, являются, например, особенности проявления законов капитализма в различных странах. Если сравнивать развитие капитализма в Англии и России, то можно сделать вывод, что в Англии законы капиталистического производства проявились в более «чистом» виде, чем в России, где эти законы дополнялись многими особенностями, связанными с пережитками крепостничества и феодализма, отчего их проявление носило более завуалированный характер.

Диалектика необходимости и случайности выражается в относительном характере их противоположности, в том, что случайные явления в процессе исторического развития с изменением условий могут стать необходимыми и наоборот.

Переход случайного отношения в необходимое К. Маркс показал на примере развития форм стоимости. Денежной форме стоимости, закрепившей роль всеобщей эквивалентной формы стоимости за одним определенным товаром, предшествовали развернутая и случайная формы стоимости. Проследив развитие форм выражения стоимости от простейшего образа, едва намечающегося в ее эквиваленте, которым становился отдельный случайный товар, вплоть до денежной формы, К. Маркс вскрыл тайну денег как всеобщего необходимого эквивалента.

Процесс развития форм стоимости от случайной ко всеобщей (необходимой) соответствует развитию товарообмена. Если при простой форме стоимости (20 арш. холста = 1 сюртуку) случайностью казался тот факт, что два товара в определенном количественном отношении способны обмениваться друг на друга, то уже в развернутой форме стоимости (20 арш. холста = 1 сюртуку, или = 1 ф. чая, или = 40 ф. кофе, или = 2 унц. золота и т. д.) «обнаруживается скрывающаяся за этим основа, по существу отличная от случайного проявления и определяющая собой это последнее. Стоимость холста остается одинаковой по своей величине независимо от того» [1, 23, 73], в каких товарах она выражается. «Случайное отношение двух индивидуальных товаровладельцев отпадает. Становится очевидным, что не обмен регулирует величину стоимости товара, а, наоборот, величина стоимости товара регулирует его меновые отношения» [там же].

Случайная форма стоимости не имела под собой твердой, устойчивой основы, которой является товарное производство. Однако случайная форма стоимости в неразвитом виде содержала всеобщую форму стоимости как возможность. Эта возможность превратилась в действительность с появлением товарного производства, когда стал необходим переход от случайной к всеобщей форме стоимости. На анализе развития форм стоимости К. Маркс показал, что случайность и всеобщность (неотделимая от необходимости), выражая объективные отношения формы стоимости, диалектически взаимосвязаны, не являются метафизическими противоположностями. В процессе исторического развития одна противоположность переходит в другую. Подобно тому как товарное производство становилось необходимым, прежнее, натуральное производство становилось случайным.

Анализ конкретных явлений, процессов природы и общества «обнаруживает, — отмечал Ф. Энгельс, — один полюс уже как наличествующий *in nuce* в другом». На определенном этапе развития «один полюс превращается в другой и... вся логика развертывается только лишь из этих движущихся вперед противоположностей» [1, 20, 516—519]. Развертывание противоположностей в диалектической логике воспроизводит, отражает диалектику развития материального мира.

Под формой случайных единичных явлений может скрываться зарождение нового необходимого процесса, который станет действительностью при появлении определенных условий. Наемный труд в случайной форме существовал еще в рабовладельческом обществе. Однако лишь с развитием производительных сил и появлением буржуазных отношений наемный труд стал общественной необходимостью. В то же время в наемном труде еще в момент его появления содержался в зародыше капиталистический способ производства с его необходимыми законами. Форма случайности, под которой скрываются зародыши будущей необходимости, не говорит о том, что необходимые связи возникают случайно. Новые необходимые связи возникают в единичной и случайной форме, в силу новых условий, с необходимостью сменяющих старые условия. Однако новые отношения не сразу становятся господствующими. Вначале они возникают как элементы в виде отдельных случайностей.

Классики марксизма придавали большое значение своевременному раскрытию за формой отдельных случайностей наступления новых, более глубоких отношений, развитие которых приводит к появлению массовых подобных случайных явлений. Своевременное раскрытие за отдельными случайными явлениями более глубоких отношений имеет огромное практическое значение, так как в начальный период развития того или иного процесса, когда новые необходимые отношения только еще складываются, человек может оказать на них наибольшее воздействие, придать их развитию нужное направление. Известно, например, какое огромное теоретическое и практическое значение имело открытие В. И. Лениным в первых стихийно возникавших Советах рабочих депутатов, руководивших забастовками и демонстрациями пролетариата, зародыша новой формы государственной власти.

Раскрыв диалектику необходимости и случайности, марксизм показал, что необходимость и случайность не являются застывшими, неизменными, раз и навсегда данными. Категории необходимости и случайности имеют смысл только при рассмотрении их во взаимосвязи, взаимодействии, взаимопереходах. Относительность различия необходимости и случайности выражается как в том, что случайность представляет собой форму проявления необходимости, так и в том, что случайное в одних условиях может стать необходимым в других условиях. Те или иные явления, связи должны рассматриваться как случайные или необходимые лишь по отношению к определенной совокупности условий, системе взаимосвязей, по отношению к определенному процессу.

Относительный характер различия необходимости и случайности не означает, что для науки безразлично, какие связи изучать. Наука должна вскрывать за случайными явлениями и связями необходимые связи, за внешними проявлениями — глубокие внутренние отношения. Это указывает на большое значение марксистско-ленинского учения о необходимости и случайности для материалистической теории познания.

§ 3. Виды необходимости и случайности

Рассмотрим теперь вопрос о классификации необходимости и случайности. Гегель подразделял необходимость на формальную, реальную (природную) и абсолютную, необходимость абсолютного духа. Случайности он подразделял на объективные (или случайности конечных вещей); случайности, возникающие от встречи двух необходимых рядов, и случайности, понимаемые как произвол, абсолютные случайности.

Ф. Энгельс в зависимости от условий и причин возникновения необходимости, степени ее детерминированности различал внутреннюю и внешнюю необходимость [см. 1, 20, 536; 21, 174—175, 302]. Что касается классификации случайностей, то у Энгельса мы встречаем выражение «чистые случайности» [см. 1, 39, 175—176], под которыми он понимал все то, что может быть заменено чем-либо другим в развитии явлений и процессов природы и общества.

Некоторые советские философы в зависимости от структуры необходимости выделяют простые необходимости, лежащие в основе динамических закономерностей, и сложные, составляющие основу статистических закономерностей [см. 102, 36—37]. Е. П. Ситковский подразделяет случайности на два вида в зависимости от характера, степени их связи с необходимостью. Те, в которых наиболее полно проявляется данная необходимость, он считает внутренними случайностями, а случайности, которые не связаны с данной необходимостью, являются по отношению к ней посторонней силой, — внешними.

А. М. Хохлов различает внешние и внутренние случайности в зависимости от полноты детерминации. Первые зависят от такой каузальной связи, которая входит в то же основание, что и необходимость, формой проявления которой она является; вторые — от такой, которая остается за пределами этого основания. Внешняя случайность появляется также там, где перекрещиваются по меньшей мере две внутренние случайности, а следовательно, и их необходимости [см. 247, 34—35].

Для классификации необходимостей и случайностей на виды в настоящее время не выработано единого принципа, основания. Тем не менее, обобщая данные современной науки и социальной практики, можно провести классификацию по следующим основаниям.

В зависимости от степени детерминированности, причин возникновения, сферы распространения, структуры и характера действия, а также от роли для практики и развития науки необходимости могут быть подразделены на несколько основных видов: объективные необходимости, выражающие определенные стороны и связи природы и общества; необходимости, которые выражают объективно существующие стороны и связи идеальных явлений; внутренние и внешние необходимости. Первые вызываются к жизни природой самих явлений и процессов действительности. Вторые порождаются привходящими обстоятельствами, имеют свое основание в других явлениях. Можно выделить необходимости более общего, фундаментального порядка, действие которых распространяется на сравнительно широкий круг материальных и идеальных явлений, а также необходимости менее общего порядка, действие которых охватывает сравнительно узкий круг явлений. Наконец, выделяются сложные необходимости, которые определяют поведение большого количества однородных объектов и выражаются статистическими законами; простые необходимости, которые определяют поведение индивидуальных макрообъектов и отражаются в динамических законах; необходимости, управляющие явлениями действительности и выражающиеся как статистическими, так и динамическими законами.

Что касается случайностей, то в зависимости от полноты детерминации, характера и степени связи с необходимостью, объективной роли во всеобщей связи явлений их тоже можно разделить на ряд видов: 1) внутренние случайности, органически связанные с данной необходимостью; 2) внешние случайности, выступающие как нечто постороннее по отношению к данной необходимости, они вызываются преимущественно побочными факторами; 3) объективные случайности, вызывающиеся различными, не зависящими от людей условиями; 4) случайности, которые возникают вследствие волюнтаризма, нарушения объективно действующих законов. Наконец, можно выделить благоприятные и неблагоприятные случайности, соответственно ускоряющие или тормозящие протекание тех или иных процессов действительности.

Одним из оснований классификации случайностей может быть частота появления похожих друг на друга случайностей. Изучением массовых, повторяющихся случайностей специально занимается статистика, которая на основе обобщения отдельных случаев выводит определенную закономерность этих явлений. В некоторых областях науки и практики частота появления случайных явлений имеет очень важное значение. Например, при исследовании мутаций, появления отклонений и зависимости этих отклонений от определенных условий, расшатанности наследственности, изменения внешней среды и т. д. учет частоты появления случайностей имеет важное значение. Частота случайных явлений играет существенную роль также в квантовой физике, отражающей необходимые отношения как статистическую необходимость. В повседневной жизни частота повторяемости того или иного явления рассматривается как существенное отличие необходимого от случайного.

Деление случайностей на единичные и массовые имеет определенное значение для раскрытия необходимых отношений. Единичные случайности не могут выразить необходимые отношения в такой степени, как массовые. Подчеркивая связь необходимого с массовостью явлений, В. И. Ленин писал: «...надо помнить правило, что в общественной науке (как и в науке вообще) дело идет о *массовых* явлениях, а не об единичных случаях» [3, 26, 250]. Противопоставление единичных случаев массовым относительно. Но оно имеет смысл для выяснения необходимых и общих отношений, которые в массовых случайностях выражены более четко.

Классификация случайностей по частоте их появлений тесно связана с выявлением отношения случайности к необходимости. Различение случайностей по их отношению к господствующей необходимости, по степени их опосредования различными связями, по частоте появления схожих случайностей имеет важное значение для познания сущности явлений, необходимых отношений.

Наряду с выделением единичных и массовых случайностей по частоте их появления последние можно классифицировать по характеру их опосредования, по степени выражения необходимости. По этому признаку можно выделить: а) типичные случайные явления, мало опосредованные внешними связями, выражающие некоторые существенные черты необходимости; б) случайные явления, многократно опосредованные и выражающие, как правило, менее существенные черты необходимых отношений; в) случайные явления как результат внешнего воздействия, приводящего к появлению нетипичных единичных явлений. Такие случайности называют чуждыми, или внешними, в отличие от внутренних.

Случайности по их отношению к данной определенной необходимости можно разделить в зависимости от их обратного воздействия на эту необходимость или на весь процесс. Одни явления содействуют развитию данной необходимости, другие, наоборот, препятствуют, тормозят ее наступление. В зависимости от характера действия случайного явления по отношению к данному процессу различают положительные и отрицательные случайности.

Приведенная классификация случайностей не является единственной. Но какова бы ни была классификация случайностей, она не может не затрагивать вопроса об отношении случайности к необходимости. Именно этот вывод является важным и наиболее существенным с точки зрения выяснения сущности категории случайности.

Соотношение между необходимостью и случайностью на различных структурных уровнях материи, в различных формах ее движения неодинаково. Отсюда иногда делают вывод, что чем выше структурный уровень организации материи, чем сложнее форма движения материи, тем шире простор для действия случайностей [см. 181, 390]. На наш взгляд, такое утверждение не имеет всеобщего значения. Верно, что соотношение между необходимостью и случайностью изменяется вместе с усложнением материальных систем, их структуры. Но оно следует общему закону развития — переходу явления в свою противоположность. Например, при переходе от макромира к микромиру в соотношении между необходимостью и случайностью существуют две противоположные тенденции. С одной стороны, происходит увеличение числа случайных факторов в определении механического движения объектов. Эта тенденция находит выражение в повышении роли статистических методов в описании пространственных перемещений объектов по мере продвижения в глубь материи. С другой — увеличивается роль необходимости, обусловливающей физические процессы, что выражается во введении в физику констант, характеризующих необходимые свойства микрообъектов: массы, заряда, спина, собственного магнитного момента и др.

При переходе от неорганических систем к органическим возрастает значение случайности во взаимосвязи необходимости и случайности. Это, по-видимому, объясняется тем, что в живых телах кроме биологической, механической форм движения материи и их закономерностей присутствуют и физическая и химическая формы движения и их закономерности, взаимодействие которых и вызывает различные случайные отклонения в их развитии. Вместе с тем, прослеживая развитие органических систем, повышение их сложности в эволюционном процессе, можно обнаружить и возрастание роли необходимости. Те же изменения в соотношении между необходимостью и случайностью характерны и для развития человеческого общества от низших ступеней к высшим, от одних социально-экономических формаций к другим.

Как видно, изменение отношений между необходимостью и случайностью по мере повышения уровня организации материальных систем, усложнения их структуры подчиняется закону отрицания отрицания, т. е. представляет собой развитие по спирали.

Глава XIV. ЗАКОН

Формирование категории «закон» происходит на той ступени развития общественного познания и практики, которая характеризуется выявлением и освоением необходимого в отражаемой действительности. Закон — это одна из форм существования необходимого. Каково же содержание категории «закон»?

§ 1. Основные характеристики категории «закон»

Определение той или иной категории материалистической диалектики прежде всего связано с выявлением ее взаимосвязи с другими категориями. «Совершенно очевидно, — пишет Т. И. Ойзерман, — что определение любой категории включает в себя учет отношения ее к другим категориям... Свое значение в познании та или иная категория приобретает не в изолированном виде, а во взаимозависимости, в связи с другими категориями» [158, 39] [1].

Возникает вопрос: связь с какими категориями следует фиксировать в определении категории «закон»? Безусловно, особенно важное значение имеет ее связь с категориями необходимости и случайности. Эта связь важна по нескольким причинам: во-первых, закон — необходимая общая и устойчивая связь; во-вторых, от характера проявления необходимости зависит деление законов на динамические и статистические; в-третьих, в формулировке закона раскрытие необходимости — непременный этап; наконец, признание объективной необходимости или ее отрицание — исходный пункт в критике немарксистских концепций закона. Перечисленные обстоятельства позволяют рассматривать необходимость как основу закона, а закон как особый вид необходимых связей. К. Маркс писал, что под законом следует иметь в виду «внутреннюю и необходимую связь между двумя явлениями» [1, 25, I, 246]. У В. И. Ленина в ходу было выражение **«законы или необходимости природы»** [3, 29, 55].

В любом законе природы и общества фиксируется прежде всего связь (отношение) предметов и явлений действительности, их различных сторон, свойств. Например, закон всемирного тяготения, который гласит, что любые два тела во вселенной притягиваются друг к другу прямо пропорционально произведению их масс и обратно пропорционально квадрату расстояния между ними, охватывает отношение различных тел друг к другу. Закон соответствия производственных отношений уровню развития производительных сил выражает взаимосвязь между производительными силами и производственными отношениями, являющимися двумя сторонами способа производства. В законе может отражаться также отношение предметов к условиям их существования. Например, закон единства организма и среды фиксирует отношение организма и среды. Закон может раскрывать и определенный порядок, в котором осуществляется взаимозависимость предметов и явлений. Отношение предметов и явлений, выраженное в законе, может охватывать и другие стороны предметов и явлений окружающего мира: количество и качество, содержание и форма и т. д. Но для нас важно заметить, что закон при любых условиях есть отношение. «Закон, — подчеркивал В. И. Ленин, — есть *отношение*» [там же, 138].

---

[1] Одним из примеров, подтверждающих плодотворность определения категорий через установление их взаимосвязи, может служить работа В. В. Агудова «Место и функция «структуры» в системе категорий материалистической диалектики» (М., 1979). Вместе с тем в советской философской литературе существует и противоположный подход к определению категорий, не только не учитывающий взаимосвязей, но и ставящий под сомнение целесообразность построения системы категорий диалектики [см. 95].

Будучи отношением, закон выражает не все связи объективного мира, а лишь некоторые, и прежде всего необходимые. Необходимость как существенная черта закона указывает на обязательность наступления тех результатов, которые из него вытекают. Так, необходимость смены времен года на земле вытекает из астрономических законов ее движения. То же самое можно видеть и в законах общественного развития. К. Маркс в «Капитале», излагая закон прогрессирующего понижения общей нормы прибыли, указывал, что с развитием капитализма «общая средняя норма прибавочной стоимости должна выражаться в понижающейся общей норме прибыли» [1, 25, I, 233]. И далее он разъяснял: «Это не только *возможно*. На основе капиталистического производства так *должно* быть, если оставить в стороне преходящие колебания» [там же, 238—239].

Закон выступает как общая и устойчивая необходимая связь. Поскольку любой закон есть необходимое отношение, он вместе с тем есть и общее отношение. В. И. Ленин в «Философских тетрадях», конспектируя книгу Фейербаха о философии Лейбница, делает на полях следующую пометку: «Необходимость *неотделима* от всеобщего» [3, 29, 72]. Здесь В. И. Ленин имеет в виду, что, поскольку закон выражает такие отношения, которые обязательно, неминуемо должны наступить (признак необходимости), естественно, эти отношения наступят всегда и всюду (признак всеобщности), где имеются аналогичные условия. В этом смысле закон — не просто общее, а необходимое общее отношение.

Например, согласно закону стоимости обмен товаров совершается в соответствии с количеством общественно необходимого труда, затраченного на их производство. Этот закон является общим для всех товаров, так что стоимость любого товара определяется общественно необходимым трудом, который был затрачен в процессе его производства. «Цена есть проявление закона стоимости, — отмечал В. И. Ленин. — Стоимость есть закон цен, т. е. обобщенное выражение явления цены» [3, 25, 46].

Только в том случае, когда мы получаем один и тот же результат при сходных обстоятельствах, имеющих силу для всех предметов и явлений или их групп, мы можем установить законы их развития. Ф. Энгельс по этому поводу писал: «Мы знаем, что хлор и водород под действием света соединяются при известных условиях температуры и давления в хлористоводородный газ, давая взрыв; а раз мы это знаем, то мы знаем также, что это происходит *всегда* и *повсюду*, где имеются налицо вышеуказанные условия, и совершенно безразлично, произойдет ли это один раз или повторится миллионы раз на скольких небесных телах. Форма всеобщности в природе — это *закон*...» [1, 20, 549].

Закон всегда охватывает сходные, общие отношения предметов и явлений, то, что совпадает в различных предметах и явлениях. В. И. Ленин определял закон как тождественное, «идентичное в явлении» [3, 29, 136]. Выделение сходных, общих черт и свойств предметов позволяет установить законы их развития. Подчеркивая важность установления сходных отношений для выведения законов экономического развития, В. И. Ленин писал: «Во всех капиталистических государствах, несмотря на анархию, несмотря на хаос, свойственный капитализму, опорным пунктом для расчетов хозяйственного плана является опыт десятилетий, опыт, который могут сравнивать капиталистические государства, однородные по своему экономическому строю и отличающиеся лишь в частностях. Из этого сравнения может быть выведен действительно научный закон, известная закономерность и правильность» [3, 43, 12].

Закон есть не только необходимое общее, но и необходимое устойчивое отношение. Устойчивое потому, что любой закон выражает такие отношения в предметах и явлениях материального мира, которые вытекают из внутренней природы данного явления. В. И. Ленин в «Философских тетрадях», приводя гегелевское положение о том, что «царство законов есть *спокойное*... отображение существующего или являющегося мира», отмечает: «Это замечательно материалистическое и замечательно меткое (словом «ruhige») определение. Закон берет спокойное... Закон = спокойное отражение явлений» [3, 29, 136]. Закон не может основываться на неустойчивых связях.

Каждый предмет имеет много различных сторон, черт, свойств, граней и т. д., которые находятся в процессе постоянного отмирания и обновления. Одни свойства предметов под влиянием различных обстоятельств исчезают; другие, наоборот, возникают, закрепляются. Закон не может отражать все их многообразие. Он фиксирует лишь относительно устойчивые и постоянные отношения предметов и явлений, которые в процессе их развития не претерпевают коренных качественных изменений. Если бы предметы и явления не имели относительно устойчивых связей, невозможно было бы установить законы их функционирования.

Это можно показать на примере закона сохранения массы и закона постоянства пропорций. Если известное количество двух элементов, предположим кислорода и водорода, вступает в соединение, то масса образовавшейся воды будет точно равна сумме масс исходных веществ. Комбинируя, например, один грамм водорода и восемь граммов кислорода, мы всегда будем получать девять граммов воды. Точно так же пропорции, в которых химические элементы вступают в соединение, всегда остаются постоянными. Например, количество кислорода, которое может соединиться с данным количеством водорода, всегда в восемь раз больше последнего. Если мы смешаем 1 г водорода более чем с 8 г кислорода и подожжем смесь, весь водород вступит в соединение, а некоторая часть кислорода останется свободной. Если, напротив, в смеси будет меньше 8 г кислорода, свободной останется некоторая доля водорода. Эти устойчивые отношения и находят свое выражение в законах сохранения массы и постоянства пропорций.

Закон как необходимое общее и устойчивое отношение имеет характер «железной необходимости» (К. Маркс). Многие советские философы считают необходимость одной из характеристик закона. Например, Д. И. Широканов пишет: «Необходимость, отражая определенный порядок развития движения, изменения в природе и обществе, является непременной характеристикой закономерных связей» [259, 85]. «Под объективными законами, — отмечает С. Ф. Анисимов, — диалектический материализм понимает... связи, имеющие общий и необходимый характер» [14, 45]. Сближение необходимости и закона наблюдается у В. С. Соколова [см. 201]. Перечислив признаки, присущие всем видам законов, В. И. Хорев на первое место поставил необходимость [см. 246, 76]. Необходимый характер связей, фиксируемых в категории «закон», не обойден и в определении закона С. И. Гончарука [см. 56, 7]. «Признание объективной необходимости решает, безусловно, главный вопрос — о природе научного закона, указывает на самый существенный его признак, на наиболее значительную часть его содержания», — подчеркивает И. Налетов [149, 52].

Итак, всякий закон представляет собой необходимое отношение. Будучи необходимым отношением, закон связан со случайностью. Последняя является формой его проявления. В зависимости от формы связи закона со случайностью различаются законы динамические и статистические.

Динамические законы связаны с такой необходимостью, которая проявляется в каждом конкретном случае, в отдельном явлении или процессе. В фундаменте статистических законов заключена необходимость, проявляющаяся лишь в большой массе однородных явлений. И в том, и в другом случае необходимость связана со случайностью. Однако если в динамических закономерностях случайность сопутствует необходимости, то в статистических — необходимость сама складывается из случайностей.

Связь категории закона с категориями необходимости и случайности важна еще и потому, что фиксация закона осуществляется после обнаружения необходимости. Именно поэтому в системе категорий диалектики необходимость и случайность предшествуют закону. «Выявляемые в ходе развития познания необходимые связи (отношения), — отмечает А. П. Шептулин, — часто формулируются в науке в виде закона, то есть осознаются через категорию закона» [258, 261]. Без обнаружения необходимости невозможно познание закона. В. И. Ленин показал, что без обнаружения необходимости эксплуатации при капиталистическом строе К. Маркс не смог бы дать объективного анализа законов функционирования и развития капиталистической общественно-экономической формации [см. 3, 1, 137—143].

Таким образом, необходимость выступает и как основа закона, и как его важнейший признак. Поэтому необходимость как существенный признак должна быть включена в определение закона.

Другим фундаментальным признаком закона является существенность. Поскольку в законе выражаются внутренние связи, он представляет собой «отношение *сущностей* или между сущностями» [3, 29, 138]. Закон — это существенное явление. «Закон, — указывал В. И. Ленин, — есть отражение существенного в движении универсума... Движение универсума в явлениях... в существенности этого движения есть закон» [там же, 137].

Закон есть выражение не просто сущности предметов и явлений, а их противоречивой сущности. Каждый закон природы и общества выражает то или иное вполне определенное взаимодействие противоречивых сторон в самой сущности предметов и явлений. Законы механики, например, выражают взаимодействие массы и скорости тела, массы и ускорения, действия и противодействия; законы газа связывают такие противоположные его свойства, как давление и объем. Закон классовой борьбы является выражением основного противоречия капитализма, вытекающего из сущности капиталистического способа производства, — противоречия между общественным характером производства и частной формой присвоения результатов труда.

Если в законе выражается сущность явлений, то это не означает, что понятия «сущность» и «закон» совпадают. Сущность «представляет собой совокупность всех необходимых, внутренних сторон и связей (законов), свойственных объекту, взятых в их естественной взаимозависимости» [258, 288]. Из этого определения следует, что сущность как целое накладывает свой отпечаток на закон как на свою часть, сущность как система определяет развитие закона как ее элемента. Если для выражения сущности необходима целостная теория или даже несколько теорий, то закон отражает лишь одну из сторон сущности [см. 203, 7]. Нельзя поэтому утверждать, что, скажем, закон стоимости исчерпывает сущность капиталистического строя, хотя он, бесспорно, выражает ее. Точно так же сущность капитализма не может исчерпать закон конкуренции и анархии производства, хотя и он является выражением этой сущности. Даже основной закон капитализма не исчерпывает полностью сущности капиталистического строя. Для того чтобы понять сущность предмета, явления, недостаточно знания отдельных законов, выражающих эту сущность. Для этого необходимо знание целой совокупности законов.

Признак «существенности» включается в определение закона многими советскими философами как само собой разумеющийся. Так, например, С. Ф. Анисимов пишет: «Под объективными законами диалектический материализм понимает объективные существенные связи (отношения)...» [14, 45]. Аналогичное определение дает Д. И. Широканов: «Закон есть внутренняя, существенная... связь явлений» [259, 85].

Рассмотрев взаимосвязь категории «закон» с категориями «необходимость» и «сущность», определение закона можно сформулировать так: закон — это необходимая и существенная связь. Другие признаки закона либо имплицитно содержатся в указанных, либо не имеют для него фундаментального значения и, следовательно, могут быть опущены в определении этой категории. Из определения закона вытекает, что соотносительными ему категориями выступают «случайность» (случай) и «явление» (проявление).

§ 2. Категория «закон» в истории философии

Категория «закон» была объектом борьбы между материализмом и идеализмом на протяжении всей истории философии. Для идеализма было характерно отрицание объективной закономерности природных явлений. Так, в пифагорейском учении о «гармонии сфер» понятие «закон» отождествлялось с понятием «порядок». Пифагорейцы считали, что именно числа, а не материальное первоначало лежит в основе явлений природы.

В объективном идеализме Платона развитие природных явлений было истолковано телеологически. Платон допускал изначальную целесообразность в природе. В этом пункте его объективный идеализм приходил в соприкосновение с религией.

Начало материалистическому пониманию природной закономерности положили древнеиндийские материалисты. «Все предметы, как живые, так и неживые, побуждаются к деятельности их внутренней природой (свабхава) и точно таким же путем они прекращают свою деятельность», — считали представители свабхава-вады [цит. по: 82, 49].

Идея объективной природной закономерности была воспринята в Древнем Китае даосистами, а в Древней Греции — Гераклитом.

Понятия Логос (Гераклит) и Дао (даосизм) выражали объективное единство чувственного мира, не зависящее от воли людей и богов.

Следующим этапом в разработке категории «закон» стала философия Аристотеля. Целью познания Аристотель считал открытие сущности, закона. Исходным пунктом познания, по Аристотелю, являются чувственные данные. Закон как общее — результат деятельности разума. Познание закона, согласно Аристотелю, есть не что иное, как упорядочение бесконечного многообразия мира явлений и открытие необходимых, общих, устойчивых связей в нем, возможность которого обеспечивается единством чувственного и рационального познания. Вместе с тем Аристотель не порывает с телеологическим взглядом на мир. Его учение об «энтелехии» как изначальной внутренней цели явлений и о «первом двигателе» свидетельствует о том, что Стагирит стоит на идеалистических позициях в истолковании закономерностей объективного мира.

В развитии материалистического учения о закономерности важное место принадлежит Эпикуру. Выступая против идеалистического решения этого вопроса, он утверждал, что атомам наряду с прямолинейным движением имманентно присуще отклонение от прямой, которое является не игрой случая, а законом самого атома. Реальное движение атомов, таким образом, представляется как единство обоих типов движения. Концепция Эпикура была одной из первых попыток материалистического осмысления диалектического характера движения.

В новое время материалистическая традиция в истолковании категории закона была продолжена Ф. Бэконом. Преодолевая дуализм аристотелевского учения о формах, он постулировал неразрывную связь формы с конкретной чувственной вещью. Для Бэкона «форма» и «закон», «форма» и «причина» — тождественные понятия. Поэтому бэконовская индукция представляет собой метод познания не только форм явлений, но в равной мере и причин, и законов их развития.

Если Бэкон рассматривал закон как особую форму материальных предметов и явлений, то, с точки зрения И. Канта, закон, подобно другим категориям, есть лишь форма рассудочной деятельности. Целью кантовского «критицизма» явилось обоснование понятий, обладающих признаками всеобщности и необходимости, т. е. способных выражать закон. В философии понятиями, претендующими на всеобщность и необходимость, являются категории. По Канту, «категории суть понятия, а priori предписывающие законы явлениям» [86, 3, 212]. Процесс познания, по Канту, представляет собой наложение категорий как пустых, бессодержательных форм на многообразную материю восприятия. Поэтому исходный пункт познания — наличие материала, полученного в результате воздействия «вещи в себе» на органы чувств. Посредством наложения категорий материя чувственности приводится субъектом познания в связь и в результате активности рассудка с помощью репродуктивного воображения возводится во всеобщие роды, законы природы и т. д. Таким образом, закон представлен Кантом как продукт деятельности познающего субъекта. Неизбежным следствием кантовского априоризма явился агностицизм.

Большой вклад в разработку категории «закон» был сделан Гегелем. Для Гегеля закон — один из этапов развития абсолютной идеи. Источником закона у него служит не объективный материальный мир, не мировая закономерность, а разум. Причем разум является источником не только законов, но и вообще всех вечных и абсолютных истин. Закон как момент всеобщего объективен. Гегель подчеркивает, что «если всеобщее определяют как закон, силу, материю, то это не значит, что всеобщее признается внешней формой и субъективным содержанием, а это значит, что законам приписывают объективную действительность, что силы имманентны, что материя составляет подлинную природу самой вещи» [47, II, 15]. Далее, закон «есть внутреннее» [49, 70]. Наконец, закон, в понимании Гегеля, является истиной, постоянным образом непостоянного явления [там же, 66—67].

Из поля зрения Гегеля не выпал и такой важный вопрос, как анализ формы мышления на этапе познания закона. Он явился составной частью раздела субъективной логики или учения о понятии. Несмотря на отдельные недостатки и ошибки, допущенные при показе диалектики понятий, суждений и умозаключений, Гегелю удалось в движении форм мысли от единичного к особенному и общему отразить движение познания от явлений к открытию закона. В. И. Ленин отметил как ***«близость к материализму»*** стремление Гегеля «двигаться вперед к все более точному пониманию *внутренней* гармонии и *закономерности природы...»* [3, 29, 142].

Для современной буржуазной философии характерно отрицание идеи закономерного развития мира, объективности законов науки. Так, неокантианцы рассматривают категории необходимости и закономерности как субъективные формы, требующиеся для плодотворного размышления о взаимоотношениях явлений опытного мира. «...Установление этих законов основано на чисто теоретическом интересе и имеет чисто теоретическую правомерность» [39, 200]. Особым нападкам со стороны неокантианцев подверглась историческая закономерность. И Виндельбанд, и Риккерт, и многочисленные их последователи отстаивают глубоко реакционный тезис, будто исторические науки не способны вскрыть объективные закономерности, поскольку-де они изучают индивидуальные и неповторяющиеся события. «Историческое развитие не знает никаких законов и не может их знать», — уверяет Э. Мейер [290, 172]. «Не существует никаких «законов» и «направлений» в истории вообще», — заявляет Ренбалл [294, 89—90]. Подобные утверждения используются буржуазными философами для «доказательства» того, что поступки людей якобы абсолютно свободны, что в истории царит хаос, и потому нельзя ни предвидеть исторические события, ни сознательно вмешиваться в их ход.

Неопозитивизм, будучи прямым наследником махизма, тоже отрицает реальность общих связей в природе, т. е. объективный характер закона. Вопрос об объективных связях явлений представители этого направления современной буржуазной философии подменяют вопросом о связи «фактов опыта», фиксируемых в протокольных предложениях.

Неопозитивисты рассматривают вероятность как логическую категорию, а не как отражение событий объективного мира. Отсюда следует, что «вероятностные суждения *никогда* не говорят о том, какие *события* вероятны, а *всегда* говорят о том, и только о том, какие суждения лучше подтверждены, имея в виду информацию, которой располагает субъект...» [12, 34]. Отсюда делается вывод, что спор между детерминизмом и индетерминизмом о природе закономерных связей — логический спор, в котором речь идет не о структуре действительности, а о логической структуре суждений, в которых выражены законы науки.

Внеэмпирическое содержание закона у А. Айера связывается с теоретико-познавательной позицией исследователя, у К. Поппера и Р. Брейтвейта — с логической необходимостью, появляющейся у закона в момент выведения его из более общего закона, у Э. Нагеля — с гносеологической функцией закона [см. 149, 51].

Неопозитивистское понимание закона нашло свое воплощение, в частности, в интерпретации квантовой механики представителями так называемой копенгагенской школы физиков, которые не признают объективного существования квантовых объектов. Иордан, например, считал, что атом — это не что иное, как каркас для классификации экспериментальных фактов. По мнению Гейзенберга, элементарная частица в современной физике является не материальным образованием, а только символом, введение которого придает законам природы особенно простую форму.

Исходная посылка в рассуждениях представителей копенгагенской школы — совершенно правильное положение о качественном различии микрообъекта и макрообъекта, а также законов их движения. Если естествоиспытатели XVIII—XIX вв. под материей понимали неизменные мельчайшие частицы, движущиеся по законам классической механики, то современная физика, и в частности квантовая механика, доказала ошибочность универсализации законов механики Ньютона и наличие у микрообъектов сложной корпускулярно-волновой природы. Из правильной посылки представители копенгагенской школы сделали неверный вывод о том, что позиция материализма якобы подорвана современной физикой, микрочастицы утратили свое объективное существование. Нетрудно видеть, что этот вывод основан на отождествлении механистического, метафизического материализма и материализма диалектического.

Роль путеводителя в «диковинном» мире новой физики у копенгагенцев, как известно, выполняет «принцип дополнительности» Бора. «Дополнительными», в частности, объявляются такие формы бытия, как пространство, время и закон причинности. Однако и в случае с отрицанием закона причинности, с попыткой подойти к истолкованию квантовой механики с индетерминистских позиций произошел конфуз. Представители копенгагенской школы применили тот же самый прием подмены общего частным, что и в случае с отрицанием объективного характера микрочастиц, заменив на этот раз философское понятие причинности понятием механической причинности, и потерпели фиаско. Индетерминизм квантовой механики оказался мнимым [см. 234, 410].

Таким образом, квантовая механика не дает решительно никаких оснований для отрицания объективных закономерностей микромира и для признания индетерминизма. Возможность подобного появляется только тогда, когда ее интерпретаторы (даже если в этой роли выступают великие физики современности, включая самих создателей этой науки) скатываются на позиции неопозитивистской методологии. Вот почему непреходящее значение и сейчас имеет положение В. И. Ленина, что «образование (абстрактных) понятий и операции с ними *уже* включают в себя представление, убеждение, *сознание* закономерности объективной связи мира» [3, 29, 160].

Категория «закон» имеет важное методологическое значение для познавательной и практической деятельности человека.

Поскольку закон выражает необходимые и существенные отношения предметов и явлений объективного мира, в научно-теоретической и практической деятельности необходимо тщательно учитывать все формы объективной взаимосвязи, чтобы в последующем выделить из них те, которые отражаются категорией закона.

Поскольку закон определяет направление и характер развертывания событий как в научной, так и в практической деятельности, важно не только констатировать необходимые и существенные отношения, через которые проявляется объективный закон в данный момент, но и учитывать тенденцию их развития в будущем.

В связи с тем что любой закон природы и общества проявляется при наличии соответствующих условий, в процессе научного познания и практической деятельности необходимо хорошо знать, при каких конкретных условиях необходимые и существенные связи могут вызвать соответствующие изменения.

Диалектико-материалистическое понимание сущности закона и его основных признаков позволяет сознательно ориентироваться в происходящих событиях и предвидеть направление их развития в будущем. Познание закономерных связей, внутренней логики в развертывании событий, процессов делает возможным определение перспективы их развития, т. е. научное предвидение.

Глава XV. СОДЕРЖАНИЕ И ФОРМА

§ 1. Понятия «содержание» и «форма»

В предшествующих главах было показано, что познание в ходе своего развития идет от выявления причинно-следственных связей к осмыслению необходимости и установлению законов. Но познание имеет и другое направление развития: от причинности к уяснению содержания исследуемого объекта, а затем — через выявление свойственных ему устойчивых необходимых связей, законов — к отражению его формы, внутренней структуры.

По мере открытия причинно-следственных связей, объяснения тех или иных свойств исследуемого целого из взаимодействий образующих его элементов возникает потребность объединить накопленные знания о причинно-следственных связях, элементах, их взаимодействиях и вызываемых ими изменениях, выразить их через единое понятие. Эту функцию выполняет категория «содержание».

Аналогичная ситуация складывается и в результате накопления знаний о необходимых устойчивых связях, законах, проявляющихся в исследуемом объекте и составляющих структуру осуществляющихся в нем взаимодействий и вызываемых ими изменений. По мере накопления этих знаний возникает необходимость в их целостном осмыслении. Понятием, отражающим совокупность устойчивых, необходимых связей, составляющих структуру объекта, является категория «форма».

Содержание и форма представляют собой противоположные стороны предметов и явлений. Определяющей тенденцией содержания является изменчивость, определяющей тенденцией формы — устойчивость. Последнее в принципе не исключает наличия устойчивых моментов в содержании и возможности изменения формы. Здесь речь идет именно о тенденции. Тем не менее, учитывая сказанное, можно предварительно определить содержание любого материального образования как совокупность его изменений.

Поскольку материальное образование есть целое, состоящее из определенным образом взаимосвязанных элементов, содержание материального образования есть составляющие его элементы и их изменения. В данном случае наряду с фиксацией изменений элементов, что в первую очередь характерно для содержания, «отводится место» для устойчивости, присущей каждому элементу.

Если для содержания материального целого устойчивость имеет подчиненное значение, то при характеристике формы она играет определяющую роль. Форму материального образования можно определить как выражение устойчивости содержания, как организацию устойчивых связей между элементами, организацию элементов в целое.

Содержание и форма диалектически взаимосвязаны и взаимозависимы. Каждый элемент целого является тем, что он есть только при наличии его связей [см. 3, 29, 184], таким образом форма заключена в самом содержании. Организация устойчивых связей является в то же время и организацией элементов. Последние имеют существенное значение в самой организации связей материального образования. Следовательно, и содержание включается в форму. Сущность взаимосвязи между содержанием и формой заключается в диалектическом переходе формы в содержание и содержания в форму. *«Содержание,* — писал по этому поводу Гегель, — есть не что иное, как *переход формы* в содержание, а *форма — переход содержания* в форму. Этот переход есть одно из важнейших определений» [50, I, 298].

Диалектическому подходу к пониманию взаимодействия содержания и формы противостоит метафизическое противопоставление содержания и формы. Ярким примером метафизического истолкования данных категорий является учение Аристотеля о форме как активном, деятельном начале. С точки зрения Аристотеля, форма существует независимо от материи — начала содержательного, но пассивного и инертного. Соединение активной формы с пассивной материей приводит к возникновению конкретной вещи. Итогом метафизического учения Аристотеля является идеалистический вывод о существовании бога, выступающего в роли «формы всех форм».

В средние века именно эта часть учения Аристотеля была заимствована и «развита» итальянским доминиканцем, «князем схоластики и теологии» Фомой Аквинским, согласно которому формы, существующие в материи, произошли из формы без материи. Как сущность, так и само существование вещей, с точки зрения Аквината, возникают из формы, природа создана «из ничего» богом, а сам бог является «чистой формой».

Субъективно-идеалистическое и во многом метафизическое истолкование категорий содержания и формы характерно для трансцендентального идеализма И. Канта, где проблема содержания и формы сводится к вопросу о содержании и форме мышления. По Канту, содержание мышления аффицируется «вещью в себе», а форма априорна, существует до и независимо от содержания. Так, пространство и время являются априорными формами чувственного созерцания, которые накладываются на материал чувственности, оформляют его в процессе познания.

Идеалистические и метафизические тенденции во взглядах на содержание и форму не только полностью сохранились, но даже усилились в современной буржуазной философии. Например, в философском словаре, вышедшем в Штутгарте (ФРГ), говорится, что форма означает «определенный и определяющий порядок предмета или порядок протекания процесса в отличие от его «аморфного» материала (материи), содержания или содержимого» [239, 622]. Нетрудно увидеть, что старая идеалистическая концепция формы в этом определении выдерживается весьма последовательно. Идеалистическое понимание формы так или иначе приводит к отрицанию объективности формы и субъективизму. А. Бергсон, например, утверждает, что время, или «чистая длительность, есть форма, которую принимает последовательность наших состояний сознания...» [31, 73—74]. Таким образом, время он объявляет формой сознания. Прямым следствием субъективизации формы является агностицизм. Если, как считает современный буржуазный естествоиспытатель и философ А. Эддингтон, по отношению к природе вещей вся система человеческого знания есть «только пустая скорлупа, символическая форма», то «это — знание структурной формы, а не знание содержания» [264, 198]. С этой точки зрения «физическое исследование никогда не может проникнуть дальше формы» [там же, 190].

Идеалистическое и метафизическое истолкование категорий содержания и формы характерно для современной буржуазной эстетики. Например, теоретики и практики формализма в искусстве отрицают всякую связь между содержанием произведений искусства и реальной жизнью, что же касается их формы, то ей они уделяют главное внимание, считая, что именно форма раскрывает сущность искусства. Один из видных теоретиков современного формализма Клай Бэлл приходит к выводу, что главное в искусстве — «значимая форма», которая имеет цель в себе самой и служит только для вызывания эстетических эмоций. Люди, способные испытывать такие эмоции при восприятии произведений искусства, по словам К. Бэлла, «заняты исключительно линиями и цветом, их связями, количеством и качеством; но отсюда они черпают эмоцию более глубокую, значительно более возвышенную, чем любая из тех, которые могут быть вызваны описанием фактов и идей» [198, 357].

Ни в объективной действительности, ни в духовной области нет и не может быть чистых форм. Всякая форма предполагает какое-то содержание. Будучи определенной системой связей, отношений, она немыслима без того, что находится в этих связях, отношениях, т. е. без элементов, между которыми эта связь устанавливается, и без взаимодействий этих элементов, устойчивые стороны которых она составляет. А то и другое составляют важнейшие моменты содержания.

§ 2. Закономерности взаимосвязи содержания и формы

Диалектико-материалистический подход к пониманию содержания и формы позволяет вскрыть их объективную основу, выявить их единство, взаимосвязь, взаимопереходы.

В марксистской философской литературе общим является мнение об определяющей, ведущей роли содержания по отношению к форме. При этом некоторые авторы не только отстаивают идею ведущей роли содержания по отношению к форме, но и выдвигают это положение на первое место в трактовке их взаимосвязи.

Например, по мнению А. М. Минасяна, ведущая роль содержания определяется: 1) тем, что оно более подвижно по сравнению с формой; 2) тем, что оно выступает причиной сбрасывания старой и возникновения новой формы; 3) тем, что оно предопределяет направление, тенденцию развития явления [см. 141]. Однако данное обоснование нельзя признать убедительным. Во-первых, большая подвижность не свидетельствует о «ведущей роли», равно как бо́льшая устойчивость не говорит о второстепенной роли: сущность, например, более устойчива по сравнению с явлением, но именно ей принадлежит роль основы, т. е. ведущая роль. Во-вторых, не только отдельный предмет, но и отдельную сторону предмета нельзя рассматривать как причину. Причина в диалектико-материалистическом понимании есть взаимодействие между предметами (или различными сторонами предмета), приводящее к изменению этих предметов (или сторон). В-третьих, развитие и его направление определяются не отдельной стороной предмета, а взаимодействием противоположных сторон, их единством и «борьбой», т. е. конкретным действием закона единства и «борьбы» противоположностей; тенденция развития определяется действием закона отрицания отрицания. Идея о ведущей роли содержания по отношению к форме, на наш взгляд, не отражает действительного положения вещей. Форма определяется содержанием, но и содержание определяется формой, в частности законами (необходимыми связями), которым подчиняется функционирование и развитие объектов. Не случайно, рассматривая элементы диалектики, В. И. Ленин ничего не сказал о ведущей роли содержания. После определения шестнадцатого элемента — перехода количества в качество — Ленин констатировал, что пятнадцатый и шестнадцатый элементы суть примеры девятого, т. е. примеры взаимодействия противоположностей [см. 3, 29, 203]. Идя путем аналогии с соотношением количества и качества и применяя диалектику противоположностей, следует сделать вывод о ведущей роли взаимодействия между содержанием и формой. Содержание и форма — противоположности. Движущая сила развития — единство и «борьба» противоположностей. «Ведущее», таким образом, не просто одна из сторон, а взаимодействие этих сторон. Во взаимодействии формы и содержания ведущую роль играет не содержание, взятое само по себе, и не изолированная форма, а взаимодействие (в том числе степень соответствия) между содержанием и формой.

Поскольку устойчивая система связей вещи устанавливается в результате взаимодействия элементов, ее образующих, и вызываемых им изменений, можно сделать вывод, что форма определяется содержанием — качеством и количеством элементов, образующих вещь, их взаимодействиями и вызванными этими взаимодействиями изменениями. Но, возникнув, форма приобретает определенную устойчивость и самостоятельность по отношению к содержанию. Будучи обусловлена природой взаимодействующих элементов, она в своей основе необходима и как необходимое составляет важнейшую сторону сущности вещи. Как относительно устойчивая система необходимых связей она оказывает непосредственное воздействие на содержание вещи. На начальных ступенях существования материального образования, когда форма соответствует тем взаимодействиям и изменениям, которые ее вызвали к жизни, она обеспечивает его нормальное функционирование, способствует его развитию. В дальнейшем взаимодействия элементов, образующих вещь, и самой вещи с другими материальными образованиями обусловливают непрерывные изменения в содержании, однако система связей, в рамках которых осуществляются взаимодействия, остается неизменной. В результате возникает несоответствие формы содержанию.

Противоречие между формой и содержанием развивается и по мере накопления изменений в содержании материального образования и усиления несоответствия переходит от несущественного различия к существенному. Дальнейшее углубление несоответствия формы содержанию приводит к тому, что форма из фактора, способствующего развитию вещи, превращается в фактор, препятствующий ее развитию. На этой стадии существования материального образования противоречие между содержанием и формой выступает в виде «борьбы» противоположностей. Усиление «борьбы» между содержанием и формой в процессе функционирования материального образования приводит к ломке существующей системы связей и образованию новой, соответствующей изменившемуся содержанию. Таким путем разрешается противоречие между старой формой и развившимся в ее рамках новым содержанием. С разрешением противоречия между содержанием и формой происходят коренные качественные изменения не только в форме, но и в содержании, преобразуется материальное образование в целом.

Процесс ломки старой формы и образования новой представляет собой «скачок», переход вещи в новое качество. Какие бы изменения в содержании вещи ни произошли, ее основное качество остается тем же самым, если не подверглась изменениям форма. Преобразование основного качества вещи начинается с изменения формы. Диалектика содержания и формы, таким образом, связана с взаимопереходом количественных и качественных изменений. Поскольку разрушение формы и преобразование содержания являются ликвидацией всей системы, соответствие формы и содержания, их единство, так же как и единство качества и количества, представляет собой «границу существования предмета».

Однако элементы старого целого способны к перегруппировке, к собственному видоизменению и видоизменению своих взаимодействий, к установлению новых связей. И момент гибели старого образования одновременно является моментом рождения нового, моментом качественного преобразования старого в новое. Новое образование также имеет содержание и форму, которые вновь вступают в диалектическое взаимодействие. «...Борьба содержания с формой и обратно. Сбрасывание формы, переделка содержания», — так выразил В. И. Ленин эту закономерность [3, 29, 203].

В связи с проблемами диалектики содержания и формы необходимо сделать еще несколько замечаний. Во-первых, между содержанием и формой никогда не может быть «стопроцентного», «абсолютного» соответствия, некоего «непротиворечивого тождества». «Уже из одного того факта, что форма и содержание суть противоположные стороны предметов и явлений, — справедливо отмечает Г. М. Андреева, — следует, что по крайней мере различие существует между ними всегда. Следовательно, всегда имеется определенная степень противоречия» [13, 18]. В отношении формы и содержания речь может идти лишь о более или менее полном соответствии между ними.

Во-вторых, между содержанием и формой объекта никогда не может быть «стопроцентного», «абсолютного» несоответствия. Подобное несоответствие может иметь место лишь между содержанием одного и формой какого-либо другого материального образования. Наличие определенного соответствия между содержанием и формой одного и того же образования обусловлено их «взаимополаганием», их единством как противоположных сторон предмета (явления). Существование содержания предполагает «присутствие» соответствующей этому содержанию формы. Если же действительно наступит момент полного несоответствия между формой и содержанием, то он будет моментом гибели, уничтожения предмета. Поэтому соответствие формы и содержания, их единство, так же как и единство качества и количества, является «границей существования предмета», т. е. представляет собой определенную меру [1].

В-третьих, авторы работ, посвященных исследованию рассматриваемых категорий, обычно отмечают, что «соотносительность формы и содержания проявляется и в таких особенностях их взаимоотношения, что одно содержание может быть выражено не в одной, а в нескольких различных формах и, наоборот, одна и та же форма может обслуживать не одно, а несколько различных содержаний» [13, 26]. Это верно, но с некоторыми оговорками, ибо никак нельзя ожидать, что различным образом оформленные явления могут иметь полностью совпадающую совокупность элементов (к тому же элементов, взятых в их изменениях). Даже при идентичности определяющих, наиболее важных элементов содержания некоторые, хотя бы и второстепенные, элементы содержания одного явления обязательно будут отличаться от элементов содержания другого явления. Поэтому, строго говоря, различные формы могут быть выражением лишь «почти» одного и того же содержания. Об одном содержании для нескольких форм речь идет тогда, когда этим «почти» можно пренебречь, т. е. когда несовпадающие элементы не имеют существенного значения. Соответственно и у различных содержаний не может быть совершенно одинаковой формы. Разные элементы всегда будут иметь хотя бы небольшое число несколько отличающихся связей, т. е. содержание разных явлений (предметов) в лучшем случае может быть оформлено примерно одинаково.

---

[1] С нашей точки зрения, мера есть «соединение» не только «качественных и количественных характеристик», но представляет собой единство любых противоположных сторон предмета или явления и имеет свои «разновидности». Существует мера как единство качества и количества. Вместе с тем есть мера как единство содержания и формы. Понятие меры как единства содержания и формы фактически уже получило «права гражданства» в марксистской эстетической литературе [см. 57, 227].

В-четвертых, очень часто говорят и пишут о том, что форма может «отставать» от содержания. Иногда ставят вопрос и об «опережении» формой содержания. Однако «отставание» чаще всего связано со сдвигом в пространстве: что-то «ушло вперед», а что-то «осталось сзади». Вместе с тем ясно, что никакого пространственного разрыва между формой и содержанием предмета (явления) в действительности не может быть. Поэтому понятие «отставать» в данном случае применяется не совсем оправданно. Что же касается «опережения» содержания формой, то этот термин, как правило, употребляется для характеристики соотношения экономического развития (рассматриваемого как содержание) и идеологического развития (считающегося формой), базиса (содержания) и надстройки (формы) [см. 163, 94—95], производительных сил (содержания) и производственных отношений (формы). Но, исходя из определений категорий содержания и формы, нельзя считать надстройку формой базиса, идеологическое развитие — формой экономического и производственные отношения — формой производительных сил. Ведь, например, и производительные силы, и производственные отношения являются элементами способа производства и тем самым входят в его содержание. Произвольный вынос производственных отношений из содержания способа производства есть теоретическое обеднение его содержания. Формой же способа производства выступает связь между его элементами, т. е. та связь, которая очень четко и вполне конкретно выражается в законе соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил. Стало быть, об опережении вообще не следует говорить.

Итак, форма и содержание находятся в органической взаимосвязи и взаимозависимости. В процессе становления материального образования возникающее содержание обусловливает соответствующую форму, которая, утвердившись, сама начинает влиять на содержание, способствуя или препятствуя его функционированию и развитию. Поскольку содержание имеет тенденцию постоянно изменяться, а форма — тенденцию оставаться неизменной, возникает противоречие между новым содержанием и старой формой. Усиление этого противоречия приводит к разрушению старой формы и становлению новой, соответствующей новому содержанию. Развитие, таким образом, осуществляется через постоянное изменение содержания, разрешение периодически возникающего противоречия между содержанием и формой, сопровождающееся заменой старой формы новой.

Глава XVI. ЭЛЕМЕНТ И СТРУКТУРА, СТРУКТУРА И ФУНКЦИЯ

Когда мы говорили о диалектике содержания и формы, мы имели в виду взаимосвязь между элементами, образующими вещь, их взаимодействиями и изменениями, с одной стороны, и относительно устойчивой системой связей, образующих структуру вещи, — с другой. При более детальном исследовании содержания материального образования возникает необходимость в выявлении отношений между отдельными моментами содержания и его структурой, в частности между элементами, образующими вещь, и устойчивой системой связей, в которой они находятся. Диалектика этих отношений отражается в категориях «элемент» и «структура».

§ 1. Категориальное значение понятий «элемент» и «структура»

Элемент обладает относительной устойчивостью, качественной определенностью, взаимосвязан с другими элементами и образует вместе с ними целостную систему. «Элемент, — пишет А. Я. Райбекас, — есть такой компонент системы, который способен к относительно самостоятельному осуществлению определенной функции» [176, 157].

Структура— это относительно устойчивая система связей элементов, образующих целое (вещь) [см. 83, 196]. Учитывая, что связь является необходимой стороной отношения, включающего в себя раздельность, структуру можно определить и как совокупность устойчивых отношений между элементами [см. 193, 64]. Наконец, поскольку структуру образуют необходимые, общие, устойчивые отношения, связи, обусловленные природой взаимодействующих элементов, отражаемые категорией «закон», постольку структуру можно представить и в качестве совокупности законов, выражающих связь элементов в целостной системе. Следует подчеркнуть, что «структура» является понятием как объективной, так и субъективной диалектики, так как структура в прямом смысле этого слова есть строение системы и вне систем она не существует.

Говоря о строении какого-либо объекта, мы в первую очередь выделяем элементы, из которых он состоит, их пространственное расположение и способ, характер их связи. Можно вообще отвлечься от качества элементов, характера их связей и представить себе пространственную конфигурацию, где узловыми точками будут элементы системы. Таким путем моделируются структуры различных систем, например атома или кристалла. На определенном этапе познания объекта такое представление о структуре будет вполне достаточным. Но при более глубоком исследовании формальная схема структуры исчерпывает свои познавательные возможности.

В действительности взаимодействие элементов в рамках той или иной структуры осуществляется строго избирательно. Элемент, входя в структуру, взаимодействует с другими элементами не целиком, а одной или несколькими сторонами. Следовательно, характер и качество связи зависят от особенностей той или иной стороны элементов, находящихся во взаимодействии. Кирпичи в простой кладке взаимодействуют между собой лишь соприкосновением поверхностей, не претерпевая никаких внутренних изменений. Взаимодействие это чисто механическое. Поэтому структура данного образования вполне может быть отражена той формальной схемой, о которой говорилось вначале. Но в кристалле уже совершенно другая картина. Во взаимодействии элементов кристалла — атомов — проявляются их внутренние свойства. Атомы, входящие в кристалл, претерпевают определенные качественные изменения. Кристаллическая решетка в силу этого лишь весьма приблизительно передает структуру кристалла.

А если рассматривать структуру живых организмов, то простой схемой пространственного расположения клеток ее не отразишь. Взаимосвязь клеток настолько сложна и многообразна, что для ее отражения было введено понятие «биологическая форма движения». Во взаимодействии клеток участвуют непосредственно многие их элементы, непосредственная и опосредованная взаимозависимость клеток настолько возрастает, что они уже не могут существовать изолированно. Таким образом, чем больше сторон и свойств элементов участвуют во взаимодействии, тем сложнее будет структура.

Одни и те же элементы, взаимодействуя различными сторонами, могут образовывать различные структуры. Например, коллектив какого-либо цеха представляет собой определенное производственное образование, с особым типом связей и взаимоотношений. Но эти же люди могут участвовать в цеховой художественной самодеятельности. В этом случае связь между членами коллектива будет носить качественно иной характер, чем на производстве, и, таким образом, коллектив художественной самодеятельности будет качественно отличаться от производственного коллектива. Так как элементы участвуют во взаимодействии не целиком, структура в определенном смысле независима от элементов. Возможна замена элементов на качественно иные, но обладающие одним или несколькими свойствами, сходными с взаимодействующими свойствами заменяемых элементов. Подобные процессы, известные под названием изоморфизма, постоянно протекают в природе. Как отмечает Брайан Мейсон, «замещение одного элемента другим скорее является правилом, чем исключением» [136, 96], в геохимических процессах.

В производственном процессе в последнее время мы все чаще встречаемся с таким явлением, как замена в той или иной структуре производства человека (как элемента этой структуры) автоматом. Структура процесса производства от таких замещений не претерпевает изменений. Однако при большом числе замещений одних элементов структуры качественно другими, хотя и обладающими некоторыми свойствами заменяемых, качество объекта изменяется. Так; если в производственном цикле заменить рабочих, выполняющих ту или иную операцию автоматами, то исчезает, например, производственный коллектив, хотя структура, т. е. взаимосвязь определенных свойств элементов и характер операций, производимых человеком, а затем автоматом, сохраняется. В этом случае говорят об устойчивости структуры, о ее постоянстве, неизменности. Однако постоянство, устойчивость структуры относительны. В саморазвивающихся объектах структура непрерывно меняется. В период организации целого происходит усложнение структуры, упорядочиваются связи между элементами, меняется их пространственное расположение, в связь включаются все новые свойства элементов, развиваются специфические связи между группами элементов и т. д. При дезорганизации, наоборот, происходит ослабление связей между взаимодействующими сторонами, свойствами элементов и даже исчезновение некоторых из них. Иначе говоря, происходит структурная перестройка.

Понятие «структура» отражает форму расположения элементов и характер взаимодействия их сторон и свойств. Понятие «структура» позволяет нам уяснить, почему качество целого отличается от суммы качеств составляющих его элементов. Это происходит потому, что элементы целого взаимодействуют друг с другом только определенными сторонами, свойствами, а не в целом. Кроме того, качество системы зависит и от расположения элементов. Но и этим не исчерпываются характеристики структуры. Структура, как удачно выразился А. М. Молчанов, есть «следствие вчерашней кинетики» [143, 287]. Пожалуй, это понятие структуры, к которому подошли естествоиспытатели, еще не совсем осознанно и осмысленно философами. Структура есть итог движения элементов целого, итог их организации. И в этом смысле она выступает законом связи элементов, т. е. именно благодаря структуре система воспроизводит себя и существует в относительно неизменном виде определенное время. Это не означает, что целое в процессе становления лишено структуры. Есть структура процесса, которая переходит в целостную, завершенную структуру, ограничивающую движение и взаимосвязь, взаимодействие элементов определенной формой движения. Переход в другую форму движения есть переход целостной структуры в структуру процесса и тем самым образование, организация нового целого.

Элементы и структура органически взаимосвязаны, взаимообусловливают друг друга. Характер связи между элементами, образующими целое, система их отношений в рамках целого зависят от природы элементов, их качества и количества. С другой стороны, качество элементов, их свойства, место, роль и значение в целом зависят от системы связей, в которых они находятся, от структуры целого. Изменение элементов, составляющих то или иное целое, их количества и качества обусловливает изменение структуры. Появление новой структуры обусловливает соответствующие изменения ее элементов, их свойств, качественных и количественных характеристик.

Взаимосвязь элементов и структуры представляет собой единство противоположностей. Элементы имеют тенденцию постоянно изменяться, структура — оставаться устойчивой, неизменной. На определенной ступени развития этого противоречия, когда усиливающееся несоответствие структуры изменившимся элементам делает ее несовместимой с ними, происходят ломка старой структуры и установление новой [см. 72, 124]. Формирование новой структуры знаменует собой переход материального образования в новое качественное состояние, на новую ступень развития. Здесь проявляются те же закономерности, что и при взаимодействии содержания и формы. И это не случайно. Элементы представляют собой содержание, составляют важнейшую его сторону, структура выступает в качестве формы (внутренней его стороны). Диалектика взаимосвязи элементов и структуры, таким образом, представляет собой конкретизацию диалектики взаимосвязи содержания и формы.

§ 2. Структура и функция

Соотношение элементов, составляющих важнейший момент содержания целостной системы, с устойчивой совокупностью образуемых ими отношений (структурой) не охватывает закономерностей взаимосвязи, взаимодействий элементов целого и структуры. Между тем они играют существенную роль в уяснении механизма функционирования и развития материального образования. Для отражения этой группы закономерностей возникли категории «структура» и «функция».

Понятие «функция» отражает взаимодействие между элементами целостной системы и ее взаимодействие с другими системами (вещами), обеспечивающие ее устойчивое существование. «...Функция, — пишет по этому поводу А. Я. Райбекас, — есть такое отношение элемента к целому, которое делает действие элемента с точки зрения «интересов» данной системы целесообразным и таким образом служит обеспечению сохранения целого» [176, 156]. Подобное определение функции дают М. И. Сетров и А. С. Мамзин [см. 192, 31; 126, 149].

Понятие «структура» в соотношении с понятием «функция» обозначает относительно устойчивую систему связей элементов, образующих вещь, включающую в себя в качестве определенных звеньев и сами элементы. Здесь структура выражает все устойчивое в вещи и противопоставляется взаимодействиям и обусловленным ими изменениям. Структура обеспечивает сохранение системы, и потому она есть то, что остается относительно постоянным, сохраняющимся в изменчивом бытии вещи [см. 157, 268]. Понимание структуры как единства элементов и отношений между ними встречается у ряда авторов [см. 106, 62; 176, 160; 60, 121; 191]. Правда, они не связывают его с диалектикой взаимосвязи структуры и функции, а рассматривают в качестве единственного категориального смысла понятия «структура». Между тем это значение категория «структура» приобретает лишь в соотношении с категорией «функция».

Структура и функция представляют собой взаимосвязанные моменты каждого элемента целостной системы, каждого ее звена. «Структура и функция как бы взаимопроникают, сливаются между собой, составляя единый целостный процесс» [148, 313]. Всякая сформировавшаяся структура, предопределив место того или иного элемента в целостной системе, обусловливает и его функции, направление и характер взаимодействий. Но в процессе взаимодействий элементов, образующих целостную систему, и самой системы с другими материальными образованиями возникают соответствующие изменения во взаимодействующих элементах и в системе в целом. По мере накопления этих изменений начинают изменяться функции отдельных элементов и самой системы. Изменение функций приводит к изменению структуры материального образования, переходу его на новую ступень развития или превращения в другое материальное образование [см. 7, 148—149].

Структура и функция имеют противоположные тенденции. Структура составляет устойчивое в вещи, функция выражает движение, изменение, действие. Взаимосвязь структуры и функции представляет собой противоречие, которое, являясь основой существования вещи, обусловливает ее функционирование и развитие. Взаимодействия элементов вещи в рамках сложившейся структуры и самой вещи с другими вещами, сохраняющие ее целостность, составляют функционирование материального образования. Преобразование структуры вещи в результате накопления изменений функций элементов, ее образующих, представляет собой момент развития — перехода вещи в новое качественное состояние, превращения ее в другую вещь. Таким образом, осмысление вещи через призму категорий «структура» и «функция» позволяет выделить в ее существовании стадии функционирования и развития. В свете этих категорий правомерна постановка вопроса о необходимости деления всех законов на законы функционирования и законы развития [см. 178; 24, 269—274; 220, 123—172; 56, 10—110].

В истории философии понятия «структура» и «функция» не разрабатывались специально как философские категории. Но они широко применялись в различных науках, особенно в биологии, химии, математике. При этом смысловое содержание этих понятий варьировалось в пределах следующего содержания: структура как строение, устройство; функция как свойство, деятельность, работа.

Содержательное употребление понятия «структура» в соотношении с категорией «функция» первоначально наметилось в морфологии. Здесь функция отождествлялась с деятельностью и появились начала исторического взгляда на соотношение структуры и функции.

Ориентация на вид (видоцентризм), в отличие от организмоцентризма, произвела существенные изменения в категориальном строе научного мышления. В частности, это выразилось в историческом понимании биологических структур. Но первоначально под структурой понималось строение в смысле материальной структуры. Представление о структуре как системе взаимосвязей и отношений между элементами целостного материального образования связано с новыми преобразованиями в категориальном строе мышления. И лишь в своем новом значении в паре с категорией «функция» она приобретает категориальный статус и служит для выражения новейших существенных изменений в системе естественно-научного мышления.

Исторически понятия «структура» и «функция» оказались связанными с теорией организации, с понятием «организация». В настоящее время в отношении к этому понятию обнаруживается их логический предел, за границами которого лежит переход к каким-то новым категориям.

Переход от описания целого к характеристике его структурных компонентов, раскрытию связей между ними и анализу их с точки зрения их функциональной значимости и зависимости от целого способствовал рассмотрению вещей в их динамике, в качестве изменяющихся состояний организации.

В марксистской философии, политэкономии, социально-политической теории был впервые обоснован методологический принцип, согласно которому всякое целое выполняет определенную функцию, являющуюся ведущей по отношению к его структуре и элементам. Сама структура может быть понята лишь как выражение функции целого. В этом случае функция рассматривается как отношение действующего компонента к целому или же самого целого — к среде.

Развивая эти идеи, современная наука вырабатывает функциональную теорию организации [см. 192]. В свете этой теории в сложных динамических системах функциональность рассматривается как действие для достижения определенного полезного результата. Функциональность характеризуется здесь как наиболее существенная сторона целого, а раскрытие функциональных связей и законов функционирования — как средство раскрытия его структурной организации, внутренней архитектоники.

По современным представлениям, предмет может быть описан только в категориях действия, касается ли это организма или организации вообще. Поэтому при описании целостных образований нельзя обойтись без категорий структуры и функции в их специфическом, категориальном отношении. Целостные образования отличаются друг от друга не столько по структуре или функции, сколько по соотношению структуры и функции, т. е. по характеру связи этих противоположностей [см. 73, 38].

Структуру мы определяем как специфический для каждой данной системы способ связи элементов между собой, функцию — как избирательное, направленное на целостность взаимодействие элементов и системы в целом с внешней средой, выражающее ее внутреннюю целостную специфическую природу в отношении к внешней среде.

Функционирование целого — это непосредственное проявление избирательной динамической перестройки элементов и их глубоких внутренних отношений. Структура целого всегда определяется законами не только внутренних, но и внешних связей (движений). С этой точки зрения закон системы может быть рассмотрен как развивающийся в том смысле, что на его основе во времени раскрывается все неисчерпаемое многообразие свойств, составляющих целостное образование элементов, которые этим законом охватываются. Особенно рельефно это проявляется в химических, биологических, кибернетических объектах и в познании.

Любое целостное образование можно расчленить на его структуру и функцию. При этом отношение структуры и функции можно обозначить как отношение взаимодействия, взаимополагания и взаимоопределения. Структура и функция могут переходить друг в друга. В своем единстве они дают относительно целостную характеристику объекта.

Категория функции выражает избирательно направленный аспект взаимодействий, а их систему выражает категория структуры. Таким образом мы получаем логико-исторический переход от категории «взаимодействие» к категории «система». Взаимодействие на первый взгляд реализуется лишь в форме превращений вещественного субстрата и энергетического обмена. В действительности категория взаимодействия в еще большей степени может выражать отношения структурных уровней организации. И этот информационный (в отличие от вещественного и энергетического) аспект взаимодействия наиболее адекватно выражается категориальным содержанием понятия функции.

Таким образом, специфическое содержание категории «структура» обнаруживается в соотношении с понятием «функция», которое также приобретает категориальное значение в этом соотношении в связи с дальнейшим развитием категории «взаимодействие».

Налицо движение данных категорий. Определяясь первоначально через отношение к элементам в качестве способа их организации в пространстве и времени, свое новое определение как способа связи функционирующих компонентов понятие «структура» получает через отношение к понятию «функция».

§ 3. Соотношение категорий «структура» и «функция» с другими категориями диалектики

В современной литературе понятия «структура» и «функция» чаще всего сопоставляются с категориями «форма» и «содержание». При этом категории содержания и формы конкретизируются и тем самым развиваются. Но развитие есть переход в другое. Поэтому исторически сложившееся содержание этих понятий не должно быть забыто, как имеющее значение на определенном не только историческом, но и логическом этапе познания. Моменты синтеза должны быть сохранены, ибо именно они составляют систему, хотя и в некотором новом значении.

Так, если форма рассматривается как способ связи элементов, то это уже не собственно форма, а структура. Новый существенный предикат в данном случае дает то системообразующее качество, которое меняет предмет. Развить общее понятие — значит образовать новое, имеющее иной категориальный смысл и значение, не отрицающее методологического значения (в качестве момента) предшествующего понятия [см. 255, 39].

Современное понимание содержания и формы существенно отличается от того, которое было характерно для домарксовской философии. При этом понятие содержания как совокупности элементов, составляющих вещь, совокупности характеристик, свойственных вещи, и понятие формы как относительной устойчивости внешних и внутренних связей, как способа существования содержания сохраняют свое значение. Поэтому место и роль категорий в системе можно выявить лишь в том случае, если учитываются исторически обусловленная последовательность их формирования и то содержание, которое они получили в процессе развития познания и практики. Вся совокупность исторически предшествующих понятий в новом срезе входит в содержание более поздних категорий. Поэтому анализ взаимосвязи категорий «структура» и «функция» с категориями «содержание» и «форма» включает в себя рассмотрение таких понятий, как «элемент», «структура», «часть», «целое», «целостность», «система» и т. д. [см. 256, 42—45].

Мы уже отмечали, что при характеристике структур и систем приходится употреблять не только понятие «форма», но и понятие «целое». При этом целое рассматривается в развитом виде, как система (как совокупность объектов, взаимодействие которых обусловливает наличие новых интегральных качеств, не свойственных их частям). Но рассмотрение целого как органического целого, как системы само почерпнуто из представлений о структурных уровнях организации материи, является результатом системного подхода. Поэтому характеристика структурно-функциональных отношений системности также не исчерпывается понятием целостности, как она не исчерпывается определениями через отношение формы и содержания. Это касается и таких понятий, как «внутреннее» и «внешнее», «сущность» и «явление», которые требуются для выражения специфики соотношения структуры и функции в системе, но которые не раскрывают полностью их значения.

Категория «функция» определялась нами через категорию «взаимодействие». Поскольку же в системе категорий понятие взаимодействия является результатом историко-логического развития способов понимания по линии, выраженной категориями: «субстанциональность» — «каузальность» — «взаимодействие», следовало бы специально остановиться и на отношении категорий «структура» и «функция» к категории «причинность», на отношении структурно-функционального (или системного) подхода к подходу каузальному.

Важной стороной отношения «структура» и «функция» к категориям «причина» и «следствие», активно изучаемой современной наукой и философией, является связь структуры и функции причины со структурой и функцией следствия [см. 34]. Оказалось, что во многих случаях можно непосредственно обнаружить перенос структуры причины на следствие, элементы следствия (вещи или явления) будут уже другими, нежели элементы причины. На этом основании говорят даже об особом законе, или принципе постоянства структуры. В плане связи функции с переносом структуры рассматривается отношение причинности и информации. В причинно-следственной связи предлагается различать физическую и информационную стороны. Таким образом на основе понятий «структура» и «функция» развивается и категория «причина». Но это развитие опять ведет нас к новым категориям, раскрывающим новые аспекты природы, выражающиеся в ее новых универсальных определениях.

Соответствия между характеристиками причины и следствия, носящие информационный характер и обеспечивающие перенос структуры, возможность кодирования и декодирования сигналов, несущих информацию, обеспечивающие возможность управления, опережающего отражения и т. п., невозможно выразить, не прибегая к понятиям «структура» и «функция».

Современные требования к общему принципу причинности (детерминации) состоят в том, чтобы сделать его способным отобразить связь таких новых и старых состояний, последовательность которых выражает развитие, раскрыть происхождение новых состояний из старых [см. 78]. Но категории причины и следствия в их собственном значении фиксируют лишь одну сторону связи — акт непосредственного следования, происхождения одних состояний из других без вскрытия сложного механизма этого процесса. Более того, они не «работают», когда речь идет о таких предметах, как законы природы, мир в целом, саморазвивающиеся, самодвижущиеся и самоопосредованные системы. Здесь вступают в силу понятия, связанные с категорией взаимодействия. Не случайно именно в системном подходе ищут теперь средство, расширяющее наши возможности теоретического объяснения принципов развития.

Ряд таких характерных черт процесса развития, как связь состояний и изменений, возникновение и накопление нового, направленность изменений и т. п., оказывается почти невозможным представить в рамках традиционных категорий, которые, по существу, лишь констатируют или постулируют этот процесс исходя из него как из предпосылки. Классики марксизма указывали, что принцип развития должен быть дополнен принципом всеобщей взаимосвязи. На этом пути и происходит в настоящее время поиск теоретических представлений, способных развить (конкретизировать и детализировать) концепцию развития.

Устойчивость систем на основе их взаимосвязи с окружающей средой рассматривается сейчас как проявление вновь обнаруженной формы законов сохранения, связанной с выявлением их информационного аспекта. Именно этот факт придает отношению структуры и функции то специфическое содержание, которое отличает их от исторических аналогий, проведенных в вещественном или энергетическом аспекте.

Важнейшей закономерностью взаимосвязи структуры и функции является первичность структуры по отношению к функции. Но первичность структуры по отношению к функции не тождественна первичности причины по отношению к следствию. Указанное отношение не тождественно и отношению основы к обоснованному. Взаимосвязь структуры и функции сочетает в себе и то и другое.

Схематически место категорий структуры и функции в системе категорий диалектики можно представить следующим образом: взаимодействие — элемент — структура, структура — функция — система. Представленное здесь отношение создает основу для взаимоопределений рассматриваемых категорий.

Итак, понятие «структура» использовалось нами для раскрытия диалектики содержания и формы, где оно выполняло функции категории «форма», для выражения диалектики элемента и структуры, где оно выступало в качестве самостоятельной категории, и для отражения закономерностей взаимосвязей структуры и функции, где это понятие тоже имеет категориальное значение. В связи с этим неизбежно возникает вопрос: меняется ли смысл понятия «структура» при его использовании в различных категориальных отношениях или оно остается одним и тем же? Ответ здесь будет совершенно определенным: меняется. Когда мы используем понятие структуры в качестве категории «форма» для отражения ее взаимосвязи с содержанием, мы имеем в виду не только внутренние, но и внешние устойчивые связи, ибо в содержание вещи входят не только ее внутренние взаимодействия и изменения, но и внешние. Форма — это относительно устойчивая система связей, в рамках которой происходят и внутренние и внешние взаимодействия. Когда же мы используем понятие «структура» для отражения диалектики элемента и структуры, под структурой мы понимаем лишь систему внутренних (для вещи) связей — систему связей элементов между собой. Наконец, когда мы используем понятие «структура» для отражения взаимосвязи структуры и функции, мы под структурой понимаем такую устойчивую систему связей, которая включает в себя в качестве необходимых моментов и сами элементы. Здесь взаимодействиям и вызываемым ими изменениям противопоставляется, по существу, система как единство элементов и их взаимосвязей.

Таким образом, категория «структура» полифункциональна, ее смысл зависит от того, в каких целях она используется, с какой категорией она образует диалектическую пару.

Глава XVII. СИСТЕМА И ЭЛЕМЕНТ

§ 1. Генезис категории «система»

Попытки проследить генезис понятия «система» предпринимаются в последнее время неоднократно. Как верно заметил А. П. Огурцов, «круг его значений в греческом языке весьма обширен: сочетание, организм, устройство, организация, союз, строй, руководящий орган» [195, 155]. Первоначально понятие «система» было связано с формами социально-исторического бытия [там же]. В. Садовский и Э. Юдин утверждают, что «понятие «система» впервые встречается у стоиков, толковавших его в онтологическом смысле как мировой порядок» [237, 5, 18]. Но древние, в частности Эпикур, использовали понятие «система» и для обозначения определенной суммы знаний [см. 135, 180].

Емкость понятия «система», позволяющая определять им широкий круг разнородных явлений, имеющих, однако, нечто общее, создавала необходимые предпосылки для превращения его в философскую категорию. Вобрав в себя суть таких важных понятий, как порядок, организация, целостность, и в то же время не сводясь по своему объективному содержанию полностью ни к одному из них, понятие «система» быстро стало аксиоматическим. Во всяком случае, древние не дают его определения. Да и последующие философы свободно употребляют его как очевидное и всем известное по смыслу понятие, отражающее как природную действительность, так и знание. При этом нередко отождествляются понятия «система», «целое», «агрегат», «совокупность». Например, у Гольбаха природа выступает и как система, и как целое, и как совокупность вещей.

Анализ философских работ нового времени показывает, что понятие «система», отнесенное к природе, употребляется как само собой разумеющееся, но при использовании этого понятия в рассуждении о знаниях его пытаются определить. Иначе говоря, делается попытка придать ему научную значимость, четкость и ясность содержания, «привязать» к определенной области исследования — знанию. Так, известный французский просветитель Э. Б. де Кондильяк писал: «Всякая система есть не что иное, как расположение различных частей какого-нибудь искусства или науки в известном порядке, в котором они все взаимно поддерживают друг друга и в котором последние части объясняются первыми» [94, 3].

Любопытно в этом плане отношение И. Канта к понятию «система». Он свободно пользуется им при исследовании явлений природы, в частности в работе «Общая естественная история и теория неба», не делая попытки определить его. Понятие «система» в данном случае адекватно отражает космические образования, его объективное содержание, по мнению Канта, настолько очевидно, что не требует специального определения. Другое дело знание. Здесь требуется ясность. Что отражает понятие «система», отнесенное к знанию? Кант вынужден дать разъяснение. «Под системою же, — писал он, — я разумею единство многообразия знаний, подчиненных одной идее» [86, 3, 680]. Эта лаконичная дефиниция на редкость содержательна, ибо включает в себя основные характеристики системы вообще. Кроме того, в отличие от явно метафизического определения «системы» Кондильяка, в котором просматриваются только положительные особенности системы (порядок, взаимообусловленность), в дефиницию Канта заключено противоречие, а следовательно, и движение, развитие. Это чрезвычайно важный момент, раскрывающий диалектическую суть понятия «система».

Дальнейшую универсализацию, смысловое обогащение и развернутое диалектическое понимание понятие «система» находит в объективно-идеалистической философии Гегеля. Система как философская категория не была у Гегеля предметом специального рассмотрения. Но зато всякий предмет исследования, к которому он обращается, выступает у него как саморазвивающаяся система, ибо все есть только моменты развития идеи. «Идея, — пишет Гегель, — как конкретная в себе и развивающаяся, есть, таким образом, органическая система, целостность, содержащая в себе множество ступеней и моментов» [47, II, 28]. Каждая «ступень», момент идеи, есть, в свою очередь, система. Иначе говоря, все системно, мир есть система систем. И природа, следовательно, по Гегелю, системна, но, как и все прочее, она системна не иммантентно, а как инобытие идеи. «Мы должны рассматривать природу, — пишет Гегель, — как систему ступеней, каждая из которых необходимо вытекает из другой и является ближайшей истиной той, из которой она проистекала, причем, однако, здесь нет естественного, физического процесса порождения, а есть лишь порождение в лоне внутренней идеи, составляющей основу природы» [цит. по: 147].

Таким образом, справедливо утверждая системность реальности, Гегель в то же время мыслит эту реальность как систему различных ступеней развивающейся идеи. Он, по существу, завершил развитие понятия «система» как простого понятия, наполнив его таким содержанием, которое неизбежно вводило его в ранг философской категории. И просто удивительно, что Гегель не обратил внимания на этот факт, оставил это понятие без определения.

Метод исследования систем, формулировка общих законов развития, определение главных категорий познания — вот то ценное, что было взято у Гегеля и глубоко развито с материалистических позиций К. Марксом и Ф. Энгельсом. Они не оставили нам определения системы как философской категории, но в их произведениях, посвященных анализу как явлений природы, так и общества, понятие «система» используется в полной мере. Наполненное новым содержанием, отражая действительные материальные образования, свойства, законы, процессы, понятие «система» окончательно закрепляет свои позиции среди главнейших обобщений человеческого разума. К. Маркс был первым, кто дал наиболее полное диалектико-материалистическое понимание системы, законов ее развития и принципов системного исследования.

Идея развития систем получила фундаментальное обоснование в работах Ф. Энгельса. В своих произведениях «Анти-Дюринг», «Диалектика природы», «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» Ф. Энгельс дал развернутое диалектико-материалистическое понимание природы. «Вся доступная нам природа, — пишет он, — образует некую систему, некую совокупную связь тел, причем мы понимаем здесь под словом тело все материальные реальности, начиная от звезды и кончая атомом и даже частицей эфира, поскольку признается реальность последнего» [1, 20, 392]. Система, по Энгельсу, есть, прежде всего, взаимная связь тел. Это определение он относит ко вселенной в целом. Но далее Ф. Энгельс пишет: «... какого бы взгляда ни придерживаться относительно строения материи, не подлежит сомнению то, что она расчленена на ряд больших, хорошо отграниченных групп с относительно различными размерами масс, так что члены каждой отдельной группы находятся со стороны своей массы в определенных, конечных отношениях друг к другу, а к членам ближайших к ним групп относятся как к бесконечно большим или бесконечно малым величинам в смысле математики. Видимая нами звездная система, солнечная система, земные массы, молекулы и атомы, наконец, частицы эфира образуют каждая подобную группу» [там же, 585]. В приведенных положениях Ф. Энгельс выделил два важнейших признака систем: 1) взаимная связь тел; 2) отграниченность взаимосвязанных тел.

Дальнейшее развитие диалектики систем мы находим в трудах В. И. Ленина. Продолжая дело К. Маркса и Ф. Энгельса, Ленин исследует капитализм как систему на новой империалистической стадии развития. По существу, в работах К. Маркса и В. И. Ленина капитализм как система был исследован от момента возникновения до гибели. Тем самым мы имеем необычайно богатый материал по содержанию и законам развития одной из наиболее развитых систем объективного мира.

§ 2. Современные представления о категориях «система» и «элемент»

Сегодня уже не только отдельные естествоиспытатели и обществоведы, а весь ученый мир в целом (да и не только ученый, а и деятели художественной культуры, организаторы производства и пр.) рассматривает свою область деятельности как систему и анализирует системными методами. Можно говорить уже о системном стиле мышления второй половины XX в. Но несмотря на это, а может быть, именно поэтому остается спорным общее определение понятия «система».

Трудности, связанные с определением понятия «система», обусловили весьма пессимистический вывод В. Н. Садовского и Э. Г. Юдина: «Мир систем настолько многообразен и разнороден, что любая попытка его единообразного истолкования, по-видимому, вряд ли сможет привести к научно значимым результатам» [83, 16]. Действительно, если сопоставить все определения системы, то обнаруживается, что под системой подразумевается: 1) куча камней, 2) атом, 3) толпа, 4) организм, 5) машина, 6) общество, 7) вселенная, 8) мышление и т. д.

Системы подразделяются на целостные, в которых связи между составляющими элементами прочнее, чем связи этих элементов со средой, и суммативные, у которых связи между элементами одного и того же порядка, что и связи элементов со средой; органические и механические; динамические, как «нечто такое, что может изменяться с течением времени» [265, 38], и статистические; «открытые», т. е. обменивающиеся с окружающей средой веществом, информацией и энергией, и «закрытые»; «самоорганизующиеся», если их «изменение происходит автоматически» [83, 35], и «неорганизованные»; управляемые и неуправляемые и т. д.

Создается впечатление, что невозможно подвести под одно определение такое разнообразие систем. Однако уже то, что мы определяем различные совокупности понятием «система», свидетельствует о наличии во всех совокупностях общих черт.

Многие авторы (В. Г. Афанасьев, В. С. Тюхтин, Е. Ф. Солопов, Н. Ф. Овчинников, А. Е. Фурман) считают, что все совокупности являются системами. Однако ряд исследователей, напротив, считают, что не все совокупности являются системами. Например, И. В. Блауберг, В. Н. Садовский и Э. Г. Юдин пишут: «Все существующие и действительные совокупности объектов (а всякая система представляет такую совокупность, хотя не всякая совокупность есть система) можно разбить на три больших класса: неорганизованные совокупности, неорганические системы, органические системы. Неорганизованная совокупность (примером ее может служить куча камней, случайное скопление людей на улице и т. д.) лишена каких-либо существенных черт внутренней организации. Связи между ее составляющими носят внешний, случайный, несущественный характер. Входя в состав такого объединения или покидая его, составляющие не претерпевают каких-либо изменений, что говорит об отсутствии у подобной совокупности целостных, интегративных свойств. Свойства совокупности в целом, по существу, совпадают с суммой свойств частей (составляющих), взятых изолированно. Следовательно, такая совокупность лишена системного характера» [173, 37]. Верно, что такие совокупности не являются целостными системами, и авторы в данном случае правы[1], хотя подобные совокупности не являются целостными не потому, что «свойства совокупности в целом по существу совпадают с суммой свойств частей (составляющих), взятых изолированно». Свойства любой совокупности никогда не совпадут с суммой свойств составляющих ее элементов, взятых изолированно, уже в силу структурного отличия совокупности от ее элементов.

Утверждая, что неорганизованные совокупности являются системами, мы исходим из следующих соображений: 1) неорганизованная совокупность состоит из элементов; 2) элементы данной совокупности определенным образом связаны между собой, неважно, носит ли эта связь внешний или случайный характер; 3) важно, что она объединяет элементы в совокупность определенной формы, которую мы называем кучей, грудой, толпой и т. д., в зависимости от качества элементов и тем самым отличается от связей элементов совокупности с окружающей средой; 4) раз в такой совокупности существует связь между элементами, значит, неизбежно проявление определенных закономерностей и, следовательно, наличие временного или пространственного порядка. Таким образом, неорганизованные совокупности отвечают общим требованиям, предъявляемым к характеристике систем.

Утверждение об определенной упорядоченности неорганизованных систем вызывает больше всего возражений. Это вполне естественно, ибо понятие порядка у нас ассоциируется прежде всего с гармонией, симметрией, очередностью и пр. Но порядок имеет характер процесса. Существуют низшие и высшие формы порядка. Как правило, понятие «порядок» мы относим только к высшим его формам. Хотя уже само слово «упорядочивание» свидетельствует о процессе, о переходе от низших форм порядка к высшим.

Наличие любой формы связи между элементами совокупности дает нам первую, элементарную, низшую форму порядка. Связь является объективным содержанием порядка. Мы же в процессе исследования или из практических соображений выделяем определенные, повторяющиеся связи и отношения и можем рассматривать совокупность, упорядоченную в различных аспектах. Так, в куче камней мы можем определить временной порядок, т. е. последовательность вхождения отдельных элементов или группы элементов в данную совокупность. Мы можем рассматривать также кучу камней как упорядоченную с точки зрения повторения определенных связей между элементами, скажем связей сцепления, отвлекаясь от всего остального, и т. д.

---

[1] Существует и другое мнение, согласно которому любая система является целостной [см., например, 208, 162].

Итак, все совокупности являются системами. Больше того, материя вообще проявляется в форме «систем». Системность — это атрибутивное свойство материи. И можно согласиться с определением системы как формы существования материи, данным А. Е. Фурманом и В. Г. Прохоренко [см. 244, 10; 174, 64].

Известно, что формами существования материи являются пространство, время, движение. В чем специфика системы как формы существования материи? Почему необходимо введение категории «система»?

Материя как объективная реальность не имеет конечного числа форм и способов существования. По мере познания материи перед человеческим разумом раскрывается неисчерпаемое богатство ее содержания, которое проявляется в той или иной форме. В настоящее время изучение объективного мира и законов его отражения в сознании людей достигло такого уровня, что уже недостаточно оперировать только такими понятиями, как объект, вещь, знание, так как они выражают нечто отдельное, нерасчлененное, единичное. Как заметил И. Клир, «понятие «объект» всегда является до некоторой степени туманным, а относящиеся к нему проблемы — недостаточно ясными» [83, 290]. Система, являясь объектом, вещью и знанием, в то же время характеризуется как сложное, взаимосвязанное, находящееся в самодвижении, поэтому и категория «система», в отличие от понятий «объект» и «вещь», отражает не отдельное и нерасчлененное, а противоречивое единство многого.

Система, являясь конкретным видом реальности, находится в постоянном движении. В каждой системе происходят многообразные изменения. Однако всегда есть такое изменение, которое характеризует систему как отграниченное материальное единство, что выражается определенной формой движения. От того, в какой форме движения находятся элементы системы, зависит ее место в иерархии систем. По формам движения элементов системы подразделяются на механические, физические, химические, биологические, социальные, идеальные. Как указывал Ф. Энгельс, «природа движущихся тел вытекает из форм движения» [1, 20, 563]. А так как высшая форма движения включает в себя низшие, все системы помимо специфических свойств имеют общие свойства, не зависящие от их природы. Эта общность свойств и позволяет отразить понятием «система» крайне разнородные совокупности.

Итак, исходя из вышеизложенного, будем понимать под системой отграниченное множество взаимодействующих элементов. Конечно, данное определение не может удовлетворить каждого специалиста. Применительно к узкой области познания вполне правомерно и даже необходимо оперировать понятиями, более точно отражающими исследуемую данной наукой область реальности. Приведенное же определение системы шире и глубже, чем определения системы, сформулированные Кондильяком, Кантом, Гольбахом. Оно несколько отличается и от широкоизвестного определения системы как «комплекса элементов, находящихся во взаимодействии», данного Л. Берталанфи. Дело в том, что «комплекс» в переводе с латинского означает связь. Определяя систему как комплекс, мы тем самым растворяем это понятие в общем понятии всеобщей связи и взаимодействия. Действительно, все в мире взаимосвязано, но понятие «система» должно отражать некоторые конкретные, особые связи между взаимодействующими элементами. Говоря же о «системе» как отграниченном взаимодействующем множестве, мы фиксируем конкретность определенной совокупности.

Многие авторы, определяя систему, подчеркивают наличие целостности как ее неотъемлемое свойство. Так, В. Н. Садовский определяет систему как «упорядоченное определенным образом множество элементов, взаимосвязанных между собой и образующих некоторое целостное единство» [206, 143]. Примерно также это понятие определено в «Философской энциклопедии» [см. 237, 5, 18]. О. С. Зелькина выделяет «три основных момента (или аспекта) в рассмотрении понятия «система»: наличие элементов, составляющих данную систему, характер связей между ними и целостность системы» [77, 35]. Однако введение в определение понятия «система» указания на фактор целостности связано с некоторыми трудностями. Практически все сформулированные в литературе определения системы столкнулись со сложностью задания и описания ее целостного поведения. «Если первоначально Берталанфи и другие, — отмечает В. Н. Садовский, — подчеркивали важность целостности как условия для понимания системы, то позднее оказалось, что найти оперативные способы задания целостности системы (во всяком случае на уровне абстрактного анализа) не удалось» [194, 38]. А. И. Уемов считает, что «требование «целостности» ничего не дает, поскольку для выяснения того, является ли данное образование «целостным», мы должны знать, составляет ли оно систему» [218, 71].

Следует уточнить соотношение понятий «целое» и «система». Понятия «целое» и «система» различаются по степени общности. Целое есть определенный, конечный класс систем, достигших в своем развитии зрелости, завершенности. Понятие «целое» отражает тот момент развития, когда процессы, характеризующие восходящую и нисходящую стадии развития, находятся в относительном равновесии.

В. И. Ленин, ведя упорную борьбу за создание партии нового типа, разъяснял своим противникам, что́ есть партия как целое. «Наивные люди! — пишет он. — Они уже забыли, что *прежде* наша партия не была организованным формально целым, а лишь суммой частных групп, и потому иных отношений между этими группами, кроме идейного воздействия, и быть не могло. *Теперь* мы стали организованной партией, а это и означает создание власти, превращение авторитета идей в авторитет власти, подчинение партийным высшим инстанциям со стороны низших. Право, даже как-то неловко разжевывать старым своим товарищам такую азбуку...» [3, 8, 354—355]. В. И. Ленин отмечает историчность становления партии как целого, подчеркивая при этом ведущую роль процесса организации. Организованная партия или, если брать шире, организованная система — вот, что такое целое.

Понятие «целое» имеет смысл только в отношении с понятием «система». Они совпадают по смыслу только тогда, когда система приобретает такие черты, которые вынуждают выделить это новое состояние системы особым понятием — «целое».

Проблема задания системе целостности остается открытой, несмотря на значительные усилия, предпринятые в последние годы для ее решения. Тем не менее, с нашей точки зрения, использование понятия целого не только не приводит к неопределенности, но в значительной степени формирует понятие системы. Это объясняется тем, что понятие целого за многовековую историю своего становления и развития оформилось в одну из важнейших философских категорий и тем самым может служить основой для определения понятия системы. Более того, использование при определении понятия системы понятия целого и таких классических философских категорий, как «взаимосвязь», «элемент», создает благоприятные условия для успешного решения поставленной задачи. Ведь определить то или иное понятие — это значит выделить предмет исследования, а это в конечном итоге связано с указанием места рассматриваемого понятия в системе понятий, составляющих язык той или иной науки. Обращение к философским категориям при определении понятия системы указывает на философский категориальный статус этого понятия.

Итак, система — это расчлененное на отдельные относительно самостоятельные и необходимым образом взаимосвязанные элементы материальное образование, обладающее определенной целостностью. В таком понимании система оказывается тождественной вещи, материальному образованию. В самом деле, вещь (материальное образование) представляет собой расчлененное на отдельные относительно самостоятельные элементы целое, в котором эти элементы находятся в органической взаимосвязи и взаимозависимости. Мысль о сходстве понятия «система» с понятием «вещь» проводят А. И. Уемов [см. 215, 59], А. Я. Райбекас [см. 176, 154] и др.

Вместе с тем есть авторы, которые считают, что понятие «система» не только не тождественно понятию «вещь», но противоположно ему. Понятие «вещь», рассуждают они, связано с вещественностью материального образования, понятие же «система» не имеет никакого отношения к вещественности, оно отражает невещественное в вещи. «...Логично считать, — пишет Л. А. Петрушенко, — что системность есть противоположность вещественности, несовместима с ней и исключает ее. Видимо, поэтому система имеет невещественный характер и ее нельзя увидеть или потрогать» [164, 38]. Нетрудно заметить, что данные рассуждения, по существу, повторяют аристотелевское учение о формах, которые, будучи идеальными по своей природе, соединяются с материей и образуют качественно определенные вещи, существуя в них в виде невещественного начала, а также учение Платона об идеях, которые присутствуют в чувственных вещах, составляя их сущность.

Система как совокупность взаимосвязанных элементов, составляющих целостное материальное образование, существует в качестве вещей, она вещественна по самой своей природе, представляет собой всеобщую форму бытия материи [там же, 35]. Автор явно путает понятие системы, включающее в свое содержание общие, необходимые свойства конкретных систем, и сами объективно существующие системы. Понятие системы действительно невещественно, оно представляет собой идеальный образ материальных систем, не совпадающий непосредственно с этими системами, поскольку выражает общее, необходимое, по природе присущее им, тогда как они представляют собой единство единичного и общего, общего и особенного.

Система вещественна по своей природе, она представляет собой реально существующее материальное образование, вещь как расчлененное на отдельные, относительно самостоятельные и определенным образом взаимосвязанные элементы целое.

Будучи целостной системой, вещь не изолирована от других вещей, она взаимодействует с ними и при соответствующих условиях образует новые, более сложные системы (вещи), становясь их элементом. А эти последние, взаимодействуя с другими целостными системами (вещами), образуют еще более сложные системы, превращаясь в их элементы, и т. д. без конца. В результате «материальный мир предстает перед нами в виде последовательных ступеней развития, образованных иерархией систем, где системы каждого уровня являются, в свою очередь, элементами следующего, более высокого уровня» [76, 163]. Являясь противоположностями, элемент и система в процессе развития материи переходят друг в друга, обусловливая появление новых, все более и более сложных материальных образований.

Вещь как единство взаимосвязанных элементов представляет собой целое, а составляющие ее элементы выступают в качестве ее частей. Частью является материальное образование, входящее в состав другого материального образования и выступающее в качестве момента его содержания или формы. Целым является материальное образование, включающее в себя в качестве взаимосвязанных элементов другие материальные образования и обладающие свойствами, не сводящимися к свойствам составляющих его частей.

Поскольку элементы, образующие целостную систему, выступают в качестве ее частей, возникает необходимость в сопоставлении категорий «часть» и «элемент».

Некоторые авторы считают, что если часть относится к строго определенному целому, несет черты его качественной определенности и не существует самостоятельно, то элемент может быть компонентом многих систем, он не выражает их качества, а обладает своим собственным качеством [там же, 166]. «Элемент, — пишет по данному поводу Г. А. Югай, — есть такой составной компонент предмета, который может быть и безразличен к специфике предмета» [266, 92].

Прямо противоположную точку зрения развивает Л. О. Вальт. По его мнению, различие между понятиями «элемент» и «часть» заключается в том, что частью является предмет, который находится в сочетании, образующем целое, и не находится в нем, элемент же вне целого, вне системы существовать не может [см. 38, 45—46].

Ни первая, ни вторая точка зрения, на наш взгляд, не отражает действительного положения вещей. И понятие «часть», и понятие «элемент» имеют смысл лишь в отношении к определенному целому. Часть вне целого представляет собой не часть, а самостоятельное материальное образование, вещь. Точно так же обстоит дело и с элементом. Пока та или иная реальность не вступила во взаимодействие с другими реальностями и не образовала вместе с ними целостную систему, она не является элементом, а представляет собой вещь. Лишь входя в соответствующую структуру, вступая во взаимосвязь с другими реальностями, приводящую к возникновению новой целостной системы, она из вещи превращается в элемент. Кроме того, и часть, и элемент выражают специфику целого, являются носителями его свойств, качественной определенности.

Действительное различие понятий «часть» и «элемент» заключается в том, что первое обозначает и компоненты, образующие целое, и их взаимодействия между собой, и свойственные им отношения и связи; второе же применимо лишь к компонентам, находящимся в определенной взаимосвязи и образующим в результате этого целостную систему. Элементами могут быть лишь такие реальности, которые, обладая определенной самостоятельностью, участвуют во взаимодействии, образуют ту или иную целостную систему и выполняют в ней строго определенные функции. Понятие «часть», таким образом, является более общим, чем понятие «элемент», оно применимо к элементам, образующим вещь (все они являются ее частями), к их отдельным связям и даже ко всей их совокупности, т. е. к структуре. Последняя представляет собой часть вещи (целостной системы).

Отношение между системой и ее элементами — это отношение, в котором каждая сторона есть то же, что и другая, в отличие от отношения целого и части, в котором каждая сторона есть нечто самостоятельное, безразличное к другой. Указанное отношение системы и элементов друг к другу объясняется тем, что оно опосредуется структурой, в отличие от целого и части, которые связаны непосредственно. Являясь инвариантным аспектом системы, или, что, по существу, то же самое, законом, способом связи элементов системы, структура расчленяет целостный объект на части. Но в результате подобного членения объект не перестает быть самим собой, не перестает быть целым, так как структура не только расчленяет объект на части, но и связывает их в одно целое, превращая части в элементы системы.

Вместе с тем отношение между элементами и системой, а следовательно, и отношение между системой и структурой следует понимать диалектически, в противном случае возможен отрыв элементов от системы, структуры от элементов. Например, определив структуру как совокупность внутрисистемных связей, В. М. Солнцев пишет: «Структура есть объект минус составляющие его элементы, или система минус элементы системы» [202, 26]. Однако элементы и отношения связи между ними не могут быть таким образом оторваны друг от друга. Система — это не элементы плюс отношения между ними, а нечто иное. Арифметические действия сложения и вычитания здесь не применимы. Элементы в системе есть то, что они есть, только через отношения связи с другими элементами, вне этих отношений они будут представлять собой нечто иное. В то же время отношения не могут существовать вне элементов. Они всегда предполагают элементы: «Уже самый факт, что это есть *отношение*, означает что в нем есть две стороны, которые *относятся друг к другу*» [1, 13, 497—498].

Существует и другая крайность, когда связь элементов с отношениями абсолютизируется. Это приводит к отождествлению структуры и системы. Опираясь на положение, согласно которому отношения всегда предполагают элементы, делается далеко идущий вывод, что отношения полностью определяют элементы и что благодаря этому совокупность элементов, составляющих систему, и совокупность отношений, составляющих структуру, тождественны. Подобное отождествление структуры и системы возможно при двух условиях: во-первых, рассматриваемая система должна быть полностью «оторвана» от внешнего мира и должна представлять собой своего рода «вещь в себе»; во-вторых, все свойства элементов данной системы должны определяться только их внешними отношениями, а следовательно, элементы должны быть внутренне неделимыми. Этим объясняется то обстоятельство, что отождествление системы и структуры встречается, как правило, только в научных областях, имеющих дело со знаковыми системами. Знаковые системы наиболее полно удовлетворяют условиям тождественности, поэтому они при определенных ограничениях могут быть названы структурой.

Так, например, структурализм в языкознании, рассматривая язык как знаковую систему, содержание ее элементов сводит только к различиям и тем самым полностью сводит элементы к отношениям и в результате получает некую идеальную конструкцию, которую можно представить или как схему отношений (Карнап, Ельмслев и др.), а это и есть структура, или как целое, состоящее (в противоположность простому сочетанию элементов) из взаимообусловленных элементов, каждый из которых зависит от других и может быть таковым только в связи с другими, что полностью подпадает под определение системы. Каждое из этих двух представлений полностью определяет рассматриваемую идеальную конструкцию (т. е. язык, в понимании структуралистов), а следовательно, они являются самостоятельными и тождественными друг другу. Этим и объясняется довольно частое отождествление понятий системы и структуры в структуральных исследованиях.

В связи с тем что любой достаточно сложный объект познания обладает множеством различных свойств, для их изучения подчас требуется вычленение в объекте различного рода систем. В зависимости от того, какие свойства объекта раскрываются в системах, эти системы могут быть главными, определяющими саму сущность объекта, и неглавными, описывающими второстепенные свойства объекта.

Подводя итог сказанному о закономерностях взаимосвязи элементов и структуры, следует подчеркнуть, что при определенной самостоятельности системы и составляющих ее элементов она как целостное образование определяется природой входящих в нее элементов и характером устанавливающихся между ними связей, т. е. структурой, и сама влияет на элементы, обусловливая соответствующее изменение их свойств, качеств. Приобретая известную целостность, система соотносится со своими элементами как целое с частями и, по существу, выражает определенный вид диалектики целого и части.

Глава XVIII. **ЦЕЛОЕ И ЧАСТЬ**

Любой предмет состоит из частей, однако попытки понять особенность того или иного предмета или явления на основе анализа частей и последующего суммирования их свойств уже давно потерпели неудачу. Сведение целого к сумме частей не позволяет понять специфику данного объекта, поскольку при этом из поля зрения исчезает как раз то, что составляет его существенную характеристику и теснейшим образом связано со способом взаимосвязи частей. Рассмотрение частей самих по себе упускается из поля зрения их взаимодействия и утрачивает вследствие этого способность проникнуть в сущность объекта. Именно поэтому биология, например, давно отказалась от механицизма, сводящего целое к сумме частей. Однако неудовлетворительными оказались также и объяснения, даваемые холизмом и витализмом. Хотя основатель холизма Ян Христиан Смэтс и утверждает, что «целое больше, чем сумма частей, оно обладает некоторой внутренней структурой и функциями, некоторыми специфическими внутренними отношениями, которые и представляют собой это большее» [297, 103], последнее он понимает как воплощение в целом особой нематериальной силы, создающей иерархию целых, начиная с атома и кончая личностью. Витализм, апеллирующий к идеальной силе энтелехии, также не может наметить путь, ведущий к правильному пониманию биологического объекта.

Своеобразная ситуация, также подводящая ученого к выводу о несводимости целого к сумме его частей, складывается в физике. Здесь постепенное усложнение системы приводит к возникновению закономерностей, несводимых к свойствам отдельных атомов или молекул. Химик также вынужден признать, что, например, свойства полипептидной цепи не вытекают из свойств входящих в нее аминокислот.

Все эти трудности методологического порядка зависят от решения ряда сложных вопросов. Что должно выступить в качестве исходного пункта анализа — часть или целое? Можно ли представить себе целое как нечто материальное в том случае, если исходить прежде всего из него? Как можно интерпретировать это материальное? Все эти вопросы относятся к сфере всеобщей методологии, т. е. философии. При этом особое значение приобретает историко-философский анализ понятий «целое» и «часть».

§ 1. Диалектика целого и части в философии Гегеля

История классической немецкой философии может послужить отправным пунктом анализа рассматриваемых категорий, поскольку именно в ней впервые были разработаны диалектические идеи о взаимоотношении целого и частей. Фигура И. Канта как одного из основателей диалектики здесь особенно важна. Кант различает понятия органического и неорганического целого. Каждое из них характеризуется внутренней расчлененностью, т. е. наличием частей. Но если в неорганическом целом одна часть сама собой не заменяется другой частью и сама собой не исправляется, если весь предмет «приходит в расстройство», то в органическом целом части связаны между собой таким образом, что могут в случае необходимости заменить одна другую [см. 85, 255].

Идеи Канта об органическом и неорганическом целом находят свое дальнейшее развитие в философской системе Гегеля. Неорганическое целое при этом выступает как низшая, неистинная форма целого. Его можно представить как механическую сумму частей, вследствие чего неорганическое целое характеризует предмет только с его внешней стороны. В таком целом часть самостоятельна — не в том смысле, что она никак не связана с целым, а в том, что она не порождается движением этого целого: *«Механическое* отношение в его поверхностной форме состоит вообще в том, что части выступают как самостоятельные по отношению друг к другу и к целому» [47, I, 228]. Именно это отношение, по Гегелю, характерно для неживой природы. Следует отметить, что уже в тех случаях, когда речь идет о химических объектах, приходится признать наличие и других связей, хотя на первый взгляд они тождественны механическим; здесь можно говорить о наличии не только внешних связей между частями. Если по отношению к механическому, неорганическому целому Гегель употребляет понятие «агрегат», то в химических объектах существует не просто внешняя положенность, но внутреннее соотношение частей; в химии существует «абсолютное влечение соединиться друг с другом и друг через друга» [там же]. Однако ни механическое, ни химическое целое не воплощает в себе цель, не является «в-себе понятием». Воплощением «для-себя понятия», по Гегелю, является органическое целое, где части могут существовать только в результате движения целого.

По поводу различия между органическим и неорганическим целым у Гегеля К. Фишер отмечает, что в первом случае целое предшествует частям, и они считаются происходящими из него, во втором — части предшествуют целому, так что оно оказывается их простой суммой. Органическое целое «нужно понимать так, что *оно производит части, а не имеет их данными, т. к. оно не разделено, а делит себя и дифференцируется,* оно не только содержит части, но и охватывает и сдерживает их, короче говоря, оно не механическое, а энергетическое целое» (курсив наш. — *Т. Д.)* [242, 525]. Поэтому по отношению к органическому целому (например, живому организму) Гегель употребляет не только понятие «часть», но и понятие «момент»: бытие организма как целого не может состоять в его анатомической структуре; оно состоит, скорее, в движении, проходящем через различие части формообразования, в котором то, что выхватывается и закрепляется в качестве отдельной системы, по сути дела выступает как текучий момент; только в этом движении и имеют смысл анатомические части. Если в неорганическом целом части соединяются в агрегат, причем они уже как бы даны до этого объединения, то органическое целое *рождает* части в процессе собственного развития, *саморасчленяется,* дифференцируется и потому не может быть сведено к сумме, а есть внутреннее единство его собственных порожденных движением целого моментов, частей. Поскольку бытие такого истинного целого состоит в его текучести, «анатомия не может дать знание их (отдельных органов. — *Т. Д.*), т. к. моменты, воспринятые таким именно образом, принадлежат анатомии, а не познанию и живому организму... действительное выражение и внешние проявления их скорее имеются налицо только в качестве движения...» [47, II, 326]. Если движение прекращается, перестает существовать и организм вместе со всеми своими органами, частями, которые в организме всегда находятся в тесной связи друг с другом. «Знание частей тела в их лишенном жизни наличном бытии — ... еще не дает нам знание самой сути дела, содержания науки, так что мы должны сверх того позаботиться об особенном» [280, 11], и особенность эта состоит в деятельности организма: «Именно эта текучесть как равная самой себе самостоятельность сама есть *устойчивое существование* или *субстанция...* различенных членов и *для-себя-сущих* частей» [47, IV, 95].

По Гегелю, степень дифференциации свидетельствует о высоте организации; недостаточная дифференциация говорит о низкой стадии развития. Саморасчлененность, самодифференциация в процессе развития определенного качества служит доказательством того, что, например, в растении более полно, чем в неорганическом целом, воплощено понятие, или, словами Гегеля, что в природе понятию соответствует органическая жизнь. Для характеристики частей такого целого Гегель наряду с понятием «момент» употребляет также понятие «член»: «Со стороны своей внешности организм есть многообразие не *частей,* а *членов,* которые как таковые существуют только внутри индивидуальности; они отделимы, поскольку они суть внешнее и могут быть ухвачены за эту внешность, но поскольку их отделяют, они возвращаются под власть механических и химических отношений обыкновенной объективности» [там же, 227—228]. Здесь противопоставление *частей членам* имеет целью различение органического и неорганического целых. Но в других случаях Гегель отождествляет эти понятия, подчеркивая, что внутри истинного, органического целого часть оказывается моментом, членом целого.

Поскольку для Гегеля все существующее является стадией развития идеи, неорганическое целое можно считать *предпосылкой* для появления органического целого. Более высокой ступенью такого целого, по Гегелю, будет явление человеческого духа. Внутри него тоже слéдует выделять различные моменты. В отличие от Канта, Гегель рассматривает созерцание и мышление как моменты развития духа. В непосредственном созерцании предмет дается человеку в целом, но такое познание еще не является конкретным: созерцание должно быть опосредовано мышлением, только тогда предмет предстанет перед человеком в его конкретном многообразном единстве [см. 47, III, 252]. Абсолютизируя одну сторону человеческой деятельности — мышление, Гегель превращает его в субстанцию, абсолютную идею, которая и выступает как истина, как истинное целое. Сущностью идеи является деятельность, в которой она сама себя расчленяет, выделяет различные свои стороны, или моменты, а затем столь же необходимо «снимает» их и вычленяет иные. Характеризуя идею, Гегель и говорит об истинном целом и его моментах (частях): «...их текучая природа делает их в то же время моментами органического единства, в котором они не только противоречат друг другу, но один так же необходим, как и другой, и эта одинаковая необходимость только и создает жизнь целого» [там же, I, 270].

Таким образом, по Гегелю, целое может появиться только в конце развития как его результат, и результат этот предстает как непосредственно данное, хотя это непосредственное опосредовано длительным предшествующим развитием. Поэтому идея как целое оказывается и абстрактным (в начале развития), и конкретным (в конце пути). Здесь видна связь понятия целого с понятием сущности: первоначальное целое оказывается абстрактным потому, что оно выражает собой сущность менее глубокую, тогда как проникновение в сущность более высокого порядка дает знание конкретного целого. Выяснение взаимоотношения целого и частей как существенного дает основания для квалификации целого как определенной формы существования сущности. Но такое определение целого можно сформулировать только на базе преодоления гегелевского идеализма, «снятия» абсолютной завершенности целого в виде абсолютной идеи, что было осуществлено в марксизме.

§ 2. Диалектика целого и части в марксистско-ленинской философии

Широко известны слова К. Маркса о том, что при теоретическом анализе предмет «как целое» должен «витать» в представлении исследователя [см. 1, 12, 728], для того чтобы анализ мог вестись в том направлении, в котором не утрачивается специфика этого целого. Речь идет о том, что при первоначальном подходе к предмету различные его стороны выступают как несвязанные (иногда даже как противоречащие друг другу), внеположенные, т. е. еще не как части данного предмета. Для того чтобы они стали таковыми, они должны быть каким-то образом объединены, связаны. И способом такого связывания выступает понятие сущности. Предмет не может быть представлен через сумму составляющих его частей потому, что они возникают и существуют только в единой системе, т. е. на основе определенного типа соединения; только в этом случае они становятся частями. Следовательно, этот особый принцип связывания частей и соответствующая ему внутренне единая система оказываются различными формами бытия одного и того же предмета: внутренний тип связи обнаруживает себя как сущность, а целое — как предметное выражение сущности. Только на основе проникновения в сущность вещи можно понять ее специфику, а затем представить во внутренней расчлененности.

Целое, таким образом, не сводится к агрегату частей, но включает в себя принцип их связи (который затем обусловливает и их функционирование), т. е. сущность; оно в то же время оказывается характеристикой сущности со стороны ее предметного воплощения. Сущность выступает как бы «в одежде», «в обличье», «в образе» того предмета, сущностью которого она является. К. Маркс определяет целое как исходный пункт теоретического анализа именно потому, что оно представляет собой ту форму, посредством которой осуществляется проникновение в сущность вещи.

Предмет можно рассматривать как простую сумму частей только тогда, когда части берутся уже как имеющиеся, как наличные. Но если исходить из признания развития объекта, то части должны быть взяты как его моменты, выделяемые в ходе движения данного объекта в целом. «Сумма» с этих позиций — понятие, характеризующее предмет с внешней стороны, или внешняя сторона целого.

Этот тезис можно проиллюстрировать, рассмотрев Марксов анализ прибыли. В процессе производства и воспроизводства капитал самим ходом своего движения делится на промышленный, торговый и ростовщический; различные формы существования и функционирования капитала обусловливают и различные формы прибыли, а также различные способы ее образования (т. е. членения). Торговый капитал сам не производит прибыль, но, будучи частью всего капитала, участвует в ее образовании и потому имеет право на получение прибыли при ее распределении. В средней доли прибыли уже учтена та доля, которую получит торговый капиталист. В таком саморасчленении прибыли каждая ее доля, часть выделяется с необходимостью, определенной развитием целого. Будучи его особым моментом, каждая часть специфична, отличается от других частей и определенным образом с ними взаимодействует. К. Маркс подчеркивает, что понять специфику каждой части прибыли можно только в том случае, если рассмотреть ее в целом, то есть как определенную функционированием всего капитала.

Особый интерес представляет взаимодействие предпринимательского дохода и процента. Особенность той доли прибыли, которая составляет процент, заключается в том, что форма процента скрывает истинные процессы, происходящие в капиталистическом обществе, в результате чего процент кажется следствием таинственной внутренней способности денег самовозрастать. При этом форма процента придает другой части прибыли — предпринимательскому доходу — вид «платы» за «труд», так что деятельность промышленного капиталиста кажется «трудом по управлению»: «Он, дескать, создает прибавочную стоимость не потому, что он работает *как капиталист,* а потому, что он, капиталист, тоже *работает»* [1, 26, III, 520]. Эта видимость возникает вследствие того, что в сделках между кредитором и заемщиком завуалированы все опосредующие сделку процессы, так что процент представляется только результатом заключенной сделки как юридического договора. Поэтому процент как цена капитала есть выражение иррациональное. В действительности же *«процент* есть не что иное, как часть прибыли... выплачиваемая промышленным капиталистом собственнику того чужого капитала, с помощью которого он исключительно или частично „работает"» [там же, 493]. Процент представляется продуктом самого капитала, поскольку он — персонификация его как функционирующего капитала. Но в действительности процент есть та доля прибыли, которая остается за вычетом из прибыли предпринимательского дохода и ренты. Хотя по отношению к торговому капиталу и может возникнуть видимость того, что его прибыль объясняется «надувательством» (при покупке и продаже товаров для промышленника), все же, как указывает Маркс, прибыль объясняется здесь из *общественных отношений,* из обмена, а не из вещи; «в капитале, приносящем проценты, получает свое завершение этот *автоматический фетиш,* самовозрастающая стоимость, деньги, создающие деньги, и в этой форме он уже не несет на себе никаких следов своего происхождения. Превращение общественного отношения в отношение вещи (денег, товара) к себе самой здесь завершено» [1, 26, III, 475].

Прибыль капиталиста-производителя и капиталиста-торговца относится к предпринимательскому доходу, т. е. составляет часть той прибыли, которая достается на долю действующего капитала. Тот капитал, который ссужается, образует прибыль в особой форме, как уже говорилось, в форме процента на капитал, и кажется самопорождением денег, являясь причиной возникновения взгляда на деньги как на обладающие таинственной мистической способностью возрастать вне зависимости от каких-либо условий. Эта таинственность «снимается» только при рассмотрении процесса возникновения прибыли в целом. Маркс показывает, что, хотя различные части прибыли и выступают в такой форме, которая скрывает действительные процессы производства в капиталистическом обществе, все они являются частями неоплаченного труда рабочих. Поэтому части и целое выражают одну и ту же природу, одну и ту же сущность. Если различные части прибыли и выступают в превращенной форме, скрывающей их истинную природу, то причиной этого является то обстоятельство, что вся прибыль в целом оказывается превращенной формой прибавочной стоимости, формой, «в которой ее происхождение и тайна ее бытия замаскированы и скрыты» [1, 25, I, 55]. Вместе с тем Маркс подчеркивает, что «чисто количественное деление валовой прибыли между двумя различными лицами, имеющими различные юридические титулы на один и тот же капитал, а потому и на произведенную им прибыль, превращается в качественное деление» [там же, 411]. Оно выражается в том, что процент — это не та доля прибыли, которая просто выделяется одному лицу другим согласно договору, а «есть плод капитала самого по себе» [там же], т. е. выделяется в процессе движения всего капитала в целом. Иными словами, это выделение обусловлено движением и развитием внутренне противоречивого целого.

Если бы исследователь исходил только из выступающих на поверхности процента, ренты и предпринимательского дохода, вряд ли он был бы способен понять суть капитализма. Если бы он не исходил из сути капитализма, он не смог бы не только понять сущность прибыли, но и разложить ее на такие части, как предпринимательский доход, ренту и процент, объяснив их выделение внутренне противоречивым движением данного явления как целого. Чисто количественный подход характеризует предмет лишь с внешней стороны, поэтому сказать, что прибыль состоит из различных частей, — значит не сказать почти ничего. Исследование должно исходить из прибыли как целостного явления капиталистического общества, только в ходе развития которого и выделяются различные его стороны, части, моменты, особенность которых обусловлена ходом самого развития этого целого.

Таким образом, диалектика целого и части состоит в том, что в процессе развития предмета как целого происходит его самодифференциация, выделение различных частей. После того как выделились эти части, предмет можно рассмотреть и со стороны их суммы, однако при этом не нужно забывать о том, что такой подход ограничен. Оставляя в стороне вопрос о сущности предмета или явления, он не позволяет понять специфику целого и объяснить функционирование его сторон именно как частей данного объекта. Интерпретация целого как внутреннего единства частей, в отличие от их простой суммы, является плодотворной методологической установкой при изучении различных объектов, идет ли речь о живом организме, произведении искусства или общественном целом. Диалектико-материалистический подход к анализу целого и частей доказывает свою эффективность в самых разных областях человеческого знания.

Диалектика части, целого глубоко исследована в работах В. Г. Афанасьева, И. В. Блауберга, В. И. Свидерского, Г. А. Югая и многих других. Это сегодня, пожалуй, одна из наиболее разработанных областей марксистско-ленинской философии. И все же в последние годы естествознание, в частности физика элементарных частиц, вновь выдвинуло проблему взаимоотношения части и целого. Речь идет о таком на первый взгляд парадоксальном явлении, как существование части больше целого. Действительно, здравый смысл подсказывает нам, что часть, являясь именно частью, входя в целое, никак не может быть больше целого. Но диалектическое понимание части не имеет ничего общего с обыденным представлением о части как о чем-то пространственно, количественно и качественно меньшем относительно целого. Часть в диалектическом понимании есть система, входящая в целое лишь какой-то одной стороной, гранью, функцией. Вполне понятно поэтому, что, скажем, протон может быть «больше» атомного ядра водорода или гелия. Протон, являясь частью атомного ядра, взаимодействует с другими элементарными частицами лишь одним или несколькими своими свойствами. И в этом смысле со стороны этих свойств, под углом зрения этих свойств он «меньше» атомного ядра. Но рассматриваемый в более широком аспекте, в единстве более широкого круга его разнообразных свойств он может быть «больше» атомного ядра. Сегодня физики вполне серьезно и доказательно рисуют нам картину мира, где структура материи выглядит, мягко говоря, несколько необычно. Академик М. А. Марков пишет: «... в отличие от традиционной идеи о структуре материи, согласно которой объекты строились из частиц все меньших и меньших масс, возникла идея строить частицы данных масс из более фундаментальных частиц, обладающих большими массами» [131, 71]. Например, протон гипотетически состоит из трех кварков, а кварк почти в 10 раз тяжелее протона. Физически здесь все понятно. В процессе «склеивания» кварков в адрон «лишняя» масса образует энергию связи и именно величина этой энергии связи кварков в адроне и не дает пока возможности их расщепления. Но дело здесь не в конкретных физических свойствах микромира, а в факте самого существования частей, в определенном отношении превосходящих целое. Подобное явление мы наблюдаем не только в микромире. Например, в растительном и животном мире индивид как часть вида по своей организации безусловно превосходит вид, да и социальный организм пока в определенных отношениях менее организован, чем его основной элемент — человек.

Глава XIX. СУЩНОСТЬ И ЯВЛЕНИЕ

По мере накопления знания о законах функционирования и развития исследуемого объекта возникает потребность в объединении всех этих знаний в единое целое, установлении взаимозависимости между всеми необходимыми сторонами, свойствами и связями, выведении их из единого принципа. Этот момент развития познания представляет ступень раскрытия сущности материального образования. Сущностью вещи является совокупность всех ее необходимых свойств и связей, взятых в их естественной взаимозависимости, «в их живой жизни» (В. И. Ленин).

Поскольку сущность представляет собой целое, расчлененное на множество взаимосвязанных сторон, отношений, выражающее необходимое в чистом виде, воспроизвести ее в познании можно только через систему идеальных образов, понятий, только путем построения соответствующей теории.

Отражая внутреннее, необходимое в вещи, категория «сущность» возникает, формируется и развивается в единстве с категорией «явление», отражающей обнаружение сущности через массу случайных свойств и связей, проявляющихся в результате взаимодействия вещи с другими вещами. Категории «сущность» и «явление» образуют диалектическую пару, которая в концентрированном, целостном виде выражает противоречие, уже подвергшееся теоретическому осмыслению через такие категории, как «внутреннее» и «внешнее», «причина» и «следствие», «необходимость» и «случайность», «закон».

§ 1. Категории «сущность» и «явление» в домарксовской философии

Проблема сущности и явления — одна из традиционных философских проблем — имеет длительную историю и не потеряла своей актуальности в настоящее время.

В древнегреческой философии сущность рассматривалась прежде всего как основа для понимания того, от чего она абстрагирована. Если она выводит познание за пределы непосредственно данного, то именно для того, чтобы сделать мыслимым, постижимым, объяснимым само это непосредственно данное. Иначе говоря, движение от явлений к сущности заключает в себе одновременное движение от сущности к явлениям.

Такая трактовка отношения сущности и эмпирически наблюдаемой картины явлений уже тогда обнаружила важное методологическое значение. Характерно в этом отношении различие концепций Демокрита и Платона. Платон относил сущность к миру идей, существующих вне чувственно воспринимаемых вещей. Но тем самым сущность выносилась за пределы подлинных интересов и целей познания. Аристотель резко критиковал платоновские идеи за их умозрительный характер. Идеи, утверждал Аристотель, «ничего не дают для познания всех остальных предметов... и точно так же они бесполезны для их бытия, раз они не находятся в причастных к ним вещах... В таком случае все исследование природы оказывается упраздненным» [18, 37].

Демокрит исходил из того, что существенное содержание, интересующее познание, заключено в самом вещественном, чувственном мире, который во всем многообразии своих эмпирических проявлений становится полноправным объектом истинного знания. Общие принципы, которые постулировал Демокрит (равномерное распределение, аналогия, безначальность, причинность и пр. [см. 118, 144—145]), вырастали из его попыток объяснить и понять явления чувственного мира. Эти принципы, по Демокриту, должны служить основой выведения явлений, возвращения к ним научного познания в его результатах. Они есть то «неявное», к чему с необходимостью проникает взор через «явное».

Другую важную характеристику сущности сформулировал Аристотель: сущность есть то, что не высказывается о подлежащем. Это значит, что сущность понимается как основание определенности, своеобразия вещи, «остов» различных ее свойств в их специфической взаимосвязи. К тому же в аристотелевской, а особенно в платоновской, философии ясно выступило расщепление логического содержания сущности на конкретно-всеобщее и общее.

Древнегреческие философы часто отождествляли сущность с причиной. Это было обусловлено не только тем, что сущность действительно включает в себя причинное отношение, но и неразвитостью философской терминологии. Греки с их стихийно-диалектическим взглядом на мир само понятие причины подчиняли задаче отобразить качественное разнообразие связей действительности. Четыре рода «причин» Аристотеля (материальная, действующая, формальная, целевая) были попыткой охватить богатство всеобщих связей вещей, безусловно не сводимых к причинной связи как таковой. То, что этих причин устанавливается четыре, говорит о разноплановости и несводимости друг к другу тех отношений, внутри и под действием которых возникает и существует вещь.

Категории «сущность» и «явление» в древнегреческой философии формировались на почве стихийно-диалектического воззрения на мир и впитали в себя диалектические подходы, догадки, «запросы» в познании природных и общественных явлений. В. И. Ленин, отмечая зародыши диалектического понимания действительности в древнегреческой философии, один из его моментов усматривал именно в осознании противоположности «между тем, что есть в себе, и тем, что есть бытие-для-другого этого сущего в себе» [3, 29, 226]. Категории «сущность» и «явление» фиксировали во всеобщей форме эту противоположность, выступая логическими средствами отражения реальных граней объективной диалектики.

Характерной чертой философии и науки нового времени стало сведение существенных свойств вещей к неизменным, вечным, абстрактно-математическим и механическим отношениям. Сущность вещей тем самым как бы изымалась из их непосредственного существования (как оно дано в их явлениях), противопоставлялась изменчивости и субъективности чувственно воспринимаемых качеств. Существенными признавались только неизменные, независимые от чувств, умопостигаемые свойства предмета, такие, как протяженность в пространстве, фигура, движение. Метафизическая трактовка сущности была связана с идеей абсолютного знания: неизменность сущности гарантировала неизменность, абсолютность открывшего ее познания.

Если древнегреческие философы пытались найти в сущности такое содержание, благодаря которому она не сводима к абстрактно-общему, то трактовка сущности, сложившаяся на почве механистического воззрения на мир, превращает ее в некий самодовлеющий «кирпичик» — результат расчленения и анализа, абстрактную общность свойств вещей. При этом категории «сущность» и «явление» утрачивают такие характеристики, в соотношении которых выражается особый тип диалектической связи. В рамках метафизического способа мышления сущность не может быть представлена как форма движения мысли к раскрытию специфического единства сторон предмета.

Аналитический метод, утвердившийся в науке и философии нового времени, господствовал более трех столетий. Источником его прочности и относительной плодотворности было то, что он соответствовал как свойствам объектов механико-математического исследования, так и задачам того этапа в развитии научного познания, когда оно занималось в основном упорядочением и классификацией быстро растущего эмпирического материала. Но в этом же заключалась несостоятельность его претензий на универсальность. Когда прогрессирующее научное познание подошло к решению более сложных познавательных задач, связанных с теоретическим обобщением, целостным осмыслением накопленного материала, возникла настоятельная потребность в преодолевающем ограниченность абстрактно-аналитического подхода диалектическом способе мышления.

Новая ступень развития научного и философского знания была связана с глубоким переосмыслением категориального аппарата мышления. В гегелевской Логике, выступившей исторически первым всеобъемлющим и сознательным выражением диалектики, блестяще развиты идеи диалектической связи сущности и явления. «Часто пользуются категорией сущности абстрактным образом, — пишет Гегель, — и затем при рассмотрении вещей фиксируют их сущность как нечто равнодушное к определенному содержанию своего явления и само по себе существующее... Но при этом не нужно упускать из виду, что сущность и, далее, внутреннее находят свое подтверждение единственно лишь в том, как они выступают в явлении» [47, I, 194].

Согласно Гегелю, движение познания от явления к сущности имеет основу в объективном противоречивом единстве сущности и явления. Поэтому в познании вещей следует исходить не из сущности или явления в их обособленности, а из их взаимосвязи, взаимоотражения. Отражение сущности в явлениях и явлений в сущности Гегель рассматривал как объективный процесс и критиковал его субъективистское понимание как лишь движение «силы суждения», подводящей непосредственные представления под некоторые всеобщие определения. В. И. Ленин высоко оценил эти гегелевские идеи: «Гегель за „объективную значимость" кажимости, „непосредственно данного" ... Философы более мелкие спорят о том, сущность **или** непосредственно данное взять за основу (Кант, Юм, все махисты). Гегель вместо *или* ставит **и**, объясняя конкретное содержание этого „и"» [3, 29, 120].

По Гегелю, сущность находится не по ту сторону явлений, а содержится в них самих, как их собственная связь. «Многообразие созерцания», составляющее опыт, противостоит понятию в том случае, когда берется как безразличное многообразие. Понятие «снимает» это безразличие эмпирических содержаний, выражая единство чувственного многообразия, постигнутого в его внутренней необходимости.

Диалектическая позиция позволила Гегелю дать правомерную и конструктивную критику господствовавшего в современном ему естествознании односторонне-аналитического метода, абсолютизирующего механические связи как единственно объективные и познавательно значимые и редуцирующего к ним более сложные связи, требующие для своего раскрытия и воспроизведения более конкретные и содержательные категории. Гегелевская критика аналитического метода не потеряла своей актуальности и в наши дни, поскольку механицистские тенденции воспроизводятся современными буржуазными концепциями, спекулирующими на противоречивом развитии современного научного познания (физикализм, редукционизм в биологии, новые варианты социал-дарвинизма и т. п.).

Вместе с тем диалектический метод в том его виде, в каком он непосредственно представлен в гегелевской идеалистической философии, не мог быть активно ассимилирован конкретно-научным познанием, пронизанным стихийно-материалистической ориентацией. Идеалистический характер гегелевской диалектики проявился в отрыве познающего мышления от чувственного мира. Диалектика Гегеля основывается на идеалистическом принципе тождества бытия и мышления, в соответствии с которым истинность и объективная содержательность мышления выводятся из его тождества с бытием, но то бытие, с которым имеет дело мышление, заведомо находится внутри мышления.

§ 2. Марксистское понимание диалектики сущности и явления

В марксистской философии содержание категорий «сущность» и «явление» раскрывается в связи с определением задачи науки, состоящей, согласно К. Марксу, «в том, чтобы видимое, лишь выступающее в явлении движение свести к действительному внутреннему движению» [1, 25, I, 343]. Такое определение предполагает признание объективного различия и противоположности сущности и явлений, которые одновременно и обнаруживают сущность, и скрывают ее в совокупном результате взаимного опосредствования, в силу чего необходима особая деятельность по выявлению скрытой основы видимой картины явлений.

Согласно К. Марксу, «внутреннее движение» предмета — это механизм его функционирования «в чистом виде», не нарушаемом влиянием таких факторов, которые не вытекают из имманентных законов данного процесса. Поскольку выделение этого механизма «в чистом виде» возможно только с помощью «силы абстракции» или в искусственных условиях эксперимента, постольку сущность всегда абстрактна по отношению к реальному протеканию исследуемого процесса.

К. Маркс в «Капитале» специально раскрывает и поясняет этот методологический смысл категорий «сущность» и «явление», в котором активно реализуется диалектико-материалистическая трактовка мира и познания. Абстрактность сущности (закона, «внутреннего механизма») не означает, что она не существует объективно, является лишь мыслительной конструкцией, обусловленной особенностями и целями познавательной деятельности. «Абстрактное» рассмотрение предмета фиксирует реальное действие закона, прокладывающего себе путь и осуществляющегося в бесчисленной массе своих отклонений, отражает совокупный результат взаимодействия явлений, существующий как их собственная скрытая средняя норма.

Методологическая роль категорий «сущность» и «явление» неотделима от объяснительной функции теории. Научное познание предполагает умение поставить факты в правильную связь, а следовательно, выделить сущность как необходимую основу, из которой можно вывести, понять, объяснить все многообразие наблюдаемых явлений в их видимой хаотичности и противоречивости. Поэтому диалектико-материалистическая методология несовместима с эклектицизмом, описательством, рядоположным изложением существенных и несущественных фактов, затушевыванием главного за счет второстепенного, нагромождением подробностей, за которыми исчезают их действительная внутренняя связь, общая картина, существо происходящих процессов. В. И. Ленин, критикуя методологию буржуазных исследователей, обращал особое внимание на эту сторону дела: «Чрезвычайно поучительно в этом отношении, что ходячими словечками буржуазных экономистов, описывающих новейший капитализм, являются: „переплетение", „отсутствие изолированности" и т. п. ... Что же выражает это словечко „переплетение"? Оно схватывает лишь наиболее бросающуюся в глаза черточку происходящего у нас перед глазами процесса. Оно показывает, что наблюдатель перечисляет отдельные деревья, не видя леса. Оно рабски копирует внешнее, случайное, хаотическое... Но то, что̀ лежит в подкладке этого переплетения, — то, что составляет основу его, есть изменяющиеся общественные отношения производства» [3, 27, 424—425].

Научное изложение фактов требует объяснения их из того, что лежит в их «подкладке», что составляет их основу. Эту функцию и выполняет теория благодаря тому, что отвлекается от тех обстоятельств, которые не необходимы, неспецифичны для исследуемого процесса, но тем не менее всегда реально включены в него, модифицируя его течение. Однако в этом выражается не ограниченность научного познания, а единственно возможный способ его осуществления. В этом плане исключительно интересен ленинский анализ Марксовой теории стоимости, которая «предполагает и должна предполагать равенство спроса и предложения» и вместе с тем «отнюдь не утверждает, чтобы в капиталистическом обществе всегда наблюдалось и могло наблюдаться такое равенство. Как и всякий другой закон капитализма, закон реализации „осуществляется лишь путем неосуществления"» [3, 4, 70].

Чем же обеспечивается правомерность такой абстракции? Чем отличается она от произвольных объяснительных фикций? В чем критерий истинности закона, если он «осуществляется лишь путем неосуществления», выражает лишь «идеальное» состояние предмета, а не его действительность?

Во-первых, соответствие теории эмпирически констатируемым фактам нельзя понимать как возможность прямого подведения фактов под теорию или их непосредственного выведения из нее. Явление — не только и не просто результат действия закона: закон действует в конкретных изменяющихся условиях, неизбежно включающих разного рода привходящие, случайные обстоятельства, которые и определяют в своей совокупности своеобразие форм его проявления. В этом смысле явление никогда полностью не выводится из сущности — абстрактного закона, а потому включает в себя момент относительной независимости от последнего. Поэтому объяснение явлений требует раскрытия не только их внутренней необходимой связи — сущности, но и анализа конкретных условий места и времени, внутри которых сущность часто проявляется в затемняющей, искажающей и даже противоречащей ей форме.

При непосредственном сопоставлении внутреннего механизма того или иного процесса и его внешних проявлений может возникнуть видимость их дуализма: сущность покажется некоей метафизической константой, единственно достойной познания, а явления с их пространственно-временными измерениями — «дурной эмпирической бесконечностью», остающейся за пределами подлинного познания. Важнейшее требование диалектико-материалистической методологии — конкретный анализ конкретной ситуации — направлено против догматической фетишизации законов и отражающих их понятий, которая, имея своим гносеологическим корнем реальное несовпадение сущности и форм ее проявления, раздувает это несовпадение до их метафизического противопоставления. Рассмотрение предмета или процесса «в чистом виде» как неотъемлемый закон теоретического исследования ни в коем случае не является его конечным, завершающим этапом, не исчерпывает его задач. Наука вскрывает внутреннюю связь, сущность не для того, чтобы остановиться на ней, противопоставив ей «случайную эмпирию». Она, напротив, должна объяснить именно эту эмпирию, представить ее как проявление опосредствующейся в ней сущности. Эта методологическая позиция марксистской теории познания противостоит как поискам «абсолютных» сущностей, так и позитивистскому игнорированию объяснения фактов из того, что к ним непосредственно не сводится. В диалектическом материализме сущность понимается не как объяснительная фикция, удобно располагающая материал в целесообразном порядке, а как реальная связь, объективное существование которой дано в совокупном результате его проявлений, как их закон, или необходимая тенденция.

Во-вторых, марксистская теория познания содержит в себе ориентиры, позволяющие провести на уровне общеметодологического подхода разграничительную линию между научной и ненаучной абстракциями. Существенная черта научной абстракции — ее конкретно-исторический характер. Она должна выражать не только то, что она отвлекает, но и то, от чего она отвлекается, т. е. включать в себя отношение к некоторому конкретному целому, от которого она в своей определенности отвлечена. Именно это отношение к целому характеризует теоретическое понятие как форму действительно постигающего мышления. В противном случае оно превращается в «голую» абстракцию, лишенную конкретного (исторического) содержания, а следовательно, и реального познавательного значения.

Продуцирование таких «голых» абстракций путем метафизического вырывания исследуемых сторон из живой связи с конкретным целым, определяющим их реальное содержание, всегда было излюбленным приемом буржуазных экономистов и социологов, объективно выполняющим апологетическую функцию. Буржуазные социологические теории, как правило, апеллируют к «естественному», «вечному», «разумному», но реальное содержание этих теорий естественно и вечно лишь с точки зрения эксплуататорского класса, поскольку выражает условия его существования и господства. Классики марксизма показали несостоятельность абстрактно-догматических рассуждений, исходящих из внеисторических представлений о «населении вообще», «личности вообще», «демократии вообще», «свободе вообще», «революции вообще» и т. п. Стремление искать ответы на конкретные вопросы в простом логическом развитии некоторых общих положений есть, с точки зрения В. И. Ленина, «опошление марксизма и сплошная насмешка над диалектическим материализмом» [3, 3, 14].

Разумеется, конкретно-исторический подход не сводится к простым ссылкам на факты, конкретные примеры, частности, детали. Его задача состоит не в том, чтобы набрать побольше фактов, а в раскрытии их глубинной связи, в понимании отдельного факта с точки зрения объективных законов и тенденций процесса, в который он включен, в выявлении смысла и значения фактов исходя из специфической сущности целого, моментами которого они являются. Иначе говоря, историческая конкретность научной абстракции определяется не тем, в какой мере она наглядна, а тем, насколько точно фиксируется в ней отношение к целому, определенную сторону которого она отражает. К. Маркс в письме к Клуссу писал, что он противник «абсолютной науки» [см. 1, 28, 471], т. е. науки, растворяющей конкретно-историческое содержание в неподвижных абстракциях. Неправомерен отрыв сущности от того исторического процесса, внутри которого она формируется. Если она и теряет при этом такие качества, как неизменность, безусловность и т. п., то это является необходимым условием ее реального значения как сущности данного конкретного процесса.

В современную эпоху, характеризующуюся переходом человечества к радикально новому типу общественного устройства и развертыванию научно-технической революции, в «век атома», гена и космоса, проблема сущности и явления не отходит на задний план, не вытесняется другими проблемами, но все более полно раскрывает свое живое диалектическое содержание. Осуществление всемирно-исторических преобразований возможно лишь на основе сознательного управления общественными и природными процессами, требует истинного познания существенных закономерностей развития социальных и природных явлений. Именно в настоящее время с небывалой остротой встают вопросы о сущности человека, о сущности жизни, о сущности истории, о сущности культуры, о глубинных основах единства человека и природы, человека и истории и т. п. Все более четко определяется человеческий (в широком историческом плане) аспект проблемы сущности и явления, понимание того, что познание человеком мира, каков он сам по себе, есть вместе с тем выражение и утверждение человеческих общественно развитых возможностей, что овладение человеком объективно-предметными сущностями есть вместе с тем развитие и обогащение собственно человеческих сущностных сил.

Особое значение приобретает и методологическая функция категорий «сущность» и «явление», их конструктивная роль в рациональном осмыслении особенностей (трудностей, противоречий) современного научного познания.

Характерной чертой современного этапа научного познания является чрезвычайное усложнение связей между глубинными и эмпирически констатируемыми уровнями объективной реальности. Познание проникает к таким «диковинным» объектам, углубляется в такие далекие от наглядности и непредставимые с помощью привычных образов свойства и закономерности, путь от которых к чувственно фиксируемым явлениям опосредствуется огромным количеством промежуточных звеньев. Объективное бытие такого рода объектов обосновывается с помощью принципа наблюдаемости, опирающегося на диалектико-материалистическую трактовку сущности и явления[1].

Существенной особенностью современной науки является возрастающая роль субъективного фактора. Осознание этого становится активной методологической установкой. Преодолеваются свойственные классической науке представления о рядоположности субъекта и объекта познания, некритическая абсолютизация объекта, вырывающая его из конкретной познавательной ситуации (включенной, в свою очередь, в конкретный социально-исторический контекст), выявляется более сложный характер диалектики сущности и явления.

Наконец, стремительные темпы развития современной науки тесно сопрягают проблему сущности и явления с проблемой абсолютного и относительного [см. 69, 174—175]. Прогресс науки опровергает представления об «абсолютных» сущностях, о завершенном знании, о возможности для познания остановиться на некоторых изначальных «кирпичиках» мироздания, упереться в его «последний край», подтверждает, конкретизирует диалектико-материалистический тезис о том, что ««сущность» вещей или «субстанция» *тоже* относительны; они выражают только углубление человеческого познания объектов» [3, 18, 277]. Сущности предстают в этом аспекте как вехи безграничного развития познания, как такие результаты познания, которые оказываются трамплином его последующего движения, началом нового рывка, как такой доступный рубеж, который неизбежно «снимается» дальнейшим ходом познающей мысли.

Итак, можно с полным основанием сказать, что в русле идущего широким фронтом процесса диалектизации науки старейшая проблема сущности и явления обнаруживает «новое дыхание», раскрывает новые свои глубины и содержательные грани.

---

[1] «Содержание принципа наблюдаемости, отрицающего существование принципиально ненаблюдаемых физических объектов, может быть сформулировано на языке категорий материалистической диалектики, таких, как сущность и явление...» [252, 44].

Глава XX. ОСНОВА И ОБОСНОВАННОЕ

Воспроизведение сущности в системе идеальных образов предполагает выделение в исследуемом целом определяющего звена (свойства, отношения), опираясь на которое можно было бы перейти ко всем другим необходимым сторонам, свойствам, составляющим сущность, установить взаимосвязь между ними. Это определяющее звено (свойство, отношение) отражается через категорию «основа», а все другие необходимые свойства (стороны), объясняемые из основы, — через категорию «обоснованное».

§ 1. Разработка категорий «основа» и «обоснованное» в домарксовской философии

В древнегреческой философии категория «основа» выражала представление о первооснове мира. Древнегреческие мыслители пытались из единой материальной основы объяснить качественное многообразие вещей, причинную обусловленность явлений. У материалистов основа выступала в качестве чувственно-всеобщего материального явления («вода» Фалеса, «воздух» Анаксимена, «огонь» Гераклита); она функционировала через взаимодействие противоположностей (например, «уплотнение» и «разрежение» Анаксимена).

В системе объективного идеализма Платона основой мира изменчивых вещей является мир вечных, неизменных идей. Из одних идей, более общих и фундаментальных (основы), Платон выводит другие идеи, менее общие (обоснованное). Идея, по Платону, и есть основание существования вещи.

Аристотелем диалектика основы и обоснованного была выражена применительно к объективной действительности через диалектику взаимосвязи материи и формы, применительно к познанию, мышлению — через закономерности определения понятий и выведения содержания науки из первоначал. Именно Аристотель впервые заметил тот факт, что движение происходит от низшего к высшему, от одностороннего, абстрактного содержания к все более богатому конкретному содержанию. Диалектика основы и обоснованного в логической форме выражается в этом движении от абстрактного к конкретному, отражающему тенденцию развития материи от низшего к высшему.

Дальнейшая разработка проблемы основы и обоснованного осуществлялась в философии нового времени. Ф. Бэкон отождествлял основу с причиной, поэтому проблема основы и обоснованного раскрывается в его концепции причинной и закономерной связи, рассматриваемой в качестве момента всемирной связи, и в его учении об определяющей роли формы. У Б. Спинозы понятие «основа» выступает в качестве фундаментального принципа его философской системы, воспроизводящей структуру связи основы и обоснованного через выделение атрибутов и модусов. Атрибуты составляют область сущности, модусы — область явления. В данной схеме Спиноза схватывает главное во взаимосвязи основы и обоснованного, не выражая, однако, в полной мере диалектику взаимоперехода указанных всеобщих форм бытия. Положение Спинозы о том, что у всякой вещи должно быть «основание» ее существования, конкретизирует Г. В. Лейбниц в своей формулировке закона достаточного основания как универсального принципа бытия и мышления. У Лейбница функцию основания объективно существующих явлений выполняют так называемые монады, представляющие собой духовные атомы, из которых выводится (обосновывается) все многообразие существующих вещей.

В классической немецкой философии впервые была сделана попытка в систематизированной форме теоретически осмыслить понятия «основа» и «обоснованное». И. Кант, выявляя во всей полноте синтетическую связь основы и обоснованного, разграничил логическое основание рассуждения и реальное основание объективного процесса. По Канту, основание есть не что иное, как логическое основание, и согласно закону тождества связь основания с обоснованным следует понимать логически. Реальное основание — это основание, из которого следствие вытекает не согласно закону тождества; здесь отношение основания и обоснованного связывается с природой противоречия.

И. Г. Фихте стремится преодолеть кантовский дуализм, отказавшись от признания «вещи в себе». В качестве основания он рассматривает духовное начало, абсолютное самосознание «Я», из которого он пытается вывести всю действительность. По Фихте, «Я» полагает самое себя и объект своей деятельности «не-Я». Дедукция основных категорий является деятельностью абсолютного «Я». Требуя от понятия «основы» монистичности, всеобщности и развития, Фихте, однако, не смог преодолеть противоречия между идеей абсолютного самосознания и идеей развития. Выдвинув принцип активности (деятельности), он рассмотрел ее формально. Синтетический метод Фихте, указывает Гегель, в форме триады привносится извне в исследование объекта, является внешним по отношению к нему. Основа должна быть саморазвивающейся, что, с точки зрения Гегеля, осуществимо лишь в историческом процессе.

Гегель всесторонне представил диалектику категорий «основа» и «обоснованное», правда, в рамках идеализма. Согласно Гегелю, основание показывает, на чем держится сущность и чем она определяется. Он рассматривает основание как самый глубокий момент сущности и при этом подчеркивает, что *«сущность определяет самое себя как основание»* [48, 2, 70]. Мысль Гегеля о том, что сущность представляет собой единство основы и обоснованного, глубока по своему содержанию. Основа выступает деятельным началом и, порождая то или иное конкретное образование, развертывается в обоснованном и становится его сущностью.

Учение Гегеля отражает объективную диалектику категорий основания и обоснованного, присущую как внешнему миру, так и познанию. Вычленяя гносеологический аспект проблемы, Гегель показывает отражение механизма превращения основы в обоснованное в движении мышления в процессе познания от явления к сущности.

§ 2. Диалектика основы и обоснованного

В советской философской литературе довольно часто вместо понятия «основа» используется понятие «основание». Это вызвано тем, что до сих пор отсутствует развернутое, общепринятое определение категории «основа». Основание — это форма осмысления основы. В основании основа может быть выражена адекватно и неадекватно (искаженно), полно и неполно, поэтому различаются формальное, реальное и полное основания. Лишь «полное основание» адекватно отражает основу. Когда те или иные авторы в философской литературе употребляют понятие «основание», они имеют в виду «полное основание», правильно отражающее действительное положение вещей, т. е. реально существующую основу. Без понятия «основа» невозможно раскрыть сущность исследуемого объекта. Выступая в качестве определяющего свойства или отношения, основа существенным образом влияет на все другие необходимые стороны и связи объекта, обусловливает их изменение и развитие. Таким образом, основа — это базовый источник сущности и сущностных отношений объекта.

Основа составляет главное в сущности. Другая часть сущности — совокупность необходимых свойств и отношений, обусловленных главным определяющим звеном, — есть обоснованное. Возникая в результате функционирования и изменения основы, обоснованное отличается от основы, обладает относительной самостоятельностью, хотя и составляет вместе с основой единую сущность исследуемого объекта.

Причиной обоснованного является основа, поэтому причинная обусловленность обоснованного лишь одна из характеристик, определяющих обоснованное. Наряду с ней в содержание понятия «обоснованное» входят такие моменты, как: 1) органическая включенность в совокупность необходимых свойств и связей, составляющих сущность объекта; 2) относительно самостоятельное существование наряду с основой; 3) проявление на поверхности объекта через совокупность случайных свойств и связей.

По отношению к основе обоснованное является следствием, поскольку между ним и основой имеется генетическая связь, но указания на это обстоятельство недостаточно для определения обоснованного. Обоснованное представляет собой прежде всего сторону целостной сущности, существующую и изменяющуюся под воздействием основы, главного определяющего звена сущности.

Таким образом, «обоснованное» — это то, что порождено основой, это вся совокупность необходимых свойств и связей объекта, обусловленных функционированием и развитием определяющего звена (стороны, отношения) объекта.

Поскольку важнейшей функцией основы является порождение обоснованного, а связь порождающего и порождаемого отражается в категориях «причина» и «следствие», то необходимо рассмотреть вопрос о соотношении категорий «основа» и «обоснованное» с категориями «причина» и «следствие». Между категориями «основа» и «причина» трудно провести четкое разграничение, поскольку причина, как и основа, является активным, производящим фактором, порождающим определенное следствие. Данные категории являются однопорядковыми, отражают связь внешнего с внутренним, непосредственного с опосредованным. Но это не означает, что данные категории тождественны.

Понятие «основа» отражает ту сторону действительности, которая определяет и вместе с тем обусловливает другие стороны, свойства и связи объекта, составляющие его сущность. Эти свойства и связи могут изменяться вследствие функционирования и развития основы и по частям развертывать ее содержание. В связи с этим ни одно обоснованное не может полно и до конца выразить содержание основы, оно развертывается, выражается через длительный процесс функционирования, изменения и развития сущности, в то время как содержание причины выражается полностью в порождаемом ею следствии. Основа, непрерывно развертывая свое содержание в обоснованном, порождает новые и новые звенья формирующейся сущности (обоснованное), оставаясь по существу тем же самым. Причина же, породив данное конкретное следствие, сливается с ним (переходит в его содержание) и выступает в качестве момента новой причины, порождающей новое следствие, т. е. в каждом новом взаимодействии причина изменяется и выступает как другая причина, качественно отличная от первой.

Например, совокупность производственных отношений, обусловленных определенным уровнем и характером производительных сил, выступает в роли основы, обусловливающей функционирование и развитие таких социальных явлений, как государство, политика, политические и правовые отношения, политическое и правовое сознание, мораль, искусство, религия, культура, семья и т. д. А развитие производительных сил, позволившее производителю создавать дополнительный продукт, не являющийся необходимым для поддержания его жизни и создавший возможность трудиться в одиночку, частным образом, является причиной возникновения частной собственности и разделения людей на классы. В первом случае, когда производственные отношения выступают в качестве основы по отношению к другим общественным явлениям, составляющим обоснованное, их содержание не полностью раскрывается в каждом указанном выше явлении (государство, политика, правовые отношения, мораль и т. п.), а развертывается лишь во всей их совокупности и не сразу, а постепенно в процессе функционирования и развития социального организма, проявляя все новые и новые тенденции и свойства. Во втором же случае, когда уровень развития производительных сил выступает в качестве причины возникновения частной собственности, содержание причины полностью выразилось, раскрылось в следствии и превратилось в момент новой причины, а именно нового способа производства, обусловившего появление классов и эксплуатации одной группы людей в другой.

Основа связана с обоснованным как целостным образованием, включающим в себя всю совокупность необходимых свойств и отношений вещи, через звенья, в роли которых выступают следующие друг за другом причина и следствие. Следовательно, основа связана с обоснованным через цепь причинно-следственных отношений, т. е. взаимосвязь основы и обоснованного включает в себя в «снятом» виде причинность.

Как известно, причина со следствием всегда связана необходимым образом, так как взаимодействие между определенными элементами или вещами при соответствующих условиях всегда порождает одно и то же следствие. Это означает, что причинность совпадает с необходимостью, является видом необходимых связей, отношений.

Поскольку цепь причинно-следственных связей так или иначе соединяет основу с обоснованным, необходимость составляет механизм, обусловливающий переход основы в обоснованное, т. е. диалектику их взаимодействия.

В основу и обоснованное входит все необходимое содержание вещи (все необходимые свойства и связи). Основа — это главная, определяющая необходимая сторона или отношение вещи; обоснованное — это все, что с необходимостью формируется в вещи под воздействием основы.

Соотношение между категориями «основа» и «обоснованное», с одной стороны, и категориями «содержание» и «форма» — с другой, таково, что содержание в одном плане выступает в роли основы, а форма в роли обоснованного, в другом — оно функционирует как обоснованное, а форма — как основа. Как взаимосвязь элементов содержание выступает в качестве основы изменений вещи, а форма — в виде обоснованного, поскольку она обусловливается содержанием (взаимодействием элементов, образующих вещь). Вместе с тем форма как совокупность законов функционирования и развития вещи сама является основой, а содержание как совокупность процессов и изменений, присущих вещи, выступает как обоснованное, поскольку эти процессы и изменения обусловлены законами, которым подчиняются функционирование и развитие материального образования. Таким образом, содержание и форма выступают и в роли основы, и в роли обоснованного, в процессе функционирования и развития материального образования переходят друг в друга, меняются местами.

В соотношении категориальных пар «сущность» — «явление» и «основа» — «обоснованное» необходимо подчеркнуть следующие моменты. Основа обусловливает (порождает) обоснованное, так же как сущность обусловливает (порождает) явление. Но основа обусловливает (порождает) обоснованное в процессе взаимодействия составляющих ее элементов, тогда как сущность проявляется в явлениях в результате взаимодействия с другими сущностями. Кроме того, когда мы рассматриваем сущность вещи в свете соотношения категорий «основа» и «обоснованное», то основа выступает в качестве одной из сторон сущности, когда же мы рассматриваем сущность в отношении к явлению, через призму категорий основы и обоснованного, то сущность вещи здесь является моментом основы, поскольку последняя включает в себя и другие вещи, с которыми взаимодействует данная вещь.

Сопоставление категорий «основа» и «обоснованное» с другими категориями диалектики показывает, что эти категории обладают спецификой, отличающей их от других категорий диалектики, и играют важную роль в познании сущности объекта, являются важными моментами структуры теоретического мышления.

Диалектика основы и обоснованного отражает одну из форм всеобщей, универсальной взаимосвязи. В объективной действительности одни предметы и явления необходимо выступают в качестве основы возникновения и развития других предметов и явлений. А эти возникающие и развивающиеся явления (качественные состояния) выступают как нечто обусловленное другим — обоснованное.

В категориях «основа» и «обоснованное» отражается диалектика движения теоретического познания к сущности. Сущность объекта может быть познана только через построение теории. В теории основой является ее исходное начало. Поскольку основа определяет появление, направление изменений и соотношение всех других сторон, образующих сущность, опираясь на нее, можно объяснить (теоретически вывести) один за другим все моменты сущности. Вместе с тем при построении теории основа выполняет функцию обоснования. Поэтому в логико-гносеологическом плане основа и обоснованное взаимопроникают и переходят друг в друга в процессе обоснования, т. е. выведения, доказательства.

Ярким примером выведения обоснованного из основы через раскрытие в последней противоречий является «Капитал» К. Маркса. Основой развитой в нем политэкономической теории является понятие «товар» («товарные отношения»). В этой исходной клеточке капиталистического общества К. Маркс выявил противоположные стороны — стоимость и потребительную стоимость, которые теоретически объяснил из труда, раскрыв в нем соответствующие противоположности (абстрактный труд и конкретный труд). Прослеживая в развитии товарных отношений появление все новых и новых необходимых сторон и связей сущности капиталистической общественно-экономической формации, Маркс, с одной стороны, раскрывает закономерности порождения основой обоснованного, закономерности реального процесса формирования капиталистической общественно-экономической формации на основе развития товарного производства, а с другой стороны, дает теоретическое обоснование каждого нового положения создаваемой экономической теории, осуществляет выведение одной категории из другой вплоть до построения целостной системы категорий, отражающей всю совокупность необходимых свойств и связей, составляющих сущность капиталистической общественно-экономической формации. В логике понятий К. Маркс воспроизводит объективную логику развития объекта.

Глава XXI. ДИАЛЕКТИЧЕСКОЕ ОТРИЦАНИЕ. ЗАКОН ОТРИЦАНИЯ ОТРИЦАНИЯ

Как было показано в предыдущей главе, воспроизведение в познании сущности исследуемого объекта предполагает выявление основы и последовательное выведение из нее всех свойств и связей, составляющих сущность исследуемого целого. Чтобы вывести те или иные свойства сущности из основы, субъект должен ее представить в движении, изменении, развитии. Но это делает необходимым раскрытие в ней противоречий. Раскрывая противоречия, свойственные основе, познающий субъект прослеживает их развитие и обнаруживает, что развитие осуществляется через отрицание одних качественных состояний другими. Специфика такого отрицания, его универсальные формы и связанные с последними диалектические закономерности отражаются в категории «диалектическое отрицание».

§ 1. Особенности диалектического отрицания

В позитивное понимание существующего диалектика «включает в то же время понимание его отрицания» [1, 23, 22]. Тем самым диалектика необходимо «содержит в себе элемент отрицания и притом как важнейший свой элемент» [3, 29, 207].

Отрицание есть результат движения объективных противоречий. Под отрицанием в материалистической диалектике понимается переход вещи в новое качество, обусловленный развитием свойственных ей внутренних и (или) внешних противоречий.

Не останавливаясь специально на изложении в достаточной мере описанных в литературе характеристик диалектического отрицания (объективность, всеобщность, имманентность, содержательность, определенность, относительность и др.) [см. 26; 42; 89; 257; 180], коснемся лишь двух важных общетеоретических вопросов.

Прежде всего, для вычленения собственного содержания обсуждаемой категории требуется различать понятия «отрицательное», «отрицательность» и «отрицание». Понятие «отрицательное» соотносится с понятием «положительное» и обычно понимается как та сторона противоречия, от которой исходит действие, направленное на разрушение или изменение данной системы. Именно в этом смысле, например, К. Маркс и Ф. Энгельс называли пролетариат отрицательной стороной антагонизма буржуазного общества. Понятие «отрицательность» в диалектике выражает внутреннюю противоречивость вещи. Материалистическая интерпретация известного положения Гегеля об отрицательности как «глубочайшем источнике всякой деятельности, живого и духовного самодвижения диалектической души» [48, 3, 301] состоит в признании самопротиворечивости («отрицательности») вещи в качестве источника ее изменения и порождающего принципа. Отрицательность обусловливает возможность перехода материального объекта в новое качество. В отличие от понятия «отрицательность» категория «отрицание» фиксирует не возможный, а действительный процесс качественного изменения системы и его результат. Маркс делает следующее различие между данными понятиями: «То, что́ прежде проявлялось как процесс роста, теперь стало определенностью; то, что́ являлось существующей в себе отрицательностью, стало отрицанием» [2, 197]. Разумеется, было бы совершенно неправильно резко противопоставлять друг другу «отрицательность» и «отрицание», как недопустимо изолировать акт преобразования вещи в нечто иное от обусловливающих этот процесс объективных противоречий.

Дальнейшая экспликация термина «отрицание» связана с использованием его в сочетании с предикатом «диалектическое». Обнаруживаются следующие основные значения термина «диалектическое отрицание»: 1) конкретно реализующийся акт преобразования нечто в существенно иное в процессах природы, общества и человеческого мышления в отличие от формально-логической операции отрицания; 2) интегрированная совокупность абстрактно-всеобщих моментов реального отрицания (имманентность, определенность, содержательность и др.) в отличие от конкретных его модификаций (физическое, биологическое, социальное, психологическое и другие отрицания); 3) противоположность метафизическому пониманию отрицания.

Выявленные оттенки в значениях термина «диалектическое отрицание» весьма существенны и должны приниматься во внимание в теоретическом анализе проблемы отрицания в целом. Это касается прежде всего вопроса о том, всякий ли объективно-реальный акт отрицания является диалектическим и, следовательно, выступает компонентом закона отрицания отрицания.

§ 2. Виды диалектического отрицания

Прежде всего следует определить критерий выделения различных видов диалектического отрицания, логическое основание их классификации. За основание классификации можно принять общий признак, характеризующий процессы отрицания в различных сферах действительности. Поскольку отрицание как категория диалектики отражает единство небытия и бытия («инобытия»), прерывности и непрерывности в развитии, то не может ли искомый признак таиться в соотношении этих имманентных моментов процесса превращения вещи в нечто существенно иное? В конкретных актах и процессах отрицания соотношение прерывности и непрерывности проявляется в степени отличия нового качества от отрицаемого. Чем существеннее отличие нового качества от старого, тем больше прерывность в развитии (а значит, и «удельный вес» небытия). Момент небытия в отрицании предстает как мера качественного отличия объективных процессов негации. При этом момент небытия может касаться как системы в целом, так и лишь определенных ее фаз, состояний или элементов. Поэтому само содержание процесса отрицания, выражающееся в конкретном соотношении моментов упразднения и сохранения «положительного» в новом качестве, и выступает объективной основой вычленения различных видов отрицания. Предлагаемый критерий весьма относителен, но в то же время достаточно определенен в анализе разновидностей диалектического отрицания.

На основе данного критерия можно выделить три типа отрицаний: деструктивное отрицание, «снятие» и трансформация. Деструкция означает прекращение существования данного конкретного объекта, его небытие в качестве целостной системы. Для деструкции характерно, что такой диалектический момент, как сохранение структурных элементов отрицаемого качества («удержание положительного»), практически отсутствует или проявляется в крайне незначительной степени, что выражается в смене более высокого типа целостности низшим или ликвидации всякой целостности. Деструктивное отрицание может быть следствием как внутренних противоречий системы, так и внешнего воздействия, приводящего к распаду системы в случае, если сила этого воздействия превышает энергию внутренних связей. Деструкция представляет собой существенный элемент процессов, происходящих в живой природе [см. 262; 189; 84; 117; 66; 210].

«Снятие» — это диалектическое отрицание, при котором переход системы из одного качественного состояния в другое сопровождается сохранением и включением в состав нового качества некоторых элементов и звеньев ее структуры. «Снятие» выступает «как момент связи, как момент развития, с удержанием положительного» [3, 29, 207]. Сохранение структурных элементов отрицаемой системы в отрицающем и есть момент «удержания положительного».

Нельзя переоценить значение идеи «снятия» для теории диалектики. Только на основе констатации удержания и сохранения «положительного» в отрицании может быть теоретически осмыслено развитие как поступательное движение от низшего к высшему.

Существенные проявления «снятия» обнаруживаются как во взаимодействии основных форм движения материи, так и на уровне отдельных сфер объективной действительности. Например, в неорганической природе данный вид отрицания предстает как сохранение ранее образовавшихся электронных слоев при дальнейшем усложнении внутриатомной структуры в ряду химических элементов. Живой природе свойственно закрепление результатов эволюции в устойчивости существующих и возникающих новых видов организмов. Развитие общества обеспечивается выступающей в форме «снятия» преемственностью поколений людей, производительных сил, социальным наследованием. В познавательном процессе в виде «снятия» осуществляется уточнение относительно истинного знания.

Трансформация является модификацией «снятия». Если деструкция и «снятие» характеризуют разные по содержанию превращения материального образования в целом в нечто иное, то понятие «трансформация» целесообразно использовать при анализе таких качественных изменений материальной системы, при которых сохраняется ее основа, что имеет место в переходах от одной стадии развития этой системы к другой. Прорастание зерна, превращение домонополистического капитализма в империализм — примеры отрицания-трансформации.

Анализ типов диалектического отрицания был бы неполным без выявления своеобразия функционирования отрицания в сфере социальной реальности. По отношению к социальным действиям предложенная выше классификация диалектических отрицаний дополняется их различением в зависимости от субъекта и объекта, направленности и содержания отрицания.

Известное положение марксизма гласит: в «истории прогресс выступает в виде отрицания существующих порядков» [1, 10, 526]. В наиболее резкой форме социальное отрицание проявляется в смене общественно-экономических формаций, в социальных революциях. К. Маркс называл периоды революции временами «сильного, страстного отрицания и отречения» [1, 4, 197].

Применительно к социальному действию (на основе адекватного или искаженного осознания людьми объективной отрицательности) может быть использовано и понятие «недиалектическое отрицание». Таким социальное действие будет в том случае, если субъектом: а) неправильно выбран объект отрицания; б) отрицание производится несвоевременно; в) используются чуждые природе упраздняемого социального объекта способы отрицания; г) конкретное практическое действие подменяется актом тотального абстрактного отрицания (нигилизм) или менее абстрактным требованием в любых случаях удерживать «положительное» (беспринципный эклектицизм и плюрализм).

Выявление различных видов отрицания позволяет глубже понять его роль как одного из необходимых элементов материалистической диалектики. Значение этого элемента диалектики в самом общем выражении определяется тем, что, как писал К. Маркс, «ни в одной области не может происходить развитие, не отрицающее своих прежних форм существования» [там же]. Но в полной мере существенность категории отрицания в общей теории диалектики может быть осмыслена лишь в контексте целостной научной концепции развития, одним из важнейших моментов которой является закон отрицания отрицания.

§ 3. Закон отрицания отрицания

Закон отрицания отрицания фиксирует объективно-противоречивую форму реализующегося через отрицание развития закономерного поступательного процесса, включающего моменты относительной повторяемости и цикличности.

Закон отрицания отрицания может быть понят лишь в единстве таких элементов диалектики, как: «снятие», трансформация, поступательность, деструкция, перманентность отрицания (повторение на высшей стадии развития тех или иных черт низшей), возврат «якобы к старому», развитие по спирали, троичность. Не все из названных моментов закона одинаково существенны и могут всегда выступать в явном виде. Это обстоятельство во многом и объясняет развертывающуюся дискуссию о содержании и сфере действия закона отрицания отрицания.

В современной литературе существуют различные точки зрения по вопросу о сфере действия закона отрицания отрицания, его месте в системе законов диалектики. Так, по мнению Г. Климашевского, закон отрицания отрицания действует «только там, где совершается развитие к высшему; круговорот и регрессивные процессы развития он не объясняет» [301, 142]. С точки зрения Б. М. Кедрова, рассматриваемый закон в отличие от двух других основных законов диалектики имеет «интегральный» характер [см. 91]. Г. Кребер развивает идею «параметров отрицания», полагая, что ряд отрицаний может толковаться как проявление обсуждаемого закона только при условии, если два последовательных отрицания являются отрицанием одного и того же качества [см. 285, 474—475]. С. Т. Мелюхин предлагает переименовать закон отрицания отрицания в «закон единства цикличности и поступательности в развитии», более общим по отношению к которому выступает «закон единства цикличности и необратимости» [138, 315].

Многие из выдвинутых в дискуссии о законе отрицания отрицания соображений заслуживают внимания и дальнейшего обсуждения, но с некоторыми из них нельзя согласиться. С нашей точки зрения, неприемлема замена закона отрицания отрицания «законом цикличности и поступательности в развитии», так как формула «отрицание отрицания» говорит не только о «циклах», «возвратах» и «поступательности», но и об отрицании как объективном необходимом моменте изменяющейся действительности, и не просто об отрицании, а о повторяющемся и продолжающемся отрицании.

В регрессивных изменениях также реализуется диалектическое отрицание и тем самым в специфической форме обнаруживается действие закона отрицания отрицания. В данном случае выявленный Б. М. Кедровым «интегральный» характер этого закона диалектики выступает более резко, чем в поступательно-прогрессивных изменениях. Что же касается точки зрения, согласно которой закон отрицания отрицания действует только в случае поступательного развития предмета, то она противоречит научному учению о единстве мира. Если видеть прогресс лишь в изменениях живой природы и общества, невозможно объяснить переход от «неразвивающейся» неорганической материи к ее прогрессивно эволюционирующим формам.

Диалектико-материалистическому пониманию закона отрицания отрицания противостоят различные интерпретации этого закона в буржуазной философии и социологии. Критики марксизма нередко спекулируют на триаде, обвиняя марксизм в «гегельянстве» и сводя к ней содержание не только закона отрицания отрицания, но и диалектику в целом. Так, например, западногерманский социолог Христиан Вальдердорфф утверждает, что под диалектикой понимается «метод», в соответствии с которым некий тезис из самого себя производит свою противоположность — антитезис. Внутренняя противоположность между тезисом и антитезисом «снимается» в синтезе, содержащем в себе примиренные тезис и антитезис. Главная модель этой распространенной диалектики, как утверждает Вальдердорфф, дана Гегелем и Марксом [см. 299, 379]. Таким образом, материалистическая диалектика сводится к конструированию действительности по методу триады. Однако в материалистической диалектике триада понимается не как субъективный метод конструирования, а как объективно существующий тройственный ритм развития. Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге» приводит целый ряд примеров развития по триаде из разных областей природы и общества. В. И. Ленин отмечал, что развитие по гегелевской схеме: «положение — отрицание — отрицание отрицания» в природе «вообще не редкость» [3, 1, 163].

Вместе с тем троичность в материалистической диалектике рассматривается лишь как внешняя, поверхностная сторона развития [см. 3, 29, 210]. Как момент диалектики она представляет собой фиксацию количественной стороны процесса развития. Для содержания отрицания отрицания «счет» предстает как нечто извне привнесенное, внешнее. В качестве единиц счета могут браться разные определенности изменяющейся системы. Поэтому при выявлении троичности во многих процессах развития с отчетливо обнаруживающейся повторяемостью (возвраты «якобы к старому» в ряду химических элементов, смена общественно-экономических формаций и другие распространенные примеры отрицания отрицания) приходится прибегать к оговоркам: «считать» можно и с ориентацией на цифру «три», а можно и иначе. Поиски триады как существующих раздельно трех ступеней развития во многих случаях ведут к грубой схематизации, искажению реальных процессов.

Троичность в самой общей форме отражает эволюцию противоречия — внутренней основы диалектического отрицания и отрицания отрицания. Еще К. Фишер при характеристике гегелевской диалектики заметил, что «противоречие есть первое отрицание, а разрешение его (отрицание) есть второе отрицание» [242, 336]. Здесь «три» момента налицо: исходное состояние тождества, слитости противоположностей — стадия развитого противоречия (отрицательность) — разрешение противоречия (отрицание отрицания). Подобная трактовка отрицания отрицания (а вместе с тем и троичности) следует из определения Ф. Энгельсом отрицания отрицания как «ядра всего» [1, 20, 144], как «развития путем противоречия» [там же, 343].

Характеристика закона отрицания отрицания была бы неполной без конкретного анализа этого закона применительно к развитию общества. Содержание социального отрицания и действие закона отрицания отрицания в общественном развитии определяются характером социальных противоречий. Так, особенности диалектики отрицания отрицания в условиях коммунистической общественно-экономической формации обусловливаются в конечном счете тем, что при коммунистическом способе производства противоречия между производительными силами и производственными отношениями не являются антагонистическими. С победой социализма исчезает экономическая основа социальных революций, впервые в истории существующий тип производственных отношений перестает быть объектом социального отрицания. В коммунистическом обществе в силу его бесклассового характера нет и не может быть социального субъекта, заинтересованного в изменении существующего способа производства. Именно поэтому коммунизм и является высшей ступенью общественной жизни, которая не может отрицаться какой-то новой формацией. Этот непреложный научный вывод противники марксизма истолковывают как «отказ» марксистов от диалектики при объяснении социальных процессов коммунистического общества. Так, западногерманский марксолог Р. Хайс утверждает, что у К. Маркса «только в „предыстории" прослеживается резкая борьба противоположностей. Во время мировой революции противоречия преодолеваются, а вместе с ними упраздняется и связанная с этим диалектика» [279, 404].

Однако с утверждением коммунизма не происходит «исчезновение» или «сокращение» сферы действия отрицания отрицания. При коммунизме будут возникать и разрешаться противоречия между старым и новым, а следовательно, будут возникать объекты социального отрицания. Динамизм развертывания и разрешения объективных противоречий, преобладание трансформационных процессов, планомерность в социальных преобразованиях и другие особенности диалектики социализма и коммунизма обусловливают наряду с повышением значимости своевременного упразднения устаревших элементов общественной жизни, возрастание роли преемственности и воспроизведения существующих социальных структур.

Глава XXII. ВОЗМОЖНОСТЬ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Общей чертой процессов изменения и развития, связанной с их непрерывностью, является обусловленность настоящего прошлым, будущего — настоящим. Это позволяет в определенной степени экстраполировать знание о закономерностях функционирования и развития объектов в прошлом и настоящем на будущее. Диалектика взаимосвязи настоящего и будущего отражается в категориях «действительность» и «возможность». Категориям возможности и действительности всегда принадлежала существенная роль в философии. С углублением научного знания о диалектическом характере развития возрастает как мировоззренчески-методологическая значимость указанных категорий, так и потребность в более глубоком исследовании их содержания.

§ 1. Понятия «возможность» и «действительность»

В философской литературе, посвященной проблеме возможного и действительного, традиционно различаются понятия действительного в его широком и узком смыслах. Под действительностью в широком смысле слова понимается обычно «весь объективно существующий мир, объективная реальность, бытие материи...» [237, 1, 270], «то, что реально существует и развивается, содержит свою собственную сущность и закономерность в самом себе, а также содержит в себе результаты своего собственного действия и развития. Такой действительностью является объективная реальность во всей ее конкретности» [240, 102]. При анализе этого значения понятия «действительность» особо выделяется его мировоззренческий аспект и подчеркивается его роль в борьбе против различного рода идеалистических концепций. Совпадая по содержанию с понятием «объективная реальность», понятие «действительность» в широком смысле слова охватывает и присущие объективной реальности тенденции ее изменения, т. е. заключенные в предметах и процессах возможности. Будучи принципиально значимым в системе материалистического миропонимания, оно вместе с тем не является достаточным для отражения соответствующих диалектических взаимосвязей и закономерностей, не позволяет надежно отграничить осуществленное от потенциально присущего, а это весьма важно в теоретическом и практическом отношениях, когда речь идет о закономерностях процесса становления и развития. Поэтому в теории диалектики категория «действительность» употребляется в более узком значении, выражающем специфику действительного как диалектической противоположности возможного. Лишь в своем единстве, взаимосвязи и взаимопереходах эти противоположности характеризуют одну из всеобщих закономерностей изменения и развития явлений объективного мира и сознания.

Широкое распространение получила точка зрения, согласно которой под действительным понимается лишь необходимо существующее. «Действительное есть не просто все существующее (действительность в так называемом широком смысле), а существующее лишь как необходимость и закономерность, при этом случайное и несущественное мы не включаем в понятие действительности, хотя оно и существует в данное время», — пишет А. К. Сухотин [212, 49]. Несколько менее категорично эта же идея проводится и в других работах [см. 63; 123]. Положительным моментом рассматриваемой позиции является попытка связать категорию действительности с категориями «необходимость» и «закономерность». Однако определение действительности через противопоставление необходимости и случайности едва ли оправдано, ибо не только необходимость, но и случайность является моментом действительности. Уже Гегель, характеризуя действительность, не сбрасывал со счетов случайность, считал ее внешней стороной действительности [см. 47, I, 244]. Он определял действительность как «ставшее непосредственным единство сущности и существования, или внутреннего и внешнего» [там же, 238]. Конспектируя раздел «Действительность» гегелевской «Науки логики», В. И. Ленин выделил как особо важную мысль о том, что сущность диалектического познания состоит в развертывании всей совокупности моментов действительности [см. 3, 29, 141]. При таком подходе и необходимость как «развитая действительность» есть совпадающая в единстве «смена внутреннего и внешнего, смена их противоположных движений, объединенных в одно движение...» [47, I, 246—247].

Итак, диалектический подход к действительности предполагает выявление и познание всех ее противоположных сторон в их единстве. Это не исключает, разумеется, целесообразности исследования отдельных сторон и моментов действительности, их искусственного вычленения из реальной системы взаимосвязей. Однако такая процедура не должна абсолютизироваться, ибо является лишь этапом в познании единства многообразия сторон действительности.

Другим не менее важным обстоятельством, которое необходимо учитывать, выявляя содержание категорий возможности и действительности, является их взаимосвязь в процессе становления, изменения и развития материальных и духовных образований. В этом плане возможное предстает как совокупность порождаемых единством многообразных сторон и моментов действительности предпосылок и тенденций ее развития. По отношению к возможному как потенциальному действительное выступает в качестве актуального, осуществившегося, ставшего, в недрах которого формируются новые возможности.

Как диалектические противоположности, возможность и действительность взаимообусловлены, они полагают друг друга, переходя друг в друга при соответствующих условиях. Возникая в недрах действительного и представляя будущее в настоящем, возможность тем самым обнаруживает относительность своей противоположности действительному, и через эту относительность реализуется непрерывность процессов изменения.

§ 2. Возможность и необходимость

С некоторых пор стало модным рассматривать в качестве противоположности возможности не действительность, а необходимость. Возможность в этом случае представляется как нечто, находящееся между невозможностью и необходимостью. Ее приближение к одному из этих полюсов зависит от изменения степени вероятности. Если вероятность наступления того или иного явления (состояния) приближается к нулю, возможность превращается в невозможность. Если она приближается к единице, возможность становится необходимостью. «...Возможность, — пишет один из сторонников данной концепции, — возникает на определенном этапе процесса, снимая невозможность, затем происходит вызревание возможности, что характеризуется возрастанием ее вероятности от 0 до 1; когда вероятность достигает 1, количество переходит в качество, необходимость снимает возможность» [200, 134].

В данных рассуждениях явно смешиваются взаимосвязь между возможностью и действительностью и взаимосвязь между случайностью и необходимостью. Возможность не может превратиться в необходимость уже потому, что является одной из ее сторон, свойств (в качестве другой ее стороны выступает действительность). В необходимость превращается не возможность, а случайность, которой тоже присуща возможность (наряду с действительностью), но иного рода. Возможность, связанная с необходимостью, при соответствующих условиях осуществляется неизбежно. Осуществление же возможности, связанной со случайностью, необязательно, она может реализоваться, может и не реализоваться. Поскольку случайности свойственна такая возможность, которая может осуществиться и не осуществиться, возникает потребность в определении степени вероятности наступления тех или иных случайных явлений, в использовании теории вероятностей и шкалы вероятностей. Но при этом мы воспроизводим не процесс превращения возможности в необходимость, а процесс перехода случайности, обладающей указанным видом возможности, в необходимость, обладающую другим видом возможности.

Поскольку переход от случайности к необходимости в данном случае представляет собой не что иное, как процесс образования соответствующей совокупности факторов (элементов), взаимодействие которых как причина неизбежно обусловливает появление данного явления как следствия, постольку реализация возможности, связанной со случайностью, осуществляется лишь тогда, когда случайность превращается в причину и необходимо порождает соответствующее следствие. Возможность, связанная со случайностью и выступающая как абстрактная возможность, превращается в действительность не непосредственно, а в результате перехода ее в конкретную возможность, связанную с необходимостью. Именно это обстоятельство, очевидно, имеют в виду авторы, утверждающие, что «в любом процессе возможность не переходит в действительность прямо, а на определенном этапе одна из реальных возможностей, заключенных в явлении, превращается в необходимость» [там же, 132]. Недостаток данной концепции взаимосвязи возможности и действительности заключается в том, что ее авторы, раскрывая механизм превращения возможности, связанной со случайностью, в действительность, говорят не о переходе случайности в необходимость и соответственно одного вида возможности в другой, а о переходе возможности в необходимость, и в том, что этот путь осуществления возможности представляется ими в качестве всеобщего и единственного пути [см. там же].

Сторонники рассматриваемой концепции игнорируют тот факт, что в объективной действительности существуют не только возможности, обусловленные случайными свойствами и связями, но и возможности, обусловленные необходимыми свойствами и связями, законами функционирования и развития материальных образований. Последние при наличии соответствующих условий превращаются в действительность непосредственно. Как отмечают М. Парнюк и А. Яценко, «есть возможности, которые необходимо должны превратиться в действительность. Это общие возможности. Такие возможности не противоположны необходимости» [161, 147].

Возможность превращается в действительность только при наличии строго определенных условий. Условиями является совокупность внешних и внутренних факторов, необходимых для того, чтобы произошли соответствующие изменения в вещи, в результате которых она переходит в новое качественное состояние.

Если посмотреть на внутренние условия через призму всеобщих форм бытия, нетрудно установить, что их необходимыми моментами будут: выход количественных изменений тех или иных сторон материального образования за рамки меры, накопление изменений в его содержании, в составляющих его элементах, обусловливающих обострение противоречия между содержанием и формой (структурой) и вызывающих их несовместимость [см. 72, 123—124, 128]. Что касается внешних условий осуществления возможности, то их составляет наличие определенных факторов (вещей), взаимодействия с которыми способствуют соответствующим изменениям материального образования, формированию и развитию его новой сущности, новой качественной определенности [см. 7, 149].

С осуществлением тех или иных возможностей их число не уменьшается. Все возможности материи не могут быть исчерпаны, реализованы. Появление всякой новой действительности в результате осуществления тех или иных возможностей сопровождается появлением новых возможностей. Таким образом, возможности материи безграничны. Развитие материи осуществляется через постоянный переход возможности в действительность и появление все новых и новых возможностей.

§ 3. Виды возможности

Каждое отдельное материальное образование (вещь) имеет множество различных возможностей, которые обусловливаются не одной какой-либо формой бытия (структурой[1], количеством элементов и их способностью вступать в различные взаимодействия [см. 76, 177], общим, необходимым и т. д.), а всей совокупностью форм, всей действительностью. Эти различные возможности играют далеко не одинаковую роль в функционировании и развитии материального образования.

В самом деле, реализация одних возможностей обусловливает переход материального образования (вещи) из одного качественного состояния в другое в рамках той же самой сущности, реализация других предполагает изменение сущности материального образования и возникновение нового материального образования. В процессе осуществления одних возможностей материальная система переходит от низшего к высшему, при осуществлении других — от высшего к низшему. Одни возможности касаются изменения качества, другие — изменения количества вещи. Одни возможности связаны с необходимым в вещи, другие — со случайным. Для осуществления одних возможностей условия могут создаться в настоящее время, для осуществления других — лишь в далеком будущем. Неодинакова и связь между возможностями. Существование одних возможностей исключает существование других, имеются такие возможности, которые взаимополагают друг друга, и такие, которые переходят друг в друга, меняются местами и т. д.

Целенаправленное изменение природной и социальной действительности в практической деятельности людей представляет собой осуществление определенных возможностей путем искусственного создания соответствующих условий. Поэтому ориентация людей в этой деятельности, выбор наиболее эффективного пути достижения того или иного практического результата существенным образом зависят от знания особенностей различных видов возможности.

---

[1] «Нам представляется, — пишет А. С. Мамзин, — что основа возможных путей развития предметов и явлений лежит в их структуре» [125, 82].

Все возможности можно разделить на две группы в зависимости от того, чем они обусловливаются: необходимыми свойствами и связями или случайными. Возможности, которые обусловлены необходимыми сторонами и связями объекта, называются реальными; возможности, обусловленные случайными свойствами и связями, — формальными. Реальные возможности при соответствующих условиях осуществляются неизбежно, формальные — могут осуществиться, а могут и не осуществиться. Их реализация зависит от множества внешних для данного процесса факторов.

В противоположность метафизическому подходу, отождествляющему необходимое с неизбежным, диалектическое понимание необходимого учитывает различие, существующее между необходимым как закономерным и необходимым как неизбежным в данной конкретной ситуации, как необходимой связью случайных причин с порождаемым ими следствием. В связи с этим следует различать и два вида реальных возможностей: возможности, обусловленные законами функционирования и развития материального образования, и возможности, обусловленные взаимодействием случайных факторов, составляющих ту или иную причину.

Реально возможным в рамках той или иной системы является то, что выражает закономерные тенденции ее существования и изменения. Примером такой реальной возможности, которую можно было бы назвать номотической, является перспектива перехода капиталистического общества в социалистическое, поскольку она обусловлена законами развития капиталистического способа производства. Эти возможности отличаются от формальных тем, что они адекватно выражают потребности закономерного изменения действительности.

Реально возможным оказывается и то, что с необходимостью определяется к осуществлению некоторым конкретным стечением обстоятельств. Эту реальную возможность можно назвать ситуационной: выражая необходимость иного, нежели в первом случае, порядка, ситуационная возможность выступает в качестве порождаемой конкретной ситуацией формы проявления, а также дополнения возможного как закономерного. Таким образом, в данном случае речь идет об относительной необходимости, диктуемой конкретными обстоятельствами формы реализации закономерного.

Разделение реальных возможностей на номотические и ситуационные имеет большое значение в теоретическом и практическом отношениях. На вскрытии закономерностей, лежащих в основе действительного состояния некоторой системы, основано предвидение перспектив и реальных возможностей ее изменения. Однако всякое действительное состояние системы строго ограничивает круг возможностей, способных реализоваться в данных условиях, что особенно четко проявляется в развивающихся системах. В общественной практике различие между номотической и ситуационной возможностями выступает как различие между возможным в перспективе и практически возможным в данной конкретной ситуации. Оно осознается и формулируется как различие между стратегическими и тактическими задачами, стоящими перед борющимися за их осуществление общественными силами. Конкретная совокупность обстоятельств не только определяет форму, в которой реализуется возможность, выражающая закономерные тенденции функционирования и развития того или иного целого, но и способна сделать реально возможным такое событие, которое вообще указанные тенденции не выражает или даже противоречит им. Так, реальная возможность перехода к социализму, определяемая законами развития капитализма, осуществляется в каждой конкретной ситуации в своеобразной форме, а в определенных условиях реальной оказывается возможность победы сил контрреволюции, революция терпит временное поражение, вследствие чего возникают попятные движения, застои в развитии.

Номотическая возможность в функционировании и развитии объекта играет определяющую роль. Что же касается ситуационной возможности, то она занимает подчиненное положение, играет побочную роль в функционировании и развитии системы, часто является моментом или формой осуществления номотической реальной возможности.

По отсутствию или наличию в действительности необходимых и достаточных условий для реализации реальные возможности делятся на абстрактные и конкретные, а процесс формирования указанных условий совпадает в этом случае с развитием абстрактной возможности в конкретную.

Общим и существенным признаком абстрактной возможности является отсутствие комплекса необходимых и достаточных для ее реализации условий и, следовательно, неспособность к непосредственному превращению в действительность. В рамках этой общности существует достаточно широкое многообразие возможностей. Абстрактные возможности различаются по фундаментальности порождающих их сторон и связей действительности, по отношению к общей направленности функционирования и развития системы, по степени зрелости, близости к реализации и т. д. Так, в главе 17 «Теорий прибавочной стоимости» К. Маркс анализирует возможность кризиса в условиях простого товарного производства. Заложенная в самой сущности товарного производства, в наиболее простой форме метаморфозы товара (Т—Д—Т), эта возможность заключается в отрыве акта продажи (Т—Д) от акта купли (Д—Т), создаваемом функционированием денег как средства обращения. Уже здесь мы сталкиваемся с одной из форм кризиса. Поскольку деньги функционируют в качестве средства платежа, расхождение момента действия их как меры стоимости и как средства реализации содержит в себе кризис в другой форме. «Обе эти формы еще совершенно абстрактны, хотя вторая и конкретнее первой» [1, 26, II, 567]. «...Превращение этой возможности в действительность, — пишет К. Маркс в первом томе «Капитала», — требует целой совокупности отношений, которые в рамках простого товарного обращения вовсе еще не существуют» [1, 23, 124]. Лишь при капитализме, когда в полной мере осуществляется функция денег как средства платежа и акт продажи оказывается окончательно отделенным от акта купли, возможность кризисов обретает конкретные условия реализации и становится действительностью. Таким образом, абстрактная возможность кризиса в рассмотренном примере оказывается связанной с существенными сторонами товарного производства и обращения, полагаемой самой системой экономических отношений, но в силу их неразвитости, в силу отсутствия соответствующих условий сама еще совершенно не развита. Вместе с тем она выступает своего рода зародышем, начальным этапом развития реальной возможности, порождаемой закономерными связями системы, постепенно обретающей условия для осуществления и затем периодически реализующейся в конкретной форме в рамках зрелого капиталистического общества.

Рассмотренный вид абстрактной возможности с характерным для него направлением трансформации отнюдь не является единственным. «...Действительная жизнь, действительная история *включает* в себя... различные тенденции» [3, 20, 66], ей присущи различные возможности. Абстрактная возможность подчас представляет тенденцию, укреплению и осуществлению которой закономерное развитие не способствует. Именно этот вид абстрактной возможности рассматривает В. И. Ленин в своей работе «Империализм, как высшая стадия капитализма», анализируя и оценивая так называемую «теорию ультраимпериализма» К. Каутского. Известно, что эта «теория» утверждала возможность наступления «сверхимпериалистической» стадии капитализма, которая якобы приведет к образованию единого мирового объединения капиталистов. Исходя из анализа действительных противоречий империализма, В. И. Ленин оценивает эту доктрину как мертвую абстракцию. Абстрактность возможности «ультраимпериализма» он усматривает в том, что условия конкретно-экономической действительности не способствуют, а все более препятствуют ее осуществлению, ибо усиливают противоречия внутри всемирного хозяйства [см. 3, 27, 392]. Ввиду этого идея «сверхимпериализма», хотя и отражает некоторые объективные стороны современного капитализма, в целом явно противоречит действительному ходу истории. Конкретные условия развития капиталистического общества, противоречия, определяющие темпы этого развития, имеют следствием то, что «*раньше*, чем дело дойдет до одного всемирного треста... империализм неизбежно должен будет лопнуть, капитализм превратится в свою противоположность» [там же, 98]. Следовательно, В. И. Ленин считал рассматриваемую возможность абстрактной не только ввиду отсутствия в действительности обеспечивающих ее реализацию условий, но и ввиду того, что дальнейшее развитие не способствует формированию таких условий.

До сих пор речь шла о реальных возможностях, связанных с законами функционирования и развития материальных образований с их необходимыми свойствами. Что же касается формальных возможностей, связанных со случайностью, то все они являются абстрактными, поскольку реальные условия для их осуществления, как правило, отсутствуют. Если же в силу стечения обстоятельств сложились соответствующие условия для реализации той или иной формальной возможности, она превращается в реальную возможность, поскольку в этом случае она осуществляется с необходимостью, основывается на необходимой связи причины со следствием.

Различение конкретных и абстрактных возможностей имеет большое практическое значение. При разработке текущих планов развития народного хозяйства, определении путей решения стоящих в настоящее время практических задач следует опираться лишь на конкретные возможности, для осуществления которых имеются реальные условия. Что же касается абстрактных возможностей, то их следует учитывать при определении перспектив развития общества, тех или иных областей социальной и природной действительности. Использование абстрактных возможностей для разработки конкретных планов практической деятельности, конкретных программ преобразования природной и социальной действительности приводит к серьезным ошибкам. Примером могут служить безуспешные попытки в КНР создать коммуны в переходный период от капитализма к социализму.

В зависимости от того, качественная или количественная определенность вещи или ее свойства изменяется вследствие осуществления той или иной возможности, различаются качественные и количественные возможности. Качественной является возможность, осуществление которой приводит к изменению качества вещи; количественной — возможность, обусловливающая изменение той или иной количественной характеристики. Например, качественной будет возможность превращения в процессе развития одного вида растений в другие, количественной — возможность увеличения числа особей того или иного вида путем их размножения. Выделение и учет этих видов возможностей в процессе практической деятельности людей, задачей которой является достижение и качественных и количественных результатов, играют важную роль.

Возможности делятся также на сущностные и функциональные. Сущностными являются такие возможности, осуществление которых сопровождается изменением сущности вещи, превращением ее в другую вещь; функциональными — возможности, реализация которых вызывает изменение тех или иных свойств вещи, ее состояний в рамках той же самой сущности. Например, возможность превращения фотона в электронно-позитронную пару представляет собой сущностную возможность. Ее реализация обусловливает изменение сущности вступивших во взаимодействие элементарных частиц. Возможность перехода электрона с одной орбиты на другую, излучив определенное количество энергии, является функциональной, она обусловливает изменение его состояния с сохранением сущности.

Различать сущностные и функциональные возможности необходимо в практической деятельности, когда в процессе воздействия на природную и социальную действительность с целью ее преобразования в определенном направлении предполагается изменение или сохранение сущности соответствующих материальных образований, тех или иных их свойств и состояний.

По результатам реализации все возможности можно разделить на прогрессивные, регрессивные и вариантные. Прогрессивными являются возможности, осуществление которых вызывает изменение материального образования от низшего к высшему; регрессивными — возможности, обусловливающие изменения системы от высшего к низшему; вариантными — возможности перехода одной конкретной реальности в другую в рамках одной и той же стадии развития. Прогрессивной возможностью является, например, возможность перехода от капиталистического общественного строя к социалистическому; регрессивной — возможность установления в ходе реакционного переворота вместо государства национальной демократии военной диктатуры, выражающей интересы наиболее реакционной части буржуазии; вариантной — переход к власти одной буржуазной партии вместо другой, получившей поражение на выборах. Знание особенностей прогрессивных, регрессивных и вариантных возможностей позволяет людям правильно оценивать политику, проводимую теми или иными партиями, государствами.

Прогрессивные, регрессивные и вариантные возможности, в свою очередь, делятся на обратимые и необратимые. Обратимыми являются такие возможности, в результате осуществления которых первоначальная действительность превращается в возможность; необратимыми — те, реализация которых сопровождается превращением исходной возможности в невозможность. Примером обратимой возможности является возможность перехода энергии механического движения в электрическую. Примером необратимой возможности может служить возможность живого организма превратиться в результате гибели от старости в те или иные неживые образования.

Рассмотрение возможностей через призму отношений противоречия и соответствия позволяет выделить исключающие и сосуществующие возможности. Исключающей является возможность, с реализацией которой другая возможность исчезает, становится невозможностью; сосуществующей является возможность, превращение которой в действительность не ликвидирует другой возможности. Возможность той или иной отсталой в экономическом отношении страны идти по капиталистическому пути развития по отношению к возможности встать на социалистический путь развития является сосуществующей, поскольку ее осуществление не ликвидирует возможности перехода к социализму, вторая же возможность по отношению к первой является исключающей. Ее реализация делает невозможными существование и развитие капиталистических отношений.

Итак, материя имеет бесчисленное множество возможностей, указывающих на ее неисчерпаемость и безграничность развития.

§ 4. Некоторые вопросы практического использования диалектики возможности и действительности

Рассмотренные выше теоретические положения о возможности, действительности и их диалектике являются не только мировоззренческими, но и важными методологическими положениями. Данные положения не только выполняют функцию объяснения мира, но и служат руководством к действию. Исходя из них, можно сформулировать соответствующие правила, ориентирующие человека в его познавательной и практической деятельности.

В своей практической деятельности человек постоянно сталкивается с вопросом: как определить реальные возможности? В своей деятельности человек должен опираться на возможности, которые объективны, обусловлены внутренней природой действительности. Возможность тесно связана с действительностью, является стадией ее развития. Поэтому нельзя отрывать их друг от друга. В практической деятельности этот отрыв не позволяет обнаружить все те возможности, которые потенциально содержатся в действительности, и предвидеть перспективы ее развития в будущем, а также своевременно выявить те возможности, которые могут превратиться в действительность в ближайшее время, и своевременно создать необходимые для их осуществления условия.

Хотя возможность органически связана с действительностью, было бы ошибочным не видеть между ними существенного различия, смешивать их друг с другом. Это смешение на практике приводит к тому, что человек в своей деятельности опирается не на то, что существует, а на то, чего в данный момент нет. Для успешной деятельности, как не раз подчеркивали основоположники марксизма-ленинизма, марксисты должны стоять на почве точно и бесспорно доказанных фактов, т. е. исходить из действительного положения вещей. В. И. Ленин отмечал, что если бы марксист по случаю «возможности» приятного будущего забыл бы о неприятностях в настоящем, он превратился бы в мелкого буржуа [см. 3, 31, 137].

Но каким же образом на практике отличить возможность от действительности? Если действительность является настоящим бытием, то возможность является бытием будущего в настоящем, нового в старом. Если действительность проявляется вовне, активно воздействует на окружающие ее объекты, то возможность такой способностью не обладает.

Возможность того или иного поведения объекта — это тенденция его движения, существующая в нем самом, а не вне его. Это значит, что возможность всегда обусловлена самой природой объекта, его внутренним строением, законами функционирования и развития. Внешние факторы, взаимодействуя с внутренними, также оказывают определенное влияние на направление движения объекта. Развитие объекта происходит по строго определенным законам. Например, взаимодействие производительных сил и производственных отношений всегда подчиняется закону соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил. Согласно этому закону на первой стадии развития определенного способа производства производственные отношения соответствуют характеру и уровню развития производительных сил, но дальнейшее развитие производительных сил в конце концов приходит в противоречие со старыми производственными отношениями и вызывает их замену новыми. Закономерный характер процесса развития свидетельствует о том, что если борьба противоположностей, присущих объекту, обусловливает возникновение у него той или иной возможности, то законы, действующие в этой борьбе, конкретно определяют, чем станет объект в будущем. Но законы — это не что иное, как общие устойчивые необходимые связи и отношения. Поэтому в любой возможности всегда заключена определенная доля необходимости. Учитывая это, К. Маркс пишет: «Необходимость проявляется в конечной природе как *относительная необходимость*, как *детерминизм*. Относительная необходимость может быть выведена только из *реальной возможности*, это значит: существует круг условий, причин, оснований и т. д., которыми опосредствуется эта необходимость. Реальная возможность является раскрытием относительной необходимости» [2, 36]. Поэтому трудно согласиться с точкой зрения, согласно которой «возможность непременно включает в себя оба вышеуказанных момента («тенденция» и «не необходимость»), и отсутствие какого-либо из них уничтожает возможность как таковую» [197, 57]. Если «не необходимость» понимается в смысле «не неизбежности» реализации, то эта мысль неточна, потому что при наличии необходимых и достаточных условий возможность неизбежно превращается в действительность вследствие действия объективных закономерностей движения объекта. В противном случае человек не смог бы организовать производство. Если же «не необходимость» понимается в смысле «незакономерного», не обусловленного внутренними причинами, то эта мысль неверна и противоречит утверждениям самих авторов о том, что «любая возможность обусловлена и порождена определенными необходимостями» [197, 65], что «возможность возникает и существует только на основе необходимости» [там же, 66]. Значит, в любом смысле данная точка зрения не может считаться удовлетворительной.

Некоторые авторы недооценивают роль необходимости в возникновении и существовании возможности и считают, что «условие является основным фактором, определяющим возникновение или существование определенной возможности» [298, 152]. Нет сомнения, что условия играют важную роль в возникновении или существовании определенной возможности. Но условия — это лишь те факторы, которые способствуют изменениям в вещи, а сами по себе их не вызывают. Они образуют фон, на котором развертывается превращение возможности в действительность, но сами не обусловливают непосредственно эту возможность. Последняя всегда определяется внутренними факторами, внутренними закономерностями функционирования и развития объекта.

Возникновение, существование и развитие возможности обусловлены и определены не только основными, но и неосновными прстиворечиями. Этот факт объясняет, почему разные возможности содержат в себе разные степени необходимости. Степень наличия необходимости в возможности выражается категорией вероятности. Когда мы рассматриваем вероятность как выражение степени необходимого в возможном, мы тем самым рассматриваем необходимое как сторону, внутренне присущую возможному. Вероятность, равная 0, означает, что эта возможность полностью необоснована; другими словами, ее фактически нет, и поэтому не имеет смысла говорить о неизбежности ее реализации. Наоборот, вероятность, равная 1, означает, что эта возможность полностью обоснована и она неизбежно превращается в действительность, если имеются соответствующие условия. Поэтому, зная величину вероятности, мы можем судить о степени готовности возможности превратиться в действительность.

Сказанное позволяет сделать вывод, что развитие противоречий, присущих определенному объекту, обусловливает возможности его дальнейшего движения, изменения, а законы движения определяют конкретно, какими будут эти возможности. Следовательно, для обнаружения возможности в определенном объекте необходимо раскрыть его противоречия и законы их развития.

Обнаружение соответствующих возможностей является необходимым, но не достаточным условием целенаправленной деятельности. Субъект деятельности должен решить также вопрос о том, каким путем реализовать ту возможность, которая отвечает его интересам. Ответ на этот вопрос можно найти, опираясь на теоретические положения о превращении возможности в действительность.

В каждом материальном образовании содержится множество возможностей. Среди них можно выделить те, которые готовы превратиться в действительность, и те, которые еще далеки от этого. Все зависит от доли необходимости, заключенной в каждой возможности, и от условий существования данного материального образования. Поэтому, прежде чем реализовать интересующую нас возможность, необходимо определить, какова она. Если эта возможность является абстрактной, то прежде, чем реализовать, ее необходимо превратить из абстрактной в конкретную. Каким же образом? Мы знаем, что развитие возможности обусловлено развитием противоречия, присущего объекту. На ранних стадиях развития противоречия возможность только формируется. Она развивается вместе с развитием противоречия и готова перейти в действительность, когда противоречие достигает высшей степени обострения и наступает момент его разрешения. Поэтому для ускорения превращения возможности из абстрактной в конкретную и, далее, из конкретной в действительность необходимо создать такие условия, которые способствовали бы развитию противоречия в том направлении, которое нас интересует. Из этого следует, что одной из важных задач действующего субъекта является определение и создание условий, необходимых для реализации той или иной возможности.

Обычно для превращения возможности в действительность необходимо не одно, а целый комплекс условий (объективные, субъективные, внутренние, внешние, главные, неглавные и т. д.). Это всегда нужно учитывать при разработке мероприятий по реализации каждой возможности.

При осуществлении той или иной возможности на практике важную роль играет создание благоприятных условий для реализации возможности. Момент, когда существуют все основания для успешной деятельности, можно считать оптимальным для реализации возможности. Существует мнение, согласно которому такой оптимальный момент наступает, когда развитие основного противоречия между действительностью и возможностью достигло своего апогея и сложились условия для его разрешения, следствием чего является переход возможности в действительность [см. 124, 91—100]. Однако основным источником развития материального образования является не противоречие между ним как действительностью и той возможностью, которая существует в нем, а противоречие, присущее ему как действительности и определяющее его развитие на всем протяжении его существования. Возможность же, возникающая в нем, является следствием этого противоречия, и ее развитие определяется его развитием. Возможность достигает своей полной зрелости, когда развитие этого противоречия достигает своего апогея. Разрешение этого противоречия означает переход данной возможности в действительность. Поэтому оптимальным для реализации возможности будет тот момент, когда развитие противоречия, обусловливающего эту возможность, достигнет высшей степени обострения.

В процессе реализации возможности необходимо учитывать также, что кроме возможности, которую действующий субъект пытается реализовать, в материальном образовании содержится множество других возможностей, как отрицательных, так и положительных. Прежде всего, необходимо устранить или, по крайней мере, препятствовать развитию отрицательных возможностей. Ликвидация их открывает благоприятные условия для развития интересующей нас возможности и ее превращения в действительность. Вместе с тем необходимо всячески содействовать развитию тех возможностей материального образования, которые способствуют его развитию.

Итак, процесс возникновения и развития возможности и превращения ее в действительность имеет объективный и закономерный характер, познав его законы, субъект может целенаправленно воздействовать на него. Если в природе возможности превращаются в действительность стихийно, то в обществе всякая возможность превращается в действительность в результате деятельности людей, которые могут не только ускорить или замедлить ее развитие, но и направить его в строго определенном направлении. При наличии соответствующих объективных условий решающая роль в реализации социальной возможности принадлежит именно активной деятельности людей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Методологическая роль законов и категорий диалектики

Категории диалектики, находясь между собой в необходимой взаимосвязи и взаимозависимости, отражают всеобщие формы бытия и их соотношение, всеобщие закономерности движения и развития материи и познания.

Изучение диалектики способствует формированию у людей целостной системы взглядов на мир, дающей единое понимание происходящих в нем явлений. Давая объяснение происходящих в мире явлений, диалектика в то же время выступает в роли метода познания и преобразования действительности. На основе всеобщих свойств и связей, отраженных в ее законах и категориях, формулируются соответствующие методологические принципы, требования, ориентирующие людей в их мыслительной и предметно-преобразующей деятельности.

Говоря о диалектике, мы имеем в виду научную материалистическую теорию диалектики, отражающую объективные закономерности, всеобщие свойства и связи действительности. Поэтому исходным, определяющим принципом диалектического метода познания является вытекающий из материалистического решения вопроса о соотношении материи и сознания сформулированный В. И. Лениным принцип *объективности рассмотрения*.

Если материя первична по отношению к сознанию, если она, существуя вечно через относительно устойчивые образования, системы, на определенной ступени своего развития порождает сознание, которое, будучи свойством особым образом организованной материи, является отражением объективной действительности, реально существующих вещей, их свойств и отношений, то в процессе познания, при исследовании объекта надо исходить не из мышления, не из субъективных мнений о нем, а из самого объекта, из его собственной природы, воспроизводя в сознании в движении идеальных образов логику его собственного развития. Формулируя данное требование в «Философских тетрадях», В. И. Ленин указывает: «...*объективность* рассмотрения (не примеры, не отступления, а вещь сама по себе)» [3, 29, 202].

Говоря о принципе объективности, мы отвлекались от того обстоятельства, что сознание не просто отражает действительность, но отражает ее субъективно, не пассивно, а активно, с определенными изменениями, преобразованиями, не механически, а творчески. *Активность субъекта в процессе познания* является необходимым условием раскрытия сущности исследуемого объекта, выявления присущих ему необходимых свойств и связей. Дело в том, что, если субъект будет выступать в роли простого наблюдателя, созерцателя исследуемого объекта, он сможет отразить лишь некоторые внешние свойства исследуемого объекта, проявившиеся у него в данных естественных условиях. Эти свойства не дадут никакого представления о сущности объекта. Чтобы раскрыть сущность объекта, необходимо на него воздействовать, поставить его в иные связи и отношения, отличные от тех, в которых он находится в естественном состоянии. Изменяя естественное состояние исследуемого объекта, человек шаг за шагом проникает в его тайны, раскрывает присущие ему необходимые свойства и связи, законы. Активное воздействие на объект, его целенаправленное преобразование, таким образом, является не менее важным, чем объективность, требованием, которое должен соблюдать субъект в своей познавательной деятельности.

Требование изменения объекта в процессе его познания является важнейшим моментом принципа активности, однако не исчерпывает его содержания. В принцип активности входит и требование соответствующего изменения идеальных образов, возникающих в процессе познания объекта и так или иначе отражающих его свойства и связи. Пассивное отражение объекта, его непосредственное восприятие и описание дает хотя и целостное, но хаотическое представление о целом, в котором не улавливается связь и взаимозависимость между фиксируемыми сторонами, свойствами. Единичное и общее, случайное и необходимое дано здесь в единстве, слитно. Сущность хотя и отражается, но отражается не в прямом виде, а выступает в форме видимости, кажимости. Такое значение объекта не может ориентировать человека в его практической деятельности. Для ориентации в окружающей действительности необходимы существенная переработка чувственных образов, получаемых в результате непосредственного восприятия образов, отделение общего от единичного, необходимого от случайного, формирование идеальных образов, понятий, отражающих общие, необходимые существенные свойства и связи, создание идеальных моделей, воспроизводящих в соотношении идеальных образов внутренние, необходимые стороны и связи объекта, его сущность. Эти создаваемые в процессе развития познания идеальные образования, модели являются плодом творческой деятельности сознания, мышления; в самой объективной действительности ничего подобного нет. В самом деле, в создаваемых в процессе абстрактного мышления идеальных образованиях — понятиях, суждениях, теориях — общее, необходимое, свойственное исследуемому объекту, существует в чистом виде; в объективной же действительности ни общее, ни необходимое в чистом виде не существуют; здесь они выступают в качестве определенных сторон отдельных материальных образований и существуют в них в органической связи с единичным, случайным. Последние накладывают определенный отпечаток на них, обусловливают соответствующие отклонения в ту или иную сторону, видоизменяют и таким образом искажают их. В результате всего этого явление никогда не совпадает с сущностью, необходимое со случайным, закон с формами его проявления.

Поэтому задача познания — сведение внешнего к внутреннему, явления к сущности, объяснение проявляющихся у объекта познания вследствие его взаимодействия с другими, окружающими его образованиями свойств и связей из внутренних причин, из взаимодействий элементов, его образующих, из присущих ему законов. И поскольку внешнее и внутреннее, явление и сущность объекта не совпадают, движение познания к сущности предполагает изменение идеальных образов, полученных в процессе восприятия объекта, преобразование чувственных данных, создание гипотез — идеальных моделей, призванных выразить внутреннее, необходимое, сущность объекта, но не соответствующих и даже противоречащих чувственным данным, фиксируемым в них явлениям объекта.

Говоря о необходимости изменения, творческого преобразования чувственных данных, эмпирического материала в процессе движения познания к сущности как об одном из требований принципа активности, необходимо подчеркнуть, что эти изменения, преобразования осуществляются субъектом не произвольно, а в соответствии с реальными свойствами и тенденциями, выявленными у объекта и нашедшими определенное отражение в эмпирическом материале. Именно эти свойства и тенденции являются исходным пунктом преобразования чувственного материала.

Требование объективности рассмотрения предписывает рассматривать предмет как самостоятельно, вне и независимо от сознания субъекта, существующую реальность. Необходимыми условиями реального существования вещи являются ее многообразные связи с другими вещами, определенная система ее отношений с ними. Но если вещь находится в органической взаимосвязи с другими вещами и эта взаимосвязь является необходимым условием и формой ее существования, обусловливает проявление соответствующих свойств, то, чтобы познать вещь, выявить характеризующие ее свойства, *необходимо ее рассматривать не саму по себе, не изолированно от других вещей, а в органической связи с ними,* учитывать «всю совокупность многоразличных *отношений* этой вещи к другим» [3, 29, 202] вещам. Только такое рассмотрение обеспечивает действительное познание вещи. «Чтобы действительно знать предмет, — отмечал В. И. Ленин, раскрывая суть данного принципа, — надо охватить, изучить все его стороны, все связи и „опосредствования“» [3, 42, 290].

Рассматривая вещь во всех ее связях и отношениях, субъект познания выявляет и фиксирует одно за другим ее свойства и, осмысливая их через категории «единичное» и «общее», «качество» и «количество», составляет о ней определенное представление, а затем и понятие. В этих представлениях субъект фиксирует лишь то, что находится на поверхности вещи, ее внешние стороны, свойства. И хотя он выявляет эти стороны, свойства в ходе рассмотрения вещи в соответствующих связях, отношениях с другими вещами, он не улавливает этой связи, необходимых отношений между ними. Он их рассматривает как сосуществующие в вещи. Сосуществующими, независимыми друг от друга выступают здесь и качественные, и количественные характеристики. Их взаимообусловленность, взаимопереходы на данной ступени развития познания остаются вне поля зрения исследователя.

Однако по мере накопления знаний о единичных и общих свойствах исследуемого объекта, о его качественных и количественных характеристиках субъект предпринимает попытку объяснить то или иное свойство, обнаружить его причину, вывести его из нее и тем самым переходит от фиксации свойств объекта как сосуществующих к осмыслению их как обусловленных соответствующими причинами. Формулируя данную закономерность, В. И. Ленин указывал, что в процессе познания субъект идет «от сосуществования к каузальности и от одной формы связи и взаимозависимости к другой, более глубокой, более общей» [3, 29, 203].

На этой стадии развития познания начинает играть ведущую роль *принцип детерминизма* — требование выявления необходимой обусловленности каждого открываемого у исследуемого объекта свойства, отношения.

Принцип детерминизма формируется на основе причинной обусловленности явлений как всеобщей формы бытия, признания необходимой связи причины со следствием и других форм бытия, в частности обусловленности качественных характеристик объекта количественными, формы — содержанием, структуры — природой элементов, образующих целое, функции — структурой, явления — сущностью и т. д. Это указывает на то, что он связан с той ступенью развития общественного познания, на которой человек выявляет и теоретически осмысливает причинность и необходимость как моменты всеобщей связи явлений действительности, как всеобщие формы бытия.

Требования принципа детерминизма в определенной степени выражены в формально-логическом законе достаточного основания, предполагающем обоснованность каждой выдвигаемой мысли, каждого высказываемого суждения, обусловленность их другими мыслями, суждениями. Однако этот закон не включает всего содержания указанного принципа. Оно значительно богаче. Принцип детерминизма, проявляясь через закон достаточного основания, прорывает узкий горизонт формально-логического мышления, требуя не только обусловленности одной мысли другой, но и воспроизведения в движении мыслей причинной обусловленности исследуемых явлений, их необходимой связи, их объективной детерминации.

Причинная обусловленность явлений, их свойств и отношений необходимым образом связана с взаимодействием вещей, элементов, их образующих, и возникающими в результате этих взаимодействий количественными и качественными изменениями. А если это так, то использование принципа детерминизма в научном исследовании неизбежно переводит внимание субъекта познания с описания устойчивого состояния объекта, фиксации его свойств и отношений на выявление происходящих в нем изменений, анализ протекающих процессов, установление свойственной им закономерности. Таким образом, принцип детерминизма нацеливает на рассмотрение объекта познания в движении и развитии.

Требование рассмотрения вещи в ее самодвижении и развитии выражено в *принципе историзма*, который в четкой, лаконичной форме был сформулирован В. И. Лениным в «Философских тетрадях». Суть этого принципа сводится к следующему: в процессе познания вещи во взаимосвязи идеальных образов (понятий), в их движении, взаимопереходах должно воспроизводиться «*развитие* этой вещи (respective явления), ее собственное движение, ее собственная жизнь» [3, 29, 202].

Принцип историзма выражает атрибутивность движения материи, его всеобщий характер. В самом деле, если движение является атрибутом материи, способом ее существования, если все материальные образования (вещи) представляют собой относительно устойчивые системы движения, возникающие и развивающиеся по определенным законам, если форма движения определяет их сущность, то, чтобы познать вещь, необходимо рассматривать ее в движении, в возникновении, становлении и развитии, ибо только выявляя основные стадии, которые вещь проходит в своем развитии, можно понять, объяснить присущие ей необходимые свойства и связи, качественные и количественные характеристики. Показывая важность данного принципа для развития общественной науки, В. И. Ленин подчеркнул: «Самое надежное в вопросе общественной науки и необходимое для того, чтобы действительно приобрести навык подходить правильно к этому вопросу и не дать затеряться в массе мелочей или громадном разнообразии борющихся мнений, — самое важное, чтобы подойти к этому вопросу с точки зрения научной, это — не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь» [3, 39, 67].

Говоря о требовании рассмотрения объекта в его самодвижении и развитии, мы имеем в виду не описание происходящих в нем изменений, не простую фиксацию сменяющих друг друга качественных состояний, а выявление необходимой связи следующих друг за другом явлений, законов, обусловливающих его функционирование, развитие, его настоящее бытие и реальную возможность превращения в новое качество, являющееся его отрицанием и в то же время продолжением в иных формах, сохранением в преобразованном виде в содержании пришедшего ему на смену образования. Выявив необходимую связь качественных состояний, образующих историю формирования и развития исследуемого целого, законы, обусловливающие его функционирование, изменение, переход с одной стадии развития на другую вплоть до зрелого состояния и возможности его неизбежного перехода в свою противоположность, можно объяснить присущие ему качественные и количественные характеристики, понять его сущность.

Если исторический подход предполагает не только воспроизведение в познании развития исследуемого объекта, но и выявление необходимой связи между сменяющими друг друга явлениями, законов, обусловливающих переход от одного явления к другому, от одной стадии формирования и развития объекта к другой, то *историческое в диалектическом методе не исключает логическое, а находится с ним в органической связи.* Историческое здесь выступает не в том виде, как оно имело место в действительности, т. е. со всеми случайными отклонениями, зигзагами, возвращениями назад и т. п., а в очищенном от случайностей виде, подправленном соответственно законам самого исторического процесса. Оно здесь является формой движения логического, отражающего необходимые связи и отношения, проявившиеся в процессе становления и развития исследуемого объекта. Давая характеристику методу Маркса, примененному им в «Капитале», Энгельс специально подчеркивает в нем единство исторического и логического. «...Этот метод, — указывает он, — в сущности является не чем иным, как тем же историческим методом, только освобожденным от исторической формы и от мешающих случайностей» [1, 13, 497].

Принцип историзма, ориентирующий на рассмотрение объекта в его движении и развитии и выявление необходимой связи сменяющих друг друга явлений, законов, обусловливающих переход исследуемого целого из одних качественных состояний в другие, органически включает в себя принцип детерминизма и требование объективности рассмотрения предмета во всех его связях и отношениях, т. е. предшествующие принципы присутствуют в нем в «снятом» виде. Включая в свое содержание требования предшествующих принципов, принцип историзма в ходе своего применения делает необходимым введение новых требований, формулировку новых принципов диалектической логики.

Руководствуясь принципом историзма в процессе исследования объекта, мы должны рассматривать его в движении и развитии, раскрыть законы, обусловливающие его переход от одного качественного состояния к другому, с одной стадии развития на другую. Но все это предполагает выявление источника изменений объекта, причины его движения и развития. Источником движения и развития материальных образований, как известно, являются свойственные им противоречивые тенденции, «борьба» противоположностей. Поэтому важнейшим условием познания объекта, воспроизведения в идеальных образах его сущности является познание его как «единства противоположностей», раскрытие свойственных ему «внутренних противоречивых *тенденций*», их «борьбы» [см. 3, 29, 202]. Данное требование диалектического метода выражено в *принципе раздвоения единого*. Этот принцип играет важную роль не только в познании вещей как движущихся и развивающихся объектов, но и в объяснении всего многообразия присущих им различных и противоположных свойств, качественных состояний, выявлении необходимой взаимосвязи между ними, переходов из одного в другое и в свою противоположность, имеющих место в процессе развития материальных образований.

Последовательное применение в научном исследовании принципа раздвоения единого, ориентирующего субъекта на выявление в объекте противоположных сторон, тенденций, установление взаимосвязи между ними и воспроизведение на этой основе его самодвижения и развития вплоть до перехода в новое качественное состояние, приводит к необходимости теоретического осмысления момента превращения вещи в ходе развития в иное качественное состояние. Этот момент отражается в категории «диалектическое отрицание».

Диалектическое отрицание, как известно, характеризуется тем, что оно обусловливается развитием внутренних противоречивых тенденций, т. е. является самоотрицанием и представляет собой такое отрицание, которое не просто уничтожает отрицаемое, но удерживает в нем все положительное, соответствующее новому уровню развития. Оно представляет собой единство уничтожения и сохранения, форму связи низшего с высшим в процессе развития. Из этих особенностей диалектического отрицания следует соответствующее методологическое требование: в процессе познания отрицание одного положения другим необходимо осуществлять так, чтобы выявление различия между утверждаемым и отрицаемым положениями сочеталось с выявлением их связи, тождества, с отысканием отрицаемого в утверждаемом.

Содержание данного принципа В. И. Ленин излагает следующим образом: «...По отношению к простым и первоначальным, „первым" положительным утверждениям, положениям etc. „диалектический момент", т. е. научное рассмотрение, требует указания различия, связи, перехода. Без этого простое положительное утверждение неполно, безжизненно, мертво. По отношению к „2-му", отрицательному положению, „диалектический момент" требует указания „*единства*", т. е. связи отрицательного с положительным, нахождения этого положительного в отрицательном. От утверждения к отрицанию — от отрицания к „единству" с утверждаемым, — без этого диалектика станет голым отрицанием, игрой или скепсисом» [3, 29, 208].

Специфическим выражением принципа диалектического отрицания применительно к развитию научных теорий является сформулированный в 1913 г. Н. Бором принцип соответствия, согласно которому теории, объясняющие ту или иную область явлений, с возникновением новых более общих теорий не устраняются как нечто ложное, но включаются в новую теорию как ее предельный или частный случай и сохраняют свое значение для прежней области. Этот принцип обязывает при разработке новой теории обращать внимание не только на ее отличие, но и на ее связь со старой, на выявление определенного содержания старой теории в содержании новой теории. Последующее развитие физических теорий подтвердило истинность этого принципа, являющегося по существу принципом диалектического отрицания, и он стал одним из основных принципов современного научного исследования.

Принципы историзма, раздвоения единого на противоположности и диалектического отрицания связаны с той ступенью развития познания, на которой выявляется противоречивая природа объекта и воспроизводится в познании в системе идеальных образов вся совокупность его необходимых свойств и связей, взятых в их естественной взаимозависимости. Эта ступень развития общественного познания отражается в категории «сущность».

Наиболее адекватной формой выражения сущности исследуемого объекта является теория. В качестве важнейшего принципа разработки теории, воспроизводящей через необходимую взаимосвязь понятий сущность исследуемого целого, выступает *принцип восхождения от абстрактного к конкретному*, сформулированный Гегелем и научно обоснованный и успешно примененный К. Марксом в «Капитале».

До Маркса при исследовании той или иной области явлений применялся, как правило, принцип восхождения от чувственно-конкретного к абстрактному. Согласно этому принципу в ходе исследования конкретного целого выделялись отдельные его стороны, свойства и рассматривались как таковые, вне связи с другими сторонами. В результате вычленялись простейшие понятия, отражающие отдельные общие или всеобщие свойства. Выявление общих или всеобщих простейших свойств или отношений считалось достаточным для познания исследуемого целого, для создания о нем определенного представления. В качестве примера теоретического обоснования этого принципа можно сослаться на Гоббса и Локка, которые в своих философских трудах уделили ему исключительно большое внимание.

После познания отдельных сторон свойств исследуемого целого и выражения этого знания в простейших общих понятиях, «тощих абстракциях», считалось достаточным механически соединить эти простейшие понятия, абстракции, чтобы получить знание сущности целого. Разумеется, никакого знания сущности, руководствуясь данным принципом, получить нельзя, ибо сущность представляет собой не механическое целое, не простое соединение свойств или сторон предмета, а их диалектическое единство, диалектическое целое, все стороны которого находятся в естественной необходимой взаимосвязи и взаимозависимости. Поэтому, будучи необходимым на первой, начальной стадии развития познания, на стадии движения познания от единичного к общему и всеобщему, на стадии выделения и фиксации отдельных свойств и связей исследуемого целого, данный принцип совершенно неприемлем для познания сущности предмета, для воспроизведения в сознании всей совокупности его необходимых сторон и связей (законов) в их взаимодействии, естественной взаимозависимости.

Принцип восхождения от абстрактного к конкретному и является как раз таким требованием диалектического метода познания, соблюдение которого позволяет проникнуть в сущность исследуемого предмета, представить во взаимосвязи, взаимозависимости все его необходимые стороны и отношения. Согласно этому принципу исследование должно начинаться не с конкретного, а с абстрактного, с понятий, отражающих простейшие общие или всеобщие стороны или отношения. Причем в качестве исходного, отправного звена здесь должна браться не любая (простая, всеобщая) сторона, а такая, которая является решающей в исследуемом целом, определяющей все другие его стороны. Выделив главную, определяющую сторону, мы согласно этому принципу исследования должны взять ее в развитии, т. е. проследить, какие стадии она прошла в своем развитии и как в ходе этого развития влияла на все другие стороны данного материального образования, обусловливая в них соответствующие изменения. Прослеживая все это, мы шаг за шагом воспроизведем в сознании процесс становления исследуемого материального образования, а вместе с тем и всю совокупность необходимых сторон, связей, свойственных ему, т. е. его сущность.

Включая в себя в снятом виде все предшествующие принципы: принцип объективности, всесторонности рассмотрения, принцип детерминизма, историзма и раздвоения единого на противоположные стороны, принцип восхождения от абстрактного к конкретному обусловливает ряд дополнительных требований, составивших содержание других самостоятельных принципов диалектического метода познания. Таким принципом, в частности, является *принцип единства анализа и синтеза*, который реализуется в системно-структурном анализе и синтезе.

Данный вид анализа и синтеза осуществляется в процессе движения познания от основы к обоснованному, в процессе выведения из исходного начала других сторон, исследуемого целого. Анализ и синтез, осуществляемые в процессе такого исследования, повторяют в сознании объективные процессы расчленения и соединения, имевшие место в ходе развития исследуемого объекта. Движение мысли, анализирующей и синтезирующей предмет, и движение самого исследуемого предмета здесь проходят одни и те же этапы, идут в одном и том же направлении, по одному и тому же руслу. И поскольку мышление в своем движении воспроизводит в сознании все основные этапы, которые прошел предмет в своем развитии, постольку и результаты мышления более или менее точно воспроизводят результаты развития предмета — его сущность.

Всестороннюю разработку и широкое практическое применение данный вид анализа и синтеза получил в работах Маркса, особенно в «Капитале».

Неизбежным следствием применения принципа восхождения от абстрактного к конкретному является *системный подход* к объекту познания. Выделив исходное, определяющее звено (свойство, отношение) в исследуемом целом, раскрыв в нем противоречивые тенденции, мы согласно принципу восхождения от абстрактного к конкретному должны рассматривать его в движении и развитии и воспроизводить в движении мысли обусловливаемые им изменения в развивающемся объекте, появление у него новых сторон, звеньев, образующих шаг за шагом его как целостную систему. Конкретным результатом восхождения от абстрактного к конкретному, таким образом, является воспроизведение в системе понятий познаваемого объекта как расчлененного на отдельные элементы (стороны) целого, в котором каждый элемент (сторона) занимает свое, строго определенное, обусловленное законами образования, функционирования и развития этого целого место и находится в необходимой взаимосвязи с другими элементами (сторонами). Все это свидетельствует о том, что системный подход является необходимым моментом диалектического метода познания, одним из важнейших его принципов.

Системный подход как необходимая сторона диалектического метода органически связан с историческим подходом, что делает его более эффективным и ценным в научном отношении. В самом деле, при определении структуры исследуемого целого, выявлении места, роли и значении элементов, образующих систему, объяснении их соотношения в целом, влияния на его качество в диалектическом методе учитывается зависимость от предшествующих состояний объекта, процесса возникновения, формирования и развития целого.

Между тем применяемый сейчас буржуазными учеными системный подход сводится, по существу, к системно-функциональному методу, который призван установить взаимосвязь между исследуемыми явлениями в данных или заданных условиях, игнорируя историю формирования и развития исследуемого целого, свойственных ему связей. Такой подход позволяет выявить элементы, образующие исследуемую систему, описать их, установить связи между ними, но не может раскрыть сущность этой системы, являющуюся результатом развития составляющих ее элементов, не в состоянии показать тенденции перехода данного явления в новые качественные состояния. Правда, структурно-функциональный метод буржуазными авторами дополняется историко- или каузально-генетическим методом, имеющим своей целью рассмотреть объект как изменяющееся целое, определить стадии его развития, последовательность их прохождения. Но в силу того что этот метод не предполагает выявления структуры изменяющегося целого, определяющих элементов и связей, он тоже не обеспечивает раскрытие сущности исследуемого материального образования. Результатом такого метода являются описание следующих друг за другом явлений или качественных состояний, фиксация определенных стадий в развитии исследуемого целого.

В противоположность этому в диалектическом познании функционально-структурный и каузально-генетический методы исследования объекта находятся в органической взаимосвязи и взаимозависимости. Этот метод включает в себя не только системность, но и историзм, обязывая рассматривать любое материальное образование не только во всех его связях, но и в развитии, вследствие чего он и обеспечивает проникновение познающего субъекта в сущность исследуемого объекта.

Материалистическая диалектика доказала свою силу и истинность, выдержав испытание времени. Все ее положения и выводы подтверждены наукой, практикой, основные законы материалистической диалектики выступают в качестве могучего идейного оружия преобразования мира. Особенно важно подчеркнуть недопустимость недооценки законов диалектики. Буржуазные теоретики, враги прогресса на все лады шумят об устарелости марксистско-ленинской диалектики, о ее несоответствии современным задачам, требованиям эпохи. Им вторят ревизионисты различных мастей. О том, как следует относиться к подобным нападкам на марксизм, хорошо сказал Ю. В. Андропов: «Коммунистам не пристало прельщаться хлесткими фразами всевозможных «улучшателей» Маркса, цепляться за фабрикаты буржуазной науки. Не размывать марксистско-ленинское учение, а, наоборот, бороться за его чистоту, творчески развивать его — вот путь к познанию и решению новых проблем. Лишь такой подход отвечает традициям и духу нашего учения, потребностям коммунистического движения» [6а, 22].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.

2. *Маркс К., Энгельс Ф.* Из ранних произведений. М., 1956.

3. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч.

4. Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976.

5. Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981.

6. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1977.

6а. *Андропов Ю. В.* Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР. — Коммунист, 1983, № 3.

7. *Аверьянов А. Н.* Система: философская категория и реальность. М., 1976.

8. *Агудов В. В.* Количество, качество, структура. — Вопросы философии, 1967, № 1.

9. *Ай Сыци.* Лекции по диалектическому материализму. М., 1959.

10. *Айер Дж.* Философия науки. — Вопросы философии, 1962, № 1.

11. *Александров А. Д.* Пространство и время в современной физике в свете философских идей В. И. Ленина. — В кн.: Физическая наука и философия. М., 1973.

12. *Амстердамский С.* «Degree of confirmation» и «Degree of rational belief». — В кн.: Закон. Необходимость. Вероятность. М., 1967.

13. *Андреева Г. М.* Форма и содержание. М., 1957.

14. *Анисимов С. Ф.* Соотношение категорий закона, причинности, необходимости и случайности. — Вопросы философии, 1955, № 6.

15. *Антипенко Л. Г.* Проблема физической реальности. М., 1973.

16. *Антонов Н. А.* Происхождение и сущность сознания. Иваново, 1959.

17. *Аристотель.* Категории. М., 1939.

18. *Аристотель.* Метафизика. М.—Л., 1934.

19. *Аристотель.* Физика. М., 1936.

20. *Аристотель.* Соч. Т. 1—2. М., 1975—1978.

21. *Арсеньев А. С., Библер В. С., Кедров Б. М.* Анализ развивающегося понятия. М., 1967.

22. *Аскин Я. Ф.* Проблема времени. М., 1966.

23. *Аугустыник З.* Два определения времени. — Вопросы философии, 1970, № 6.

24. *Афанасьев В. Г.* Научное управление обществом. М., 1973.

25. *Афанасьев В. Г.* Основы философских знаний. М., 1977.

26. *Багиров З. Н.* Ленин и диалектическое понимание отрицания. Баку, 1969.

27. *Баженов Л. Б.* Концептуальная эволюция проблемы причинности. — В кн.: Философские основания естественных наук. М., 1976.

28. *Барановский Н. В.* О причинной обусловленности случайности. — Философские науки, 1963, № 6.

29. *Барашенков В. С., Блохинцев Д. И.* Ленинская идея неисчерпаемости материи в современной физике. — В кн.: Физическая наука и философия. М., 1973.

30. *Бергсон А.* Соч. Т. 2. Спб., б. г.

31. *Бергсон А.* Творческая эволюция. М. — Спб., 1914.

32. *Блауберг И. В., Юдин Э. Г.* Становление и сущность системного подхода. М., 1973.

33. *Бранский В. П.* Проблема взаимосвязи причинности и случайности и ее значение для естествознания. — В кн.: Некоторые философские вопросы современного естествознания. Л., 1973.

34. *Бродский И. Н.* Причинность и информация. — Вестник ЛГУ, 1963, № 17.

35. *Босенко В. А.* Диалектика как теория развития. Киев, 1966.

36. *Бунге М.* Причинность. М., 1962.

37. *Бутаков А. А.* Основные фор-

мы движения материи и их взаимосвязь в свете современной науки. М., 1974.

38. *Вальт Л. О.* Соотношение структуры и элементов. — Вопросы философии, 1963, № 5.

39. *Виндельбанд В.* Прелюдии. Спб., 1904.

40. *Виноградов В. Г., Гончарук С. И.* Законы общества и научное предвидение. М., 1972.

41. *Войшвилло Е. К.* Понятие. М., 1967.

42. *Воробьев М. Ф.* Об «отрицании» и «отрицании отрицания». — Вестник ЛГУ, 1957, № 23.

43. Всепобеждающие идеи. Ростов-на-Дону, 1960.

44. *Вяккерев Ф. Ф.* Диалектическое противоречие и марксистская политическая экономия. М., 1963.

45. *Вяккерев Ф. Ф.* Сущность предметного противоречия и особенности его теоретического воспроизведения. — Проблемы диалектики. Вып. III. Л., 1973.

46. *Геворкян Г. А.* Вероятное и достоверное знание. Ереван, 1965.

47. *Гегель Г. В. Ф.* Соч. Т. I—XI. М.—Л., 1929—1959.

48. *Гегель.* Наука логики. Т. 2—3. М., 1971—1972.

49. *Гегель.* Энциклопедия философских наук. Т. 1. М., 1974.

50. *Гегель.* Феноменология духа. Спб., 1913.

51. *Гегель.* Эстетика. Т. 1. М., 1968.

52. *Гейзенберг В.* Введение в единую полевую теорию элементарных частиц. М., 1968.

53. *Гейзенберг В.* Квантовая теория полей и элементарных частиц.— В кн.: Нелинейная квантовая теория поля. М., 1969.

54. *Георгиев Ф. И., Петровичева Л. Ф.* Проблема противоречия. М., 1969.

55. *Гольбах П.* Система природы. М., 1940.

56. *Гончарук С. И.* Законы развития и функционирования общества. М., 1977.

57. *Горанов В. И.* Содержание и форма в искусстве. М., 1962.

58. *Горбач В. И.* Проблемы диалектических противоречий. М., 1972.

59. *Горский Д. П.* Проблемы общей методологии науки и диалектической логики. М., 1966.

60. *Грушин Б. А.* Опыт анализа объективной структуры процесса развития. — Вопросы философии, 1961, № 2.

61. Диалектика и современное естествознание. М., 1970.

62. Диалектика научного познания. М., 1978.

63. Диалектическая логика. Ростов-на-Дону, 1966.

64. Диалектический материализм. М., 1974.

65. Диалектический и исторический материализм — философская основа коммунистического мировоззрения. Киев, 1977.

66. *Дубинин Н. П.* Генетика и будущее человечества. М., 1971.

67. *Дубинин Н. П.* Интегрирующая роль генетики для современной биологии. — В кн.: Современное естествознание и материалистическая диалектика. М., 1977.

68. *Дудель С. П., Штракс Г. М.* Закон единства и борьбы противоположностей. М., 1967.

69. *Дышлевый П. С.* Концепция относительности в классической и современной физике в свете диалектического материализма. — В кн.: Современное естествознание и материалистическая диалектика. М., 1977.

70. *Дышлевый П. С.* Понятие «физической реальности» в современной физике. — В кн.: Гносеологические аспекты измерений. Киев, 1968.

71. *Дышлевый П. С.* Специфика философских проблем современного естествознания. — В кн.: Проблемы философии и методологии современного естествознания. М., 1973.

72. *Егоров А. А.* Возможность и структура. — В кн.: Современные проблемы материалистической диалектики. М., 1971.

73. *Егоров Ю. Л., Хасанов М. Х.* Система, структура функция. — Философские науки, 1978, № 5.

74. *Жданов Ю. А.* Пусковая причинность. — Вопросы философии, 1976, № 6.

75. *Зак Е. А.* К вопросу об асимметрии причинно-следственных взаимосвязей. — Вопросы философии, 1971, № 2.

76. *Зелькина О. С.* Категория «структура» в системе категорий диалектики. — В кн.: Современные проблемы материалистической диалектики М., 1971.

77. *Зелькина О. О.* Системно-структурный анализ основных категорий диалектики. Саратов, 1970.

78. *Иванова К. И.* Принцип причинности в системе принципов научного познания. Ташкент, 1974.

79. *Ильенков Э. В.* Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. М., 1960.

80. *Ильенков Э. В.* Диалектическая логика. М., 1974.

81. *Ильичев Л. Ф.* Философия и научный прогресс. М., 1977.

82. История философии. Т. I. М., 1957.

83. Исследования по общей теории систем. М., 1969.

84. *Камшилов М. М.* Биологический круговорот. М., 1970.

85. *Кант И.* Критика способности суждения. Спб., 1898.

86. *Кант И.* Соч. Т. 3—5. М., 1964—1966.

87. Категории материалистической диалектики. М., 1967.

88. *Кедров Б. М.* Ленин и диалектика естествознания XX века. М., 1971.

89. *Кедров Б. М.* О повторяемости в процессе развития. М., 1961.

90. *Кедров Б. М.* Предмет и взаимосвязь естественных наук. М., 1967.

91. *Кедров Б. М.* Теоретические вопросы материалистической диалектики. — Вопросы философии, 1976, № 12.

92. *Клини С. К.* Введение в математику. М., 1957.

93. *Кондаков Н. И.* Логический словарь-справочник. М., 1975.

94. *Кондильяк Э. Б.* Трактат о системах, в котором вскрываются их недостатки и достоинства. М., 1938.

95. *Конкин М. И.* Проблема формирования и развития философских категорий. М., 1980.

96. *Копнин П. В.* Диалектика, логика, наука. М., 1973.

97. *Копнин П. В.* Диалектика как логика и теория познания. М., 1973.

98. *Копнин П. В.* К вопросу об изменении содержания категорий в связи с развитием познания. — В кн.: Диалектика и логика научного познания. М., 1966.

99. *Кравец А. С.* Природа вероятности. М., 1976.

100. *Косичев А. Д.* Борьба марксизма-ленинизма против анархизма и современность. М., 1964.

101. *Косолапов Р. И.* Социализм. Вопросы теории. М., 1975.

102. *Кузьминцев И. М.* Вопрос о типах необходимости и некоторые проблемы современной физики. — Сборник тезисов докладов на научной конференции кафедр общественных наук вузов Северо-Запада. Л., 1963.

103. *Кузнецов В. И.* Диалектика развития жизни. М., 1973.

104. *Кузнецов И. В.* Избранные труды по методологии физики. М., 1975.

105. *Кузнецов И. В.* Категория причинности и ее познавательное значение. — В кн.: Теория познания и современная наука. М., 1967.

106. *Кузнецов И. В.* Принцип причинности и его роль в познании природы. — В кн.: Проблема причинности в современной физике. М., 1961.

107. *Купцов В. И.* Детерминизм и вероятность. М., 1976.

108. *Курно Ог.* Основы теории шансов и вероятностей. М., 1970.

109. *Лазарев Ф. В.* Относительность и принцип инвариантности. — В кн.: Проблемы теории познания, логики и методологии науки. М., 1974.

110. *Лекторский В. А.* Теория познания. — Философская энциклопедия. Т. 5. М., 1970.

111. *Лекторский В. А.* Философия, наука, «философия науки». — Вопросы философии, 1973, № 4.

112. *Лекторский В. А.* Философия и научный метод. — В кн.: Философия и наука. М., 1972.

113. *Лекторский В. А., Швырев В. С.* Методологический анализ науки (типы и уровни). — В кн.: Философия, методология, наука. М., 1972.

114. Ленинская теория отражения и современная наука. София, 1973.

115. *Леонтьев А. А.* Возникновение и первоначальное развитие языка. М., 1963.

116. *Лой А. Н.* Социально-историческое содержание категорий «время» и «пространство». Киев, 1978.

117. *Лунц А. М.* Об эволюции смерти в связи с эволюцией размножения. — Журнал общей биологии. Т. XXII, 1961, № 2.

118. *Лурье С. Я.* Очерки по истории античной науки. М.—Л., 1947.

119. *Лурье С. Я.* Предшественни-

ки Дарвина в античности. — Архив истории науки и техники. Сер. I, вып. 9. М.—Л., 1936.

120. *Ляхов И.* Связь. — Философская энциклопедия. Т. 4. М., 1967.

121. *Майер Р.* Закон сохранения и превращения энергии. М.—Л., 1933.

122. *Майр Э.* Популяции, виды, эволюция. М., 1974.

123. *Маковка Н. М.* Категории возможности и действительности. Краснодар, 1972.

124. *Маковка Н. М.* Проблема выбора в диалектике возможности и действительности. Ростов, 1978.

125. *Мамзин А. С.* Возможность, действительность, структура и проблема возникновения и сущности жизни. — В кн.: Проблема возможности и действительности. М.—Л., 1964.

126. *Мамзин А. С.* О форме и содержании в живой природе. Л., 1968.

127. *Мамчур Е. А.* Проблема выбора теории. М., 1975.

128. *Манасян А. С.* Проблема развития научного знания. Ереван, 1973.

129. *Маре К.* Причинность и взаимодействие. — В кн.: Диалектика и современное естествознание. М., 1970.

130. *Марков А. А.* Теория алгоритмов. — Труды математического ин-та им. В. А. Стеклова. Т. 38. М., 1967.

131. *Марков М. А.* О единстве и многообразии форм материи. — Вопросы философии, 1980, № 11.

132. *Марков М. А.* О понятии первоматерии. — Вопросы философии, 1970, № 4.

133. Марксистско-ленинская философия. Диалектический материализм. М., 1968.

134. Марксистско-ленинская философия. Диалектический материализм. М., 1977.

135. Материалисты Древней Греции. Собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура. М., 1955.

136. *Мейсон Б.* Основы геохимии. М., 1971.

137. *Мелюхин С. Т.* Материальное единство мира в свете современной науки. М., 1967.

138. *Мелюхин С. Т.* Материя в ее единстве, бесконечности и развитии. М., 1966.

139. *Меркулов И. П.* Гипотетико-дедуктивная модель и развитие научного знания. М., 1980.

140. *Милль Д. Ст.* Система логики. М., 1914.

141. *Митин М. Б.* Ленин и актуальные проблемы философии. М., 1971.

142. *Молевич Е. Ф.* Тождественны ли понятия «развитие» и «прогресс». — Философские науки, 1978, № 6.

143. *Молчанов А. М.* Возможная роль колебательных процессов в эволюции. — В кн.: Колебательные процессы в биологических и химических системах. М., 1967.

144. *Молчанов Ю. Б.* Четыре концепции времени в философии и физике. М., 1977.

145. *Морозов Б. Д.* Внутренние противоречия и их роль в развитии.— В кн.: Противоречивый характер развития. Минск, 1961.

146. *Мостепаненко А. М.* Проблема универсальности основных свойств пространства и времени. Л., 1969.

147. *Мотрошилова Н. В.* Принцип системности в «Науке логики» Гегеля. — Вопросы философии, 1980, № 10.

148. *Муравлев Н. Я.* Методологическое значение категории структуры в познании биологических процессов. — В кн.: Симметрия. Инвариантность. Структура. М., 1967.

149. *Налетов И.* Ленинская концепция закона и современное научное знание. — Коммунист, 1979, № 10.

150. *Налимов В. В.* Язык вероятностных представлений. М., 1976.

151. *Нарский И. С.* Диалектическое противоречие и логика познания. М., 1969.

152. *Нарский И. С.* Истолкование категории «случайность». — Философские науки, 1970, № 1.

153. *Науменко Д. К.* Монизм как принцип диалектической логики. Алма-Ата, 1968.

154. Начальный курс философии. М., 1967.

155. *Никифоров А. Л.* Определение диспозиционных предикатов. — В кн.: Логика и эмпирическое познание. М., 1972.

156. *Новинский И. И.* Понятие связи в марксистской философии. М., 1961.

157. *Овчинников Н. Ф.* Принципы сохранения. М., 1966.

158. *Ойзерман Т. И.* Главные философские направления. М., 1971.

159. Основы марксистской философии. М., 1977.

160. Основы марксистско-ленинской философии. М., 1978.

161. *Парнюк М., Яценко А.* Возможность, действительность и цель.— В кн.: Проблема возможности и действительности. М.—Л., 1964.

162. *Пахомов Б. Я.* Необходимость и случайность, возможность и действительность в причинных связях. — В кн.: Современный детерминизм. Законы природы. М., 1973.

163. *Петров В. С.* Сущность, содержание и форма государства. Л., 1971.

164. *Петрушенко Л. А.* Самодвижение материи в свете кибернетики. М., 1971.

165. *Пилипенко Н. В.* Взаимосвязь причинности, необходимости и случайности. — Вопросы философии, 1973, № 9.

166. *Платон.* Соч. Т. 2. М., 1970.

167. *Плеханов Г. В.* Избр. филос. произв. Т. 2. М., 1956.

168. *Плеханов Г. В.* Соч. Т. VIII. М., 1925.

169. *Попов П. В.* Внутреннее и внешнее в научном познании. Киев, 1971.

170. Проблема уровней и систем в научном познании. Минск, 1970.

171. Проблема истории и методологии научного познания. М., 1974.

172. Проблемы материалистической диалектики как теории познания. М., 1979.

173. Проблемы методологии системного исследования. М., 1970.

174. *Прохоренко В. Г.* Методологические принципы общей динамики систем. Минск, 1969.

175. *Пуанкаре А.* Наука и метод. Одесса, 1910.

176. *Райбекас А. Я.* Вещь, свойство, отношение как философские категории. Томск, 1977.

177. *Рассел Б.* Человеческое познание. М., 1957.

178. *Рожин В. П.* Законы марксистской социологии. М., 1969.

179. *Рубанов Г. В.* Предвидение и случайность. Минск, 1974.

180. *Руткевич М. Н.* Диалектика прогрессивного развития. — В кн.: Диалектика и логика научного познания. М., 1966.

181. *Руткевич М. Н.* Диалектический материализм. М., 1973.

182. *Руткевич М. Н.* О сущности закона отрицания отрицания и сфере его действия. — Философские науки, 1958, № 4.

183. *Сагатовский В. Н.* Философия как категория всеобщего. Томск, 1968.

184. *Сачков Ю. В.* Введение в вероятностный мир. М., 1971.

185. *Свечников Г. А.* Некоторые вопросы теории познания диалектического материализма. М., 1962.

186. *Свечников Г. А.* Причинность и связь состояний в физике. М., 1971.

187. *Свидерский В. И.* Некоторые вопросы диалектики изменения и развития. М., 1965.

188. *Седов Е. А.* Эволюция и информация. М., 1976.

189. *Северцов А. Н.* Главное направление эволюционного процесса. М., 1967.

190. *Северцов А. Н.* Модусы филэмбриогенеза. — Собр. соч. М., 1945.

191. *Сержантов В. Ф.* Принцип структурности и его значение в физиологии. — В кн.: Вопросы диалектического материализма в теоретической медицине. Л., 1962.

192. *Сетров М. И.* Основы функциональной теории организации. Л., 1972.

193. Системные исследования. Ежегодник. М., 1969.

194. Системные исследования. Ежегодник. М., 1970.

195. Системные исследования. Ежегодник. М., 1974.

196. Системный анализ и научное знание. М., 1978.

197. *Смирнов Л. В., Штофф В. А.* Соотношение возможности, вероятности и необходимости. — В кн.: Проблема возможности и действительности. М.—Л., 1964.

198. Современная книга по эстетике. М., 1957.

199. Современные основания общей теории систем. М., 1971.

200. Современные проблемы материалистической диалектики. М., 1971.

201. *Соколов В. С.* Категории «необходимости» и «случайности» в теории познания. — В кн.: Некоторые вопросы теории познания диалектического материализма. М., 1962.

202. *Солнцев В. М.* Язык как системно-структурное образование. М., 1971.

203. *Солодухин Ю. Н.* Логический анализ понятия закона науки. — Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филос. наук. М., 1965.

204. *Солопов Е. Ф.* Материя и движение. Л., 1972.

205. *Сорокин А. А.* К вопросу о природе логических форм мышления и предмет диалектической логики. — В кн.: Проблемы материалистической диалектики как теории познания. М., 1979.

206. Социология в СССР. Т. I. М., 1966.

207. *Спасов Д.* О природе отношений. — Философские науки, 1972, № 4.

208. *Спиркин А. Г.* Курс марксистской философии. М., 1966.

209. *Степин В. С.* Становление научной теории. Минск, 1976.

210. *Стригачева Э. И.* Философский аспект проблемы деструкции биологических систем. — В кн.: Развитие концепций структурных уровней в биологии. М., 1972.

211. Структура и формы материи. М., 1967.

212. *Сухотин А. К.* К вопросу о содержании категорий действительности в ее отношении к необходимости. — Философские науки, 1960, № 4.

213. *Туленов Ж. Т.* Система законов и категорий диалектики. Ташкент, 1974.

214. *Тюхтин В. С.* Отражение, системы, кибернетика. М., 1972.

215. *Уемов А. И.* Вещь, свойство и отношение. М., 1963.

216. *Уемов А. И.* О временном соотношении между причиной и действием. — Учен. зап. Ивановского пед. ин-та. Вып. I. Иваново, 1960.

217. *Уемов А. И.* О диалектико-материалистическом понимании связи между явлениями. — Философские науки, 1958, № 1.

218. *Уемов А. И.* Системы и системные исследования. — В кн.: Проблемы методологии системного исследования. М., 1970.

219. *Уемов А. И., Остапенко С. В.* Причинность и время. — В кн.: Современный детерминизм. Законы природы. М., 1973.

220. *Уледов А. К.* Социологические законы. М., 1975.

221. *Урманцев Ю. А.* Симметрия природы и природа симметрии. М., 1974.

222. *Урманцев Ю. А., Трусов Ю. П.* Специфика пространственных и временных отношений в живой природе. — В кн.: Пространство, время, движение. М., 1971.

223. *Урсул А. Д.* Интегративно-общенаучные процессы в современном познании. — В кн.: Синтез знания и проблема управления. М., 1978.

224. Успехи физических наук. Вып. 5. Т. 7. 1927.

225. Учен. зап. Горьковского пед. ин-та им. А. М. Горького. Т. 24. Горький, 1968.

226. Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. Т. 140. Л., 1957.

227. *Файнберг В. Я.* Специфические черты квантовой теории элементарных частиц. — В кн.: Философские проблемы физики элементарных частиц. М., 1963.

228. *Федосеев П. Н.* Философия, мировоззрение, наука. — Проблемы мира и социализма, 1978, № 12.

229. *Федосеев П. Н.* Философия в системе мировоззрения. М., 1979.

230. *Федосеев П. Н.* Философия и интеграция знания. — Вопросы философии, 1978, № 7.

231. *Федосеев П. Н.* Философия и мировоззренческие проблемы современной науки. — Вопросы философии, 1978, № 12; 1979, № 1.

232. *Федосеев П. Н.* Философия и научное познание. — В кн.: Наука и человечество. М., 1980.

233. Физический энциклопедический словарь. Т. 1—5. М., 1960—1966.

234. Философия в современном мире. Философия и наука. Критические очерки буржуазной философии. М., 1972.

235. Философия и наука. М., 1972.

236. Философия и ценностные формы сознания. М., 1978.

237. Философская энциклопедия. Т. 1—5. М., 1960—1970.

238. Философские основания естественных наук. М., 1976.

239. Философский словарь. М., 1961.

240. Философский словарь. М., 1972.

241. Философский словарь. М., 1975.

242. *Фишер К.* История новой фи-

лософии. Т. VIII, первый полутом. М.—Л., 1933.

243. *Фролов И. Т.* Прогресс науки и будущее человека. М., 1975.

244. *Фурман А. Е.* Материалистическая диалектика. М., 1969.

245. *Хоменков Е. А., Ясюков М. М.* Курс марксистско-ленинской философии. М., 1968.

246. *Хорев В. И.* Диалектическая противоречивость конкретного понятия как мысленного образа объективного мира. — В кн.: Проблема отражения и современная наука. М., 1967.

247. *Хохлов А. М.* Место случайности в объективной связи явлений. Оренбург, 1974.

248. Целостность в биологии. Киев, 1968.

249. *Чернов В. И.* Анализ философских понятий. М., 1966.

250. *Черноволенко В. Ф.* Мировоззрение и научное познание. Киев, 1970.

251. *Черч А.* Введение в математическую логику. М., 1960.

252. *Чудинов Э. М.* Революция в естествознании и философская мысль. — В кн.: Современное естествознание и материалистическая диалектика. М., 1977.

253. *Швырев В. С.* Теоретическое и эмпирическое в научном познании. М., 1978.

254. *Шептулин А. П.* Диалектика единичного, особенного и общего. М., 1973.

255. *Шептулин А. П.* Диалектика взаимосвязи качества и количества, содержания и формы, элемента и структуры в процессе развития. — В кн.: Диалектика и научное познание. Ташкент, 1979.

256. *Шептулин А. П.* Категории диалектики как отражение закономерностей развития. М., 1980.

257. *Шептулин А. П.* Основные законы диалектики. М., 1966.

258. *Шептулин А. П.* Система категорий диалектики. М., 1967.

259. *Широканов Д. И.* Диалектика необходимости и случайности. Минск, 1960.

260. *Широканов Д. И.* Диалектика познания и категория субстанции. Минск, 1974.

261. *Широканов Д. И.* Взаимосвязь категорий диалектики. Минск, 1969.

262. *Шмальгаузен И. И.* Пути и закономерности эволюционного процесса. М.—Л., 1939.

263. *Эйнштейн А.* Физика и реальность. М., 1965.

264. *Эддингтон А.* Пространство, время и тяготение. Одесса, 1923.

265. *Эшби У. Р.* Конструкция мозга. М., 1964.

266. *Югай Г. А.* Диалектика части и целого. Алма-Ата, 1965.

267. *Югай Г. А.* О категории субстанции в марксистской философии.— В кн.: Проблемы диалектической логики. Алма-Ата, 1968.

268. *Юдин Э. Г.* Системный подход и принцип деятельности. М., 1978.

269. *Acton H. B.* The Ilusion of the epoch. Marxism-Leninism as a Philosophical creed. London, 1955.

270. *Bunge M.* Method, Model and Matter. Dordrecht, Reidel, 1973.

271. *Bunge M.* Critical Examination of Dialectic. — In: Dialectic. The Hague, 1975.

272. *Burkamp W.* Begriff und Beziehung. Leipzig, 1927.

273. *Eisler R.* Wörterbuch der philosophischer Begriffen. Bd. 11. Berlin, 1929.

274. *Cimutta J.* Die Dialektik von Zufall und Notwendigkeit im Evolutionsgehen. — Deutsche Zeitschrift für Philosophie, 1969, N 8.

275. *Giller H.* Zum dialektischen Materialismus. Wien, 1976.

276. *Jams G. A.* Lenin on the nature of sensations. — Studies on the left., 1963, v. 111, N 2.

277. *Junn R.* Is Nature dialectical? — In: Marxism today. London, 1977.

278. *Hartman N.* Die philosophischen Grundlagen der Naturwissenschaft. Jena, 1948.

279. *Heiss R.* Die große Dialektiker des 19. Jahrhunderts. Hegel, Kierkegaard, Marx. Köln—Berlin, 1963.

280. *Hegel.* Sämtliche Werke. Bd. 11. Stuttgart, 1927.

281. *Höffding H.* Der Relationsbegriff. Leipzig, 1922.

282. *Horwath A.* Metaphysik der Relationen. Graz, 1914.

283. *Hutten E. H.* The Language of modern physics. London, 1956.

284. *Klotz H.* Ist die Energie Materie? Bemerkungen zu einen alten Problems. — Deutsche Zeitschrift für Philosophie, 1959, N 2.

285. *Kröber G.* Marx, «Kapital» und die bürgerlische philosophische Verfalschung des Gesetz der Negatiw. Berlin, 1968.

286. *Küng G.* Ontologie und logische Analyse der Sprache. Wien, 1963.

287. *Lamprecht St. P.* Contingency in Nature. — Philosophy and phenomenological research (Buffalo). 1971, vol. 32, N 1.

288. *Lipps Th.* Einheiten und Relationen. Leipzig, 1907.

289. *Markovič M.* Humanizam i dialectika. Beograd, 1967.

290. *Mayer E.* Geschichte der Altertums. Stuttgart—Berlin, 1907.

291. Neki problemi teorije odraza. Bled, 1960.

292. *Petrovič G.* Filozofija i marksizam. Zagreb, 1965.

293. *Plenge J.* Zur Ontologie der Beziehungen. Münster, 1930.

294. *Ranball J. H.* Natura anc Historical experience. N. Y., 1953.

295. *Ritter J.* Historisches Wörterbuch der Philosophie. Bd. 1. Basel—Stuttgart, 1971.

296. *Sartre J.-P.* Matérialisme et Revolution. Paris, 1949.

297. *Smuts J. C.* Holism and evolution. London, 1926.

298. *Trân Nhâm.* Nghê thuât biẹ̀t tháng tùng bioć. Ha Nôi, 1978.

299. *Walderdorff Ch.* Unlogik der Dialektik. — In: Dimension des Recht. Berlin, 1974.

300. *Weil E.* De la dialectique objective. — In: Etudes de philosophie. Paris, 1970, N 3.

301. Weltanschauliche und methodologische Probleme der materialistischen Dialektik. Berlin, 1976.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Аверьянов А. Н. 108, 203, 257
Агудов В. В. 152, 180
Айер А. 188
Айер Дж. 160
Ай Сыци 72
Александров А. Д. 113
Алексеев П. В. 11
Амстердамский С. 188
Анаксимандр 100
Анаксимен 100, 146, 239
Андреева Г. М. 196, 197
Анисимов С. Ф. 183, 185
Антонов Н. А. 54
Аристотель 76, 92, 93, 95, 100, 125, 166, 168, 186, 192, 231, 239, 279
Аскин Я. Ф. 158
Аугустыник З. 118
Афанасьев В. Г. 213, 229

Баженов Л. Б. 157
Барановский Н. В. 168
Барашенков В. С. 113
Бейли С. 97
Бейтвейт Р. 188
Бергсон А. 193
Беркли Дж. 146
Берталанфи Л. 216
Блауберг И. В. 213, 229
Блохинцев Д. И. 113
Бор Н. 189, 275
Босенко В. А. 105
Бранский В. П. 166—168
Брежнев Л. И. 6
Бродский И. Н. 207
Бунге М. 76, 77, 158
Бэкон Ф. 186, 239
Бэлл К. 193

Вальдердорфф Х. 251
Вальт Л. О. 219
Вейль Э. 75
Виндельбанд В. 187
Войшвилло Е. К. 94
Воробьев М. Ф. 246

Гартман Н. 74
Геворкян Г. А. 166
Гегель Г. В. Ф. 7, 19, 31, 32, 34, 46, 63, 79, 109, 121, 129, 130, 134—138, 156, 166, 171, 175, 187, 192, 211, 223—225, 232, 233, 240, 241, 247, 251, 254, 275
Гейзенберг В. 102, 113, 188
Гераклит 109, 146, 186, 239
Герцен А. И. 5
Гиллер Г. 252
Гобс Т. 121, 275
Гольбах П. 101, 210, 215
Гончарук С. И. 183, 203
Горанов В. И. 196
Горский Д. П. 26
Грегор А. Д. 58
Грушин Б. А. 203

Дарвин Ч. 22
Декарт Р. 111, 121
Демокрит 166, 167, 231
Джун Р. 74
Дубинин Н. П. 168, 248
Дудель С. П. 105
Дышлевый П. С. 238

Егоров А. А. 202, 256
Егоров Ю. Л. 205
Ельмслев Л. 221

Жданов Ю. А. 160

Зак Е. А. 158
Зелькина О. С. 216, 218, 219, 257
Зенон 100

Иванова К. И. 207
Ильенков Э. В. 11, 92, 123, 129, 130
Ильичев Л. Ф. 26, 28

Кай (библ.) 123
Камшилов М. М. 248
Кант И. 21, 63, 65, 68, 74, 129, 155, 186, 187, 192, 210, 211, 215, 223, 225, 233, 240
Карнап Р. 221
Кассирер Э. 129
Каутский К. 260
Кедров Б. М. 26, 107, 246, 250
Климашевский Г. 250
Клир И. 215
Коген Г. 129
Кондаков Н. И. 123
Кондильяк де Э. 210, 211, 215
Конкин М. И. 180

Копнин П. В. 26
Кравец А. С. 170
Кребер Г. 162, 250
Крылов Н. С. 167
Ксенофан 100
Кузнецов И. В. 158, 161, 203
Кузьминцев И. М. 176
Купцов В. И. 170
Курно О. 168
Кюри П. 148

Лазарев Ф. В. 98
Лампрехт С. 166
Лейбниц Г. 121, 181, 240
Лекторский В. А. 26
Ленин В. И. 5, 7, 10—16, 20, 21, 31—35, 46, 47, 52, 53, 58, 64—69, 71, 79, 81—83, 92, 101, 102, 108, 109, 120, 124, 129, 132, 136, 139, 148, 154, 156, 172, 173, 175, 177, 180—182, 184, 187, 189, 192, 194, 196, 212, 216, 217, 230, 231, 233—235, 237, 238, 246, 248, 251, 254, 260, 263, 268, 270—272, 274, 277
Леонтьев А. А. 116
Лесневский С. 129
Лой А. Н. 117, 118
Локк Дж. 11, 121, 146, 275
Лунц А. М. 248
Лурье С. Я. 167
Лутай В. С. 35
Ляхов И. И. 97

Майр Э. 152
Маковка Н. М. 266
Мамзин А. С. 202, 257
Маре К. 161
Марков А. А. 127
Марков М. А. 89, 229
Маркович М. 54, 55
Маркс К. 5, 7, 11—14, 19, 24, 31, 34, 53, 60—62, 64—68, 70, 79, 83, 96—99, 108, 109, 116, 118, 119, 137—140, 169, 170, 173, 174, 180, 181, 183, 184, 211, 212, 220, 225—228, 234, 237, 245—247, 249, 251, 252, 259, 260, 264, 273, 275, 277
Мейер Э. 188
Мейсон Б. 201
Мелюхин С. Т. 20, 106, 250
Милль Д. Ст. 93, 96, 97, 168
Минасян А. М. 194
Молевич Е. Ф. 105
Молчанов А. М. 201
Молчанов И. Г. 54
Молчанов Ю. Б. 117
Морозов Б. Д. 72
Мостепаненко А. М. 115
Мотрошилова Н. В. 211
Муравлев Н. Я. 203

Нагель Э. 188
Налетов И. З. 183
Налимов В. В. 170
Нарский И. С. 168
Наторп П. 129
Науменко Л. К. 11
Никифоров А. Л. 98
Новинский И. И. 90
Ньютон И. 111, 189

Овчинников Н. Ф. 203, 213
Огурцов А. П. 210
Ойзерман Т. И. 180
Оруджев З. М. 11
Остапенко С. В. 158
Оствальд В. 101—103

Парменид 100, 109
Парнюк М. А. 256
Пахомов Б. Я. 170
Петров В. С. 197
Петрович Г. 54—57
Петрушенко Л. А. 104, 217
Пилипенко Н. В. 168
Платон 122, 218, 231, 239
Плеханов Г. В. 168, 171, 172
Попов П. В. 168
Прохоренко В. Г. 215
Пуанкаре А. 168

Райбекас А. Я. 89, 91, 144, 199, 202, 203, 217
Райхейсберг Н. М. 168
Рассел Б. 157
Ренбалл Дж. 188
Риккерт Г. 187
Рожин В. П. 203
Розенталь М. М. 11
Рубанов Г. В. 168
Руткевич М. Н. 178, 246

Сагатовский В. И. 38, 39
Садовский В. Н. 210, 213, 216
Сартр Ж.-П. 48
Сачков Ю. В. 170
Свечников Г. А. 158, 166
Свидерский В. И. 52, 229
Северцов А. Н. 152, 193, 248
Седов Е. А. 170
Сержантов В. Ф. 203
Сетров М. И. 202, 204
Ситковский Е. П. 176
Смирнов Л. В. 264—265
Смолуховский М. 167
Смэтс Я. Х. 222
Соколов В. С. 183
Сократ 123
Солнцев В. М. 220
Солодухин Ю. Н. 185
Солопов Е. Ф. 11, 48, 51, 90, 106, 213

Спасов Д. 95
Спиноза Б. 111, 121, 240
Спиркин А. Г. 214
Стригачева Э. И. 248
Сухотин А. К. 254

Трусов Ю. П. 114, 116
Туленов Ж. Т. 11, 35
Тюхтин В. С. 20, 213

Уемов А. И. 89, 95, 96, 124, 143, 158, 216, 217
Уледов А. К. 203
Урманцев Ю. А. 114—116, 151, 152

Файнберг В. Я. 112, 113
Фалес 100, 146, 239
Федосеев П. Н. 8
Фихте И. Г. 63, 129, 134, 135, 240
Фишер К. 223, 224, 251, 252
Фома Аквинский 192
Фролов И. Т. 8
Фурман А. Е. 213, 215

Хайс Р. 252
Хасанов М. Х. 205
Хаттен Э. 157
Хоменков Е. А. 166
Хорват А. 96, 97
Хорев В. И. 183
Хохлов А. М. 176

Цимутта И. 169, 170
Цицерон 166

Чернов В. И. 92
Черч А. 94
Чудинов Э. М. 238

Шеллинг Ф. В. 129, 134, 135
Шептулин А. П. 11, 20, 105, 120, 121, 156, 184, 206, 246
Широканов Д. И. 35, 38, 39, 183, 185
Шмальгаузен И. И. 248
Штоф В. А. 264, 265
Штракс Г. М. 105

Эддингтон А. 167, 193
Эйнштейн А. 114
Эктон Х. Б. 58, 59
Эмпедокл 100
Энгельс Ф. 8, 9, 12, 13, 19, 31, 33, 34, 49, 51, 60, 61, 68, 69, 79, 83, 100, 101, 104, 107—109, 120, 137, 138, 152—154, 156, 174, 176, 182, 211, 212, 215, 246, 251, 252, 273
Эпикур 186, 210
Эшби У. Р. 213

Югай Г. А. 131, 219, 229
Юдин Э. Г. 26, 210, 213
Юм Д. 121, 146, 155, 233

Ясюков М. М. 166
Яценко А. И. 256

Предметный указатель

Абсолютное 232
Абстрагирование 126, 127
Абстрактное 138, 259, 260
  принцип восхождения от абстрактного к конкретному 31, 32, 128, 239, 266, 275, 276
Абстракция 127, 128, 138, 234, 235, 236, 237, 260
Агрегат 223
Актуальности принцип 268—270
Анализ 226, 276
Аналитический метод 232, 233
Аннигиляция 102, 103
Асимметрия 158, 159

Борьба 71, 78, 80, 81
Бытие 85, 108—110, 166

Вероятность 157, 188, 255, 265
Вещество 51
Вещь 39, 40, 75, 77, 87—99, 217—219
Взаимодействие 42, 43, 77—79, 88, 91, 92, 112—114, 120, 156, 161, 162, 184, 194—196, 200, 201, 203, 205, 207
Взаимосвязь 79, 81, 147, 184, 191, 193, 194, 202, 208, 212, 244
  взаимосвязи принцип 208
Видимость (кажимость) 233
Витализм 222
Внешнее 167, 171, 176
Внутреннее 167, 171, 176
Время 111—119, 193
  время биологическое 115—117
  время социальное 117—119
Всеобщее 89, 121, 129—131, 181
Всеобщности принцип 89, 182
Всесторонности принцип 270
Возможность 253—267
  виды возможностей 257—263
Возникновение 110

Гармония 83—86, 187

Гармонизация 86
Гипостазирование 93, 126

Движение 49, 91, 100—110
  и развитие 104—106
  формы движения 106—108, 215
Действительность 166, 178, 231, 253—267
Деструкция 248
Детерминизм 152, 160, 161, 169, 176, 177, 271—272
Деятельность 204, 264, 267
Диалектика 5—7, 18, 31, 71, 246, 268
  диалектика гегелевская 7, 19, 32, 136, 138, 166, 187, 233
  диалектика объективная 19
  диалектика субъективная 7
Диалектический материализм 7, 19
  диалектический материализм и естествознание 14, 15, 138
  диалектический материализм и материалистическая диалектика 7
Доказательство 11, 244
Дополнительности принцип 128, 189

Единичное 120—132
Единство 139

Закон 44, 107, 173, 180—190, 235
  закон достаточного основания 271
  закон единства и «борьбы» противоположностей 71, 72, 81
  закон исключенного третьего 136
  закон отрицания отрицания 81, 179, 250—252
  закон перехода количественных изменений в качественные и обратно 81, 147—149
  закон соответствия 264
  закон сохранения 183, 208
  законы динамические 176, 177, 183
  законы статистические 176, 177, 184
Закономерность 140, 188, 258, 265
Знание 27, 64, 191, 211

Идеализация 53
Идеализм 61, 63
Идеальный образ 53, 58, 269, 270
Идея 122, 211, 225, 231, 239
Изменение 40, 43, 101, 108, 191
Изоморфизм 200
Индукция 186
Истина 60, 64, 65, 136
Историзм 26, 33, 34, 66, 99, 140
Историзма принцип 34, 35, 236, 237, 272

Категория 23, 31, 36, 81, 186, 268
  взаимосвязь категорий 36, 111, 138, 154, 167, 172, 191, 239, 258
  категории как ступени познания 33—35
  принципы построения системы категорий 34, 35, 38
Качество 142—153
Классификация 106—108, 177, 247
Количество 142—153
Комплекс 216
Конкретное 258, 259
  восхождение от конкретного к абстрактному 128, 275
  принцип конкретности 13, 129, 236
Конфликт 74
Круговорот 104—105

Логическое 273
  логический принцип мышления 68
Логика диалектическая 35, 68

Материя 36, 47—52, 101, 102, 154, 214, 257, 263
  атрибуты материи 49
Материализм домарксовский 19, 21, 22, 111
Материалистическая диалектика 7, 8, 9, 18, 24
Материалистическое понимание истории 60—62, 67
Материальный мир 15
  принцип материального единства мира 15, 112
Материальное образование 43, 49, 90, 112, 113, 133, 191, 195, 202, 204, 217—219, 257
Мера 41, 148, 150, 196, 214
Метод познания 10, 24
Методология 26, 28, 234, 236, 238
Мировоззрение 18, 22, 24
Множество (класс) 126
Момент 224—226
Монизм 15
Мышление 75, 225, 277

Наблюдаемости принцип 238
Наука 175, 236
Небытие 85, 108—110, 248
Необходимость 131, 156, 157, 165—167, 169, 172—179, 180, 181, 183, 243, 255, 258, 264, 265
  диалектика необходимого и случайного 166, 169, 171, 173
Несовместимость 83
Несоответствие 195, 196
Номинализм 93, 124, 125

Обоснованное 239—245
Обусловленность 161
Общее 120—133, 172, 182
Общность 85, 133

Объект 66, 215, 221, 264
Объективное 146
  принцип объективности 268, 270
Объективная реальность 48, 50, 59, 253, 258
Однозначность 156, 157
Определенность 142, 144, 219
Организация 204
Основа 162, 230, 239—245
Основание 241
Особенное 132, 134—140
Отдельное 50, 87, 120, 129, 133, 172, 175
Отношение 89—91, 95—99, 121, 177, 178, 181
Отражение 53—56, 59
  принцип отражения 41, 53—56, 119, 268, 269
Отрицание 246
  виды отрицания 247
  диалектическое отрицание 81, 247, 274
Отчуждение 61, 62
Ощущения 58, 59, 146

Партийности принцип 12, 13
Платонизм 124, 125
Повторяемость 131
Позитивизм 22
Познание 56, 57, 61, 191, 234, 238, 270
  и НТР 29, 30, 162, 163, 237, 238
  и практика 13, 36, 37, 60—69
  процесс познания 29, 39, 41, 45, 62, 64, 69
  теория познания 10, 21, 24
Покой 49
Понятие 206, 217
Порождение 155
Порядок 185, 214, 224
Практика 60—67, 263, 264
Предмет 92, 225, 226, 228
Предвидение 190
Признак 93—95, 122
Принципы материалистической диалектики 12, 41, 68, 89, 112, 129, 189, 208, 236, 238, 268, 270—272, 276
Причина 154—163, 165, 167—171, 194, 207, 231, 241, 242
Причинность 155, 156, 163
  механизм причинения 155—159, 161
  принцип причинности 159, 160
  причинно-следственная связь 44, 155, 157, 159, 160, 168, 207, 243
Пропресс 249, 251, 262
Противоречие 37, 64, 70, 72—86, 123, 124, 136, 137, 203, 246, 251, 252, 265, 266
  единство противоположностей 71, 139, 147, 202
  как форма бытия 72
  логическое противоречие 75
  противоположность 67, 70, 174, 194, 195, 218, 254
  разрешение противоречий 70, 73, 148, 150, 195, 198, 252, 266
Пространство 111—119
  биологическое пространство 115—117
  социальное пространство 117—119
Процесс 203

Равнодействие 70
Развитие 27, 79—81, 194, 198, 203, 208, 249, 251, 261—266
  принцип развития 79—81, 208
Раздвоение 75, 82, 274
Разделенность (расчлененность) 88, 90
Различие 72—74, 134—141
Разум 187
Реальность 215

Свойство 88, 92—95, 98, 142
Связь 87, 88, 90, 91, 98, 129, 168, 180, 182, 185, 209, 214, 226, 232, 236
Симметрия 159
Синтез 151, 152
Система 150—152, 167, 170, 201, 204, 206, 210—221, 226, 229
  принцип системности 214, 277
Скачок 147—149, 151, 195
Следствие 154—163, 165
Случай 168
Случайность 165—167, 169—170, 172—179, 183, 255, 256
  виды случайности 176—179
Снятие 40, 248, 249
Совокупность 213, 214, 241, 254
Содержание 191—198, 206, 243, 244
Созерцание 62, 63, 225
Сознание 20, 36, 47, 52
Соответствие 125, 275
  принцип соответствия 275
Состояние 163
Способность 98
Статистика 177
Стоимость 173, 174, 182
Структура 152, 199—202, 219, 220, 257
Субстанция 50—52, 112, 146
Субъект 63, 64
Существенность 143, 184, 185
Существование 254
Сущность 93, 131, 134, 144, 170, 184, 185, 192, 225, 226, 228, 230—238, 240—242, 244, 245, 254, 261, 275, 276
Сходство 121—129, 139

Творчество 55, 269, 270
Текучесть 223
Теория 66, 235, 244, 275
Товар 137
Трансформация 249
Триада 251—252

Труд 53, 119, 137
Тождество 70, 83, 121, 127, 134—141
  принцип тождества 135
  тождество диалектики, логики и теории познания 20, 21, 35

Условие 162, 256, 257, 260, 265, 266
Устойчивость 100, 107, 182, 191, 194, 201

Философия 9, 11, 12
Форма 191—198, 206, 209, 243, 244
Формальное 258, 261
Функция 202—208
  закон функционирования 204, 205

Химизм 114
Холизм 222

Целеполагание 53, 55
Целое 129, 130, 201, 204, 212, 216—218, 222—229
  принцип целостности 216—217

Часть 218, 219, 222—229

Элемент 96, 170, 197, 199—202, 213—221
Энергетизм 101, 102
Энергия 101

Явление 140, 230—238, 244

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 5

Теория материалистической диалектики и принципы ее разработки 5

Глава I. **Материалистическая диалектика как наука о всеобщих законах движения и развития** 18

§ 1. Единство диалектики и материализма 18
§ 2. Мировоззренческая функция материалистической диалектики 22
§ 3. Методологическая функция материалистической диалектики . . . .

Глава II. **Исходные начала и принципы построения системы категорий материалистической диалектики** 31

§ 1. Методологические принципы построения системы категорий материалистической диалектики 31
§ 2. Исходные категории 36
§ 3. Соотношение категорий как ступеней развития познания 39

Глава III. **Материя и сознание** 47

§ 1. Материя как объективная реальность и субстанция бытия 47
§ 2. Сознание как высшая форма отражения действительности 52

Глава IV. **Практика и познание** 60

Глава V. **Противоречие. Закон единства и борьбы противоположностей** 70

§ 1. Противоречие как единство и «борьба» противоположностей 70
§ 2. Противоречие и различие 72
§ 3. Противоречивость как всеобщая форма бытия . . . 74
§ 4. Противоречие как источник движения и развития . . 79
§ 5. Определяющая роль противоречия в диалектике . . 80
§ 6. Противоречие и гармония 83

Глава VI. **Вещь, свойство, отношение** 87

§ 1. Вещь, свойство и отношение как всеобщие формы существования материи 87
§ 2. Эволюция понятий «вещь», «свойство», «отношение» . 92

Глава VII. **Движение и развитие** 103

§ 1. Движение как всеобщая форма бытия материи 100
§ 2. Движение и развитие. Формы движения материи 104
§ 3. Движение как единство бытия и небытия . . 107

Глава VIII. Пространство и время как всеобщие формы бытия и познания 111

§ 1. Определение пространства и времени 111
§ 2. Основные виды пространственно-временных отношений 114

Глава IX. Единичное и общее 120

§ 1. Теория сходства и теория тождества 121
§ 2. Теория «подлинно всеобщего» . . 129

Глава X. Общее и особенное, тождество и различие . 132

§ 1. Общее и особенное 132
§ 2. Развитие категорий «тождество» и «различие» в философии Гегеля 134
§ 3. Диалектико-материалистическое решение проблемы тождества и различия 137

Глава XI. Качество и количество. Закон перехода количественных изменений в качественные 142

§ 1. Качество и количество как всеобщие формы бытия . . 142
§ 2. Скачок как всеобщая форма перехода от одного качества к другому 148

Глава XII. Причина и следствие 154

§ 1. Диалектико-материалистическое понимание причинности 154
§ 2. Причинность и другие формы детерминации . . . 161

Глава XIII. Необходимое и случайное 165

§ 1. Соотношение категорий «необходимость» и «случайность» с категориями «причина» и «следствие» 165
§ 2. Закономерности взаимосвязи случайности и необходимости 171
§ 3. Виды необходимости и случайности 175

Глава XIV. Закон 180

§ 1. Основные характеристики категории «закон» 180
§ 2. Категория «закон» в истории философии . 185

Глава XV. Содержание и форма 191

§ 1. Понятия «содержание» и «форма» 191
§ 2. Закономерности взаимосвязи содержания и формы 193

Глава XVI. Элемент и структура, структура и функция 199

§ 1. Категориальное значение понятий «элемент» и «структура» 199
§ 2. Структура и функция 202
§ 3. Соотношение категорий «структура» и «функция» с другими категориями диалектики 206

Глава XVII. Система и элемент 210

§ 1. Генезис категории «система» 210
§ 2. Современные представления о категориях «система» и «элемент» 212

Глава XVIII. **Целое и часть** 222
§ 1. Диалектика целого и части в философии Гегеля . . 223
§ 2. Диалектика целого и части в марксистско-ленинской философии 225

Глава XIX. **Сущность и явление** 230
§ 1. Категории «сущность» и «явление» в домарксовской философии 230
§ 2. Марксистское понимание диалектики сущности и явления 234

Глава XX. **Основа и обоснованное** 239
§ 1. Разработка категорий «основа» и «обоснованное» в домарксовской философии 239
§ 2. Диалектика основы и обоснованного 241

Глава XXI. **Диалектическое отрицание. Закон отрицания отрицания** 246
§ 1. Особенности диалектического отрицания . . 246
§ 2. Виды диалектического отрицания 247
§ 3. Закон отрицания отрицания 250

Глава XXII. **Возможность и действительность** 253
§ 1. Понятия «возможность» и «действительность» . . . 253
§ 2. Возможность и необходимость 255
§ 3. Виды возможности 257
§ 4. Некоторые вопросы практического использования диалектики возможности и действительности 263

Заключение. Методологическая роль законов и категорий диалектики 268

Литература 279

Указатель имен . 287

Предметный указатель 289

МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКАЯ ДИАЛЕКТИКА

КНИГА I

МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ДИАЛЕКТИКА КАК НАУЧНАЯ СИСТЕМА

/Под редакцией проф. А. П. Шептулина

Зав. редакцией *Г. С. Ливанова*
Редактор *Е. В. Гараджа*
Художник *И. С. Клейнард*
Художественный редактор *Л. В. Мухина*
Технический редактор *Г. Д. Колоскова*
Корректоры *В. П. Кададинская, Н. И. Коновалова*

По подписке
ИБ № 1566

Сдано в набор 12.01.83
Подписано к печати 11.07.83
Л-95396 Формат 60×90/16
Бумага тип. № 1
Гарнитура литературная
Высокая печать
Усл. печ. л. 18,5 Уч.-изд. л. 20,75
Тираж 21 572 экз. Зак. 12
Цена 1 р. 80 к. Изд. № 2337

Ордена «Знак Почета» издательство
Московского университета
103009, Москва, ул. Герцена, 5/7.
Типография ордена «Знак Почета»
изд-ва МГУ.
Москва, Ленинские горы

1р. 80к.

МАТЕР ТИЧЕСКАЯ ДИАЛЕКТИКА
КАК Н Я СИСТЕМА